А. Н. АПУХТИН

А. Н. АПУХТИН

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✡

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. Н. АПУХТИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1991

ББК 84.Р1
А78

Вступительная статья
М. В. ОТРАДИНА

Составление, подготовка текста
и примечания
Р. А. ШАЦЕВОЙ

Редактор В. С. Киселев

$А \frac{4702010102-071}{083(02)-91} 402-91$

ISBN 5-265-02100-0

А. Н. АПУХТИН

«Апухтин „не забыт" главным образом благодаря музыкальной интерпретации Чайковского, Рахманинова, Аренского, Глиэра»,— писал музыковед В. В. Яковлев.[1] Основания для такого вывода у него были. Широкий читатель знает Апухтина прежде всего как автора стихотворений, ставших популярными романсами: «Ночи безумные, ночи бессонные...», «Пара гнедых», «Разбитая ваза», «Астрам». Положенные на музыку произведения Апухтина как бы заслонили все остальное, что он написал.

Право представительствовать за все творчество Апухтина его романсы завоевали еще при жизни поэта. Не случайно в стихотворении, посвященном памяти Апухтина, его современнику поэту К. К. Случевскому достаточно было назвать два популярных романса, чтобы стало ясно, о ком идет речь:

«Пара гнедых» или «Ночи безумные» —
Яркие песни полночных часов,—
Песни такие ж, как мы, неразумные
С трепетом, с дрожью больных голосов!..

Но творческое наследие Апухтина не исчерпывается его романсами. Оно достаточно широко и многообразно. Самому Апухтину, как свидетельствовал один из его друзей, не нравилось «рассаживание писателей по клеткам, с приклейкой каждому раз и навсегда определенного ярлыка».[2]

---

[1] Яковлев В. В. П. И. Чайковский и А. Н. Апухтин // П. И. Чайковский и русская литература. Ижевск, 1980. С. 19.

[2] Жиркевич А. В. Поэт милостию божией // «Исторический вестник». 1906, № 11. С. 489.

1

А. Н. Апухтин родился 15 ноября 1840 года в городе Болхове Орловской губернии. Детские годы поэта прошли в Калужской губернии, в родовом имении его отца — деревне Павлодар.

Первый биограф поэта, его друг Модест Чайковский писал: «Поэтический дар Алексея Николаевича сказался очень рано; сначала он выражался в страсти к чтению и к стихам преимущественно, причем обнаружилась его изумительная память... До десятилетнего возраста он уже знал Пушкина и Лермонтова и, одновременно с их стихами, декламировал и свои собственные».[1]

И отец поэта, Николай Федорович, и мать, Марья Андреевна (в девичестве Желябужская), принадлежали к старинным дворянским родам. Поэтому Апухтин смог поступить (шел 1852 год) в закрытое учебное заведение — Петербургское училище правоведения, где готовили судейских чиновников и персонал для министерства юстиции. Дисциплина в училище была почти военная. Это объясняется тем, что в 1849 году (когда был арестован правовед В. А. Головинский, один из активных членов кружка петрашевцев) училище попало в опалу. Вновь назначенный директор А. П. Языков начал свою деятельность на этом посту с проведения реформы: «...почти весь штатский персонал воспитателей был заменен гвардейскими и армейскими офицерами».[2] По свидетельству того же мемуариста, в 1853 году Николай I посетил училище и остался доволен новыми порядками.

В училище юный Апухтин получил признание среди учеников и преподавателей как редактор рукописного «Училищного вестника» и талантливый поэт, в котором видели ни много ни мало — «будущего Пушкина».[3]

В 1854 году в газете «Русский инвалид» было напечатано первое стихотворение Апухтина «Эпаминонд», посвященное памяти адмирала В. А. Корнилова. В. П. Мещерский, однокашник Апухтина по училищу, сообщил в своих мемуарах, что это стихотворение было написано по личной просьбе директора училища. Если дело так и было, то это, очевидно, единственный случай, когда Апухтин что-то писал по заказу.

Однокашником Апухтина по училищу правоведения был и

---

[1] Чайковский Модест. Алексей Николаевич Апухтин // А. Н. Апухтин. Соч.: 7-е изд. Спб., 1912. С. VII.

[2] Мещерский В. П. Мои воспоминания. Спб., 1897. Ч. 1. (1850—1865 гг.). С. 6.

[3] Герард В. Н. Чайковский в училище правоведения // Воспоминания о П. И. Чайковском. Л., 1980. С. 27.

П. И. Чайковский, с которым они очень подружились. Вспоминая годы, проведенные в училище, Апухтин написал в стихотворении «П. Чайковскому»:

Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир.
И жизнь для нас была обвеяна мечтами.

Позднее Чайковский создал несколько ставших известными музыкальных произведений на слова Апухтина: «День ли царит, тишина ли ночная...», «Ни отзыва, ни слова, ни привета...», «Ночи безумные. », «Забыть так скоро...».

Готовясь в училище к деятельности правоведа, Апухтин главным делом своей жизни считал литературное творчество. В одном из писем шестнадцатилетний Апухтин сообщает о себе: «...Я люблю поэзию; я знаю наизусть лучших русских поэтов; я изучаю Шиллера и всех сколько-нибудь замечательных французских писателей. Английского языка я не знаю, но надеюсь пополнить этот недостаток по выходе из училища».[1]

Известность Апухтина выходит за пределы училища. В 1856 году в дневнике критика А. В. Дружинина появилась запись: «Толстой ⟨Л. Н.⟩ представил мне мальчика — поэта Апухтина, из училища правоведения».[2] От юного поэта уже многого ждут. Пожалуй, более всех уверен, что ожидания не напрасны, И. С. Тургенев. «...Приведя к Панаеву знакомиться Апухтина,— пишет в своих воспоминаниях о Тургеневе А. Я. Панаева,— тогда еще юного правоведа, он предсказывал, что такой поэтический талант, каким обладает Апухтин, составит в литературе эпоху и что Апухтин своими стихами приобретет такую же известность, как Пушкин и Лермонтов».[3] Даже если мемуаристка несколько преувеличила, несомненно, Тургенев смотрел на Апухтина как на восходящую звезду.

В год окончания училища (1859) Апухтин пережил тяжкое потрясение: умерла его мать. М. Чайковский писал: «Все родственные и дружеские отношения, все сердечные увлечения его жизни после кончины Марьи Андреевны были только обломками храма этой сыновней любви».[4]

---

[1] Письмо к П. А. Валуеву от 14 февраля 1856 г.// Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. Ф. 93. Оп. 3. № 28.

[2] Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 1. С. 71.

[3] И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 1. С. 114.

[4] Чайковский М. Указ. соч. С. VI.

О, где б твой дух, для нас незримый,
Теперь счастливый ни витал,
Услышь мой стих, мой труд любимый:
Я их от сердца оторвал!
А если нет тебя... О, Боже!
К кому ж идти? Я здесь чужой...
Ты и теперь мне всех дороже
В могиле темной и немой,—

писал Апухтин в «Посвящении» к «Деревенским очеркам» (1859). С образом матери, который занимает особое положение в стихах Апухтина, связано представление об абсолютной доброте и неизменной любви.

В ранних стихах Апухтина более явственно, чем в его зрелом творчестве, звучат социальные мотивы. Это касается, в частности, стихов о Петербурге. В раскрытии этой темы Апухтин опирается на опыт своих предшественников. Прежде всего, на опыт Аполлона Григорьева, в стихах которого северная столица предстает как «гигант, больной гниеньем и развратом» («Город», 1845 или 1846). В апухтинской «Петербургской ночи» есть такие строки:

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой...
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят,
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат.

Совпадая с А. Григорьевым в общей оценке холодного и казенного Петербурга, Апухтин стремится раскрыть суть этого образа через свои сюжеты: о «несчастной жертве расчета», девушке, выходящей замуж за богача, чтобы спасти семью, о «труженике бедном искусства», о мужике с топором, который «как зверь голоден» и «как зверь беспощаден».

В 1859 году по рекомендации И. С. Тургенева в «Современнике» был напечатан цикл стихотворений Апухтина «Деревенские очерки». «Появиться в „Современнике“ значило сразу стать знаменитостью. Для юношей двадцати лет от роду ничего не могло быть приятнее, как попасть в подобные счастливчики»,— писал впоследствии К. Случевский.[1] Стихи пришлись ко времени: в них отразились настроения, близкие тогда многим,— это была пора ожиданий, пора подготовки реформ.

---

[1] Альманах «Денница». Спб., 1900. С. 200.

Пусть тебя, Русь, одолели невзгоды,
Пусть ты — унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям не дана!

(«Песни»)

Голос молодого поэта был замечен. Размышления о родном проселке, о «зреющем поле», о «песнях отчизны» были проникнуты горячим и искренним лирическим чувством. Стихи выражали сочувствие страдающему народу и, естественно, соответствовали настроениям демократического читателя. Не случайно «Деревенские очерки» при публикации в «Современнике» сильно пострадали от цензурных искажений.

Братья! Будьте же готовы,
Не смущайтесь — близок час:
Срок окончится суровый,
С ваших плеч спадут оковы,
Перегнившие на вас!—

эта строфа из стихотворения «Селенье» опубликована без двух последних строк. В некоторых стихотворениях были выброшены целые строфы.

Но была в «Деревенских очерках» Апухтина, в частности в стихотворении «Песни», некоторая доля головного, форсированного оптимизма. Это почувствовал и спародировал Н. А. Добролюбов:

Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки, радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я с полей!
и т. д.[1]

Но тем не менее руководители «Современника» связывают с Апухтиным большие надежды. В заметке об издании журнала на 1860 год, подписанной Некрасовым и Панаевым, сказано, что в нем и впредь будут публиковаться «лучшие произведения русской литературы», и Апухтин был назван в ряду таких писателей, как Островский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Некрасов, Полонский. Честь немалая! Казалось, что через несколько лет после дебюта в «Современнике» Апухтин станет уже известным или даже знаменитым поэтом. Но в жизни все произошло иначе.

Окончив в 1859 году училище, Апухтин определился на службу

---

[1] 〈Добролюбов Н. А.〉 Существенность и поэзия // «Свисток». М., 1982. С. 138; см. также: Леонтьев Н. Г. Добролюбов-пародист // Русские революционные демократы. Л., 1957. Т. 2. С. 123—125.

в министерство юстиции. Особого рвения на службе он не проявил. По свидетельству одного из современников, Апухтин был одним из шестнадцати сотрудников министерства, кто подписал в 1861 году прошение в защиту арестованных по политическим мотивам студентов университета.[1] Это был не героический, но гражданский поступок, поскольку и время начавшихся реформ было отмечено «подозрительностью, наклонностью сначала хватать, потом расследовать».[2]

В начале 1860-х годов Апухтин печатается в разных журналах. Чаще всего в «Искре». Но сотрудничество в «Современнике» прекращается. О несбывшихся надеждах относительно Апухтина поспешил заявить в фельетоне, посвященном итогам 1860 года, язвительный Новый Поэт (И. И. Панаев).[3] А Добролюбов в июне 1861 года писал Н. Г. Чернышевскому из Италии: «Я знаю, что, возвратясь в Петербург, я буду по-прежнему... наставлять на путь истины Случевского и Апухтина, в беспутности которых уверен».[4]

Апухтин, в свою очередь, осознает свое расхождение с радикально настроенными «отрицателями». В 1862 году в журнале братьев Достоевских «Время» он публикует программное стихотворение «Современным витиям», в котором заявляет о своей особой позиции «посреди гнетущих и послушных»:

Нестерпимо — отрицаньем жить...
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!

Свой путь к истине, «земле обетованной» Апухтин мыслит как путь-подвиг, путь-страдание. Но поэт представляет себе этот путь не в конкретных формах сегодняшней жизни, а как служение вневременному, вечному идеалу «под бременем креста» («Современным витиям»).

Апухтин в неспокойное время 1860-х не примкнул ни к левым, ни к правым. Он в эти годы все реже и реже печатается, мало пишет, перестает, как он выразился, «седлать Пегаса». Бурная эпоха 60-х годов мало коснулась его, как поэт он ее почти «не заметил». Критик А. М. Скабичевский, пожалуй, с излишней категоричностью написал об этом так: «Перед нами своего рода феномен в виде

---

[1] Арсеньев К. Из далеких воспоминаний // «Голос минувшего». 1913, № 1. С. 161—162.

[2] Там же. С. 169.

[3] [Панаев И. И.] На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового Поэта // «Свисток». М., 1982. С. 200.

[4] Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В девяти томах. М., 1964. Т. 9. С. 473.

человека 60-х годов, для которого этих 60-х годов как бы совсем не существовало и который, находясь в них, сумел каким-то фантастическим образом прожить вне их».[1]

Апухтин захотел остаться в стороне от общественной и литературной борьбы, вне литературных партий и направлений. «...Никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и... семинаристами!» — писал он в письме к П. И. Чайковскому в 1865 году.[2] Апухтин предпочел остаться вне группировок и оказался вне литературы. Он любил называть себя «дилетантом» в литературе. В юмористическом стихотворении «Дилетант» он, подражая «Моей родословной» Пушкина, написал:

Что мне до русского Парнаса?
Я — неизвестный дилетант!

Зарабатывать деньги литературным трудом казалось ему делом оскорбительным. О своей поэме «Год в монастыре» (1883) после ее опубликования он сказал, что она «обесчещена типографским станком». Как свидетельствует современник Апухтина, «на вопрос одного из великих князей, почему он не издает своих произведений, он ответил: „Это было бы все равно, ваше высочество, что определять своих дочерей в театр-буфф“».[3] Такое отношение к литературному труду во второй половине XIX века было уже явным анахронизмом.

При всем том литературное творчество всегда оставалось главным делом жизни Апухтина. Он был очень взыскательным, профессионально умелым литератором. Уже ранние произведения Апухтина поразили читателей виртуозным владением стихом, выдающимся поэтическим мастерством. А после смерти поэта С. А. Венгеров писал, что в его стихах была изысканность, но изысканность «естественная, непринужденная».[4] Стихи Апухтина никогда не кажутся тяжеловесными, вымученными. Это не только свидетельство таланта, но и следствие упорного профессионального труда.

При всех заявлениях Апухтина о своем дилетантстве у него были свои продуманные творческие принципы, свои авторитеты, своя эстетическая позиция. В литературе для Апухтина было два высших авторитета: Пушкин и Лев Толстой. Об этом он говорил неоднократно.

---

[1] Скабичевский А. М. Соч. Спб., 1903. Т. 2. С. 500.

[2] Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского. М., 1900. Т. 1. С. 242.

[3] Столыпин А. Устрицы и стихи в кабинете (Из литературных воспоминаний) // «Столица и усадьба». 1914, № 10. С. 8.

[4] Венгеров С. А. Н. Апухтин // Новый энциклопедический словарь. Спб., [1911]. Т. 3. С. 246.

«Пушкин,— писал М. И. Чайковский,— поэт, драматург, романист и человек — были в одинаковой степени возвышенным идеалом всей его жизни».[1] Человек, не понимающий и не принимающий Пушкина, был Апухтину чужим.

Оторванность Апухтина от «сегодняшней» жизни не следует преувеличивать. Он обладал чутким ухом и умел быстро и остро реагировать на события дня. Все это ярко проявилось в его юмористических произведениях, многие из которых были написаны в 60-е годы. Современник, знавший Апухтина с юных лет, свидетельствовал: «Комизм в нем бил ключом, остроумие его было всегда блестящее, всегда меткое, всегда изящное и художественное».[2] Примером может послужить «Эпиграмма», где сказано, что Тимашев (в то время министр внутренних дел, скульптор-любитель) «*лепит* хорошо, но министерствует *нелепо*».

В середине 1860-х годов поэт некоторое время служил в Орле чиновником по особым поручениям при губернаторе. В мартовской книжке «Русского слова» за 1865 год Апухтин прочитал статью Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности», в которой критик несколько раз крайне резко высказался о Пушкине, назвав его «устарелым кумиром», а его идеи «бесполезными». Апухтин воспринял эти суждения критика как личный выпад: 15 и 17 марта он прочел в Орле две публичные лекции на тему «О жизни и сочинениях Пушкина», в которых резко спорил с писаревской статьей и его концепцией.[3]

Именно к этому времени относятся резкие выступления Апухтина против социально активного демократического искусства. Но это не означало, что он изменил гуманистическим идеалам своей юности, когда были созданы «Деревенские очерки». В 1864 году он работает над поэмой «Село Колотовка». Написанные части поэмы отмечены горячим чувством любви к «бедному полю», сочувствием к «бездольным братьям». «Из всех произведений Апухтина периода зрелости,— отметил современный исследователь,— наиболее близки Некрасову именно эти отрывки из поэмы „Село Колотовка“».[4] Но резкие высказывания и категоричные декларации демократической критики, в том числе и статьи Д. И. Писарева, ниспровергавшие Пушкина, очевидно, возмутили и испугали Апухтина. Это помешало ему понять истинный смысл мощного демократического движения 60-х годов.

---

[1] Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин. С. XIV.

[2] «Гражданин». 1893, 21 авг. С. 3.

[3] См. отчет о лекциях в «Орловских губернских ведомостях» (1865, 18 апреля).

[4] Коварский Н. А. А. Н. Апухтин // Апухтин А. Н. Стихотворения. Л., 1961. С. 48.

Весной 1865 года Апухтин возвращается из Орла в Петербург. С той поры он сравнительно редко покидает столицу: поездка в Святые горы на могилу Пушкина, на остров Валаам вместе с П. И. Чайковским, несколько поездок по стране — в Орловскую губернию, в Москву, Ревель, Киев и несколько выездов за границу — в Германию, Францию, Италию.

В 1860-е годы в Петербурге знают Апухтина — завсегдатая некоторых светских салонов, заядлого театрала, участника любительских спектаклей, завоевавшего признание в ролях Молчалина и Фамусова, блестящего рассказчика, автора экспромтов, но почти не знают Апухтина-поэта.

Апухтину не было еще и тридцати, когда он заболел тяжелым недугом — ожиреньем, которое не поддавалось лечению.

В 70-е годы Апухтин по-прежнему мало печатается, пишет только для себя и ближайших друзей. Но стихотворения его получают все большее и большее распространение: их переписывают, композиторы сочиняют романсы на слова Апухтина, его произведения регулярно включаются в сборники «Чтец-декламатор», их читают с эстрады. Так что, написав в стихотворении «П. Чайковскому» (1877) «А я, кончая путь „непризнанным" поэтом», Апухтин был не точен. К концу 70-х годов он был уже литературной знаменитостью.

В 80-е годы Апухтин регулярно печатается в различных периодических изданиях.[1]

Первый сборник его вышел в 1886 году тиражом 3 000 экземпляров. Сборник выдержал три прижизненных и семь посмертных изданий.

Но и в пору своей наивысшей популярности Апухтин держится в стороне от литературной жизни. Правда, он участвует в нескольких литературных сборниках, издававшихся в благотворительных целях: в пользу пострадавших от неурожая в Самарском крае («Складчина», 1874), в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (1876) и в издании, подготовленном Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1884).

Единственное событие, ради которого Апухтин добровольно и охотно изменил своему правилу держаться в стороне от литературных дел,— открытие в Москве памятника Пушкину. М. И. Чайковский писал: «Очень щепетильный во всяких разговорах о деньгах,— он

[1] Б. М. Маркевич писал 15 марта 1884 года М. Н. Каткову: «Апухтин, упорно отказывавшийся в течение чуть ли не двадцати лет печатать свои стихи, явился ко мне вчера и объявил, что его денежные обстоятельства ставят его в необходимость изменить это решение...» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. 4758/XXIV б. 155).

суетится, ездит, просит, чтобы собрать сумму на памятник Пушкину и к 400 рублям своей коллекты присоединяет из своих, по его собственному выражению, „ограниченных средств“ — 100 рублей».[1] И один из самых горьких дней в жизни Апухтина — об этом можно судить по его письмам и воспоминаниям близких ему людей — день открытия памятника (1880), на которое его не пригласили.

Далекий от литературных споров, текущую литературу Апухтин оценивает очень критически. «Для меня,— писал он в уже упоминавшемся письме к П. И. Чайковскому,— в современной русской литературе есть только одно священное имя: Лев Толстой».[2] Как свое личное горе воспринял Апухтин отказ Толстого от литературного творчества, его «превращение из художника в проповедника». В 1891 году Апухтин написал Толстому письмо, в котором просил его вернуться к художественному творчеству. «Исчезнет проповедь,— писал Апухтин,— но останутся те великие бессмертные творения, от которых вы отрекаетесь. Вопреки вам они долго будут утешать и нравственно совершенствовать людей, будут помогать людям жить».[3] Но ответа из Ясной Поляны Апухтин не получил.

В письме к А. В. Жиркевичу он писал о Толстом в январе 1891 года: «Без сомнения он во многом прав, обличая лживость современной жизни». И далее, имея в виду молчание Толстого-художника: «Мне плакать хочется, когда я подумаю, скольких великих произведений мы лишены...».[4]

За два года до смерти на Апухтина обрушился еще один тяжелый недуг: он заболел водянкой.

А. Ф. Кони написал в своих воспоминаниях: «Последний раз в жизни я видел Апухтина за год до его смерти, в жаркий и душный летний день у него на городской квартире. Он сидел с поджатыми под себя ногами, на обширной тахте, в легком шелковом китайском халате, широко вырезанном вокруг пухлой шеи,— сидел, напоминая собой традиционную фигуру Будды. Но на лице его не было созерцательного буддийского спокойствия. Оно было бледно, глаза смотрели печально. От всей обстановки веяло холодом одиночества, и, казалось, что смерть уже тронула концом крыла душу вдумчивого поэта».[5]

Судя по свидетельствам близких, последние дни его были мучительны. Лежать он не мог. День и ночь он сидел в кресле, почти не двигаясь. Дремал, а когда просыпался, то «немедленно, не говоря

---

[1] Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин. С. XV.
[2] Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского. С. 242.
[3] «Литературное наследство». М., 1939. Т. 37/38, ч. 2. С. 442.
[4] Музей Л. Н. Толстого. Фонд А. В. Жиркевича (А. В. Ж. № 61391).
[5] Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1969. Т. 7. С. 309.

ни про что другое, начинал декламировать Пушкина, и только одного Пушкина».[1] Умер Апухтин 17 августа 1893 года. Через три дня в письме к В. Л. Давыдову из Клина П. И. Чайковский писал: «В ту минуту, как я пишу это, Лёлю (так в кругу близких называли поэта.— *М. О.*) Апухтина отпевают!!! Хоть и не неожиданна его смерть, а все жутко и больно».[2]

2

Наивысший успех Апухтина не случайно пришелся на 1880-е годы. Дело не только в том, что окреп и отшлифовался его талант. Апухтинское творчество оказалось созвучно настроениям читателей 1880-х годов. Многие его стихи, написанные ранее, были восприняты как «сегодняшние».

1880-е годы остались в нашей истории как эпоха «безвременья»: ретроградный правительственный курс Александра III, кризис народничества, разногласия в демократической среде и — как следствие — резкий спад общественной активности. При всех различиях в общественных позициях поэтов 1880-х годов (А. А. Фет, К. К. Случевский, П. Ф. Якубович, И. З. Суриков, С. Я. Надсон, Н. М. Минский, А. А. Голенищев-Кутузов, Д. Н. Цертелев, К. М. Фофанов) ощущение кризисности эпохи было свойственно им всем. Каждый из них, в том числе и Апухтин, создал свой образ эпохи «безвременья». Но общим было то, что сегодняшняя жизнь воспринималась как ущербная, «глухая», враждебная идеалу. «Духовной полночью» (Случевский), «ночью жизни» (Надсон) называли это десятилетие современники Апухтина. С. А. Андреевский писал о том времени:

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, бесцветное с виду,—
Ведь тебя потребляют они,
Над тобою поют панихиду!

Апухтин дал точный диагноз души героя времени, души, пораженной скепсисом, атрофией воли, тоской:

И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе.

(«Праздником праздник»)

---

[1] Жиркевич А. Поэт милостию божией // «Исторический вестник». 1906, № 11. С. 504.
[2] Чайковский П. И. Письма к близким. М., 1955. С. 548.

Такой душе не хватает сил («кто так устроил, что воля слаба»), чтобы достойно противостоять враждебному миру, чтобы это противостояние, столкновение с конкретно-историческими и «роковыми» силами могло обрести трагический смысл и высоту. Герой восьмидесятых заранее готов к поражению. Такой тип сознания, такую жизненную позицию очень точно раскрыл Апухтин. Александр Блок в предисловии к поэме «Возмездие» сказал о 80-х годах: «глухие... апухтинские годы».[1] Что-то в самом Апухтине, в его таланте было органически близко эпохе «безвременья».

Еще в молодости (1858 год) Апухтин написал письмо Тургеневу. Письмо не сохранилось. В своем ответе Тургенев назвал его «унылым». Оно было наполнено жалобами на жизнь: не уверен в своем таланте, окружающая среда тяготит. Тургенев советовал молодому поэту меньше думать «о своих страданиях и радостях» и «не предаваться мненью грусти». «...Если вы теперь,— говорилось в письме от 29 сентября (11 октября) 1858 года,— отчаиваетесь и грустите, что же бы Вы сделали, если б Вам было 18 лет в 1838-м году, когда впереди все было так темно — и так осталось темно? Вам теперь некогда и не для чего горевать...»[2] Но какие-то коренные свойства души Апухтина помешали ему последовать советам знаменитого писателя. Возникший еще в юношеских стихах мотив тоски, душевной усталости, разочарования не замолкал в его творчестве и особенно сильно зазвучал в 80-е годы.

В размышлениях об Апухтине как изначальном «восьмидесятнике» может помочь суждение, высказанное Владимиром Соловьевым в статье о другом поэте «безвременья» — А. А. Голенищеве-Кутузове. «У настоящего поэта,— читаем в этой статье,— окончательный характер и смысл его произведений зависит не от личных случайностей и не от его собственных желаний, а от общего невольного воздействия на него объективной реальности с той ее стороны, к которой он, по натуре своей, особенно восприимчив».[3]

«Выпав» из 60-х годов, Апухтин органично вошел в жизнь 80-х: настроения этих лет созрели в нем загодя, но именно в эпоху «безвременья» они стали актуальными, были восприняты многими как «свои».

Тематический репертуар поэзии Апухтина сравнительно невелик: «роковая» неразделенная любовь, ностальгия по прошлому, одиночество человека в мире «измен, страстей и зла», загадочность человеческой души.

---

[1] Блок Александр. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 300.

[2] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. М.; Л., 1961. Письма. Т. 3. С. 238—239.

[3] Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 76.

Апухтин не боится привычных, даже банальных тем. То, что касается каждого, что повторяется почти в каждой судьбе, не может обесцениться и в эстетическом плане. Какой-то жизненный сюжет может показаться цитатой из знакомого стихотворения:

...не правда ль, всё это
Давно уже было другими воспето
И нам уж знакомо давно.

(«Вчера у окна мы сидели в молчанье...»)

Но в каждой жизни все происходит заново, и искусство должно уметь передать неповторимое в привычном и банальном, потому что это привычное живет вновь и тревожит:

Но я был взволнован мечтой невозможной,
Чего-то в прошедшем искал я тревожно,
Забытые спрашивал сны...

Можно говорить о нескольких типах поэтических произведений, характерных для Апухтина: стихотворениях элегического плана, романсах, стихотворениях, написанных с явной установкой на декламацию, и стихотворениях, тяготеющих к большой форме — психологической новелле и поэме.

При всем разнообразии и даже противоречивости черт, которыми отмечены апухтинские стихотворения элегического плана, в них можно увидеть особенность, которая объединяет эти произведения с глубинной традицией жанра. Оттолкнувшись от конкретных, порой «сиюминутных» переживаний и наблюдений (ночной шум моря, шелест осенних листьев, свет падающей звезды), поэтическая мысль взмывает и легко уходит на высоту общечеловеческих по своему смыслу мотивов: неизбежное угасание под давлением времени чувств, власть безжалостной судьбы, неотвратимость смерти. В лучших вещах Апухтину (в этом сказался опыт предшествующей поэзии, прежде всего — Пушкина) удавалось достичь не только органичного и сбалансированного сочетания «сиюминутного» и «вечного», но и точного раскрытия эмоционального мира, психологии героя.

Стихотворение «Ночь в Монплезире» построено на развертывании сравнения: «мятежное волнение» моря и таинственная жизнь человеческого сердца, то, что Фет назвал «темным бредом души». Как и Фет, Апухтин стремится передать не чувство, а его зарождение, когда еще не ясно — к горю оно ближе или к радости. У Фета в стихотворении «Ночь. Не слышно городского шума...» сказано:

...Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь?
Что ж такое? Близкая утрата?
Или радость? Нет не объяснишь...

То, что у Фета дано как вспыхивающие предчувствия, у Апухтина является результатом медитации:

...Громадою нестройной
Кипит и пенится вода...
Не так ли в сердце иногда...

Вдруг поднимается нежданное волненье:
Зачем весь этот блеск, откуда этот шум?
Что значит этих бурных дум
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнул ли любви заветный огонек,
Предвестье ль это близкого ненастья,
Воспоминание ль утраченного счастья
Иль в сонной совести проснувшийся упрек?
Кто может это знать?
Но разум понимает,
Что в сердце есть у нас такая глубина,
Куда и мысль не проникает...

Апухтин охотно использует в своих стихотворениях поэтизмы, иногда он вводит в текст целые блоки освещенных традицией образов. В этом смысле он не был исключением среди поэтов 80-х годов, таких, как: С. Андреевский, А. Голенищев-Кутузов, Д. Цертелев, Н. Минский. Названные поэты, как и Апухтин, «считали поэтический язык, систему поэтических тропов как бы полученными в наследство, не подлежащими пересмотру и обновлению».[1] Такой общепоэтический язык в стихотворениях, сюжет которых подразумевал индивидуализацию героя, психологическую или событийную конкретность, мог восприниматься излишне нейтральным, нивелированным. Так, в стихотворении «П. Чайковскому» («Ты помнишь, как, забившись в „музыкальной“...») Апухтин обращается к близкому человеку, с которым был дружен много лет, жизнь которого была ему известна в драматических подробностях и психологических деталях. Но Апухтин переводит свои мысли о жизни Чайковского на обобщенный язык поэтической традиции:

Мечты твои сбылись. Презрев тропой избитой,
Ты новый путь себе настойчиво пробил,
Ты с бою славу взял и жадно пил
Из этой чаши ядовитой...

Судя по письму П. И. Чайковского, это апухтинское стихотворение его взволновало, заставило «пролить много слез».[2] Чайковский без труда расшифровал то, что было скрыто за цепочкой поэтических

---

[1] Коварский Н. А. Указ. соч. С. 41.
[2] Чайковский П. И. Письма к родным. М., 1940. Т. 1. С. 339.

общих мест: «тропа избитая», «чаша ядовитая», а в следующих строках еще и «рок суровый», и «колючие тернии». Но для читателя не метафорический, иносказательный, а конкретный, реальный план этих образов остается не ясен.

Удачи Апухтина в использовании такого общепоэтического языка связаны с темами, которые не предполагают резкой индивидуализации изображаемого героя: «Огонек», «Минуты счастья», «Бред».

Довольно часто у Апухтина поэтизмы, традиционные образы соседствуют с контрастными штрихами, разговорными оборотами речи. Сочетание таких разностилевых элементов — одна из главных отличительных особенностей художественной системы Апухтина.[1]

Не знали те глаза, что ищут их другие,
Что молят жалости они,
Глаза печальные, усталые, сухие,
Как в хатах зимние огни!

(«В театре»)

Сравнение, которым заканчивается стихотворение, оказывается таким ярким и запоминающимся потому, что оно возникает на фоне традиционных, привычных образов.

Один из постоянных мотивов Апухтина — да и других поэтов тех лет — страдание. О постоянном и неизбывном страдании он начал писать еще в юности.

Я так страдал, я столько слез
Таил во тьме ночей безгласных,
Я столько молча перенес
Обид, тяжелых и напрасных;
Я так измучен, оглушен
Всей жизнью, дикой и нестройной...

(«Какое горе ждет меня?», 1859)

Мотив, лично столь близкий Апухтину, пришелся не ко времени в 60-е годы. Погружение в собственные страдания тогда не поощрялось, ждали стихов о страданиях «других», социально униженных, оскорбленных. А у Апухтина страдания обычно имеют не конкретно-социальный, а бытийный смысл. «Человек,— писал П. Перцов,— является в стихах Апухтина не как член общества, не как представитель человечества, а исключительно как отдельная единица, стихийною силою вызванная к жизни, недоумевающая и трепещущая среди массы нахлынувших волнений, почти всегда страдающая и

[1] См.: Кожинов В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978. С. 269—277.

гибнущая так же беспричинно и бесцельно, как и явилась».[1] Если убрать из этого вывода излишнюю категоричность и не распространять его на все творчество Апухтина, то по сути он будет справедлив.

Наиболее подробно о страдании как неизбежной участи человека сказано в апухтинском «Реквиеме». Человеческая жизнь предстает в этом стихотворении как цепь необъяснимых, роковых несправедливостей: «любовь изменила», дружба — «изменила и та», пришла зависть, клевета, «скрылись друзья, отвернулися братья». Апухтин говорит о том дне, когда в герое «шевельнулись впервые проклятья». Эта строка отсылает к известному стихотворению Некрасова «Еду ли ночью...». Шевельнувшиеся проклятья в некрасовском герое — знак зародившейся в нем потребности социально мыслить о жизни, понять, кто в этом мире, в этом обществе виноват в страданиях людей.[2] В апухтинском стихотворении слова о шевельнувшихся проклятьях — сетованье по поводу несправедливого и жестокого миропорядка: речь вообще о судьбе человека на земле. Но в протесте Апухтина нет лермонтовской масштабности и страсти. Поэтому его конфликт с несправедливым миром — не бунт, а жалоба. Верно, хотя и с излишней резкостью, сказал об этом Андрей Белый: «...Огненная тоска Лермонтова выродилась в унылое брюзжание Апухтина».[3]

Но в раскрытии темы страдания у Апухтина далеко не все свелось к «брюзжанию» и жалобам.

Когда-то В. Шулятиков с упреком писал о поэтах 80-х годов, что они, обращаясь к «проклятым вопросам», «с легкостью волшебников превращают социальные антитезы в психологические».[4] Критик придал этому выводу узкий оценочный смысл. Подмеченная им черта действительно была присуща поэзии тех лет, но не всегда свидетельствовала о ее ущербности. Так, если масштаб «психологических антитез», выбираемых Апухтиным, соответствовал строю чувств и переживаний современного человека,— он достигал значительных художественных результатов.

Один из примеров — стихотворение «Ниобея»:

Вы, боги, всесильны над нашей судьбой,
    Бороться не можем мы с вами;
Вы нас побиваете камнем, стрелой,
    Болезнями или громами...

---

[1] Перцов П. Философские течения русской поэзии. Спб., 1899. С. 350.
[2] Об этом писал Б. О. Корман в кн.: Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
[3] Белый Андрей. Луг зеленый. М., 1910. С. 186.
[4] Шулятиков В. Этапы новейшей лирики // Из истории новейшей русской литературы. М., 1910. С. 231.

Но если в беде, в униженье тупом
    Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятья вам шлем,—
    Ужель вы тогда победили?

На этой стадии развития сюжет стихотворения можно определить как трагический стоицизм героини перед лицом роковой силы (вспомним «Два голоса» Ф. И. Тютчева). Психологическая убедительность в дальнейшей разработке сюжета достигается именно потому, что Апухтин показывает не только, говоря словами Аполлона Григорьева, «непреклонное величие борьбы» героини, и после гибели семи сыновей не склонившейся перед богиней, но и ее слабость, страх, отчаянье, безмерное страдание, вынести которое — не в силах человека: беспощадная Латона погубила и дочерей Ниобеи:

Стоит Ниобея безмолвна, бледна,
    Текут ее слезы ручьями...
И чудо! Глядят: каменеет она
    С поднятыми к небу руками.

Одно из самых известных произведений Апухтина — «Сумасшедший». В русской литературе (от Пушкина до Чехова) сумасшествие героя мотивировалось по-разному — чаще всего столкновением с роковыми силами или социальными причинами. У Апухтина объяснение переводится в психологическую, точнее натуралистическую плоскость: виноват не рок, не жестокая жизнь, а дурная наследственность.[1]

Но все-таки... за что? В чем наше преступленье?
Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства,—
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
    Не получить проклятого наследства!..

Страдание в художественном мире Апухтина — это знак живой жизни. Насыщенное страстями существование («Кто так устроил, что страсти могучи?») обрекает человека на страдание. Но отсутствие страстей и, следовательно, страдания — признак омертвелой, механистичной жизни.

Бьются ровно наши груди,
Одиноки вечера...
Что за небо, что за люди,
Что за скучная пора!?

(«Глянь, как тускло и бесплодно...»)

---

[1] См. об этом: Громов П. А. Блок. Его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 47.

В описании цепенеющей, исчерпавшей себя жизни появляется у Апухтина образ «живого мертвеца». Он встречался в русской поэзии и ранее. Но показательным оказывается не совпадение, а отличие в толковании образа. Так, если у Полежаева «живой мертвец» — герой, «проклятый небом раздраженным», который противостоит всему земному демонической силой, то у Апухтина — это человек, утративший земные чувства: способность любить и страдать.

И опять побреду я живым мертвецом...
Я не знаю, что правдою будет, что сном!

(«На Новый год»)

Что в поэтическом мире Апухтина противостоит, что может противостоять жестокости жизни, в которой человек обречен на «сомненья, измены, страданья»? Прежде всего — память. Пожалуй, можно говорить об особом типе апухтинских элегий — элегии-воспоминании («О Боже, как хорош прохладный вечер лета...», «Над связкой писем», «Прости меня, прости!», «Когда в душе мятежной...») У апухтинского лирического героя главное в жизни — счастье, радость, взаимная любовь — обычно в прошлом. Наиболее дорого, близко то, что уже ушло, что отодвинуто временем. Событие или переживание, став прошлым, отделенное временной дистанцией, становится герою Апухтина понятнее и дороже. Так, лирический герой стихотворения «Гремела музыка...», только оказавшись вдали от «нее», оглянувшись, так сказать, на их встречу, которая уже в прошлом, понял (как господин NN, герой тургеневской «Аси») главное:

О, тут я понял всё, я полюбил глубоко,
Я говорить хотел, но ты была далеко...

Герой Апухтина очень чувствителен к грузу времени: «Я не год пережил, а десятки годов» («На Новый год»). Но память не подвластна времени, и искусство в этом — ее главный союзник. Об этом прямо сказано в стихотворении «К поэзии»:

Нам припомнятся юные годы,
И пиры золотой старины,
И мечты бескорыстной свободы,
И любви задушевные сны.

Пой с могучей, неслыханной силой,
Воскреси, воскреси еще раз
Всё, что было нам свято и мило,
Всё, чем жизнь улыбалась для нас!

Одна из главных претензий Апухтина к современной жизни — он судит ее, как правило, не в социальном, а нравственном плане,— в ней недооценивается или даже опошляется высокое искусство. Пример тому — оперетта «Маленький Фауст», в которой гетевская героиня оказывалась кокоткой:

Наш век таков.— Ему и дела нет,
Что тысячи людей рыдали над тобою,
Что некогда твоею красотою
Был целый край утешен и согрет.

(«К Гретхен»)

Но и надежды на нравственное возрождение связаны с искусством. Наибольшей силой воздействия из всех видов искусства обладает театр. Об этом — стихотворение «Памяти Мартынова». Искусство великого артиста способно было разбудить души, как говорил Гоголь, «задавленные корой своей земности».[1]

Все зрители твои: и воин, грудью смелой
Творивший чудеса на скачках и бегах,
И толстый бюрократ с душою, очерствелой
В интригах мелких и чинах,

И отрок, и старик... и даже наши дамы,
Так равнодушные к отчизне и к тебе,
Так любящие визг французской модной драмы,
Так нагло льстящие себе,—

Все поняли они, как тяжко и обидно
Страдает человек в родимом их краю,
И каждому из них вдруг сделалось так стыдно
За жизнь счастливую свою!

Но современный человек так погружен в суетные интересы дня, что даже великое искусство может возродить его душу лишь на «миг один»:

Конечно, завтра же, по-прежнему бездушны,
Начнут они давить всех близких и чужих.
Но хоть на миг один ты, гению послушный,
Нашел остатки сердца в них!

Мир театра был близок и дорог Апухтину. Об Апухтине — страстном театрале — рассказывали мемуаристы.[2] В этих воспоминаниях

---

[1] Письмо к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.// Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [Л.], 1940. Т. 10. С. 98.

[2] См. в частности: Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930.

он предстает не только как внимательный, квалифицированный зритель, но и как человек, реагирующий на представление очень эмоционально, способный буквально разрыдаться на потрясшем его спектакле. Дружба с актерами, участие в любительских спектаклях — все это не могло не отразиться в его творчестве.

Театр — постоянная тема Апухтина, ей посвящен целый ряд его стихотворений: «В театре» («Часто, наскучи́в игрой бесталанною...»), «M-me Вольнис», «Мы на сцене играли с тобой...», «Мне было весело вчера на сцене шумной...», «Актеры», «В театре» («Поки́нутый тобой, оди́н в толпе бездушной...»), «Публика (Во время представления Росси)». В решении этой темы Апухтин использует традиционное сравнение: жизнь есть театр. Мотив лицедейства, маски, театральной игры объединяет поэзию и прозу Апухтина. Стихотворение «Актеры» построено на уподоблении жизни театру. Но не тому театру, где, как потом скажет Блок, от «истины ходячей» всем станет «больно и светло» («Балаган»), а театру как лицедейству, когда за внешней праздничностью скрывают убогую и безнравственную суть жизни. Дело для Апухтина не только в том, что маска, игра какой-то роли — признак лицемерия, неискренности. Для писателя не менее важен другой смысл мотива: человек в маске проживает не свою, чужую жизнь.

Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлёра.

(«Актеры»)

Лирический герой Апухтина больше всего мучается одним — загадкой любви. В лирическом мире Апухтина — это главный вопрос жизни. Недаром известный критик рубежа веков А. Л. Волынский назвал свою статью об Апухтине «Певец любви».[1]

Любовь у Апухтина таинственна, стихийна и дисгармонична.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастие без меры
И слезы, слезы без числа.

(«Любовь»)

Очень часто любовь у Апухтина это — говоря тютчевским языком — «поединок роковой». Точнее, Апухтин очень подробно, психологически убедительно раскрывает отношения, которые можно назвать

---

[1] Волынский А. Певец любви // Борьба за идеализм. Спб., 1900. С. 329.

завершившимся поединком, потому что один из двоих (чаще «он», реже «она») оказался в роли побежденного, подчиненного, зависимого:

Не званная, любовь войдет в твой тихий дом,
Наполнит дни твои блаженством и слезами
И сделает тебя героем и... рабом.

(«Когда в объятиях продажных замирая...»)

Апухтин охотно прослеживает развитие чувства, когда зависимость от другого человека оборачивается утратой воли, рабским подчинением. Но даже в этих мучительных и для постороннего глаза унизительных отношениях герой Апухтина может находить и находит радость. Вот удивительное по своей емкости и убедительности выражение этого чувства (на сей раз речь идет о женщине):

Она отдаст последний грош,
Чтоб быть твоей рабой, служанкой,
Иль верным псом твоим — Дианкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

(«Письмо»)

Может быть, самое существенное в том, что и такая любовь в мире Апухтина не может унизить человека. Любовь у него всегда — знак живой души, души, поднятой над обыденностью. В поэзии Апухтина, как позже у Блока, «только влюбленный имеет право на звание человека» («Когда вы стоите на моем пути...»). Герой Апухтина, словно чеховская Раневская, всегда «ниже любви», находится в ее власти, беззащитен перед чувством любви, и в этом необходимая мера его человечности. Ни победить, ни избыть такого чувства герой Апухтина не может: «Недуг неизлечим». Одно стихотворение его начинается словами: «Я ее победил, роковую любовь», а заканчивается так:

Против воли моей, против воли твоей
Ты со мною везде и всегда!

Это любовь-страсть, если вспомнить известную классификацию Стендаля. Чувство, которое живет как бы независимо от человека, от его воли, нравственного чувства. Такую любовь имеет в виду герой повести «Дневник Павлика Дольского», когда говорит: «Если бы действительно существовало царство любви, какое бы это было странное и жестокое царство! Какими бы законами оно управлялось, да и могут ли быть какие-нибудь законы для такой капризной царицы?»

В поэме «Год в монастыре» (1883) пунктиром намечена тради-

ционная для апухтинских героев канва поступков и переживаний: короткое счастье взаимной любви, потом «обидный мелочный разлад», его рабская зависимость от нее, попытка его освободиться от этого чувства, найти смысл жизни в религии, тщетность этой попытки, бегство из монастыря по первому зову обожаемой женщины — накануне пострижения в монахи. В свое время С. А. Венгеров назвал эту поэму «апофеозом бессилия».[1] Думается, что это односторонняя оценка; зависимость героя от «мирской» жизни, его земная любовь — свидетельство неугасших сил души.

А. Л. Волынский справедливо заметил: «Как поэт любви Апухтин проще, искреннее и задушевнее многих других поэтов современности».[2] В лучших своих вещах он умел сказать о любви — в том числе и о любви гибельной, опустошающей — просто и сильно:

Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем...

(«Памяти прошлого»)

Апухтинскому герою ведомо эгоистическое, даже злое начало в любви — в любви, которая сродни ненависти,— но тем ценнее, что его любовь может подняться, возвыситься (через муки и страдание) до любви-поклонения, любви нравственно просветленной:

Порою злая мысль, подкравшись в тишине,
Змеиным языком нашептывает мне:
«Как ты смешон с твоим участием глубоким!
Умрешь ты, как и жил, скитальцем одиноким,
Ведь это счастие чужое, не твое!»
Горька мне эта мысль, но я гоню ее
И радуюсь тому, что счастие чужое
Мне счастья моего милей, дороже вдвое!

(«Два сердца любящих и чающих ответа...»)

Любовь — главная, ключевая тема апухтинских романсов. В сознании широкого читателя Апухтин живет прежде всего как автор романсов. П. И. Чайковский, Ц. А. Кюи, Р. М. Глиэр, Ф. А. Заикин, А. С. Аренский, А. А. Олеинин, С. В. Рахманинов, А. В. Щербачев — десятки композиторов написали музыку на слова Апухтина.

Романс как особый литературный жанр был утвержден в нашей литературе Пушкиным и Баратынским. В середине прошлого века к нему особенно часто обращались А. А. Фет, Я. П. Полонский

---

[1] Венгеров С. Указ. соч. С. 246.
[2] Волынский А. Указ. соч. С. 329.

и А. К. Толстой. Романсная стихия очень заметна в поэзии Апухтина.

Романс — жанр всем хорошо знакомый, но еще мало изученный. В его природе есть противоречие, загадка. Романс, в том числе и апухтинский, обычно наполнен традиционной поэтической лексикой, «поэтизмами», бывшими не раз в ходу оборотами. То, что в других стихах воспринималось бы как непозволительная банальность, как явная слабость, в романсе принимается как норма. В романсе слово не только несет свой лексический или образный смысл, но и является опорой для эмоции, музыки чувств, которая возникает как бы поверх слов. Романс использует «готовый, в своем роде общезначимый язык страстей и эмоций».[1] Легко узнаваемые образы, привычная романсная лексика моментально настраивают нас на определенный строй эмоций и переживаний.

В житейском холоде дрожа и изнывая,
Я думал, что любви в усталом сердце нет,
И вдруг в меня пахнул теплом и солнцем мая
Нежданный твой привет.

(«В житейском холоде дрожа и изнывая...»)

Романс всегда наивен, точнее — как бы наивен. «Наивность,— писал один из критиков апухтинской поры,— сама по себе уже есть поэзия».[2] Романс ждет от читателя готовности довериться его эмоции. Иначе романс может показаться «голым», иронически настроенное сознание «не слышит» музыки романса. Пример тому — мнение критика М. А. Протопопова, который писал, что ничего, кроме бессмыслицы, в знаменитом романсе Апухтина «Ночи безумные...» («в этом наборе созвучий») он не усматривает.[3]

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи бессвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые.

Слабость стихотворения критик увидел в том, что в эти обобщенные формулы каждым читателем «вкладывался подходящий обстоятельствам смысл».[4] Критик почувствовал жанровую природу произ-

---

[1] Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 238.

[2] Андреевский С. А. Литературные очерки. Спб., 1902. С. 438.

[3] Протопопов М. А. Писатель-дилетант // «Русское богатство». 1896, № 2. С. 59.

[4] Там же. С. 59.

ведения, но не принял «условий игры», не признал эстетической значимости жанра.

А. Л. Волынский увидел достоинства этого апухтинского стихотворения именно в том, что вызвало насмешки Протопопова: «Тут живет каждая строчка... Ничего определенного, и, однако, все прошлое встает перед глазами в одном туманном, волнующемся и волнующем образе».[1]

Романс — это «музыка», возникающая над обыденностью, вопреки ей. Романс демократичен, потому что он подразумевает чувства всякого человека. Он оказывается «впору» каждому, кто его слышит.

Музыка в романсе для Апухтина — наиболее адекватное выражение этого чувства. Эмоциональный строй романса оказался очень близок ему. Об этом — с легким оттенком снисходительности профессионала к любителю — пишет М. И. Чайковский. Апухтин, по его словам, «как большинство дилетантов, с одинаковым удовольствием слушал истинно прекрасное и шаблонно-пошлое. Романсы Глинки и цыганские песни одинаково вызывали в нем умиление и восторг».[2]

Подтверждением тому, что мемуарист и биограф был точен, служит признание самого Апухтина, сделанное в письме к П. И. Чайковскому (1880-е годы): «Я... провожу ночи у цыган... когда Таня поет «Расставаясь, она говорила: „Не забудь ты меня на чужбине“»,— я реву во всю глотку...».[3]

В отличие от стихотворений, построенных на разговорных интонациях, с легко ощутимым декламационным началом, в романсах преобладает напевный стих. Повторы, интонационная симметрия, кадансирование, эмфазы — разнообразнейшие средства использует Апухтин для того, чтобы музыка чувства стала легко слышимой и узнаваемой. «Я люблю,— говорил Апухтин,— чтобы музыка стиха была вполне выдержана, мелодия давала о себе знать».[4]

В романсе не только особая атмосфера, свой строй эмоций, но и своя система ценностей. Любовь имеет здесь абсолютный смысл и абсолютную ценность. Романс порой дает психологическое объяснение чувств и поступков или ссылается на роковую судьбу, но обычно не прибегает к социальным мотивировкам. Как точно выразился исследователь этого жанра, в романсе «не любят, потому что не любят».[5] «Философия» романса очень близка Апухтину.

---

[1] Волынский А. Л. Указ. соч. С. 331.

[2] Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин. С. XVIII.

[3] Цит. по: Апухтин А. Н. Стихотворения. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС, коммент.). С. 343.

[4] См.: Быков В. Л. Силуэты далекого прошлого. Л., 1930. С. 113.

[5] Петровский М. «Езда в остров любви», или Что такое русский романс // «Вопросы литературы». 1984, № 5. С. 72.

Образ любви, попадая в романсную атмосферу, утрачивает часть своей индивидуальности как неповторимое чувство именно этого человека, но выигрывает в силе эмоции, интенсивности чувства:

Истомил меня жизни безрадостный сон,
    Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем, как в тюрьме заключен
    Под надзором тюремщика злого...

...Но под взглядом твоим распадается цепь,
    И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
    Как туман, серебримый луною.

(«Истомил меня жизни безрадостный сон...»)

Романсы Апухтина наполнены оборотами типа: «с безумною тоской», «слепая страсть», «изнывающая душа», «безумный пыл». Но, вставленные в подновленный контекст, иначе инструментованные, эти кочующие образы вновь оживают. Вот что писал Ю. Н. Тынянов о Блоке, который тоже не боялся таких банальностей: «Он предпочитает традиционные, даже стертые образы („ходячие истины"), так как в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности».[1]

Романсный опыт Апухтина, как отметил Ю. Н. Тынянов, пригодился Блоку:

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
    Как те невозвратные дни.

(«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»)

В этих блоковских строках и интонация, и характер эмоций — апухтинские. Романсное слово используется для простого, но не примитивного чувства. Скажем, когда Л. С. Мизиновой понадобилось сказать о своих чувствах А. П. Чехову, она воспользовалась строками апухтинского романса:

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя,—

---

[1] Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 121.

Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
Всё для тебя![1]

(«День ли царит, тишина ли ночная...)

В стихотворении, посвященном памяти Апухтина, К. К. Случевский написал, имея в виду его романсы:

Что-то в вас есть бесконечно хорошее...
В вас отлетевшее счастье поет...

(«„Пара гнедых" или „Ночи безумные"...»)

Здесь уместно будет привести эпизод из воспоминаний литератора Б. А. Лазаревского. Герой этого эпизода — Лев Толстой, который в целом к поэзии Апухтина относился отрицательно. Дело происходит в 1903 году, в яснополянском доме Толстого, во время его болезни. Вечер. Дочери Толстого — Мария Львовна и Александра Львовна играют на гитарах и поют романс «Ночи безумные...». Лазаревский пишет: «Бесшумно отворилась дверь кабинета, и кто-то вывез на кресле Льва Николаевича. Он склонил голову и, видимо, заслушался...

Всё же лечу я к вам
Памятью жадною...

Это было самое красивое место. Когда кончили пение, Лев Николаевич поднял голову и сказал: „Как хорошо, как хорошо!.."».[2] Случись этот эпизод при жизни Апухтина и узнай он о нем, думается, это была бы одна из самых счастливых минут в его жизни.

На целом ряде стихотворений Апухтина можно проследить, как использование развернутой фабулы, повествовательной интонации, включение бытовых и психологических подробностей переводят стихотворение с романсной темой в другой жанр. Так, стихотворение «Письмо» (1882) представляет из себя лирический монолог женщины, обращенный к человеку, которого она любит и с которым вынуждена была расстаться,— чисто романсная основа. Но «избыток» сюжетных деталей, обилие подробностей в передаче переживаний героини делают стихотворение близким к психологической новелле. Героиня Апухтина рассказывает в своем письме о встрече с бывшей соперницей, о беседе, во время которой они говорили «про разный вздор», а думали совсем о другом (чеховская психологическая ситуация):

---

[1] Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. М., 1979. Письма. Т. 7. С. 646.

[2] Лазаревский Б. А. В Ясной Поляне // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 312—313.

И имени, для нас обеих дорогого,
Мы не решилися назвать.
Настало вдруг неловкое молчанье...

Через несколько лет был написан «Ответ на письмо» (1885). Два стихотворения объединились общим сюжетом, построенным на явной соотнесенности «дневных» и «ночных» частей писем. Сюжетное стихотворение сохраняет в себе романсные рудименты: так, поэт не проясняет (в романсе этого и не ждешь, там хозяйничает «судьба»), почему герои расстались, хотя они любят друг друга.

Все более и более частое в 70-е и особенно в 80-е годы обращение Апухтина к стихотворениям большой формы свидетельствовало о возрастающем интересе поэта к социально-историческим мотивам. Романсный, камерный мир при всей его притягательной силе начинает восприниматься поэтом как тесный, недостаточный. Наглядный пример — цикл стихотворений «О цыганах». Цыганская жизнь — традиционная тема романса. Вспомним Аполлона Григорьева, Фета, Полонского, из поэтов XX века — Блока. «В цыганский табор, в степь родную»,— писал Аполлон Григорьев («Встреча»). Апухтин, казалось бы, находится в русле традиции: цыганский мир и у него — это прежде всего мир сильных чувств и страстей.

В них сила есть пустыни знойной
И ширь свободная степей,
И страсти пламень беспокойный
Порою брызжет из очей...

(«О цыганах»)

Чувство освобождения, испытываемое человеком, соприкоснувшимся с этим миром,— обманное, «на миг», но это чувство сильное и горячее. Тут можно вспомнить и толстовского Федора Протасова с его знаменитой репликой: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...» Но в сюжет цикла «О цыганах» Апухтин вводит и жанровые, бытовые мотивы. Такой сюжет не удержать в рамках и интонациях романса:

Им света мало свет наш придал,
Он только шелком их одел;
Корысть — единственный их идол,
И бедность — вечный их удел.

Высокое (степь, страсть, свобода) и низкое (корысть, погруженность в мелочные заботы дня) увидено в одном мире, в одних и тех же людях. Их жизнь описана с внутренней убежденностью в том, что «в правде грязи нет». В этих словах, сказанных Апухтиным в стихотворении «Графу Л. Н. Толстому», выражен критерий, кото-

рому поэт следовал в своих наиболее зрелых произведениях и исходя из которого, в частности, он очень высоко ставил реалистическое искусство автора «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Стихотворения Апухтина часто строятся как монолог, предназначенный для декламации: «Воспоминание», «Памятная ночь», «Отравленное счастье», «Перед операцией», «Сумасшедший». Как правило, в основе сюжета произведения — необычная психологическая ситуация, обусловливающая напряженность, «нервность» монолога. Так, в «Позднем мщенье» — это как бы речь умершего мужа, обращенная к живой жене:

Ты помнишь, сколько раз ты верность мне сулила,
А я тебя молил о правде лишь одной?
Но ложью ты мне жизнь как ядом отравила,
Все тайны прошлого сказала мне могила,
И вся душа твоя открыта предо мной.

Целый каскад декламационных эффектов находим в стихотворении «Сумасшедший». Резкие психологические перепады в речи героя мотивированы изменениями в самочувствии больного: речь доброго «короля» («Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх И можете держать себя свободно») сменяется воспоминаниями героя, понимающего, что́ с ним произошло («и жили мы с тобой Так дружно, хорошо»), а в конце — резкие реплики разгневанного «правителя» («Гони их в шею всех, мне надо Быть одному...»).

Декламационный эффект тщательно готовится автором: рефрены, сочетание разностопных стихов, смена интонаций — все работает на задание. Монолог должен увлечь, растрогать или даже ошеломить слушателя. Известно, что сам Апухтин великолепно читал свои стихи.

Особое внимание уделяется в его стихах концовкам. Часто стихотворение или строфа заканчивается пуантом — яркой итоговой, поданной в афористичной форме мыслью:

Благословить ее не смею
И не могу проклясть.

(«Любовь»)

Что муки ревности и ссор безумных муки
Мне счастьем кажутся пред ужасом разлуки.

(«Опять пишу тебе, но этих горьких строк...»)

Декламационное начало является определяющим и в поэме «Венеция». Поэма написана октавами (классическая строфа Боккаччо, Ариосто, Тассо). Мастерски используя повествовательные возможности октавы, Апухтин наполняет рассказ интересными бытовыми и психологическими подробностями. Вот две последние представительницы старинного венецианского рода:

Нам дорог ваш визит; мы стары, глухи
И не пленим вас нежностью лица,
Но радуйтесь тому, что нас узнали:
Ведь мы с сестрой последние Микьяли.

Повествование окрашено мягким юмором. Требования поэтической традиции в построении такой строфы не стесняют Апухтина. Например, с какой легкостью он выполняет условие, согласно которому две последних строки октавы (кода) должны давать новый, или даже неожиданный, поворот темы. Старушка рассказывает о портрете одной из представительниц их семьи:

Она была из рода Морозини...
Смотрите, что за плечи, как стройна,
Улыбка ангела, глаза богини,
И, хоть молва нещадна,— как святыни,
Терезы не касалася она.
Ей о любви никто б не заикнулся,
Но тут король, к несчастью, подвернулся.

На первый взгляд поэтический мир Апухтина может показаться интимным, камерным. Но внимательный читатель заметит: в его стихах запечатлен духовный и душевный опыт человека хоть и далекого от общественной борьбы, но не терявшего интереса к «проклятым» вопросам века, то есть вопросам о смысле жизни, о причинах человеческих страданий, о высшей справедливости. Возраставший с годами интерес поэта к этим вопросам раздвигал границы его поэтического мира.

В конце 70-х и в 80-е годы у Апухтина все явственнее ощущается тяготение к большой стихотворной форме. Заметно стремление найти «выход из лирической уединенности» (Блок). Один из примеров — фрагменты драматических сцен «Князь Таврический». Более пристальный интерес к внутреннему миру героя ведет к созданию произведений, близких к психологической новелле («Накануне», «С курьерским поездом», «Перед операцией»). В этих произведениях сказалось очень благотворное для Апухтина влияние русской психологической прозы, прежде всего — романа.

Огромное психологическое напряжение заложено в самой ситуации, которой посвящено стихотворение «С курьерским поездом» (начало 1870-х годов). Много лет назад он и она — любившие друг друга — вынуждены были расстаться. Теперь судьба дает им возможность соединиться, начать все сначала. Она едет в поезде к нему, он ждет ее на вокзале. Внутренний монолог героя сплетается с авторским повествованием, рассказ о прошлом героев плавно переходит во внутренний монолог героини. Автор сумел раскрыть героев изнутри. Нам понятно их состояние напряженного ожидания, понятно смятение

чувств, которое они испытывают во время встречи. Поэтому как психологически мотивированный итог мы принимаем авторское заключение:

И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возвратятся вновь для солнца и для счастья!

Сюжетом целого ряда стихотворений Апухтина становится резкий слом в психологическом состоянии героя. За такие сюжеты обычно бралась проза. «Чрезвычайно интересны,— писал К. Арсеньев,— попытки г. Апухтина внести в поэзию психологический анализ, нарисовать в нескольких строфах или на нескольких страницах одно из тех сложных душевных состояний, над которыми с особенной любовью останавливается современная беллетристика».[1]

При жизни Апухтин не опубликовал ни одного из своих прозаических произведений, хотя он читал их — и с большим успехом — в различных салонах.

В конце 80-х годов Апухтин задумал и начал писать роман, посвященный очень важному этапу в истории — переходу от николаевской эпохи к периоду реформ. Судьбы главных героев рисуются на фоне больших исторических событий: Крымская война, падение Севастополя. Это было время переоценки ценностей, поэтому в романе так много споров: о западниках и славянофилах, об освобождении крестьян, о реформах, которые предстояли России.

И в своем первом, оставшемся незавершенным, прозаическом произведении Апухтин не выглядит начинающим беллетристом. В главах из романа умело намечены сюжетные линии, даны точные, психологически убедительные характеристики некоторых персонажей. Дело не только в широте дарования автора — в романе чувствуется опыт русской психологической прозы XIX века, прежде всего — толстовской.

Незаурядный талант Апухтина-прозаика проявился в двух его повестях и в рассказе, которые он успел завершить. В прозе Апухтин — тут явно сказался его поэтический опыт — тяготеет к повествованию от первого лица: отсюда эпистолярная форма («Архив графини Д**», 1890), дневник («Дневник Павлика Дольского», 1891), внутренний монолог героя («Между жизнью и смертью», 1892). Повествование от первого лица — знак повышенного интереса к внутреннему миру героя, его психологии. Удачи Апухтина-прозаика, не-

---

[1] Арсеньев К. Содержание и форма в новейшей русской поэзии // «Вестник Европы». 1887, № 1. С. 237.

сомненно, связаны с тем, что к этому времени он уже написал несколько больших стихотворений с подробно разработанными сюжетами.

Большинство героев прозаических произведений Апухтина — люди «света». Жизнь людей этого круга писатель знал не понаслышке: он был своим человеком в светских гостиных Петербурга (кстати, взгляд Апухтина проницателен и трезв, а юмор, присущий его прозе, защищает его от морализаторства и дидактизма). Недаром прозой Апухтина восхищался Михаил Булгаков. В одном из писем автор «Мастера и Маргариты» отозвался о нем так: «Апухтин тонкий, мягкий, ироничный прозаик... какой культурный писатель».[1]

Одной из самых плодотворных попыток Апухтина создать объективный образ современного человека, героя восьмидесятых годов, была поэма «Из бумаг прокурора» (1888). Произведение построено как внутренний монолог (или дневник) и предсмертное письмо самоубийцы, адресованное прокурору. Как и многие другие произведения Апухтина («Сумасшедший», «Перед операцией», «Год в монастыре»), это стихотворение является как бы драматическим монологом, рассчитанным на актерское исполнение, на слуховое восприятие. Обилие прозаизмов, разговорная интонация, частые переносы из строки в строку, астрофическое построение стихотворения — самые различные средства поэт использует для того, чтобы текст был воспринят читателем как живая, взволнованная речь героя.

Герой поэмы «Из бумаг прокурора» во многом близок лирическому «я» самого автора. Косвенным подтверждением этого является деталь, которая в бытовом плане представляется совершенно неправдоподобной: предсмертное письмо прокурору герой пишет стихами («я пишу не для печати, И лучше кончить дни стихом...»), да и о своих предсмертных записках он говорит как о стихах («Пусть мой последний стих, как я, бобыль ненужный, Останется без рифмы...»). Но при этом явно заметно стремление взглянуть на такого героя объективно, выявить в нем черты, обусловленные временем, общим строем жизни, историческими и социальными причинами.

Стихотворение имеет документальную основу. Известный юрист А. Ф. Кони, беседы с которым впрямую повлияли на возникновение замысла произведения, писал в своих воспоминаниях: «Апухтин очень заинтересовался приведенными мною статистическими данными и содержанием предсмертных писем самоубийц».[2]

Русские писатели — современники Апухтина — показали, какие причины могут привести человека второй половины XIX столетия

---

[1] См.: Чудакова М. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой. М., 1979. С. 245.
[2] Кони А. Ф. Указ. соч. С. 306.

к самоубийству: разочарование в общественной борьбе, неверие в собственные силы (Тургенев), гордое своеволие человека, утратившего веру в общечеловеческие нравственные ценности (Достоевский), нежелание, невозможность человека с большой совестью приспособиться к нормам несправедливой, жестокой жизни (Гаршин).

Обратившись к злободневной, «газетной» теме, Апухтин попытался изнутри раскрыть сознание человека, которому «жизнь переносить больше не под силу». Что заставило его героя зарядить пистолет и уединиться в номере гостиницы? Утрата интереса к жизни? несчастная любовь? разочарование в людях? душевный недуг? И то, и другое, и третье. Апухтин и не стремился дать однозначный ответ на этот вопрос. «Если бы была какая-нибудь ясно определенная причина, то совершенно устранился бы эпидемический характер болезни, на который я хотел обратить внимание»,— говорил он.[1]

Вспомним известное некрасовское стихотворение «Утро». Там тот же мотив: «кто-то покончил с собой». Мы не знаем, кто он, некрасовский герой, и почему решил застрелиться. Но весь строй лаконично описанной столичной жизни таков («на позорную площадь кого-то провезли», «проститутка домой поспешает», офицеры едут за город —«будет дуэль», «дворник вора колотит»), что читатель понимает: в этом городе люди неизбежно должны стреляться.

Ни любовь, ни память о прошлом — ценности, которые в апухтинском мире придают смысл жизни и помогают переносить страдание,— уже не властны над героем поэмы. Но за минуту до рокового выстрела в его сознании возникает образ желанной, идиллической по своему содержанию жизни: «далекий старый дом», «лип широкая аллея», жена, дети, «беседа тихая», «Бетховена соната». Бытовым содержанием это воспоминание не исчерпывается, его смысл не может быть объяснен его притягательной силой. Смысл воспоминания проясняется лишь с учетом давней элегической традиции. Образ такого гармоничного существования грезился многим героям русской литературы, не совпадавшим ни с «веком железным», ни с петербургской жизнью. О таком уголке, освобожденном от страстей, наполненном музыкой и чувством взаимной симпатии всех его обитателей, мечтал, например, Илья Ильич Обломов.

Сознание героя поэмы «Из бумаг прокурора» не замкнуто на самом себе. Он способен замечать боль и страдание других, порой очень далеких людей. Вот до гостиничной комнаты долетел свист локомотива, в столицу прибыл поезд. Герой стихотворения думает о тех, кто приехал:

---

[1] Жиркевич А. В. Поэт милостию божией // «Исторический вестник». 1906, № 11. С. 498.

Кто с этим поездом к нам едет? Что за гости?
Рабочне, конечно, бедный люд...
Из дальних деревень они сюда везут
Здоровье, бодрость, силы молодые
И всё оставят здесь...

За этими размышлениями угадывается жизненный опыт, который может быть соотнесен с очерками Ф. Решетникова («На заработки») и И. Кущевского («В Петербург! На медовую реку Неву!»), в которых описаны трудные судьбы людей, приехавших в столицу на поиски счастья. Так, вопреки неоднократным заявлениям Апухтина о его стремлении служить только «вечным идеалам», логика его собственного творчества все чаще и чаще выводила его к «проклятым» вопросам современной жизни.

Само собой разумеется, что стремление Апухтина к эпической объективности в изображении героя не исключало из его сюжетных вещей лирического начала. В наиболее напряженных моментах сюжета (рассказ часто ведется от первого лица) речь героя или автора начинает перестраиваться в соответствии с нормами лирических жанров. Так, в заключительной части поэмы «Венеция» рассказ о двух представительницах древнего рода переходит в элегическую медитацию о городе, пережившем свою славу, о загадочной природе человеческого сердца:

Ужели сердцу суждено стремиться,
Пока оно не перестанет биться?..

Как лирическую вставку можно определить и отрывок «О, васильки, васильки» из стихотворения «Сумасшедший», получивший широкое распространение как городской романс.

А в поэме «Из бумаг прокурора» размышления героя, переданные в разговорной интонации, разрываются романсной волной, состоящей из нескольких строф, которые воспринимаются как самостоятельное лирическое стихотворение:

О, где теперь она? В какой стране далекой
Красуется ее спокойное чело?
Где ты, мой грозный бич, каравший так жестоко,
Где ты, мой светлый луч, ласкавший так тепло?

Стилистическая и интонационная неоднородность сюжетных вещей Апухтина приводила к тому, что композиторы часто брали для своих музыкальных произведений лишь отдельные части стихотворных текстов поэта, вычленяя относительно самостоятельные лирические

мотивы. Но в этой жанровой неоднородности, в сочетании эпического и лирического начала — своеобразие и притягательность сюжетных стихотворений и поэм Апухтина.

Судьбы героев многих стихотворений Апухтина (таких, как: «В убогом рубище, недвижна и мертва...», «Старая цыганка», «Год в монастыре», «Из бумаг прокурора») яснее прочитываются в контексте всего его творчества, в контексте русской литературы второй половины XIX века. В этом случае многое в этих судьбах если не проясняется до конца, то существенно уточняется. Мы начинаем видеть их не исключительный, а общий смысл. Ущербность, неуравновешенность, болезненность героев этих произведений в сознании читателя так или иначе связываются с социальными недугами общества, нравственной атмосферой русской жизни тех лет.

Какое-то поветрие больное,
Зараза нравственной чумы —
Над нами носится, и ловит, и тревожит
Порабощенные умы...—

сказано в поэме «Из бумаг прокурора». Особенность многих произведений Апухтина 80-х годов в том, что теперь он осмысляет характер героя в его конкретной социально-исторической обусловленности. Судьба человека включается в поток времени.

И в заключение — об одном общем свойстве поэтических произведений Апухтина: они, как правило, рассчитаны на непосредственную эмоциональную реакцию, на сопереживание, это поэзия узнаваемых и близких каждому чувств. В одном стихотворении Апухтин признался, что истинные «минуты счастья» для него — когда

Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах.

Время — почти сто лет, прошедшие со дня смерти Апухтина,— подтвердило, что его поэзия имеет право на внимание взыскательного читателя.

М. Отрадин

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. К РОДИНЕ

Далёко от тебя, о родина святая,
Уж целый год я жил в краях страны чужой
И часто о тебе грустил, воспоминая
Покой и счастие, минувшее с тобой.
И вот в стране зимы, болот, снегов глубоких,
Где, так же одинок, и я печально жил,
Я сохранил в душе остаток чувств высоких,
К тебе всю прежнюю любовь я сохранил.
    Теперь опять увижусь я с тобою,
    В моей груди вновь запылает кровь,
        Я примирюсь с своей судьбою,
    И явится мне вдохновенье вновь!
    Уж близко, близко... Всё смотрю я вдаль,
    С волнением чего-то ожидаю
    И с каждою тропинкой вспоминаю
То радость смутную, то тихую печаль.
И вспоминаю я свои былые годы,
    Как мирно здесь и счастливо я жил,
Как улыбался я всем красота́м природы
        И в дебрях с эхом говорил.
    Уж скоро, скоро... Лошади бегут,
    Ямщик летит, вполголос напевая,
        И через несколько минут
Увижу я тебя, о родина святая!

15 июня 1853
Павлодар

2. ЖИЗНЬ

О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный,
Миг невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.

Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.

Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

10 августа 1853
Орел

3. ПЕСНЯ

Ах! Зачем тебя,
Полевой цветок,
Житель вольных мест,
С поля сóрвали,
В душной комнате
Напоказ людям
Тебя бросили?
Не пахнёт в тебя
Запах сладостный
Золотой весны,
Не увидишь ты
Солнца летнего,
И не будешь ты
С дрожью радости
Слушать осени
Бурю грозную...
День пройдет, другой...
Где краса твоя?
Смотришь — за окном
Уж былиночка.

3 мая 1854
Санкт-Петербург

4. ЦВЕТОК

Река бежит, река шумит,
Гордясь волною серебристой,
И над волной, блестя красой,
Плывет цветок душистый.
«Зачем, цветок, тебя увлек
Поток волны красою?
Взгляни, уж мгла везде легла
Над пышною рекою;
Вот и луна, осенена
Таинственным мерцаньем,
Над бездной вод средь звезд плывет
С трепещущим сияньем...
Прогонит день ночную тень,
От сна воспрянут люди,
И станет мать детей ласкать
У жаркой, сонной груди,
И божий мир, как счастья пир,
Предстанет пред тобою...
А ты летишь и не томишь
Себя кручиной злою,
Что, может быть, тебе уж жить
Недолго остается
И что с волной цветок иной
Беспечен понесется!»
Река шумит и быстро мчит
Цветок наш за собою,
И, как во сне, припав к волне,
Он плачет над волною.

29 июня 1854
Павлодар

5. ДВА ПОЭТА

Блажен, блажен поэт, который цепи света
На прелесть дум и чувств свободных не менял:
Ему высокое название поэта
Дарит толпа с венком восторженных похвал.
И золото бежит к избраннику фортуны
За гимн невежеству, порокам и страстям.
Но холодно звучат тогда поэта струны,
Над жертвою его нечистый фимиам...

И, насладившися богатством и чинами,
Заснет он наконец навеки средь могил,
И слава кончится похвальными стихами
Того, кто сам толпу бессмысленно хвалил.

Но если он поймет свое предназначенье,
И станет с лирою он мыслить и страдать,
И дивной силою святого вдохновенья
Порок смеющийся стихом начнет карать, —
То пусть не ждет себе сердечного привета
Толпы бессмысленной, холодной и глухой...
И горько потечет земная жизнь поэта,
Но не погаснет огнь в курильнице святой.
Умрет... И кое-где проснутся сожаленья...
Но только внук, греха не видя за собой,
Смеясь над предками, с улыбкою презренья,
Почтит могучий стих холодной похвалой...

Июль 1854
Павлодар

6. СТАРАЯ ДОРОГА

Я еду. На́ небе высоко
Плывет уж бледная луна,
И от селенья недалеко
Дорога старая видна.
И по дороге неизбитой
Звонки проезжих не гудят,
И лишь таинственно ракиты
По сторонам ее стоят,
И из-за них глядят уныло
Уж полусгнившие столбы
Да одинокая могила
Без упованья и мольбы.
И крест святынею своею
Могилы той не сторожит,
Лишь, наклонившися над нею,
Угрюмо шепчет ряд ракит.
И есть в окрестности преданье,
Что на могиле страшной той
Пресек свое существованье
Один страдалец молодой.

Однажды в ночь сюда пришел он
И имя Бога не призвал,
Но, адских мук и страсти полон,
Он в грудь вонзил себе кинжал.
И неотпетая могила
Дана преступника костям.
В ней песня слышалась уныло,
И тень являлась по ночам.
Всегда с боязнью и тревогой
Крестьянин мимо проходил,—
И скоро новую дорогу
Труд человека проложил...

10 августа 1854
Москва

7

Ты спишь, дитя, а я встаю,
Чтоб слезы лить в немой печали,
Но на твоем лице оставить не дерзали
Страдания печать ужасную свою.
По-прежнему улыбка молодая
Цветет на розовых устах,
И детский смех, мой ропот прерывая,
Нередко слышится в давно глухих стенах!
Полураскрыты глазки голубые,
Плечо и грудь обнажены,
И наподобие волны
Играют кудри золотые...
О, если бы ты знал, младенец милый мой,
С какой тоскою сердце бьется,
Когда к моей груди прильнешь ты головой
И звонкий поцелуй щеки моей коснется!
Воспоминанья давят грудь...
Как нежно обнимал отец тебя порою!
И верь, уж год как нет его с тобою.
Ах, если б вместе с ним в гробу и мне заснуть!..
Заснуть?.. А ты, ребенок милый,
Как в мире жить ты будешь без меня?
Нет, нет! Я не хочу безвременной могилы:
Пусть буду мучиться, страдать!.. Но для тебя!
И не понять тебе моих страданий,
Еще ты жизни не видал,
Не видел горьких испытаний

И мимолетной радости не знал.
Когда ж, значения слезы не понимая,
В моих глазах ее приметишь ты,
Склоняется ко мне головка молодая,
И предо мной встают знакомые черты...
Спи, ангел, спи, неведеньем счастливый
Всех радостей и горестей земных:
Сон беспокойный, нечестивый
Да не коснется вежд твоих,
Но божий ангел светозарный
К тебе с небес да низойдет
И гимн молитвы благодарной
К престолу божию наутро отнесет.

5 сентября 1854
Санкт-Петербург

8. ТОСКА

Вижу ли ночи светило приветное
Или денницы прекрасной блистание,
В сердце ласкаю мечту безответную,
Грустную думу земного страдания...

Пусть бы сошла к нам уж ночь та угрюмая
Или бы солнце на небе сокрылося,
Ропот сердечный унял бы я, думая:
Так что и счастье мое закатилося...

Так же, как мир ночью мрачной, безмолвною,
Сердце оделося черною тучею,
Но, как назло мне, величия полные,
Шепчутся звезды с волною кипучею...

Невыразимая, невыносимая
Давит тоска мою душу пустынную...
Где же ты, прелесть мечтаний любимая?
Люди сгубили тебя, неповинную.

Завистью черной, насмешкой жестокою
Ожесточили они сердце нежное
И растерзали навек одинокую
Душу страдальца рукою небрежною.

10 сентября 1854

9. ПОЭТ

Взгляните на него, поэта наших дней,
Лежащего во прахе пред толпою:
Она — кумир его, и ей
Поет он гимн, венчанный похвалою.
Толпа сказала: «Не дерзай
Гласить нам истину холодными устами!
Не нужно правды нам, скорее расточай
Запасы льстивых слов пред нами».
И он в душе оледенил
Огонь вскипающего чувства
И тот огонь священный заменил
Одною ржавчиной искусства;
Он безрассудно пренебрег
Души высокое стремленье
И дерзко произнес, низверженный пророк,
Слова упрека и сомненья;
Воспел порочный пир палат,
Презренья к жизни дух бесплодный,
Приличьем скрашенный разврат,
И гордость мелкую, и эгоизм холодный...
Взгляните: вот и кончил он,
И, золото схватив дрожащею рукою,
Бежит поэт к бесславному покою,
Как раб трудами изнурен!

Таков ли был питомец Феба,
Когда, святого чувства полн,
Он пел красу родного неба,
И шум лесов, и ярость волн;
Когда в простых и сладких звуках
Творцу миров он гимны пел?
Их слушал раб в тяжелых муках,
Пред ними варвар цепенел!
Поэт не требовал награды —
Не для толпы он песнь слагал:
Он покидал, свободный, грады,
В дубравы тихие бежал,
И там, где горы возвышались,
В свободной, дикой стороне
Поэта песни раздавались
В ненарушимой тишине.

29 сентября 1854

10. СКАЖИ, ЗАЧЕМ?..

Скажи, певец, когда порою
Стоишь над тихою Невою
Ты ясным вечером, когда
Глядят лучи светила золотые
В последний раз на воды голубые,
Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?

Певец! Когда час ночи мирный
Слетает с высоты эфирной
Сменить тяжелый день труда
И блещет небо яркими звездами,
Не вдохновен высокими мечтами
⟨Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?⟩

А вот и празднует столица:
Народ по стогнам веселится,
Везде гудят колокола...
А в храмах Бога тихое моленье,
И певчих глас, и ладана куренье...
⟨Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?⟩

Не оттого ль, что эти звуки
В тебе пробудят сердца муки,
Как радость в прежние года,
Что, может быть, природы увяданье
Милей, чем блеск, души твоей страданью,—
Не оттого ль безмолвствуешь тогда?

20 ноября 1854

11. ПЕРВЫЙ СНЕГ

О снега первого нежданное явленье,
Приветствую тебя в моем уединенье!
Уединенье? Да! Среди толпы людей
Я так же одинок, как ландыш, из полей
Родных отторженный суровою рукою;
Среди прекрасных роз поник он головою,
И в рощу мирную из мраморных палат
Его желания свободные летят.
Приветствую тебя! Неведомою силой
Ты в смутной памяти былое оживило,

Мечтанья прошлых дней той юности златой,
Как утро зимнее, прекрасной и живой!
Картин знакомый ряд встает передо мною:
Я вижу небеса, подернутые мглою,
И скатерть снежную на сглаженных полях,
И крыши белые, и иней на дровах;
Вдали чернеет лес. С сиянием Авроры
По окнам разослал мороз свои узоры;
Там, за деревьями, роскошно и светло
Блестит замерзлых вод прозрачное стекло;
Там курится дымок над кровлями овинов...
В соседней комнате я слышу треск каминов,
К ним истопник бредет и шум своих шагов
Разносит за собой с тяжелой ношей дров.
С какою радостью живой, нелицемерной,
Бывало, я встречал тебя, предвестник верный
Зимы... Как я любил и сон ее снегов,
И длинную семью прекрасных вечеров!
Как часто, вкруг стола собравшися семьею,
Мы проводили их в беседах меж собою,
И ласки нежные иль звонкий смех порой
Сменяли чтение обычной чередой.
Я помню длинный зал, вечернею порою
Его перебегал я детскою стопою,
И часто пред окном, как будто бы сквозь сон,
Я становился вдруг, испуган, поражен,
А прелесть дивная морозной, зимней ночи
Манила и звала встревоженные очи...
Светила чудные сияли в вышине
И, улыбаяся, смотрели в душу мне;
Чистейшим серебром поля вдали сияли,
Леса пустынные недвижимо стояли;
Всё спало... Лишь мороз под окнами трещал...
И жутко было мне, и к няне я бежал.
Я помню комнатку... Пред образом горела
Лампада тусклая; старушка там сидела...
И сладок был мне звук ее речей простых,
Любовью дышащих... Увы! не слышу их
Среди надутых фраз да слов бездушных ныне:
Уж третью зиму я встречаю на чужбине,
Далеко от нее, от родины святой,
Не с шумной радостью, но с хладною тоской,
И сердце сжалося... но в холоде страданий
Ты возбудил во мне толпу воспоминаний,

Ты годы юности внезапно оживил,
И я тебя в душе за то благословил...
О, взвейся, легкий снег, над родиною дальной!
Чтоб поселянин мог, природы сын печальный,
Скорей плоды трудов по зимнему пути
За плату скудную в продажу отвезти!

11 октября 1854

12. ЭПАМИНОНД

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держа трофеи,
Страдальца ложе окружал,—
Мгновенный огнь одушевленья
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья,
Он окружавшим говорил:
«Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел.
Блажен, кто жизни суетою
Еще измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Ее вовеки не щадил,
Разил врага — и над могилой
Его незлóбливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесет,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветет!»
Умолк... Друзья еще внимали...
И видел месяц золотой,
Как, наклонившися, рыдали
Они над урной роковой.
Но слава имени героя
Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.

Пронзен ядром в пылу сраженья,
Корнилов мертв в гробу лежит...
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.

Еще при грозном Наварине
Он украшеньем флота был;
Поборник правды и святыни,
Врагов отечества громил
И Севастополь величавый
Надежней стен оберегал...
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал,
За славу, честь родного края,
Как древний грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин — вспомнил Бога,
Как верноподданный — царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

26 октября 1854

13. ЗИМОЙ

Зима. Пахну́л в лицо мне воздух чистый...
Уж сумерки повисли над землей,
Трещит мороз, и пылью серебристой
Ложится снег на гладкой мостовой.
Порой фонарь огнистой полосою
Мелькнет... Да звон на небе прогудит...
Неугомонною толпою
Народ по улицам спешит.

И грустно мне!
И мысль моя далеко,
И вижу я отчизны край родной:
Угрюмый лес задумался глубоко,
И звезды мирно шепчутся с землей,
Лучи луны на инее трепещут,
И мерзлый пар летает от земли,
А в окнах светятся и блещут
Гостеприимные огни.

6 января 1855
Санкт-Петербург

14. ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

В Аравии знойной поныне живет
Усопшего Межде счастливый народ,
И мудры их старцы, и жены прекрасны,
И юношей сонмы гяурам ужасны,
Но как затмеваются звезды луной,
Так всех затмевал их Набек молодой.

Прекрасен он был, и могуч, и богат.
В степях Аравийских верблюдов и стад
Имел он в избытке, отраду Востока,
Но краше всех благ и даров от пророка
Его кобылица гнедая была —
Из пламени ада литая стрела.

Чтоб ей удивляться, из западных стран
К нему притекали толпы мусульман,
Язычник и рыцарь в железе и стали.
Поэты ей сладкие песни слагали,
И славный певец аравийских могил
Набеку такие слова говорил:

«Ты, солнца светлейший, богат не один,
Таких же, как ты, я богатств властелин;
От выси Синая до стен Абушера
Победой прославлено имя Дагера.
И, море святое увидя со скал,
На лиру певца я меч променял.

И вот я узрел кобылицу твою.
Я к ней пристрастился... и, раб твой, молю —
Отдай мне ее и минуты покою,
На что мне богатства? Они пред тобою...
Возьми их себе и владей ими век!»
Молчаньем суровым ответил Набек.

Вот едет Набек по равнинам пустынь
Аравии знойной... И видит — пред ним
Склоняется старец в одежде убогой:
«Аллах тебе в помощь и милость от Бога,
Набек милосердный».— «Ты знаешь меня?»
— «Твоей не узнать кобылицы нельзя».

«Ты беден?» — «Богатство меня не манит,
А голод терзает, и жажда томит
В пустыне бесследной, три дня и три ночи
Не ведали сна утомленные очи,
Из этой пустыни исторгни меня».
И слышит: «Садися ко мне на коня».

«И рад бы, о путник, да сил уже нет,—
Был дряхлого нищего слабый ответ.—
Но ты мне поможешь, во имя пророка!»
Слезает Набек во мгновение ока,
И нищий, поддержан могучей рукой,
Свободен, сидит уж на шее крутой.

И старца внезапно меняется вид,
Он с юной отвагой коня горячит.
И конь, распустивши широкую гриву,
В пустыне понесся, веселый, игривый;
Блеснули на солнце, исчезли в пыли!
Лишь имя Дагера звучало вдали!

Набек, пораженный как громом, стоит,
Не видит, не слышит и, мрачен, молчит,
Везде пред очами его кобылица,
А солнце пустыню палит без границы,
А весь он осыпан песком золотым,
А груды червонцев лежат перед ним.

3 февраля 1855
Санкт-Петербург

15. ГОЛГОФА

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явилися живыми...

А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на до́гматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

17 апреля 1855

16. МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Месяц вешний, ты ли это?
Ты, предвестник близкий лета,
Месяц песен соловья?
Май ли, жалуясь украдкой,
Ревматизмом, лихорадкой
В лазарете встретил я?

Скучно! Вечер темный длится —
Словно зимний! Печь дымится,
Крупный дождь в окно стучит;
Все попрятались от стужи,
Только слышно, как чрез лужи
Сонный ванька дребезжит.

А в краю, где протекали
Без забот и без печали
Первой юности года,

Потухает луч заката
И зажглась во тьме богато
Ночи мирная звезда.

Вдоль околицы мелькая,
Поселян толпа густая
С поля тянется домой;
Зеленеет пышно нива,
И под липою стыдливо
Зреет ландыш молодой.

27 мая 1855

17. НОЧЬЮ

Веет воздух чистый
Из туманной дали,
Нитью серебристой
Звезды засверкали,
Головой сосновой
Лес благоухает,
Ярко месяц новый
Над прудом сияет.
Спят среди покоя
Голубые воды,
Утомясь от зноя
В забытье природы.
Не колыхнет колос,
Лист не шевельнется,
Заунывный голос
Песни не прольется.

18 июня 1855
Павлодар

18. УЖЕНЬЕ

Над водою склонялися липы густые,
Отражались в воде небеса голубые,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В величавой красе колебала река.

И так тихо кругом... Обаяния полны,
С берегами крутыми шепталися волны,

Говорливо журча... И меж них, одинок,
Под лучами заката блестел поплавок.

Вот он дрогнул слегка, и опять предо мною
Неподвижно и прямо стоит над водою,
Вот опять в глубину невредимо скользит
Под немолчный и радостный смех нереид.

А в душе пролетает за думою дума...
О, как сладко вдали от житейского шума
Предаваться мечтам, их лелеять душой
И, природу любя, жить с ней жизнью одной.

Я мечтаю о многом, о детстве счастливом,
И вдруг вижу себя я ребенком игривым,
И, как прежде бывало, уж мыслию я
Обегаю дубравы, сады и поля.

Я мечтаю о том, когда слово науки
Заменило природы мне сладкие звуки...
И о многом, о чем так отрадно мечтать
И чего невозможно в словах рассказать.

А всё тихо кругом... Обаяния полны,
С крутизнами зелеными шепчутся волны,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В красоте величавой колеблет река.

29 июня 1855
Павлодар

19. ПРЕДЧУВСТВИЕ

А. П. Апухтиной

Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит,
Но сон очей моих усталых не смыкает,
Но ум мучительно над сердцем тяготит.

Я к ложу жаркому приникнул головою,
И, кажется, всю жизнь я выплакать готов...
И быстро предо мной проходят чередою
Все дрязги мелкие всех прожитых годов.

Я вспоминаю всё: надежды и сомненья,
Былые радости и горе прежних дней,
И в памяти моей, как черные виденья,
Мелькают образы знакомые людей...

А мысль о будущем, как червь, меня снедает,
Немого ужаса душа моя полна,
И тьма меня томит, и давит, и смущает,
И не дождаться мне обманчивого сна.

1 июля 1855

20. ВЕЧЕР

Окно отворено... Последний луч заката
Потух... Широкий путь лежит передо мной;
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада...
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце, полное сомненья, гонит прочь...
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

21. ОБЛАКА

Н. П. Барышникову

Сверкает солнце жгучее,
В саду ни ветерка,
А пó небу летучие
Проходят облака.
Я в час полудня знойного,
В томящий мертвый час
Волненья беспокойного
Люблю смотреть на вас.
Но в зное те ж холодные,
Без цели и следа,
Несетесь вы, свободные,
Неведомо куда.

Всё небо облетаете...
То хмуритесь порой,
То весело играете
На тверди голубой.
А в вечера росистые,
Когда, с закатом дня
Лилово-золотистые,
Глядите на меня!
Вы, цепью изумрудною
Носяся в вышине,
Какие думы чудные
Нашептывали мне!..
А ночью при сиянии
Чарующей луны
Стоите в обаянии,
Кругом озарены.
Когда всё, сном объятое,
Попряталось в тени,
Вы, светлые, крылатые,
Мелькаете одни!

3 августа 1855
Павлодар

22. БЛИЗОСТЬ ОСЕНИ

Еще осенние туманы
Не скрыли рощи златотканой;
Еще и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада,—

Но листья желтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пестрая земля;
Куда ни кинешь взор пытливый —
Встречает высохшие нивы
И обнаженные поля.

И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной...

Всё как-то пасмурно молчит —
Лишь бьется маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

14 августа 1855

23. ОТЪЕЗД

Осенний ветер так уныло
    В полях свистал,
Когда края отчизны милой
    Я покидал.

Смотрели грустно сосны, ели
    И небеса.
И как-то пасмурно шумели
    Кругом леса.

И застилал туман чужую
    Черту земли,
И кони нá гору крутую
    Едва везли.

26 августа 1855
Орел

24. СИРОТКА

На могиле твоей, ох родная моя,
Напролет всю ту ночку проплакала я.
    И вот нынче в потемках опять,
Как в избе улеглись и на небе звезда
Загорелась, бегом я бежала сюда,
    Чтоб меня не могли удержать.

Здесь, родная, частенько я вижусь с тобой,
И отсюда теперь (пусть приходят за мной!)
    Ни за что не пойду... Для чего?
Я лежу в колыбельке... Так сладко над ней
Чей-то голос поет, что и сам соловей
    Не напомнит мне звуков его.

И родная так тихо ласкает меня...
Раз заснула она среди белого дня...
И чужие стояли кругом,—
На меня с сожаленьем смотрели они,
А когда меня к ней на руках поднесли,
Я рыдала, не зная о чем.

И одели ее, и сюда привезли.
И запели протяжно и глухо дьячки:
«Со святыми ее упокой!»
Я прижалась от страха... Не смела взглянуть...
И зарыли в могилу ее... И на грудь
Положили ей камень большой.

И потом воротились... С тех пор веселей
Уж никто не певал над постелью моей,—
Одинокой осталася я.
А что после, не помню... Нет, помню: в избе
Жил какой-то старик... Горевал о тебе,
Да бивал понапрасну меня.

Но потом и его уж не стало... Тогда
Я сироткой бездомной была названа,—
Я живу у чужих на беду:
И ругают меня, и в осенние дни,
Как на печках лежат и толкуют они,
За гусями я в поле иду.

Ох, родная! Могила твоя холодна...
Но людского участья теплее она —
Здесь могу я свободно дышать,
Здесь не люди стоят, а деревья одни,
И с усмешкою злой не смеются они,
Как начну о тебе тосковать.

Сиротою не будут гнушаться, как те,
Нет! Они будто стонут в ночной темноте...
Всё кругом будто плачет со мной:
И так пасмурно туча на небе висит,
И так жалобно ветер листами шумит
Да поет мне про песни родной.

1 октября 1855

25. НЯНЯ

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.
Как найдет кручина злая,
Не отплачешься от ней.
Посмотри-ка, я лампадку
Пред иконою зажгла,
Оглянись: в углу кроватка
И богата и светла.

Оглянись же: перед нами
Сладко спит младенец твой
С темно-синими глазами,
С светло-русой головой.
Не боится темной ночи:
Безмятежен сон его;
Смотрят ангельские очи
Прямо с неба на него.

Вот когда с него была ты,
От родимого села
В барский дом из дымной хаты
Я кормилицей вошла.
Всё на свете я забыла!
Изо всех одну любя,
И ласкала, и кормила,
И голубила тебя.

Подросла, моя родная...
С чистой, пламенной душой,
А красавица такая,
Что и не было другой.
Ни кручины, ни печали —
Как ребенок весела...
Женихи к тебе езжали:
За богатого пошла.

С тех-то пор веселья дума
И на ум к тебе нейдет;
Целый день сидишь угрюмо,
Ночи плачешь напролет.
Дорогая, золотая,
Не кручинься, не жалей...

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

Глянь, как теплится лампадка
Пред иконой, посмотри,
Как наш ангел дремлет сладко
От зари и до зари.
Над постелькою рыдая,
Сна младенца не разбей...
Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

13 ноября 1855

26. ШАРМАНЩИК

Темно и пасмурно... По улице пустой
Шарманщик, сгорбленный под гнетом тяжкой ноши,
Едва-едва бредет с поникшей головой...
И тонут, и скользят в грязи его калоши...
Кругом так скучно: серый небосклон,
Дома, покрытые туманной пеленою...
И песней жалобной, младенчески-простою
Шарманщик в забытье невольно погружен.
О чем он думает с улыбкою печальной?
Он видит, может быть, края отчизны дальной,
И солнце жгучее, и тишь своих морей,
И небо синее Италии своей...
Он видит вечный Рим. Там в рубище торговка
Сидит на площади, печальна и бледна;
Склонилася на грудь кудрявая головка,
Усталости томительной полна...
С ней рядом девочка... На Север, одиноки,
И день и ночь они глядят
И ждут его, шарманщика, назад
С мешками золота и с почестью высокой...
Природу чудную он видит: перед ним,
Лучами вешними взлелеян и храним,
Цветет зеленый мирт и желтый померанец...
Ветвями длинными сплелися кущи роз...
Под тихий говор сладких грез
Забылся бедный чужестранец!
Он видит уж себя среди своих полей...

Он слышит ласковых речей
Давно не слышанные звуки...
О нет, не их он слышит...
Крик босых ребят
Преследует шарманщика; горят
Окостеневшие и трепетные руки...
И мочит дождь его, и холодно ему,
И весь он изнемог под гнетом тяжкой ноши,
И, как назло владельцу своему,
И тонут, и скользят в грязи его калоши.
. . . .

26 ноября 1855
Санкт-Петербург

27. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей.
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей.
Точно волше́бством каким-то объятый,
Воздух недвижим ночной...

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчанье
И хороша и светла,—
Ты затаил в себе много страданья,
Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят —
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат.

В пышном чертоге, облитые светом,
Залы огнями горят.
Вот и невеста: роскошным букетом
Скрашен небрежный наряд,
Кудри волнами бегут золотые...

С ней поседелый жених.
Как-то неловко глядят молодые,
Холодом веет от них.

Плачет несчастная жертва расчета,
Плачет... Но как же ей быть?
Надо долги попечителя-мота
Этим замужством покрыть...
В грустном раздумье стоит, замирая,
Темных предчувствий полна...
Ей не на радость ты, ночь золотая!
Небо, и свет, и луна
Ей напевают печальные чувства...

Зимнего снега бледней,
Мается труженик бедный искусства
В комнатке грязной своей.
Болен, бедняк, исказило мученье
Юности светлой черты.
Он, не питая свое вдохновенье,
Не согревая мечты,
Смотрит на небо в волнении жадном,
Ищет луны золотой...
Нет! Он прощается с сном безотрадным,
С жизнью своей молодой.

Всё околдовано, всё онемело!
А в переулке глухом,
Снегом скрипя, пробирается смело
Рослый мужик с топором.
Грозен и зол его вид одичалый...
Он притаился и ждет:
Вот на пирушке ночной запоздалый
Мимо пройдет пешеход...
Он не на деньги блестящие жаден,
Не на богатство,— как зверь,
Голоден он и, как зверь, беспощаден...
Что ему люди теперь?
Он не послушает их увещаний,
Не побоится угроз...

Боже мой! Сколько незримых страданий!
Сколько невидимых слез!

Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей;
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей;
Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.

13 января 1856

28. К СЛАВЯНОФИЛАМ

О чем шумите вы, квасные патриоты?
К чему ваш бедный труд и жалкие заботы?
Ведь ваши возгласы России не смутят.
И так ей дорого достался этот клад
Славянских доблестей... И, варварства остаток,
Над нею тяготит татарский отпечаток:
Невежеством, как тьмой, кругом обложена,
Рассвета пышного напрасно ждет она,
И бедные рабы в надежде доли новой
По-прежнему влачат тяжелые оковы...
Вам мало этого, хотите больше вы:
Чтоб снова у ворот ликующей Москвы
Явился белый царь, и грозный, и правдивый,
Могучий властелин, отец чадолюбивый...
А безглагольные любимцы перед ним,
Опричники, неслись по улицам пустым...
Чтоб в Думе поп воссел писать свои решенья,
Чтоб чернокнижием звалося просвещенье,
И, родины краса, боярин молодой
Дрался́, бесчинствовал, кичился пред женой,
А в тереме царя, пред образом закона
Валяясь и кряхтя, лизал подножье трона.

25 января 1856

29. ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Зимний воздух сжат дремотой...
В темной зале всё молчит;
За обычною работой
Няня старая сидит.

Вот зевнула, засыпает,
Что-то по́д нос бормоча...
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабытое дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но — с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.
Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины...
И глаза его большие
На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели и́скрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких
Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жмется и дрожит...
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то по́д нос бормоча...
И едва-едва мерцает
Нагоревшая свеча...

26 февраля 1856

30. ЖИЗНЬ

К. П. Апухтиной

Песня туманная, песня далекая,
И бесконечная, и заунывная,
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слез и страдания цепь непрерывная...

Грустным аккордом она начинается...
В звуках аккорда, простого и длинного,
Слышу я, вопль из души вырывается,
Вопль за утратою детства невинного.

Далее звуков раскаты широкие —
Юного сердца мечты благородные:
Вера, терпения чувства высокие,
Страсти живые, желанья свободные.

Что же находим мы? В чувствах — страдания,
В страсти — мученья залог бесконечного,
В людях — обман... А мечты и желания?
Боже мой! Много ли в них долговечного?

Старость подходит часами невольными,
Тише и тише аккорды печальные...
Ждем, чтоб над нами, в гробу безглагольными,
Звуки кругом раздались погребальные...

После... Но если и есть за могилою
Песни иные, живые, веселые,
Жаль нам допеть нашу песню унылую,
Трудно нам сбросить оковы тяжелые!..

29 февраля 1856

31. ШАРМАНКА

М. А. Апухтиной

Я иду через площадь... Звездáми
Не усыпано небо впотьмах...
Только слякоть да грязь пред глазами,
А шарманки мотивы в ушах.

И откуда те звуки, не знаю,
Но, под них забываться любя,
Всё прошедшее я вспоминаю
И ребенком вновь вижу себя.

В долгий вечер, бывало, зимою
У рояли я сонный сижу.
Ты играешь, а я за тобою
Неотвязчивым взором слежу.

То исчезнут из глаз твои руки,
То по клавишам явятся вдруг,
И чудесные, стройные звуки
Так ласкают и нежат мой слух.

А потом я рукою нетвердой
Повторяю урок в тишине,
И приятней живого аккорда
Твой же голос слышится мне.

Вот он тише звучит и слабее,
Вот пропал он в пространстве пустом...
А шарманка всё громче, звучнее,
Всё болезненней ноет кругом.

Вспоминаю я пору иную
И вот вижу: в столице, зимой,
И с колоннами залу большую,
И оркестр у подмосток большой.

Его речи, живой, музыкальной,
Так отрадно, мечтая, внимать,
То веселой, то томно-печальной,
И со мною твой образ опять.

И какие бы думе мятежной
Ни напомнил названья язык,
Всё мне слышится голос твой нежный;
Всё мне видится ясный твой лик.

Может быть, и теперь пред роялью,
Как и прежде бывало, сидишь
И с спокойною, тихой печалью
На далекое поле глядишь.

Может быть, ты с невольной слезою
Вспоминаешь теперь обо мне?
И ты видишь: с постылой душою,
В незнакомой, чужой стороне

Я иду через площадь... Мечтами
Сердце полно о радостных днях...
Только слякоть да грязь пред глазами
И шарманки мотивы в ушах.

25 марта 1856

32. АПРЕЛЬСКИЕ МЕЧТЫ

О. П. Есиповой

Хотя рассыпчатый и с грязью пополам
Лежит пластами снег на улице сонливой,
Хотя и холодно бывает по утрам
И ветра слышатся стесненные порывы,

Но небо синее, прозрачное, без туч,
Но проницающей, крепительной струею
И свежий пар земли, но редкий солнца луч,
Сквозящий трепетно в час полдня над землею,—

Всё сладко шепчет мне: «На родине твоей
Уже давно весны повеяло дыханье,
Там груди дышится просторней и вольней,
Там ближе чувствуешь природы прозябанье,

Там отсыревшая и рыхлая земля
Уж черной полосой мелькает в синей дали...
Из сохнувших лесов чрез ровные поля
Потоки снежные давно перебежали.

И сад, где весело ребенком бегал ты,
Такой же прелестью былого детства веет:
В нем всё под сладостным дыханьем теплоты
Стремительно растет, цветет и зеленеет».

Апрель 1856
Санкт-Петербург

33. НА НЕВЕ ВЕЧЕРОМ

Плывем. Ни шороха. Ни звука. Тишина.
Нестройный шум толпы всё дальше замирает,
И зданий и дерев немая сторона
Из глаз тихонько ускользает.

Плывем. Уж заревом полнеба облегло;
Багровые струи сверкают перед нами;
Качаяся, скользит покорное весло
Над полусонными водами...

И сердце просится в неведомую даль,
В душе проносятся неясные мечтанья,
И радость томная, и светлая печаль,
И непонятные желанья.

И так мне хорошо, и так душа полна,
Что взор с смущением невольным замечает,
Как зданий и дерев другая сторона
Всё ближе, ближе подступает.

30 мая 1856

34. ДОРО́ГОЙ

П. И. Чайковскому

Едешь, едешь в гору, в гору...
Солнце так и жжет.
Ни души! Навстречу взору
Только пыль встает.

Вон, мечты мои волнуя,
Будто столб вдали...
Но уж цифры не могу я
Различить в пыли.

И томит меня дремо́ю,
Жарко в голове...
Точно, помнишь, мы с тобою
Едем по Неве.

Всё замолкло. Не колышет
Сонная волна...
Сердце жадно волей дышит,
Негой грудь полна,

И под мерное качанье
Блещущей ладьи
Мы молчим, тая дыханье
В сладком забытьи...

Но тряска́ моя телега,
И далек мой путь,
А до мирного ночлега
Не могу заснуть.

И опять всё в гору, в гору
Едешь,— и опять
Те ж поля являют взору
Ту ж пустую гладь.

15 июня 1856
Павлодар

35. ОЖИДАНИЕ ГРОЗЫ

Н. Д. Карпову

Ночь близка... На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.

Тьмой и сном объяты воды...
Душен воздух... Вечер длится...
В этом отдыхе природы
Что-то грозное таится.

Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее.

Дождь закапает над нами
И, сбираясь понемногу,

Хлынет мутными ручьями
На пылящую дорогу.

Неба пасмурные своды
Ярким светом озарятся:
Забушуют эти воды,
Блеском неба загорятся,

И, пока с краев до края
Будут пламенем объяты,
Загудят, не умолкая,
Грома тяжкие раскаты.

16 июля 1856

36

Еду я ночью. Темно и угрюмо
  Стелется поле кругом.
Скучно! Дремлю я. Тяжелые думы
  Кроются в сердце моем.

Вижу я чудные очи... Тоскою
  Очи исполнены те,
Ласково манят куда-то с собою,
  Ярко горят в темноте.

Но на приветливый зов не спешу я...
  Мысль меня злая гнетет:
Вот я приеду; на небе, ликуя,
  Красное солнце взойдет,

А незакатные чудные очи,
  Полные сил и огня,
Станут тускнеть... И суровее ночи
  Будут они для меня.

Сердце опять мне взволнуют страданья,
  Трепет, смущение, страх;
Тихое слово любви и признанья
  С воплем замрет на устах.

И, безотрадно чуя несчастье,
  Поздно пойму я тогда,

Что не подметить мне искры участья
В этих очах никогда,

Что не напрасно ль в ночи́ безрассветной
Ехал я... в снах золотых,
Жаждал их взора, улыбки приветной,
Молча любуясь на них?

7 августа 1856
Павлодар

37. ОСЕННЯЯ ПРИМЕТА

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса,
Отцветающего лета
Равнодушная краса;
Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов,
В час заката — блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалека,
Дома — скука, в сердце — горе,
Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:
Вы мне бли́зки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей...
Увядай, мой сад пустынный,
Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

38. ПЛОВЦЫ

Сотрудникам «Училищного вестника»

Друзья, неведомым путем
На бой с невежеством, со злом
И с торжествующею ленью
Мы плыли. Ночь была темна,
За тучи пряталась луна,
Гроза ревела в отдаленье.

И мы внимали ей вдали,
Дружнее прежнего гребли;
Уж берег виделся в тумане...
Но вихорь смял наш бедный челн,
И он помчался между волн,
Как падший витязь, жаждя брани.

И под покровом той же тьмы
Нас мчал назад. Очнулись мы
На берегу своем печальном.
А берег милый, хоть чужой,
Как путеводною звездой
Сиял на горизонте дальнем.

И мы воспрянули душой...
И снова нас зовет на бой
Стремленье к истине свободной.
Так что ж! Пускай опять, друзья,
Помчит нас пó морю ладья,
Горя отвагой благородной!

Знакомый путь не страшен нам:
Мы выйдем нá берег, а там
Доспехи битв не нýжны боле:
Там воля крепкая нужна,
Чтоб бросить чести семена
На невозделанное поле.

И верьте, нам не долго ждать:
Мы поплывем туда опять,
На берегу нас солнце встретит;
Придет желанная пора
И жатву пышную добра
Оно с любовию осветит.

3 октября 1856

39. НОЧЬ

*К ****

Замолкли, путаясь, пустые звуки дня,
Один я наконец, всё спит кругом меня;
Всё будто замерло... Но я не сплю: мне больно
За день, в бездействии утраченный невольно.
От лампы бледный свет, бродящий по стенам,
Враждебным кажется испуганным очам;
Часы так глухо бьют, и с каждым их ударом
Я чую новый миг, прожитый мною даром.
И в грезах пламенных меж призраков иных
Я вижу образ твой, созданье дум моих;
Уж сердце чуткое бежит к нему пугливо...
Но он так холоден к печали молчаливой,
И так безрадостен, и так неуловим,
Что содрогаюсь я и трепещу пред ним...

Но утро близится... Тусклей огня мерцанье,
Тусклей в моей душе горят воспоминанья...
Хоть на мгновение обманчивый покой
Коснется вежд моих... А завтра, ангел мой,
Опять в часы труда, в часы дневного бденья
Ты мне предстанешь вдруг как грозное виденье.
Томясь, увижу я средь мелкой суеты
Осмеянную грусть, разбитые мечты
И чувство светлое, как небо в час рассвета,
Заглохшее впотьмах без слов и без ответа!..
И скучный день пройдет бесплодно... И опять
В мучительной тоске я буду ночи ждать,
Чтобы хоть язвами любви неутолимой
Я любоваться мог, один, никем не зримый...

20 октября 1856

40. ОТВЕТ АНОНИМУ

О друг неведомый! Предмет моей мечты,
Мой светлый идеал в посланье безымянном
Так грубо очернить напрасно хочешь ты:
Я клевета́м не верю странным.

А если ты и прав,— я чудный призрак мой,
Я ту любовь купил ценой таких страданий,
Что не отдам ее за мертвенный покой,
За жизнь без муки и желаний.

Так, ярким пламенем утешен и согрет,
Младенец самый страх и горе забывает,
И тянется к огню, и ловит беглый свет,
И крикам няни не внимает.

29 октября 1856

41. БОЖИЙ МИР

В. Н. Юферову

Как на божий мир, премудрый и прекрасный,
Я взгляну прилежней думой беспристрастной,

Точно будто тщетно плача и тоскуя,
У дороги пыльной в знойный день стою я...

Тянется дорога полосою длинной,
Тянется до моря... Всё на ней пустынно!

Нет кругом деревьев, лишь одни кривые
Высятся печально вехи верстовые.

И по той дороге вдаль неутомимо
Идут пешеходы мимо всё да мимо.

Что у них за лица? С невеселой думой
Смотрят исподлобья злобно и угрюмо,—

Те без рук, другие глухи, а иные
Идут спотыкаясь, точно как слепые.

Тесно им всем вместе, ни один не может
Своротить с дороги — всех перетревожит...

Разве что телега пробежит порою,
Бледных трупов ряд оставя за собою...

Мрут они... Телега бедняков сдавила —
Что ж! Не в первый раз ведь слабых давит сила.

И телеге тоже ведь не меньше горя:
Только поскорее добежит до моря...

И опять всё смолкнет... И всё мимо, мимо
Йдут пешеходы вдаль неутомимо,

Йдут без ночлега, йдут в полдень знойный,
С пылью поднимая гул шагов нестройный.

Где ж конец дороги?
За верстой последней,
Омывая берег у скалы соседней,

Под лучами солнца, в блеске с небом споря,
Плещется и бьется золотое море.

Вод его не видя, шуму их не внемля,
Бедные ступают прямо как на землю,—

Воды, расступаясь, путников как братьев
Тихо принимают в мертвые объятья,

И они всё так же злобно и угрюмо
Исчезают в море без следа и шума.

Говорят, что в море, в этой бездне чудной,
Взыщется сторицей путь их многотрудный,

Что за каждый шаг их по дороге пыльной
Там вознагражденье пышно и обильно!

Говорят... А море в красоте небесной
Так же нам незримо, так же неизвестно,

А мы видим только вехи верстовые —
Прожитые даром годы молодые,

Да друг друга видим — пешеходов темных,
Тружеников вечных, странников бездомных,

. . . .
. . . .

Видим жизнь пустую, путь прямой и дальний,
Пыльную дорогу — божий мир печальный...
15 ноября 1856

42. ПОСЛЕ БАЛА

Уж к утру близилось... Унынье превозмочь
На шумном празднике не мог я и тоскливо
Оставил скучный пир. Как день, сияла ночь.
Через Неву домой я ехал торопливо.

Всё было так мертво́ и тихо на реке.
Казались небеса спокойствием объяты;
Облитые луной, белели вдалеке
Угрюмые дворцы, заснувшие палаты.

И скрип моих саней один звучал кругом,
Но музыке иной внимал я слухом жадным:
То тихий стон ее в безмолвии ночном
Мне душу потрясал каким-то сном отрадным.

И чудилося мне: под тканью золотой,
При ярком говоре толпы немых видений,
В неведомой красе носились предо мной
Такие светлые, сияющие тени...

То вдруг какой-то страх и чувство пустоты
Сжимали грудь мою... Сменяя призрак ложный,
Другие чередой являлися мечты,
Другой носился бред, и странный и тревожный.

Пустыней белою тот пир казался мне,—
Тоска моя росла, росла, как стон разлуки...
И как-то жалобно дрожали в тишине
Напева бального отрывочные звуки.

4 января 1857

43. В АЛЬБОМ

В воспоминанье о поэте
Мне для стихов листочки эти
Подарены в былые дни;
Но бредом юным и невинным
Доныне в тлении пустынном
Не наполняются они.

Так перед Вами в умиленье
Я сердце, чуждое сомненья,
Навек доверчиво открыл;
Вы б только призраком участья
Могли исполнить бредом счастья
Его волнующийся пыл.

Вы не хотели... Грустно тлея,
Оно то билося слабее,
То, задрожав, пылало вновь...
О, переполните ж сторицей
И эти белые страницы,
И эту бедную любовь.

Зима 1857
Санкт-Петербург

44

Напрасно в час печали непонятной
Я говорю порой,
Что разлюбил навек и безвозвратно
Несчастный призрак твой,
Что скоро всё пройдет, как сновиденье...
Но отчего ж пока
Меня томят и прежнее волненье,
И робость, и тоска?
Зачем везде, одной мечтой томимый,
Я слышу в шуме дня,
Как тот же он, живой, неотразимый,
Преследует меня?
Настанет ночь. Едва в мечтаньях странных
Начну я засыпать,
Над миром грез и образов туманных
Он носится опять.
Проснусь ли я, припомню ль сон мятежный,
Он тут — глаза блестят;
Таким огнем, такою лаской нежной
Горит могучий взгляд...
Он шепчет мне: «Забудь твои сомненья!»
Я слышу звуки слов...
И весь дрожу, и снова все мученья
Переносить готов.

18 марта 1857

45. 22 МАРТА 1857 ГОДА

Н. И. М....ву

О Боже мой! Зачем средь шума и движенья,
Среди толпы веселой и живой
Я вдруг почувствовал невольное смущенье,
Исполнился внезапною тоской?
При звуках музыки, под звуки жизни шумной,
При возгласах ликующих друзей
Картины грустные любви моей безумной
Предстали мне полнее и живей.
Я бодро вновь терплю, что в страсти безнадежной
Уж выстрадал, чего уж больше нет,
Я снова лепечу слова молитвы нежной,
Я слышу вопль — и слышу смех в ответ.
Я вижу в темноте сверкающие очи,
Я чувствую, как снова жгут они...
Я вижу все в слезах проплаканные ночи,
Все в праздности утраченные дни!
И в будущее я смотрю мечтой несмелой...
Как страшно мне, как всё печально в нем!
Вот пир окончится... и в зале опустелой
Потухнет свет... И ночь пройдет. Потом,
Смеясь, разъедутся, как в праздники, бывало,
Товарищи досугов годовых,—
Останется у всех в душе о нас так мало,
Забудется так много у иных...
Но я... забуду ли прожитые печали,
То, что уж мной оплакано давно?
Нет, в сердце любящем, как в этой полной зале,
Всё станет вновь и пусто и темно.
И этих тайных слез, и этой горькой муки,
И этой страшной мертвой пустоты
Не заглушат вовек ни шумной жизни звуки,
Ни юных лет веселые мечты.

22 марта 1857

46

О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
О, не тревожь меня печалью старины,
Когда так пламенно природы обновленье
И так свежительно дыхание весны;

Когда так радостно над душными стенами,
Над снегом тающим, над пестрою толпой
Сверкают небеса горячими лучами,
Пророчат ласточки свободу и покой;
Когда во мне самом, тоски моей сильнее,
Теснят ее гурьбой веселые мечты,
Когда я чувствую, дрожа и пламенея,
Присутствие во всем знакомой красоты;
Когда мои глаза, объятые дремотой,
Навстречу тянутся к мелькнувшему лучу...
Когда мне хочется прижать к груди кого-то,
Когда не знаю я, кого обнять хочу;
Когда весь этот мир любви и наслажденья
С природой заодно так молод и хорош...
О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
Печалью старою мне сердца не тревожь!

20 апреля 1857

47

Опять я очнулся с природой!
И кажется, вновь надо мной
Всё радостно грезит свободой,
Всё веет и дышит весной.

Опять в безотчетном томленье,
Усталый, предавшись труду,
Я дней без труда и волненья
С каким-то волнением жду.

И слышу, как жизнь молодая
Желания будит в крови,
Как сердце дрожит, изнывая
Тоской беспредметной любви...

Опять эти звуки былого,
И счастья ребяческий бред...
И всё, что понятно без слова,
И всё, чему имени нет.

15 мая 1857

48. ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

В грезах сладострастных видел я тебя,
Грез таких не знал я никогда, любя.
Мне во сне казалось: к морю я пришел —
Полдень был так зноен, воздух так тяжел!
На скале горячей в ярком свете дня
Ты одна стояла и звала меня.
Но, тебя увидя, я не чуял ног
И, прикован взором, двинуться не мог.
Волосы, сверкая блеском золотым,
Падали кудрями по плечам твоим;
Голова горела, солнцем облита,
Поцелуя ждали сжатые уста.
Тайные желанья, силясь ускользнуть,
Тяжко колебали поднятую грудь,
Белые одежды, легки как туман,
Слабо закрывали твой цветущий стан,
Так что я под ними каждый страсти пыл,
Каждый жизни трепет трепетно ловил...
И я ждал, смятенный: миг еще, и вот —
Эта ткань, сорвавшись, в волны упадет...
Но волненьем страшным был я пробужден.
Медленно и грустно уходил мой сон.
К ложу приникая, я не мог вздохнуть,
Тщетные желанья колебали грудь,
Слезы, вырываясь с ропотом глухим,
Падали ручьями по щекам моим,
И, всю ночь рыдая, я молил богов:
Не тебя хотел я, а таких же снов!..

2 июня 1857
Мценск

49. РУССКИЕ ПЕСНИ

Как сроднились вы со мною,
Песни родины моей,
Как внемлю я вам порою,
Если вечером с полей
Вы доноситесь, живые,
И в безмолвии ночном
Мне созвучья дорогие
Долго слышатся потом.

Не могучий дар свободы,
Не монахи-мудрецы —
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы.
Но в тяжелые годины
Весь народ, до траты сил,
Весь — певец своей кручины —
Вас в крови своей носил.

И как много в этих звуках
Непонятного слилось!
Что за удаль в самых муках,
Сколько в смехе тайных слез!
Вечным рабством бедной девы,
Вечной бедностью мужей
Дышат грустные напевы
Недосказанных речей...

Что за речи, за герои!
То — Бог весть какой поры —
Молодецкие разбои,
Богатырские пиры,
То Москва, татарин злобный,
Володимир, князь святой...
То, журчанью вод подобный,
Плач княгини молодой.

Годы идут чередою...
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою,
Той же жалобой полны,
А подчас всё так же вольно
Славят солнышко-царя,
Да свой Киев богомольный,
Да Илью-богатыря.

1 июля 1857
Павлодар

50. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О, помнишь ли, давно — еще детьми мы были —
На шумном вечере мы встретились с тобой.
Но этот шум и блеск нас нéхотя томили,
Мы вышли на балкон. Мы мало говорили,
Нас ночь объяла вдруг отрадной тишиной.

Сквозь стекла виделось нам бледных свеч мерцанье,
Из комнат слышался нестройный гул речей,
А в небе виделось горячих звезд сверканье,
Из сада слышалось деревьев колыханье,
Над ближней рощей пел влюбленный соловей.

Я на тебя смотрел. Я чувство молодое
Любовию тогда назвать еще не смел...
Но я взволнован был в торжественном покое,
Но я дышавшее безмолвие ночное
Прервать ни голосом, ни вздохом не хотел.

Чему-то тайному разгадки неизбежной
Я с первым звуком ждал... Мгновение прошло.
И вдруг я зарыдал, проникнут грустью нежной,
А в глубине души светло и безмятежно
Такое полное веселие цвело.

8 июля 1857
Старое

51. УСПОКОЕНИЕ

Я видел труп ее безгласный!..
Я на темневшие черты —
Следы минувшей красоты —
Смотрел и долго и напрасно!
А с поля говор долетал,
Народ толпился в длинной зале,
Дьячок, крестясь, псалтырь читал,
У гроба женщины рыдали,
И, с бледным отблеском свечи
В окне сливаясь незаметно,
Кругом вечерние лучи
Ложились мягко и приветно.

И я, смущенный, в сад пошел...
(Тоска и страх меня томили.)
Но сад всё так же мирно цвел,
Густые липы те же были,
Всё так же синего пруда
Струи блестели в синей дали,
Всё так же птицы иногда
Над темной рощей распевали.
И ветер, тихо пролетев,
Скользил по елям заостренным,
Звенящий иволги напев
Сливая с плачем отдаленным.

23 июля 1857

52

Я знал его, любви прекрасный сон,
С неясными мечтами вдохновенья...
Как плеск струи, был тих вначале он,
Как майский день, светлы его виденья.
Но чем быстрей сгущался мрак ночной,
Чем дальше вглубь виденья проникали,
Тем всё бледней неслись они толпой,
И образы другие их сменяли.

Я знал его, любви тяжелый бред,
С неясными порывами страданья,
Со всей горячностью незрелых лет,
Со всей борьбой ревнивого терзанья...
Я изнывал. Томителен и жгуч,
Он с тьмою рос и нестерпимо длился...
Но день пришел, и первый солнца луч
Рассеял мрак. И призрак ночи скрылся.

Когда ж теперь с невольною тоской,
Чрез много дней томим воспоминаньем,
Я на тебя гляжу, о ангел мой,
И трепещу несбыточным желаньем,—
Тогда, поверь, далекий страсти гул
Меня страшит, я счастием не грежу:
Мне кажется, что сладко я заснул
И что сейчас мучительно забрежу.

Сентябрь 1857

53. СЕГОДНЯ МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 17 ЛЕТ...

1

«Шестнадцать только лет!— с улыбкою холодной
Твердили часто мне друзья.—
И в эти-то года такой тоской бесплодной
Звучит элегия твоя!
О нет! Напрасно, вняв ребяческим мечтаньям,
О них рассказывал ты нам,—
Не верим мы твоим непризнанным страданьям,
Твоим проплаканным ночам.
Взгляни на нас: толпой беспечно горделивой
Идем мы с жребием своим,
И жребий наш течет так мирно, так счастливо,
Что мы иного не хотим.
На чувство каждое мы смотрим безразлично,
А если и грустим порой,
Смотри, как наша грусть спокойна и прилична,
Как вся проникнута собой!
Пускай же говорят, что теплого участья
В иас горе ближних не найдет,
Что наша цель мелка, что грубо наше счастье,
Что нами двигает расчет...
Давно прошла пора, когда не для забавы
Таких бы слушали речей,—
Теперь иной уж век, теперь иные нравы,
Иные страсти у людей.

А ты? Ты жить, как мы, не хочешь, не умеешь,
И, полон гордой суеты,
Еще, как неба дар, возносишь и лелеешь
Свои безумные мечты...
Поэт, беги ты их, как гибельной заразы,—
Их судит строгая молва,
И все они, поверь, одни пустые фразы
И заучённые слова!»

2

Не для судей моих в ответ на суд жестокий,
Но для тебя, былых годов
Мой друг единственный, печальный и далекий,
Я сердце высказать готов.

Ты понял скорбь души, заглохшей на чужбине,
Но сам нередко говорил,
Что должен я беречь и прятать, как святыню,
Ее невысказанный пыл.
Ты музу скромную, не зная оправданья,
Так откровенно презирал...
О, я тебе скажу, как часто в час страданья
Ее, изменницу, я звал!
Я расскажу тебе, как я в тоске нежданной,
Ища желаниям предел,
Однажды полюбил... такой любовью странной,
Что долго верить ей не смел.
Бог весть, избыток чувств рвался ли неотвязно
Излиться вдруг на ком-нибудь,
Воображение ль кипело силой праздной,
Дышала ль чувственностью грудь,—
Но только знаю я, что в жизни одинокой
То были лучшие года,
Что я так пламенно, правдиво и глубоко
Любить не буду никогда.
И что ж? Неузнанны, осмеяны, разбиты,
К ногам вседневной суеты
Попадали кругом, внезапной тьмой покрыты,
Мои горячие мечты.
Во тьме глухих ночей, глотая молча слезы
(А слез, как счастия, я ждал!),
Проклятьями кормил я девственные грезы
И понапрасну проклинал...
Порой на будущность надежда золотая
Еще светлела впереди,
Но скоро и она погасла, замирая
В моей измученной груди...

Тому уж год прошел, то было ночью темной.
Раз, помню, выбившись из сил,
Покинув шумный пир, по площади огромной
Я торопливо проходил.
Бог знает, отчего тогда толпы веселой
Мне жизнь казалась далека,
И нá сердце моем, как камня гнет тяжелый,
Лежала черная тоска.
Я помню, мокрый снег мне хлопьями нещадно
Летел в лицо; над головой

Холодный ветер выл; пучиной безотрадной
Висело небо надо мной.
Я подошел к Неве... Из-за свинцовой дали
Она глядела всё темней,
И волны в полосах багровых колебали
Зловещий отблеск фонарей.
Я задрожал... И вдруг, отчаяньем томимый,
С последним ропотом любви
На мысль ужасную напал... О, мимо, мимо,
Воспоминания мои!

3

. . . .

4

. . . .

5

Но образы иные
Меня преследуют порой:
То детства мирного виденья золотые
Встают нежданно предо мной,
И через длинный ряд тоски, забот, сомненья
Опять мне слышатся в тиши
И игры шумные, и тихие моленья,
И смех неопытной души.
То снова новичком себя я вижу в школе...
Мой громкий смех замолк давно;
Я жадно рвусь душой к родным полям и к воле,
Мне всё так дико и темно.
И тут-то в первый раз, небесного напева
Кидая звуки по земле,
Явилась мне она, божественная дева,
С сияньем музы на челе.
Могучей красотой она не поражала,
Не обнажала скромных плеч,
Но сладость тихую мне в душу проливала
Ее замедленная речь.
С тех пор везде со мной: в трудах, в часы досуга,
В мечте обманчивого сна,

С словами нежными заботливого друга
Как тень носилася она.
Дрожащий звук струны, шумящий в поле колос,
Весь трепет жизни в ней кипел;
С рыданием любви ее сливался голос
И песни жалобные пел.
Но, утомленная моей борьбой печальной,
Моих усилий не ценя,
Уже давно, давно с усмешкою печальной
Она покинула меня.
И для меня с тех пор весь мир исчез, объятый
Какой-то страшной пустотой,
И сердце, сражено последнею утратой,
Забилось прежнею тоской.

6

Вчера еще в толпе, один, ища свободы,
Я, незамеченный, бродил
И тихо вспоминал все прожитые годы,
Всё, что я в сердце схоронил.
«Семнадцать только лет,— твердил я, изнывая,—
А сколько горечи, и зла,
И бесполезных мук мне эта жизнь пустая
Уже с собою принесла!»
Я чувствовал, как рос во мне порыв мятежный,
Как желчь кипела всё сильней,
Как мне противен был и говор неизбежный,
И шум затверженных речей...
И вдруг передо мной, небесного напева
Кидая звуки по земле,
Явилася она, божественная дева,
С сияньем музы на челе.
Как я затрепетал, проникнут чудным взором,
Как разом сердце расцвело!
Но строгой важностью и пламенным укором
Дышало милое чело.

«Когда взволнован ты,— она мне говорила,—
Когда с тяжелою тоской
Тебя влечет к добру неведомая сила,
Тогда зови меня и пой!
Я в голос твой пролью живые звуки рая,
И пусть не слушают его,

Но с ним твоя печаль как пыль исчезнет злая
От дуновенья моего!
Но в час, когда томим ты мыслью беспокойной,
Меня, посланницу любви,
Для желчных выходок, для злобы недостойной
И не тревожь, и не зови!..»

Скажи ж, о муза, мне: святому обещанью
Теперь ты будешь ли верней,
По-прежнему ль к борьбе, к труду и упованью
Пойдешь ли спутницей моей?
И много ли годов, тая остаток силы,
С тобой мне об руку идти,
И доведешь ли ты скитальца до могилы
Или покинешь на пути?
А может быть, на стон едва воскресшей груди
Ты безответно замолчишь,
Ты сердце скорбное обманешь, точно люди,
И, точно радость,— улетишь?..
Быть может, и теперь, как смерть неумолима,
Затем явилась ты сюда,
Чтобы в последний раз блеснуть неотразимо
И чтоб погибнуть навсегда.

15 ноября 1857
Санкт-Петербург

54. В ТЕАТРЕ

Часто, наскучив игрой бесталанною,
Я забываюсь в толпе,
Разные мысли, несвязные, странные,
Бродят тогда в голове.
Тихо мне шепчет мечта неотлучная:
Вот наша жизнь пред тобой —
Та же комедия, длинная, скучная,
Разве что автор другой.
А ведь сначала, полны ожидания,
Входим мы... Пламень в груди...
Много порывов, и слез, и желания,
Много надежд впереди.
Но чуть ступили на сцену мы новую —
Пламень мгновенно погас:

Глупо лепечем мы роль бестолковую,
Холодно слушают нас.
Если ж среди болтовни утомительной
В ком-нибудь вырвется стон
И зазвучит обо всем, что мучительно
В сердце подслушает он,—
Тут-то захлопают!.. Рукоплескания,
Крики... Минута пройдет —
Мощное слово любви и страдания
Так же бесплодно замрет.
Тянутся, тянутся сцены тяжелые,
Стынут, черствея, сердца,
Мы пропускаем уж сцены веселые,
Ждем терпеливо конца.
Занавесь спущена... Лавры завидные,
Может гордиться артист;
Слышно порой сожаленье обидное,
Чаще зевота и свист.
Вот и разъехались... Толки безвредные
Кончены... Говор затих,
Мы-то куда ж теперь денемся, бедные,
Гаеры жалкие их!
В длинном гробу — как на дроги наемные
Ляжем — и в путь без сумы
Прямо домой через улицы темные
Тихо потащимся мы.
Выедем зá город... Поле широкое...
Камни, деревья, кресты...
Снизу чернеет нам яма глубокая,
Звезды глядят с высоты...
Тут мы и станем... И связанных странников
Только бы сдать поскорей,—
В грязный чулан нас запрут, как изгнанников
С родины милой своей.
Долго ли нас там продержат — не сказано,
Что там — не знает никто,
Да и нам знать-то того не приказано,
Знает хозяин про то.

28 декабря 1857

55. РАССВЕТ

Видали ль вы рассвета час
За ночью темной и ненастной?
Давно уж буря пронеслась,
Давно уж смолкнул гул ужасный,
Но всё кругом еще хранит
Тяжелый след грозы нестройной,
Всё ждет чего-то и молчит!..
Всё полно мысли беспокойной.

Но вот у тучи роковой
Вдруг прояснился угол белый;
Вот за далекою горой
С востока что-то заалело;
Вон там, повыше, брызнул свет,—
Он вновь исчезнет ли за тучей
Иль станет, славный и могучий,
Среди небес?..
Ответа нет...

Но звук пастушеской свирели
Уж слышен в тишине полей,
И воздух кажется теплей,
И птички ранние запели.
Туманы, сдвинувшись сперва,
Несутся, ветром вдаль гонимы.

Теперь таков наш край родимый,
Теперь Россия такова.

6 января 1858

56. К ПРОПАВШИМ ПИСЬМАМ

Как по товарищу недавней нищеты
Друзья терзаются живые,
Так плачу я о вас, заветные листы,
Воспоминанья дорогие!..
Бывало, утомясь страдать и проклинать,
Томим бесцельною тревогой,
Я с напряжением прочитывал опять
Убогих тайн запас убогий.
В одних я уловлял участья краткий миг,
В других какой-то смех притворный,

И всё благословлял, и всё в мечтах моих
Хранил я долго и упорно.
Но больше всех одно мне памятно... Оно
Кругом исписано всё было,
Наместо подписи — чернильное пятно,
Как бы стыдяся, имя скрыло;
Так много было в нем раскаянья и слез,
Так мало слов и фразы шумной,
Что, помню, я и сам тоски не перенес
И зарыдал над ним, безумный.
Кому же нужно ты, нескладное письмо,
Зачем другой тобой владеет?
Кто разберет в тебе страдания клеймо
И оценить тебя сумеет?
Хозяин новый твой не скажет ли, шутя,
Что чувства в авторе глубоки,
Иль просто осмеет, как глупое дитя,
Твои оплаканные строки?..
Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года,
Тебя вернет мне добрый гений...
Но как мы встретимся?.. Что буду я тогда,
Затерянный в глуши сомнений?
Быть может, как рука, писавшая тебя,
Ты станешь чуждо мне с годами,
А может быть, опять, страдая и любя,
Я оболью тебя слезами!..
Бог весть! Но та рука еще живет,— на ней,
Когда-то теплой и любимой,
Всей страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится след неизгладимый.
А ты?.. Твой след пропал... Один в тиши ночной
С пустой шкатулкою сижу я,
Сгоревшая свеча дрожит передо мной,
И сердце замерло, тоскуя.

25 января 1858

57. Е. А. ХВОСТОВОЙ

Экспромт

Добры к поэтам молодым,
Вы каждым опытом моим
Велели мне делиться с вами,
Но я боюсь... Иной поэт,

Чудесным пламенем согрет,
Вас пел могучими стихами.

Вы были молоды тогда,
Для вдохновенного труда
Ему любовь была награда.
Вы отцвели — поэт угас,
Но он поклялся помнить вас
И в небесах, и в муках ада.

Я верю клятве роковой,
Я вам дрожащею рукой
Пишу свои стихотворенья
И, как несмелый ученик,
У вас хотя б на этот миг
Прошу *его* благословенья.

1 февраля 1858

58. МОЕ ОПРАВДАНИЕ

Не осуждай меня холодной думой,
Не говори, что только тот страдал,
Кто в нищете влачил свой век угрюмый,
Кто жизни яд до капли выпивал.

А тот, кого едва не с колыбели
Тяжелое сомнение гнетет,
Кто пред собой не видит ясной цели
И день за днем безрадостно живет;

Кто навсегда утратил веру в счастье,
Томясь, молил отрады у людей
И не нашел желанного участья,
И потерял изменчивых друзей;

Чей скорбный стон, стесненный горький шепот
В тиши ночей мучительно звучал...
Ужели в том таиться должен ропот?
Ужели тот, о Боже! не страдал!

12 марта 1858

59. В ВАГОНЕ

Спите, соседи мои!
Я не засну, я считаю украдкой
Старые язвы свои...
Вам же ведь спится спокойно и сладко,—
Спите, соседи мои!

Что за сомненье в груди!
Боже, куда и зачем я поеду?
Есть ли хоть цель впереди?
Разве чтоб быть изголовьем соседу...
Спите, соседи мои!

Что за тревоги в крови!
А, ты опять тут, былое страданье,
Вечная жажда любви...
О, удалитесь, засните, желанья...
Спите, мученья мои!

Но уж тусклей огоньки
Блещут за стеклами... Ночь убегает,
Сердце болит от тоски,
Тихо глаза мне дремота смыкает...
Спите, соседи мои!

27 марта 1858
Москва

60. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ОКУ

В час утра раннего отчаливал челнок,
Гребцы неистово кричали,
Разлив, волнуясь, рос; белеющий восток
Едва глядел из темной дали.

И долго плыл наш челн... Когда же я потом
Взглянул,— у самой середины,
Качаясь, он стоял, и мимо нас кругом
Неслись разрозненные льдины.

А там, на берегу, лежал пластами снег,
Деревья свесились уныло,
И солнце уж светло из-за деревьев тех
У храма купол золотило.

Не так ли ты, о Русь, широко разлилась,
И в яром, бешеном стремленье
Надолго твой разлив прервал с тобою связь
Друзей добра и просвещенья.

И горсть отважная сынов твоих гребет,
Кругом один отпор холодный...
И неужели же, споткнувшися на лед,
Они ко дну пойдут бесплодно?

Нет! Новый близок день — смотрите, что за вид:
Всё небо в зареве над нами,
И солнце радостно равнину золотит,
Посеребренную снегами.

28 марта 1858
Серпухов

61. ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Он прийти обещал до рассвета ко мне,
Я томлюсь в ожидании бурном,
Уж последние звезды горят в вышине,
Погасая на небе лазурном.
Без конца эта ночь, еще долго мне ждать...
Что за шорох! Не он ли, о Боже!
Я встаю, я бегу, я упала опять
На мое одинокое ложе!

Близок день, над водою поднялся туман,
Я горю от бесплодных мучений,
Но вот щелкнул замок — уж теперь не обман,—
Вот, дрожа, заскрипели ступени...
Это он, это он, мой избранник любви!
Еще миг — он войдет, торжествуя...
О, как пламенны будут лобзанья мои,
О, как жарко его обниму я!

6 апреля 1858
Павлодар

62—64. *ИЗ ВЕСЕННИХ ПЕСЕН*

1

Весенней ночи сумрак влажный
Струями льется предо мной,
И что-то шепчет гул протяжный
Над обновленною землей.

Зачем, о звезды, вы глядите
Сквозь эти мягкие струи?
О чем так громко вы журчите,
Неугомонные ручьи?

Вам долго слух без мысли внемлет,
К вам без тоски прикован взор...
И сладко грудь мою объемлет
Какой-то тающий простор.

10 апреля 1858
Павлодар

2

Вчера у окна мы сидели в молчанье...
Мерцание звезд, соловья замиранье,
    Шумящие листья в окно,
И нега, и трепет... Не правда ль, всё это
Давно уже было другими воспето
    И нам уж знакомо давно?

Но я был взволнован мечтой невозможной,
Чего-то в прошедшем искал я тревожно,
    Забытые спрашивал сны...
В ответ только звезды светлее горели,
Да слышались громче далекие трели
    Певца улетавшей весны.

16 мая 1858
Павлодар

3

Опять весна! Опять какой-то гений
Мне шепчет незнакомые слова,
И сердце жаждет новых песнопений,
И в забытьи кружится голова.

Опять кругом зазеленели нивы,
Черемуха цветет, блестит роса,
И над землей, светлы и горделивы,
Как купол храма, блещут небеса.

Но этой жизни мне теперь уж мало,
Душа моя тоской отравлена́...
Не так она являлась мне, бывало,
Красавица, волшебница-весна!
Сперва ребенка языку природы
Она, смеясь, учила в тишине,
И для меня сбирала хороводы,
И первый стих нашептывала мне.

Потом, когда с тревогой непонятной
Зажглася в сердце отрока любовь,
Она пришла и речью благодатной
Живила сны и волновала кровь:
Свидания влюбленным назначала,
Ждала, томилась с нами заодно,
Мелодией по клавишам звучала,
Врывалася в раскрытое окно

Теперь на жизнь гляжу я оком мужа,
И к сердцу моему, как в дверь тюрьмы,
Уж начала подкрадываться стужа,
Печальная предвестница зимы...
Проходят дни без страсти и без дела,
И чья-то тень глядит из-за угла..
Что ж, неужели юность улетела?
Ужели жизнь прошла и отцвела?

Погибну ль я в борьбе святой и честной
Иль просто так умру в объятьях сна —
Явися мне в моей могиле тесной,
Красавица, волшебница-весна!
Покрой меня травой и свежим дерном,
Как прежде, разукрась свои черты,
И над моим забытым трупом черным
Рассыпь свои любимые цветы!..

1860

65. ПРОБУЖДЕНИЕ

Проснулся я... В раскрытое окно
Повеяло прохладой и цветами;
Уж солнце ходит по́ небу давно,
А соловей не молкнет за кустами.
Я слушаю: так песнь его полна
Тоскливого и страстного желанья,
Так радостно проносится весна,
Что кажется, на что б еще страданье?

Но мне всю ночь ужасный снился сон,
Но дважды я всё с той же грезой бился,
И каждый раз был стоном пробужден,
И после долго плакал и томился...
Мне тяжело. О нет, в немой ночи
Отраднее сносить такие грезы.
О, слишком жгут весенние лучи
Еще недавно высохшие слезы!

9 мая 1858
Павлодар

66. ПЕСНИ

Май на дворе... Началися посевы,
    Пахарь поет за сохой...
Снова внемлю вам, родные напевы,
    С той же глубокой тоской!

Но не одно гореванье тупое —
    Плод бесконечных скорбей,—
Мне уже слышится что-то иное
    В песнях отчизны моей.

Льются смелей заунывные звуки,
    Полные сил молодых.
Многих годов пережитые муки
    Грозно скопилися в них...

Так вот и кажется, с первым призывом
    Грянут они из оков
К вольным степям, к нескончаемым нивам,
    В глубь необъятных лесов.

Пусть тебя, Русь, одолели невзгоды,
Пусть ты — унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям не дана!

10 мая 1858

67

На голове невесты молодой
Я золотой венец держал в благоговенье...
Но сердце билося невольною тоской;
Бог знает отчего, носились предо мной
Все жизни прежней черные мгновенья...
Вот ночь. Сидят друзья за пиром молодым.
Как много их! Шумна беседа их живая...
Вдруг смолкло всё. Один по комнатам пустым
Брожу я, скукою убийственной томим,
И свечи гаснут, замирая.
Вот постоялый двор заброшенный стоит.
Над ним склоняются уныло
Ряды желтеющих ракит,
И ветер осени, как старою могилой,
Убогой кровлею шумит.
Смеркается... Пылит дорога...
Что ж так мучительно я плачу? Ты со мной,
Ты здесь, мой бедный друг, печальный и больной,
Я слышу: шепчешь ты... Так грусти много, много
Скоплялось в звук твоих речей.
Так ясно в памяти моей
Вдруг ожили твои пустынные рыданья
Среди пустынной тишины,
Что мне теперь и дики и смешны
Казались песни ликованья.
Приподнятый венец дрожал в моей руке,
И сердце верило пророческой тоске,
Как злому вестнику страданья...

11 мая 1858

68. СОСЕД

Как я люблю тебя, дородный мой сосед,
Когда, дыша приязнью неизменной,
Ты плавной поступью приходишь на обед
С улыбкой вкрадчиво-смиренной!
Мне нравятся в тебе — твой сладкий голосок,
Избыток важности и дум благочестивых,
И тихо льющийся, заманчивый поток
Твоих бесед медоточивых;
Порою мысль твоя спокойно-высока,
Порой приходишь ты в волненье,
Касаясь не без желчи, хоть слегка,
Ошибок старого дьячка
И молодого поколенья...
И, долго слушая, под звук твоих речей
Я забываюся... Тогда в мечте моей
Мне чудится, что, сев в большие дроги,
На паре толстых лошадей
Плетусь я по большой дороге.
Навстречу мне пустынный путь лежит:
Нет ни столбов, ни вех, ни гор, ни перевоза,
Ни даже тощеньких ракит,
Ни даже длинного обоза,—
Всё гладко и мертво; густая пыль кругом...
А серый пристяжной с своей подругой жирной
По знойному пути бредут себе шажком,
И я полудремлю, раскачиваясь мирно.

26 мая 1858

69

Я покидал тебя... Уж бал давно затих,
Неверный утра луч играл в кудрях твоих,
Но чудной негою глаза еще сверкали;
Ты тихо слушала слова моей печали,
Ты улыбалася, измятые цветы
Роняла нéхотя... И верные мечты
Нашептывали мне весь шум и говор бала:
Опять росла толпа, опять блистала зала,
И вальс гремел, и ты с улыбкой молодой
Вся в белом и в цветах неслась передо мной...
А я? Я трепетал, и таял поминутно,
И, тая, полон был какой-то грустью смутной!

4 июня 1858

70. РАСЧЕТ

Я так тебя любил, как ты любить не можешь:
Безумно, пламенно... с рыданием немым.
Потухла страсть моя, недуг неизлечим —
Ему забвеньем не поможешь!

Всё кончено... Иной я отдаюсь судьбе,
С ней я могу идти бесстрастно до могилы;
Ей весь избыток чувств, ей весь остаток силы,
Одно проклятие — тебе.

6 июня 1858

71. КАРТИНА

С невольным трепетом я, помню, раз стоял
Перед картиной безымянной:
Один из ангелов случайно пролетал
У берегов земли туманной.
И что ж? На кроткий лик немая скорбь легла;
В его очах недоуменье:
Не думал он найти так много слез и зла
Среди цветущего творенья!..

Так вам настанет срок. На шумный жизни пир
Войдете тихими шагами...
Но он вам будет чужд, холодный этот мир,
С его безумством и страстями!
Нет, пусть же лучше вам не знать его; пускай
Для вас вся жизнь пройдет в покое,
Как покидаемый навеки вами рай,
Как ваше детство золотое!

11 июня 1858

72. ЛЕТНЕЙ РОЗЕ

Что так долго и жестоко
Не цвела ты, дочь Востока,
Гостья нашей стороны?
Пронеслись они, блистая,
Золотые ночи мая,
Золотые дни весны.

Знаешь, тут под тенью сонной
Ждал кого-то и, влюбленный,
Пел немолчно соловей;
Пел так тихо и так нежно,
Так глубоко безнадежно
Об изменнице своей!

Если б ты тогда явилась,
Как бы чудно оживилась
Песня, полная тоской;
Как бы он, певец крылатый,
Наслаждением объятый,
Изнывал перед тобой!

Словно перлы дорогие,
На листы твои живые
Тихо б падала роса;
И сквозь сумрачные ели
Высоко б на вас глядели
Голубые небеса.

19 июня 1858

73. ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

Прощай, приют родной, где я с мечтой ленивой
Без горя проводил задумчивые дни.
Благодарю за мир, за твой покой счастливый,
За вдохновения твои!
Увы, в последний раз в тоскливом упоенье
Гляжу на этот сад, на дальние леса,—
Меня отсюда мчит иное назначенье,
И ждут иные небеса.
А если, жизнью смят, обманутый мечтами,
К тебе, как блудный сын, я снова возвращусь,—
Кого еще найду меж старыми друзьями
И так ли с новыми сойдусь?

И ты... что будешь ты, страна моя родная?
Поймет ли твой народ всю тяжесть прежних лет?
И буду ль видеть я, хоть свой закат встречая,
Твой полный счастия рассвет?

26 июня 1858
Павлодар

74. А. А. ФЕТУ

Прости, прости, поэт, раз, сам того не чая,
На музу ты надел причудливый убор;
Он был ей не к лицу, как вихорь — ночи мая,
  Как русской деве — томный взор!

Его заметила на музе величавой
Девчонка резвая, бежавшая за ней,
И стала хохотать, кривляяся лукаво
  Перед богинею твоей.

Но строгая жена с улыбкою взирала
На хохот и прыжки дикарки молодой,
И, гордая, прошла и снова заблистала
  Неувядаемой красой.

2 июля 1858

75. ПРОСЕЛОК

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по лугам, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым.
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на небе румяном,
Вся она росою блещет под туманом,
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный.
Всё молчит, всё дремлет,— в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,
И, куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью да простором.
На гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленье.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина...
Бедная картина! Милая картина!..
Вот навстречу бодро мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегает.
Жарко... День, краснея, всходит понемногу...

Скоро на большую выедем дорогу.
Там стоят ракиты, по порядку, чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Из столиц идет там всякая новинка...
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съехал: впереди — застава,
Сзади — пыль да версты... Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной,
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

6 июля 1858, ⟨1886⟩
Павлодар

76. СЕЛЕНЬЕ

Здравствуй, старое селенье,
Я знавал тебя давно.
Снова песни в отдаленье,
И, как прежде, это пенье
На лугах повторено.

И широ́ко за лугами
Лесом красится земля,
И зернистыми снопами
Скоро лягут под серпами
Отягченные поля.

Но, как зреющее поле,
Не цветут твои жнецы,
Но в ужасной дикой доле,
В сокрушительной неволе
Долго жили их отцы;

Но духовными плодами
Не блестит твоя земля;
Но горючими слезами,
Но кровавыми ручьями
Смочены твои поля.

Братья! Будьте же готовы,
Не смущайтесь — близок час:

Срок окончится суровый,
С ваших плеч спадут оковы,
Перегнившие на вас!

Будет полдень молчаливый,
Будет жаркая пора...
И тогда, в тот день счастливый,
Собирайте ваши нивы,
Пойте песни до утра!

О, тогда от умиленья
Встрепенуться вам черед!
О, тогда-то на селенье
Луч могучий просвещенья
С неба вольности блеснет!

16 июля 1858

77

Гремела музыка, горели ярко свечи,
Вдвоем мы слушали, как шумный длился бал.
Твоя дрожала грудь, твои пылали плечи,
Так ласков голос был, так нежны были речи,
Но я в смущении не верил и молчал.

В тяжелый горький час последнего прощанья
С улыбкой на лице я пред тобой стоял,
Рвалася грудь моя от боли и страданья,
Печальна и бледна, ты жаждала признанья...
Но я в волнении томился и молчал.

Я ехал. Путь лежал передо мной широко...
Я думал о тебе, я всё припоминал,
О, тут я понял всё, я полюбил глубоко,
Я говорить хотел, но ты была далёко,
Но ветер выл кругом... я плакал и молчал.

22 июля 1858

78. ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Идиллия

Жарко мне! Не спится...
Месяц уж давно,
Красный весь, глядится
В низкое окно.
Призатихло в поле,
В избах полегли;
Уж слышней на воле
Запах конопли,
Уж туманы скрыли
Потемневший путь...
Слезы ль, соловьи ли —
Не дают заснуть...

Жарко мне! Не спится..
Сон от глаз гоня,
Что-то шевелится
В сердце у меня.
Точно плачет кто-то,
Стонет позади...
В голове забота,
Камень на груди;
Точно я сгораю
И хочу обнять...
А кого — не знаю,
Не могу понять.

Завтра воскресенье...
Гости к нам придут,
И меня в селенье,
В церковь повезут.
Средь лесов дремучих
Свадьба будет там...
Сколько слез горючих
Лить мне по ночам!
Все свои печали
Я таю́ от дня...
Если б только знали,
Знали про меня!

Как вчера я встала
Да на пашню шла,

Парня повстречала
С ближнего села.
Нрава, знать, такого —
Больно уж не смел:
Не сказал ни слова,
Только посмотрел...
Да с тех пор томится
Вся душа тоской...
Пусть же веселится
Мой жених седой!

Только из тумана
Солнышко блеснет,
Поднимусь я рано,
Выйду из ворот...
Нет, боюсь признаться...
Как отцу сказать?
Станет брат ругаться,
Заколотит мать...
Жарко мне! Не спится...
Месяц уж давно,
Красный весь, глядится
В низкое окно.

24 июля 1858

79. MEMENTO MORI [1]

Когда о смерти мысль приходит мне случайно,
Я не смущаюся ее глубокой тайной
И, право, не крушусь, где сброшу этот прах,
Напрасно гибнущую силу.
На пышном ложе ли, в изгнанье ли, в волнах,
Для похорон друзья сберутся ли уныло,
Напьются ли они на тех похоронах
Иль неотпетого свезут меня в могилу,—
Мне это всё равно... Но если, Боже мой!
Но если не всего меня разрушит тленье
И жизнь за гробом есть — услышь мой стон больной,
Услышь мое тревожное моленье!

---

[1] Помни о смерти (лат.).— *Ред.*

Пусть я умру весной. Когда последний снег
Растает на полях и радостно на всех
Пахнет дыханье жизни новой,
Когда бессмертия постигну я мечту,
Дай мне перелететь опять на землю ту,
Где я страдал так горько и сурово.
Дай мне хоть раз еще взглянуть на те поля,
Узнать, всё так же ли вращается земля
В своем величье неизменном,
И те же ли там дни, и так же ли роса
Слетает по утрам на берег полусонный,
И так же ль сини небеса,
И так же ль рощи благовонны?
Когда ж умолкнет всё и тихо над землей
Зажжется свод небес далекими огнями,
Чрез волны облаков, облитые луной,
Я понесусь назад, неслышный и немой,
Несметными окутанный крылами.
Навстречу мне деревья, задрожав,
В последний раз пошлют свой ропот вечный,
Я буду понимать и шум глухой дубрав,
И трели соловья, и тихий шелест трав,
И речки говор бесконечный.
И тем, по ком страдал я чувством молодым,
Кого любил с таким самозабвеньем,
Явлюся я... не другом их былым,
Не призраком могилы роковым,
Но грезой легкою, но тихим сновиденьем.
Я всё им расскажу. Пускай хоть в этот час
Они поймут, какой огонь свободный
В груди моей горел, и тлел он, и угас,
Неоцененный и бесплодный.
Я им скажу, как я в былые дни
Из душной темноты напрасно к свету рвался,
Как заблуждаются они,
Как я до гроба заблуждался!

19 сентября 1858

80

Глянь, как тускло и бесплодно
Солнце осени глядит,
Как печально дождь холодный
Каплет, каплет на гранит.

Так без счастья, без свободы,
Увядая день за днем,
Скучно длятся наши годы
В ожидании тупом.

Если б страсть хоть на мгновенье
Отуманила глаза,
Если б вечер наслажденья,
Если б долгая гроза!

Бьются ровно наши груди,
Одиноки вечера...
Что за небо, что за люди,
Что за скучная пора!?

19 октября 1858

81. 19 ОКТЯБРЯ 1858 ГОДА

Памяти Пушкина

Я видел блеск свечей, я слышал скрипок вой,
Но мысль была чужда напевам бестолковым,
И тень забытая носилась предо мной
В своем величии суровом.

Курчавым мальчиком, под сень иных садов
Вошел он в первый раз, исполненный смущенья;
Он помнил этот день среди своих пиров,
Среди невзгод и заточенья.

Я вижу: дремлет он при свете камелька,
Он только ветра свист да голос бури слышит;
Он плачет, он один... и жадная рука
Привет друзьям далеким пишет.

Увы! где те друзья? Увы! где тот поэт?
Невинной жертвою пал труп его кровавый...
Пируйте ж, юноши,— его меж вами нет,
Он не смутит вас дерзкой славой!

19 октября 1858
Лицей

82. НА БАЛЕ

Из дальнего угла следя с весельем ложным
За пиром молодым,
Я был мучительным, и странным, и тревожным
Желанием томим:

Чтоб всё исчезло вдруг — и лица, и движенье,—
И в комнате пустой
Остался я один, исполненный смущенья,
Недвижный и немой.

Но чтобы гул речей какой-то силой чуда
Летел из-за угла,
Но чтобы музыка, неведомо откуда,
Звучала и росла,

Чтоб этот шум, и блеск, и целый рой видений
В широкий хор слились,
И в нем знакомые, сияющие тени,
Бесплотные, неслись.

5 декабря 1858

83. М-МЕ ВОЛЬНИС

Искусству всё пожертвовать умея,
Давно, давно явилася ты к нам,
Прелестная, сияющая «фея»
По имени, по сердцу, по очам [1].
Я был еще тогда ребенком неразумным,
Я лепетать умел едва,
Но помню: о тебе уж радостно и шумно
Кричала громкая молва.

Страдания умом не постигая,
Я в первый раз в театре был. И вот
Явилась ты печальная, седая,
Иссохшая под бременем невзгод [2].
О дочери стеня, ты на пол вдруг упала,
Твой голос тихо замирал...

---

[1] Дебютировала под именем «Leontine Fée».
[2] В драме: «Closerie de genêts».

Тут в первый раз душа во мне затрепетала,
И как безумный я рыдал!

Томим тоской, утратив смех и веру,
Чтоб отдохнуть усталою душой,
Недавно я пошел внимать Мольеру,
И ты опять явилась предо мной.
Смеясь, упала ты под гром рукоплесканья [1],
Твой голос весело звучал...
О, в этот миг я все позабывал страданья
И как безумный хохотал!

На жизнь давно глядишь ты строгим взором,
И много лет тобой погребено,
Но твой талант окреп под их напором,
Как Франции кипучее вино.
И между тем как всё вокруг тебя бледнеет,
Ты — как вечерняя звезда,
Которая то вдруг исчезнет, то светлеет,
Не угасая никогда.

24 декабря 1858

84. Н. А. НЕВЕДОМСКОЙ

Я слушал вас... Мои мечты
Летели вдаль от светской скуки;
Над шумом праздной суеты
Неслись чарующие звуки.

Я слушал вас... И мне едва
Не снились вновь, как в час разлуки,
Давно замолкшие слова,
Давно исчезнувшие звуки.

Я слушал вас... И ныла грудь,
И сердце рва́лося от муки,
И слово горькое «забудь»
Твердили гаснувшие звуки...

30 декабря 1858

---

[1] В роли Nicole в «Le bourgeois-gentilhomme».

85. НА НОВЫЙ ⟨1859⟩ ГОД

Радостно мы год встречаем новый,
Старый в шуме праздничном затих.
Наши кубки полные готовы,—
За кого ж, друзья, поднимем их?

За Россию? Бедная Россия!
Видно, ей расцвесть не суждено,
В будущем — надежды золотые,
В настоящем — грустно и темно.

Друг за друга выпьем ли согласно?
Наша жизнь — земное бытие —
Так проходит мудро и прекрасно,
Что и пить не стоит за нее!

Наша жизнь волненьями богата,
С ней расстаться было бы не жаль,
Что ни день — то новая утрата,
Что ни день — то новая печаль.

Впрочем, есть у нас счастливцы. Эти
Слезы лить отвыкли уж давно,—
Весело живется им на свете,
Им страдать и мыслить не дано.

Пред людьми заслуги их различны:
Имя предка, деньги и чины...
Пусты, правда, да зато приличны,
Неизменной важностью полны.

Не забьются радостью их груди
Пред добром, искусством, красотой...
Славные, практические люди,
Честь и слава для страны родной!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Так за их живое поколенье
Кубки мы, друзья, соединим —
И за всё святое провиденье
В простоте души благословим.

1 января 1859
Санкт-Петербург

86. ГРЕЦИЯ

Посвящается Н. Ф. Щербине

Поэт, ты видел их развалины святые,
Селенья бедные и храмы вековые,—
Ты видел Грецию, и на твои глаза
Являлась горькая художника слеза.
Скажи, когда, склонясь под тенью сикоморы,
Ты тихо вдаль вперял задумчивые взоры
И море синее плескалось пред тобой,—
Послушная мечта тебе шептала ль страстно
О временах иных, стране совсем иной,
Стране, где было всё так юно и прекрасно?
Где мысль еще жила о веке золотом,
Без рабства и без слез... Где, в блеске молодом,
Обожествленная преданьями народа,
Цвела и нежилась могучая природа...
Где, внемля набожно оракула словам,
Доверчивый народ бежал к своим богам
С веселой шуткою и речью откровенной,
Где боги не были угрозой для вселенной,
Но идеалами великими полны...
Где за преданием не пряталося чувство,
Где были красоте лампады возжены,
Где Эрос сам был бог, а цель была искусство;
Где выше всех венков стоял венок певца,
Где пред напевами хиосского слепца
Склонялись мудрецы, и судьи, и гетеры;
Где в мысли знали жизнь, в любви не знали меры,
Где всё любило, всё, со страстью, с полнотой,
Где наслаждения бессмертный не боялся,
Где молодой Нарцисс своею красотой
В томительной тоске до смерти любовался,
Где царь пред статуей любовью пламенел,
Где даже лебедя пленить умела Леда
И, верно; с трепетом зеленый мирт глядел
На грудь Аспазии, на кудри Ганимеда..

13 января 1859

87

Волшебные слова любви и упоенья
Я слышал наконец из милых уст твоих,
Но в странной робости последнего сомненья
Твой голос ласковый затих.

Давно, когда, в цветах синея и блистая,
Неслася над землей счастливая весна,
Я помню, видел раз, как глыба снеговая
На солнце таяла одна.

Одна... кругом и жизнь, и говор, и движенье...
Но солнце всё горит, звучней бегут ручьи...
И в полдень снега нет, и радость обновленья
До утра пели соловьи.

О, дай же доступ мне, моей любви мятежной,
О, сбрось последний снег, растай, растай скорей...
И я тогда зальюсь такою песней нежной,
Какой не ведал соловей!

5 февраля 1859

88. В ГОРЬКУЮ МИНУТУ

Небо было черно, ночь была темна.
Помнишь, мы стояли молча у окна,
Непробудно спал уж деревенский дом.
Ветер выл сердито под твоим окном,
Дождь шумел по крыше, стекла поливал,
Свечка догорела, маятник стучал...
Медленно вздыхая, ты глядела вдаль,
Нас обоих грызла старая печаль!
Ты заговорила тихо, горячо...
Ты мне положила руку на плечо...
И в волненье жадном я приник к тебе...
Я так горько плакал, плакал о себе!
Сердце разрывалось, билось тяжело...
То давно уж было, то давно прошло!
. . . .
. . . .

О, как небо черно, о, как ночь темна,
Как домами тяжко даль заслонена...
Слез уж нет... один я... и в душе моей,
Верь, еще темнее и еще черней.

7 февраля 1859

89

Когда так радостно в объятиях твоих
Я забывал весь мир с его волненьем шумным,
О будущем тогда не думал я. В тот миг
Я полон был тобой да счастием безумным.

Но ты ушла. Один, покинутый тобой,
Я посмотрел кругом в восторге опьяненья,
И сердце в первый раз забилося тоской,
Как бы предчувствием далекого мученья.

Последний поцелуй звучал в моих ушах,
Последние слова носились близко где-то...
Я звал тебя опять, я звал тебя в слезах,
Но ночь была глуха, и не было ответа!

С тех пор я всё зову... Развенчана мечта,
Пошли иные дни, пошли иные ночи...
О Боже мой! Как лгут прекрасные уста,
Как холодны твои пленительные очи!

16 февраля 1859

90

Затих утомительный говор людей,
Потухла свеча у постели моей,
Уж близок рассвет; мне не спится давно...
Болит мое сердце, устало оно.
Но кто же приник к изголовью со мной?
Ты ль это, мой призрак, мой ангел земной?
О, верь мне, тебя я люблю глубоко...
Как девственной гру́ди дыханье легко,
Как светит и греет твой ласковый взгляд,
Как кротко в тиши твои речи звучат!
Ты руку мне жмешь — она жарче огня...
Ты долго и нежно целуешь меня...

Ты тихо уходишь... О Боже! Постой...
Останься, мой ангел, останься со мной!
Ведь этих лобзаний, навеянных сном,
Ведь этого счастья не будет потом!
Ведь завтра опять ты мне бросишь едва
Холодные взгляды, пустые слова,
Ведь сердце опять запылает тоской...
Останься, мой ангел, мне сладко с тобой!

16 апреля 1859

91

Мне было весело вчера на сцене шумной,
Я так же, как и все, комедию играл,—
И радовался я, и плакал я безумно,
И мне театр рукоплескал.

Мне было весело за ужином веселым,
Заздравный свой стакан я также поднимал,
Хоть ныла грудь моя в смущении тяжелом
И голос в шутке замирал.

Мне было весело... Над выходкой забавной
Смеясь, ушла толпа, веселый говор стих,—
И я пошел взглянуть на залу, где недавно
Так много, много было их!

Огонь давно потух. На сцене опустелой
Валялися очки с афишею цветной,
Из окон лунный свет бродил по ней несмело,
Да мышь скреблася за стеной.

И с камнем на́ сердце оттуда убежал я;
Бессонный и немой сидел я до утра,—
И плакал, плакал я, и слез уж не считал я...
Мне было весело вчера.

19 апреля 1859

92

Мы на сцене играли с тобой
И так нежно тогда целовались,
Что все фарсы комедии той
Мне возвышенной драмой казались.

И в веселый прощания час
Мне почудились дикие стоны:
Будто обнял в последний я раз
Холодеющий труп Дездемоны...

Позабыт неискусный актер,
Поцелуи давно отзвучали,
Но я горько томлюся с тех пор
В безысходной и жгучей печали.

И горит, и волнуется кровь,
На устах пламенеют лобзанья...
Не комедия ль эта любовь,
Не комедия ль эти страданья?

20 апреля 1859

93

Какое горе ждет меня?
Что мне зловещий сон пророчит?
Какого тягостного дня
Судьба еще добиться хочет?
Я так страдал, я столько слез
Таил во тьме ночей безгласных,
Я столько молча перенес
Обид, тяжелых и напрасных;
Я так измучен, оглушен
Всей жизнью, дикой и нестройной,
Что, как бы страшен ни был сон,
Я дней грядущих жду спокойно...
Не так ли в схватке боевой
Солдат израненный ложится
И, чуя смерть над головой,
О жизни гаснущей томится,
Но вражьих пуль уж не боится,
Заслыша визг их пред собой.

3 мая 1859

94. УТЕШЕНИЕ ВЕСНЫ

Не плачь, мой певец одинокой,
Покуда кипит в тебе кровь.
Я знаю: коварно, жестоко
Тебя обманула любовь.

Я знаю: любовь незабвенна...
Но слушай: тебе я верна,
Моя красота неизменна,
Мне вечная юность дана!

Покроют ли небо туманы,
Приблизится ль осени час,
В далекие, теплые страны
Надолго я скроюсь от вас.

Как часто в томленьях недуга
Ты будешь меня призывать,
Ты ждать меня будешь, как друга,
Как нежно любимую мать!

Приду я... На душу больную
Навею чудесные сны
И язвы легко уврачую
Твоей безрассудной весны!

Когда же по мелочи, скупо
Растратишь ты жизнь и — старик —
Начнешь равнодушно и тупо
Мой ласковый слушать язык,—

Тихонько, родными руками,
Я вежды твои опущу,
Твой гроб увенчаю цветами,
Твой темный приют посещу,

А там — под покровом могилы —
Умолкнут и стоны любви,
И смех, и кипевшие силы,
И скучные песни твои!

5 мая 1859
Санкт-Петербург

95

Ни веселья, ни сладких мечтаний
Ты в судьбе не видала своей:
Твоя жизнь была цепью страданий
И тяжелых, томительных дней.
Видно, Господу было так нужно:
Тебе крест он тяжелый судил,—
Этот крест мы несли с тобой дружно,
Он обоих нас жал и давил.
Помню я, как в минуту разлуки
Ты рыдала, родная моя,
Как, дрожа, твои бледные руки
Горячо обнимали меня;
Всю любовь, все мечты, все желанья —
Всё в слова перелить я хотел,
Но последнее слово страданья —
Оно замерло в миг расставанья,
Я его досказать не успел!

Это слово сказала могила:
Не состарившись, ты умерла,
Оттого — что ты слишком любила,
Оттого — что ты жить не могла!
Ты спокойна в могиле безгласной,
Но один я в борьбе изнемог...
Он тяжел, этот крест ежечасный,
Он на грудь мне всей тяжестью лег!
И пока моя кровь не остынет,
Пока тлеет в груди моей жар,
Он меня до конца не покинет,
Как твой лучший и символ, и дар!

24 мая 1859
Павлодар

96. МАЮ

Бывало, с детскими мечтами
Являлся ты как ангел дня,
Блистая белыми крылами,
Весенним голосом звеня

Твой взор горел огнем надежды
Ты волновал мечтами кровь
И сыпал с радужной одежды
Цветы, и рифмы, и любовь.

Прошли года. Ты вновь со мною,
Но грустно юное чело,
Глаза подернулись тоскою.
Одежду пылью занесло.
Ты смотришь холодно и строго,
Веселый голос твой затих,
И белых перьев много, много
Из крыльев выпало твоих.

Минуют дни, пройдут недели...
В изнеможении тупом,
Забытый всеми, на постели
Я буду спать глубоким сном.
Слетев под брошенную крышу,
Ты скажешь мне: «Проснися, брат!»
Но слов твоих я не услышу,
Могильным холодом объят.

1859

97

Когда был я ребенком, родная моя,
Если детское горе томило меня,
Я к тебе приходил, и мой плач утихал —
На груди у тебя я в слезах засыпал.

Я пришел к тебе вновь... Ты лежишь тут одна,
Твоя келья темна, твоя ночь холодна,
Ни привета кругом, ни росы, ни огня...
Я пришел к тебе... Жизнь истомила меня.

О, возьми, обними, уврачуй, успокой
Мое сердце больное рукою родной,
О, скорей бы к тебе мне, как прежде, на грудь,
О, скорей бы мне там задремать и заснуть.

11 июня 1859
Село Александровское

Давно ли в этот сад в чудесный вечер мая
Входили мы вдвоем?
О сколько, сколько раз его мы, не смолкая,
Бывало обойдем!
И вот я здесь один с ~~разбитыми мечтами~~ измученной, усталой
~~С усталою~~ Разбитого душой.
Мне ~~надо высказать кому-нибудь словами~~ хочется рыдать, припавши, как бывало,
~~Весь бред сердечный мой,~~ К груди ~~твоей~~ родной...
Я жду..... но не слыхать знакомого привета,
Душа болит одна.......

98

О Боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!
Всю ночь я просидеть готов бы до рассвета
У этого окна.
Какой-то темный лик мелькает по аллее,
И воздух недвижим,
И кажется, что там еще, еще темнее,
За садом молодым.
Уж поздно... Всё сильней цветов благоуханье,
Сейчас взойдет луна...
На небесах покой, и на земле молчанье,
И всюду тишина.

Давно ли в этот сад в чудесный вечер мая
Входили мы вдвоем?
О, сколько, сколько раз его мы, не смолкая,
Бывало, обойдем!
И вот я здесь один, с измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мне хочется рыдать, припавши, как бывало,
К груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомого привета,
Душа болит одна...
О Боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!

14 июня 1859
Павлодар

99

Безмесячная ночь дышала негой кроткой.
Усталый я лежал на скошенной траве.
Мне снилась девушка с ленивою походкой,
С венком из васильков на юной голове.

И пела мне она: «Зачем так безответно
Вчера, безумец мой, ты следовал за мной?
Я не люблю тебя, хоть слушала приветно
Признанья и мольбы души твоей больной.

Но... но мне жаль тебя... Сквозь смех твой
в час прощанья
Я слезы слышала... Душа моя тепла,
И верь, что все мечты и все твои страданья
Из слушавшей толпы одна я поняла.

А ты, ты уж мечтал с волнением невежды,
Что я сама томлюсь, страдая и любя...
О, кинь твой детский бред, разбей твои надежды,
Я не хочу любить, я не люблю тебя!»

И ясный взор ее блеснул улыбкой кроткой,
И около меня по скошенной траве,
Смеясь, она прошла ленивою походкой
С венком из васильков на юной голове.

22 июня 1859
Игино

100. В ПОЛДЕНЬ

Как стелется пó ветру рожь золотая
Широкой волной,
Как пыль поднимается, путь застилая
Густою стеной!

Как грудь моя ноет тоской безымянной,
Мученьем былым...
О, если бы встретить мне друга нежданно
И плакать бы с ним!

Но горькие слезы я лью только с вами,
Пустые поля...
Сама ты горька и полита слезами,
Родная земля!

27 июня 1859
Павлодар

101

Я люблю тебя так оттого,
Что из пошлых и гордых собою
Не напомнишь ты мне никого
Откровенной и ясной душою,

Что с участьем могла ты понять
Роковую борьбу человека,
Что в тебе уловил я печать
Отдаленного, лучшего века!
Я люблю тебя так потому,
Что не любишь ты мертвого слова,
Что не веришь ты слепо уму,
Что чужда ты расчета мирского,
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Пред твоей миротворной улыбкой!

24 июля 1859
Орел

102

Не в первый день весны, цветущей и прохладной,
Увидел я тебя!
Нет, осень близилась, рукою беспощадной
Хватая и губя.

Но чудный вечер был. Дряхлеющее лето
Прощалося с землей,
Поблекшая трава была, как в час рассвета,
Увлажена росой;

Над садом высохшим, над рощами лежала
Немая тишина;
Темнели небеса, и в темноте блистала
Багровая луна.

Не в первый сон любви, цветущей и мятежной,
Увидел я тебя!
Нет! прежде пережил я много грусти нежной,
Страдая и любя.

Но чудный вечер был. Беспечными словами
Прощался я с тобой;
Томилась грудь моя и новыми мечтами,
И старою тоской.

Я ждал: в лице твоем пройдет ли тень печали,
Не брызнет ли слеза?
Но ты смеялася... И в темноте блистали
Светло твои глаза.

9 августа 1859
Дача Голова

103. ПОСВЯЩЕНИЕ

Еще свежа твоя могила,
Еще и вьюга с высоты
Ни разу снегом не покрыла
Ее поблекшие цветы;
Но я устал от жизни этой,
И безотрадной и тупой,
Твоим дыханьем не согретой,
С твоими днями не слитой.

Увы! ребенок ослепленный,
Иного я от жизни ждал:
В тумане берег отдаленный
Мне так приветливо сиял.
Я думал: счастья, страсти шумной
Мне много будет на пути...
И, Боже! как хотел, безумный,
Я в дверь закрытую войти!

И я поплыл... Но что я видел
На том желанном берегу,
Как запылал, возненавидел,—
Пересказать я не могу.
И вот, с разбитою душою,
Мечту отбросивши свою,
Я перед дверью роковою
В недоумении стою.

Остановлюсь ли у дороги,
С пустой смешаюсь ли толпой,
Иль, не стерпев души тревоги,
Отважно кинусь я на бой?
В борьбе неравной юный воин,
В боях неопытный боец —
Как ты, я буду ль тверд, спокоен,
Как ты, паду ли наконец?

О, где б твой дух, для нас незримый,
Теперь счастливый ни витал,
Услышь мой стих, мой труд любимый:
Я их от сердца оторвал!
А если нет тебя... О Боже!
К кому ж идти? Я здесь чужой...
Ты и теперь мне всех дороже
В могиле темной и немой.

13 августа 1859
Санкт-Петербург

104. ПАМЯТИ МАРТЫНОВА

С тяжелой думою и с головой усталой
Недвижно я стоял в убогом храме том,
Где несколько свечей печально догорало
Да несколько друзей молилися о *нем*.

И всё мне виделся запуганный, и бледный,
И жалкий человек... Смущением томим,
Он всех собой смешил и так шутил безвредно,
И все довольны были им.

Но вот он вновь стоит, едва мигая глазом...
Над головой его все беды пронеслись...
Он только замолчал — и все замолкли разом,
И слезы градом полились...

Все зрители твои: и воин, грудью смелой
Творивший чудеса на скачках и балах,
И толстый бюрократ с душою, очерствелой
В интригах мелких и чинах,

И отрок, и старик... и даже наши дамы,
Так равнодушные к отчизне и к тебе,
Так любящие визг французской модной драмы,
Так нагло льстящие себе,—

Все поняли они, как тяжко и обидно
Страдает человек в родимом их краю,
И каждому из них вдруг сделалось так стыдно
За жизнь счастливую свою!

Конечно, завтра же, по-прежнему бездушны,
Начнут они давить всех близких и чужих.
Но хоть на миг один ты, гению послушный,
Нашел остатки сердца в них!

Август или сентябрь 1860

105. СТАНСЫ ТОВАРИЩАМ

5 ДЕКАБРЯ 1860 г.

Из разных стран родного края,
Чтоб вспомнить молодость свою,
Сошлись мы, радостью блистая,
В одну неровную семью.

Иным из нас светла дорога,
Легко им по свету идти,
Другой, кряхтя, по воле Бога,
Бредет на жизненном пути.

Всё, что с слезами пережито,
Чем сердце сжалося давно,
Сегодня будет позабыто
И глубоко затаено.

Но хоть наш светлый пир беспечен,
Хоть мы весельем сроднены,
Хоть наш союз и свят, и вечен,
Мы им гордиться не должны.

Мы братья, да. Пусть без возврата
От нас отринут будет тот,
Кто от страдающего брата
С холодным смехом отойдет.

Но, не кичась в пределах тесных,
Должны мы пламенно желать,
Чтоб всех правдивых, добрых, честных
Такими ж братьями назвать.

Вельможа ль он, мужик, вития,
Купец иль воин — всё равно:
Всех назовет детьми Россия,
Всем имя братское одно.

5 декабря 1860

106. АКТЕРЫ

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготовляют нас для сцены.
Нам говорят: «Ничтожен свет,
В нем все злодеи или дети,
В нем сердца нет, в нем правды нет,
Но будь и ты как все на свете!»
И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.
И говорим мы о добре,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва — наш девиз,
О том, что все мы, люди,— братья,
И публике из-за кулис
Мы шлем горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки.
И сами видим без труда,
Как Дездемона наша, мило
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладет белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль ду́рны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы беремся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы — пора с дороги:

На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далёко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,
Одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные,
Лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На черном небе звезд не видно —
Огни давно погашены́...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.

⟨1861⟩

107. СОВРЕМЕННЫМ ВИТИЯМ

Посреди гнетущих и послушных,
Посреди злодеев и рабов
Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов!
Мне противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо — отрицаньем жить...
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!

Как монах, творя обет желанный,
Я б хотел по знойному пути
К берегам земли обетованной
По песку горячему идти;
Чтобы слезы падали ручьями,
Чтоб от веры трепетала грудь,
Чтоб с пути, пробитого веками,
Мне ни разу не пришлось свернуть!

Чтоб оазис в золотые страны
Отдохнуть меня манил и звал,
Чтоб вдали тянули́сь караваны,
Шел корабль,— а я бы всё шагал!

Чтоб глаза слипались от дороги,
Чтоб сгорали жаждою уста,
Чтоб мои подкашивались ноги
Под тяжелым бременем креста...

1861

108. В ТЕАТРЕ

Покинутый тобой, один в толпе бездушной
Я в онемении стоял:
Их крикам радости внимал я равнодушно,
Их диких слез не понимал.

А ты? Твои глаза блестели хладнокровно,
Твой детский смех мне слышен был,
И сердце билося твое спокойно, ровно,
Смиряя свой ненужный пыл.

Не знало сердце то, что близ него другое,
Уязвлено, оскорблено,
Дрожало, мучилось в насильственном покое,
Тоской и злобою полно!

Не знали те глаза, что ищут их другие,
Что молят жалости они,
Глаза печальные, усталые, сухие,
Как в хатах зимние огни!

1863

109. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Холодна, прозрачна и уныла,
Ночь вчера мне тихо говорила:
«Не дивися, друг, что я бледна
И как день блестеть осуждена,
Что до у́тра этот блеск прозрачный
Не затмится хоть минутой мрачной,
Что светла я в вашей стороне...
Не дивись и не завидуй мне.
Проносясь без устали над вами,
Я прочла пытливыми очами
Столько горя, столько слез и зла,
Что сама заснуть я не могла!

Да и кто же спит у вас? Не те ли,
Что весь день трудились и терпели
И теперь работают в слезах?
Уж не те ль заснули, что в цепях
Вспоминать должны любовь, природу
И свою любимую свободу?
Уж не он ли спит, мечтатель мой,
С юным сердцем, с любящей душой?
Нет, ко мне бежит он в исступленье,
Молит хоть участья иль забвенья...
Но утешить власть мне не дана:
Я как лед бледна и холодна...
Только спят у вас глупцы, злодеи:
Их не душат слезы да идеи,
Совести их не в чем упрекать...
Эти чисты, эти могут спать».

1863

110. СМЕРТЬ АХУНДА

Он умирал один на скудном, жестком ложе
У взморья Дарданелл,
Куда, по прихоти богатого вельможи,
Принесть себя велел.
Когда рабы ушли, плечами пожимая,
В смущении немом,
Какой-то радостью забилась грудь больная,
И он взглянул кругом.
Кругом виднелися знакомые мечети,
Знакомые дворцы,
Где будут умирать изнеженные дети,
Где умерли отцы.
Но берег исчезал в его поникшем взоре...
И, тяжко горячи,
Как золотая сеть, охватывали море
Последние лучи.
Стемнело. В синие окутавшись одежды,
Затеплилась звезда,
Но тут уставшие и старческие вежды
Закрылись навсегда.
И жадно начал он внимать, дивяся чуду,
Не грянет ли волна?

Но нá море была, и в воздухе, и всюду
Немая тишина.
Он умирал один... Вдруг длинными листами
Дрогну́ли дерева,
И кто-то подошел чуть слышными шагами,—
Послышались слова...
Уж не любовники ль сошлися здесь так поздно?
Их разговор был тих...
И всё бы отдал он, Ахунд, властитель грозный,
Чтоб только видеть их.

«Смотри-ка,— говорил один из них, зевая,—
Как вечер-то хорош!
Я ждал тебя давно, краса родного края,
Я знал, что ты придешь!»
— «А я? Я всё ждала, чтоб все уснули дома,
Чтоб выбежать потом,
Дорога предо мной, темна и незнакома,
Вилася за плетнем.
Скажи же мне теперь, зачем ты, мой желанный,
Прийти сюда велел?
Послушай, что с тобой? Ты смотришь как-то странно,
Ты слишком близко сел!
А я люблю тебя на свете всех сильнее,
За что — и не пойму...
Есть юноши у нас, они тебя свежее
И выше по уму.
Вот даже есть один — как смоль густые брови,
Румянец молодой...
Он всё бы отдал мне, всё, всё, до капли крови,
Чтоб звать своей женой.
Его бесстрашен дух и тихи разговоры,
В щеках играет кровь...
Но мне не пó сердцу его живые взоры
И скучная любовь!
Ну, слушай, как-то раз по этой вот дороге
Я шла с восходом дня...
Но что же, что с тобой? Ты, кажется, в тревоге,
Не слушаешь меня...
О Боже мой! Глаза твои как угли стали,
Горит твоя рука...»

И вдруг в последний раз все струны задрожали
В душе у старика,

Ему почудились горячие объятья...
Всё смолкло вкруг него...
Потом он слышал вздох, и тихий шелест платья,
И больше ничего.

1863

111. СУДЬБА

К 5-й симфонии Бетховена

С своей походною клюкой,
С своими мрачными очами,
Судьба, как грозный часовой,
Повсюду следует за нами.
Бедой лицо ее грозит,
Она в угрозах поседела,
Она уж многих одолела,
И всё стучит, и всё стучит:
Стук, стук, стук...
Полно, друг,
Брось за счастием гоняться!
Стук, стук, стук...

Бедняк совсем обжился с ней:
Рука с рукой они гуляют,
Сбирают вместе хлеб с полей,
В награду вместе голодают.
День целый дождь его кропит,
По вечерам ласкает вьюга,
А ночью с горя да с испуга
Судьба сквозь сон ему стучит:
Стук, стук, стук...
Глянь-ка, друг,
Как другие поживают!
Стук, стук, стук...

Другие праздновать сошлись
Богатство, молодость и славу.
Их песни радостно неслись,
Вино сменилось им в забаву;
Давно уж пир у них шумит,
Но смолкли вдруг, бледнея, гости...
Рукой, дрожащею от злости,
Судьба в окошко к ним стучит:

Стук, стук, стук...
Новый друг
К вам пришел, готовьте место!
Стук, стук, стук...

Герой на жертву всё принес.
Он говорил, что люди — братья,
За братьев пролил много слез,
За слезы слышал их проклятья.
Он верно слабых защитит,
Он к ним придет, долой с дороги!
Но отчего ж недвижны ноги
И что-то на ногах стучит?
Стук, стук, стук...
Скован друг
Человечества, свободы...
Стук, стук, стук...

Но есть же счастье на земле!
Однажды, полный ожиданья,
С восторгом юным на челе
Пришел счастливец на свиданье!
Еще один он, всё молчит,
Заря за рощей потухает,
И соловей уж затихает,
А сердце бьется и стучит:
Стук, стук, стук...
Милый друг,
Ты придешь ли на свиданье?
Стук, стук, стук...

Но вот идет она, и вмиг
Любовь, тревога, ожиданье,
Блаженство — всё слилось у них
В одно безумное лобзанье!
Немая ночь на них глядит,
Всё небо залито огнями,
А кто-то тихо за кустами
Клюкой докучною стучит.
Стук, стук, стук...
Старый друг
К вам пришел, довольно счастья!
Стук, стук, стук...

1863

112

Давно уж нет любви меж нами,
Я сердце жадно берегу,
Но равнодушными глазами
Ее я видеть не могу.

И лишь заслышу звук знакомый
Ее замедленных речей,
Мне снятся старые хоромы
И зелень темная ветвей.

Мне снится ночь... Пустое поле...
У ног колышется трава;
Свободней дышит грудь на воле,
Свободней сыплются слова...

А то иным душа согрета,
И мне, Бог знает почему,
Всё снится старый сон поэта
И тени, милые ему,—

Мне снится песня Дездемоны,
Ромео пролитая кровь,
Их вечно памятные стоны,
Их вечно юная любовь...

Я весь горю святой враждою
К глупцу, злодею, палачу,
Я мир спасти хочу собою,
Я жертв и подвигов хочу!

Мне снится всё, что сниться может,
Что жизнь и красит, и живит,
Что ум святым огнем тревожит,
Что сердце страстью шевелит.

1863?

113. РОМАНС

Помню, в вечер невозвратный
Посреди толпы чужой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

Помню, в час нежданной встречи
И смятение, и страх,
Недосказанные речи
Замирали на устах...

Помню, помню, в ночь глухую
Я не спал... Часы неслись,
И на грудь мою больную
Слезы жгучие лились...

А сквозь слезы — с речью внятной
И с улыбкой молодой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

1863?

114. МИНУТЫ СЧАСТЬЯ

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты,—
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души,—

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев...

1865

115. ДВЕ ГРЕЗЫ

Измученный тревогою дневною,
Я лег в постель без памяти и сил,
И голос твой, носяся надо мною,
Насмешливо и резко говорил:
«Что ты глядишь так пасмурно, так мрачно?
Ты, говорят, влюблен в меня, поэт?
К моей душе, спокойной и прозрачной,
И доступа твоим мечтаньям нет.
Как чужды мне твои пустые бредни!
И что же в том, что любишь ты меня?
Не первый ты, не будешь и последний
Гореть и тлеть от этого огня!
Ты говоришь, что в шумном вихре света
Меня ты ищешь, дышишь только мной...
И от других давно я слышу это,
Окружена влюбленною толпой.
Я поняла души твоей мученье,
Но от тебя, поэт, не утаю:
Не жалость, нет, а только изумленье
Да тайный смех волнуют грудь мою!»
Проснулся я. Враждебная, немая
Вокруг меня царила тишина,
И фонари мне слали, догорая,
Свой тусклый свет из дальнего окна.
Бессильною поникнув головою,
Едва дыша, я снова засыпал,
И голос твой, носяся надо мною,
Приветливо и ласково звучал:
«Люби меня, люби! Какое дело,
Когда любовь в душе заговорит,
И до того, что в прошлом наболело,
И до того, что в будущем грозит?
Моя душа уж свыклася с твоею,
Я не люблю, но мысль отрадна мне,
Что сердце есть, которым я владею,
В котором я господствую вполне.
Коснется ли меня тупая злоба,
Подкрáдется ль нежданная тоска,
Я буду знать, что, верная до гроба,
Меня поддержит крепкая рука!
О, не вверяйся детскому обману,
Себя надеждой жалкой не губи:

Любить тебя я не хочу, не стану,
Но ты, поэт, люби меня, люби!»
Проснулся я. Уж день сырой и мглистый
Глядел в окно. Твой голос вдруг затих,
Но долго он без слов, протяжный, чистый,
Как арфы звук, звенел в ушах моих.

Начало 1860-х годов

116. АСТРАМ

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

Начало 1860-х годов

117. ГАДАНЬЕ

Ну, старая, гадай! Тоска мне сердце гложет,
Веселой болтовней меня развесели,
Авось твой разговор убить часы поможет
И скучный день пройдет, как многие прошли!

«Ох, не грешно ль в воскресение?
С нами господняя сила!
Тяжко мое прегрешение...
Ну, да уж я разложила!

Едешь в дорогу ты дальную,
Путь твой не весел обратный:
Новость услышишь печальную
И разговор неприятный.

Видишь: большая компания
Вместе с тобой веселится,
Но исполненья желания
Лучше не жди: не случится.

Что-то грозит неизвестное...
Карты-то, карты какие!
Будет письмо интересное,
Хлопоты будут большие!

На́ сердце дама червонная...
С гордой душою такою:
Словно к тебе благосклонная,
Словно играет тобою!

Глядя в лицо ее строгое,
Грустен и робок ты будешь:
Хочешь сказать ей про многое,
Свидишься — всё позабудешь!

Мысли твои все червонные,
Слезы-то будто из лейки,
Думушки, ночи бессонные —
Всё от нее, от злодейки!

Волюшка крепкая скручена,
Словно дитя ты пред нею...
Как твое сердце замучено,
Я и сказать не умею!

Тянутся дни нестерпимые,
Мысли сплетаются злые...
Батюшки-светы родимые!
Карты-то, карты какие!!.»

Умолкла старая. В зловещей тишине
Насупившись сидит. Скажи, что это значит?
Старуха, что с тобой? Ты плачешь обо мне?
Так только мать одна об детском горе плачет,
И стоит ли того? Я знаю наперед
Всё то, что сбудется, и не ропщу на Бога:
Дорога выйдет мне, и горе подойдет,
Там будут хлопоты, а там опять дорога...
Ну полно же, не плачь! Гадай иль говори,
Пусть голос твой звучит мне песней похоронной,
Но только, старая, мне в сердце не смотри
И не рассказывай об даме об червонной!

Начало 1860-х годов

118. ДОРОЖНАЯ ДУМА

Позднею ночью, равниною снежной
Еду я. Тихо. Всё в поле молчит...
Глухо звучат по дороге безбрежной
Скрип от полозьев и топот копыт.

Всё, что, прощаясь, ты мне говорила,
Снова твержу я в невольной тоске.
Долог мой путь, и дорога уныла...
Что-то в уютном твоем уголке?

Слышен ли смех? Догорают ли свечи?
Так же ль блистает твой взор, как вчера?
Те же ли смелые, юные речи
Будут немолчно звучать до утра?

Кто там с тобой? Ты глядишь ли бесстрастно
Иль трепещешь, волнуясь, любя?
Только б тебе полюбить не напрасно,
Только б другие любили тебя!

Только бы кончился день без печали,
Только бы вечер прошел веселей,
Только бы сны золотые летали
Над головою усталой твоей!

Только бы счастье со светлыми днями
Так же гналось по пятам за тобой,
Как наши тени бегут за санями
Снежной равниной порою ночной!

1865 или 1866

119. НИОБЕЯ

(Заимствовано из «Метаморфоз» Овидия)

Над трупами милых своих сыновей
    Стояла в слезах Ниобея.
Лицо у ней мрамора было белей,
    И губы шептали, бледнея:
«Насыться, Латона, печалью моей,
    Умеешь ты мстить за обиду!

Не ты ли прислала мне гневных детей —
И Феба, и дочь Артемиду?
Их семеро было вчера у меня,
Могучих сынов Амфиона,
Сегодня... О, лучше б не видеть мне дня...
Насыться, насыться, Латона!
Мой первенец милый, Исмен молодой,
На бурном коне проносился
И вдруг, пораженный незримой стрелой,
С коня бездыханен свалился.
То видя, исполнился страхом Сипил,
И в бегстве искал он спасенья,
Но бог беспощадный его поразил,
Бегущего с поля мученья.
И третий мой сын, незабвенный Тантал,
Могучему деду подобный
Не именем только, но силой,— он пал,
Стрелою настигнутый злобной.
С ним вместе погиб дорогой мой Файдим,
Напрасно ища меня взором;
Как дубы высокие, пали за ним
И Дамасихтон с Алфенором.
Один оставался лишь Илионей,
Прекрасный, любимый, счастливый,
Как бог, красотою волшебной своей
Пленявший родимые Фивы.
Как сильно хотелося отроку жить,
Как, полон неведомой муки,
Он начал богов о пощаде молить,
Он поднял бессильные руки...
Мольба его так непритворна была,
Что сжалился бог лучезарный...
Но поздно! Летит роковая стрела,
Стрелы не воротишь коварной,
И тихая смерть, словно сон среди дня,
Закрыла прелестные очи...
Их семеро было вчера у меня...
О, длиться б всегда этой ночи!
Как жадно, Латона, ждала ты зари,
Чтоб тяжкие видеть утраты...
А всё же и ныне, богиня, смотри:
Меня победить не могла ты!
А всё же к презренным твоим алтарям
Не придут венчанные жены,

Не будет куриться на них фимиам
Во славу богини Латоны!
Вы, боги, всесильны над нашей судьбой,
Бороться не можем мы с вами:
Вы нас побиваете камнем, стрелой,
Болезнями или громами...
Но если в беде, в униженье тупом
Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятья вам шлем,
Ужель вы тогда победили?
Гордись же, Латона, победою дня,
Пируй в ликованьях напрасных!
Но семь дочерей еще есть у меня,
Семь дев молодых и прекрасных...
Для них буду жить я! Их нежно любя,
Любуясь их лаской приветной,
Я, смертная, всё же счастливей тебя,
Богини едва не бездетной!»
Еще отзвучать не успели слова,
Как слышит, дрожа, Ниобея,
Что в воздухе знойном звенит тетива,
Всё ближе звенит и сильнее...
И падают вдруг ее шесть дочерей
Без жизни одна за другою...
Так падают летом колосья полей,
Сраженные жадной косою.
Седьмая еще оставалась одна,
И с криком: «О боги, спасите!» —
На грудь Ниобеи припала она,
Моля свою мать о защите.
Смутилась царица. Страданье, испуг
Душой овладели сильнее,
И гордое сердце растаяло вдруг
В стесненной груди Ниобеи.
«Латона, богиня, прости мне вину,—
Лепечет жена Амфиона,—
Одну хоть оставь мне, одну лишь, одну...
О, сжалься, о, сжалься, Латона!»
И крепко прижала к груди она дочь,
Полна безотчетной надежды,
Но нет ей пощады,— и вечная ночь
Сомкнула уж юные вежды.
Стоит Ниобея безмолвна, бледна,
Текут ее слезы ручьями...

И чудо! Глядят: каменеет она
С поднятыми к небу руками.
Тяжелая глыба влилась в ее грудь,
Не видит она и не слышит,
И воздух не смеет в лицо ей дохнуть,
И ветер волос не колышет.
Затихли отчаянье, гордость и стыд,
Бессильно замолкли угрозы...
В красе упоительной мрамор стоит
И точит обильные слезы.

Лето 1867
От Ржева до Твери на пароходе

120

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И чьи-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой — я каждый миг ловлю,
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастие люблю!..

1867

121

Ни отзыва, ни слова, ни привета,—
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

122. К МОРЮ

Увы, не в первый раз, с подавленным рыданьем,
Я подхожу к твоим волнам
И, утомясь бесплодным ожиданьем,
Всю ночь просиживаю там...
Тому уж много лет: неведомая сила
Явилася ко мне, как в мнимо-светлый рай,
Меня, как глупого ребенка, заманила,
Шепнула мне — люби, сказала мне — страдай!
И с той поры, ее велению послушный,
Я с каждым днем любил сильнее и больней...
О, как я гнал любовь, как я боролся с ней,
Как покорялся малодушно!..
Но наконец, устав страдать,
Я думал — пронеслась невзгода...
Я думал — вот моя свобода
Ко мне вернулася опять...
И что ж: томим тоскою, снова
Сижу на этом берегу,
Как жалкий раб, кляну свои оковы,
Но — сбросить цепи не могу.
О, если слышишь ты глагол, тебе понятный,
О море темное, приют сердец больных,—
Пусть исцелят меня простор твой необъятный
И вечный ропот волн твоих.
Пускай твердят они мне ежечасно
Об оскорблениях, изменах, обо всем,
Что вынес я в терпении тупом...

. . . .

Теперь довольно. Уж мне прежних дней не видеть,
Но если суждено мне дальше жизнь влачить,
Дай силы мне, чтоб мог я ненавидеть,
Дай ты безумье мне, чтоб мог я позабыть!..

1867

123. МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В саду Гефсиманском стоял он один,
Предсмертною мукой томимый.
Отцу всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий сын.

«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя...»
И шел он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжкой дремо́й,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал он им: «Как не могли вы
Единого часа побдети со мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!..»
И шел он молиться опять:
«Но если не может меня миновать —
Не пить чтоб ее — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь ты, Отче!» И вновь
Объял его ужас смертельный,
И пот его падал на землю как кровь,
И ждал он в тоске беспредельной.
И снова к апостолам он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном!..

О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от божественных ног,
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица его падал как кровь,
Где чашу он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!

Но было всё тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

1868
Петергоф

124. НОЧЬ В МОНПЛЕЗИРЕ

На берег сходит ночь, беззвучна и тепла,
Не видно кораблей из-за туманной дали,
И, словно очи без числа,
Над морем звезды замигали.
Ни шелеста в деревьях вековых,
Ни звука голоса людского,
И кажется, что всё навек уснуть готово
В объятиях ночных.
Но морю не до сна. Каким-то гневом полны,
Надменные, нахмуренные волны
О берег бьются и стучат;
Чего-то требует их ропот непонятный,
В их шуме с ночью благодатной
Какой-то слышится разлад.
С каким же ты гигантом в споре?
Чего же хочешь ты, бушующее море,
От бедных жителей земных?
Кому ты шлешь свои веленья?
И в этот час, когда весь мир затих,
Кто выдвинул мятежное волненье
Из недр неведомых твоих?
Ответа нет... Громадою нестройной
Кипит и пенится вода...
Не так ли в сердце иногда,
Когда кругом всё тихо и спокойно,
И ровно дышит грудь, и ясно блещет взор,
И весело звучит знакомый разговор,—
Вдруг поднимается нежданное волненье:
Зачем весь этот блеск, откуда этот шум?
Что значит этих бурных дум
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнул ли любви заветный огонек,
Предвестье ль это близкого ненастья,
Воспоминание ль утраченного счастья
Иль в сонной совести проснувшийся упрек?
Кто может это знать?
Но разум понимает,
Что в сердце есть у нас такая глубина,
Куда и мысль не проникает,
Откуда, как с морского дна,

Могучим трепетом полна,
Неведомая сила вылетает
И что-то смутно повторяет,
Как набежавшая волна.

1868
Петергоф

125. ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Кончалось лето. Астры отцветали...
Под гнетом жгучей, тягостной печали
Я сел на старую скамью,
А листья надо мной, склоняяся, шептали
Мне повесть грустную свою.

«Давно ли мы цвели под знойным блеском лета,
И вот уж осень нам грозит,
Не много дней тепла и света
Судьба гнетущая сулит.
Ну что ж, пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под этими лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Смотри, как золотом облит наш парк печальный,
Как радостно цветы в последний раз блестят,
Смотри, как пышно-погребально
Горит над рощами закат!
Мы знаем, что, как сон, ненастье пронесется,
Что снегу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что всё кругом проснется,—
Но мы... проснемся ли опять?
Вот здесь, под кровом нашей тени,
Где груды хвороста теперь лежат в пыли,
Когда-то цвел роскошный куст сирени
И розы пышные цвели.
Пришла весна; во славу новым розам
Запел, как прежде, соловей,
Но бедная сирень, охвачена морозом,
Не подняла своих ветвей.
А если к жизни вновь вернутся липы наши,
Не мы увидим их возврат,
И вместо нас, быть может, лучше, краше
Другие листья заблестят.

Ну что ж, пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под бледными лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Помедли, смерть! Еще б хоть день отрады...
А может быть, сейчас, клоня верхушки ив,
Сорвет на землю без пощады
Нас ветра буйного порыв...
Желтея, ляжем мы под липами родными...
И даже ты, об нас мечтающий с тоской,
Ты встанешь со скамьи, рассеянный, больной,
И, полон мыслями своими,
Раздавишь нас небрежною ногой».

1868
Село Покровское

126

Осенней ночи тень густая
Над садом высохшим легла.
О, как душа моя больная
В тоске любви изнемогла!
Какие б вынес я страданья,
Чтоб в этот миг из-за кустов
Твое почувствовать дыханье,
Услышать шум твоих шагов!

1868
Село Покровское

127. СТРАНСТВУЮЩАЯ МЫСЛЬ

С той поры, как прощальный привет
Горячо прозвучал между нами,
Моя мысль за тобою вослед
Полетела, махая крылами.

Целый день неотступно она
Вдоль по рельсам чугунным скользила,
Всё тобою одною полна,
И ревниво твой сон сторожила.

А теперь среди мрака ночей,
Изнывая заботою нежной,
За кибиткой дорожной твоей
Она скачет пустынею снежной.

Она видит, как пóд гору вниз
Мчатся кони усталые смело,
И как иней на соснах повис,
И как всё кругом голо и бело.

То с тобой она вместе дрожит,
Засыпая в санях, как в постели,
И тебе о былом говорит
Под суровые звуки метели;

То на станции бедной сидит,
Согреваясь с тобой самоваром,
И с безмолвным участьем следит
За его убегающим паром...

Всё на юг она мчится, на юг,
Уносимая жаркой любовью,
И войдет она в дом твой как друг,
И приникнет с тобой к изголовью!

1868

128

Мне снился сон (то был ужасный сон!)...
Что я стою пред статуей твоею,
Как некогда стоял Пигмалион,
В тоске моля воскреснуть Галатею.

Высокое, спокойное чело
Античною сияло красотою,
Глаза смотрели кротко и светло,
И все черты дышали добротою...

Вдруг побледнел я и не мог вздохнуть
От небывалой, нестерпимой муки:
Неистово за горло и за грудь
Меня схватили мраморные руки

И начали душить меня и рвать,
Как бы дрожа от злого нетерпенья...
Я вырваться хотел и убежать,
Но, словно труп, остался без движенья...

Я изнывал, я выбился из сил,
Но, в ужасе смертельном холодея,
Измученный, я всё ж тебя любил,
Я всё твердил: «Воскресни, Галатея!..»

И на тебя взглянуть я мог едва
С надеждою, мольбою о пощаде...
Ни жалости, ни даже торжества
Я не прочел в твоем спокойном взгляде...

По-прежнему высокое чело
Античною сияло красотою,
Глаза смотрели кротко и светло,
И все черты дышали добротою...

Тут холод смерти в грудь мою проник,
В последний раз я прошептал: «Воскресни!..»
И вдруг в ответ на мой предсмертный крик
Раздался звук твоей веселой песни...

1868

129. К ГРЕТХЕН

Во время представления «Le petit Faust» [1]

И ты осмеяна, и твой черед настал!
Но, Боже правый! Гретхен, ты ли это?
Ты — чистое создание поэта,
Ты — красоты бессмертный идеал!
О, если б твой творец явился между нами
Из заточенья своего,
Какими б жгучими слезами
Сверкнул орлиный взор его!
О, как бы он страдал, томился поминутно,
Узнав дитя своей мечты,
Свои любимые черты
В чертах француженки распутной!

---

[1] «Маленький Фауст» (фр.).— *Ред.*

Но твой творец давно в земле сырой,
Не вспомнила о нем смеющаяся зала,
И каждой шутке площадно́й
Бессмысленно толпа рукоплескала...
Наш век таков. Ему и дела нет,
Что тысячи людей рыдали над тобою,
Что некогда твоею красотою
Был целый край утешен и согрет.
Ему бы только в храм внести слова порока,
Бесценный мрамор грязью забросать,
Да пошлости наклеивать печать
На всё, что чисто и высоко!

Лето или осень 1869

130. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СЕВАСТОПОЛЕ

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали,
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,

Как за каждый клочок нашей русской земли,
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы;

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых...

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

1869

131

Пусть не любишь стихов ты, пусть будет чужда
Тебе муза моя безотрадно плакучая...
Но в тебе отразилась, как в море звезда,
Вся поэзия жизни кипучая.
И какие бы образы, краски, мечты
Мог художник похитить в огне вдохновенья,
Пред которыми образ твоей красоты
Побледнел бы хотя на мгновение?
И какая же мысль упоительней той,
Чтоб любить тебя нежно и свято,
Чтоб отдать тебе счастье, и труд, и покой,
Чтобы, всё позабывши, лишь только тобой
Было верное сердце объято?
И какие же рифмы звучней
Твоего поцелуя прощального,
Что и ныне в безмолвье ночей
Не отходит от ложа, от ложа печального,
И мелодией будит своей
Все мечты невозвратно утраченных дней,
Всё блаженство минувшего дальнего?

1869

132

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно-уклончивые речи,
И твой намеренно-холодный, строгий взор —
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло...

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно,—
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Боясь потерять ребяческие бредни...
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

1869, 1874

133. НА БАЛЕ

Блещут огнями палаты просторные,
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.

Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...
Мной не забытая, вечно любимая,
Что-то теперь на могиле твоей?

Спят ли спокойно в глубоком молчании,
Прежнюю радость и горе тая,
Словно застывшие в лунном сиянии,
Желтая церковь и насыпь твоя?

Или туман неприветливый стелется,
Или, гонима незримым врагом,
С дикими воплями злая метелица
Плачет, и скачет, и воет кругом,

И покрывает сугробами снежными
Всё, что от нас невозвратно ушло:
Очи со взглядами кроткими, нежными,
Сердце, что прежде так билось тепло!

1860-е годы

134. К МОЛОДОСТИ

Светлый призрак, кроткий и любимый,
Что ты дразнишь, вдаль меня маня?
Чуждым звуком с высоты незримой
Голос твой доходит до меня.

Вкруг меня всё сумраком одето...
Что же мне, поверженному в прах,
До того, что ты сияешь где-то
В недоступном блеске и лучах?

Те лучи согреть меня не могут —
Всё ушло, чем жизнь была тепла,—
Только видеть мне ясней помогут,
Что за ночь вокруг меня легла!

Если ж в сердце встрепенется сила
И оно, как прежде, задрожит,
Широко раскрытая могила
На меня насмешливо глядит.

1860-е годы

135. РЕКВИЕМ

Requiem aeternam dona eis,
Domine, et lux perpetua luceat
eis.[1]

1

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет,
Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!

2

Dies irae...[2]

О, что за день тогда ужасный встанет,
Когда архангела труба
Над изумленным миром грянет
И воскресит владыку и раба!

О, как они, смутясь, поникнут долу,
Цари могучие земли,
Когда к всевышнему престолу
Они предстанут в прахе и в пыли!

Дела и мысли строго разбирая,
Воссядет вечный судия,
Прочтется книга роковая,
Где вписаны все тайны бытия.

Всё, что таилось от людского зренья,
Наружу выплывет со дна,
И не останется без мщенья
Забытая обида ни одна!

И доброго, и вредного посева
Плоды пожнутся все тогда...
То будет день тоски и гнева,
То будет день унынья и стыда!

---

[1] Вечный покой дай им, Господи, и вечный свет их осияет (лат.).—*Ред.*

[2] День гнева *(лат.)*.— *Ред.*

3

Без могучей силы знанья
И без гордости былой
Человек, венец созданья,
Робок станет пред Тобой.

Если в день тот безутешный
Даже праведник вздрогнёт,
Что же он ответит — грешный?
Где защитника найдет?

Всё внезапно прояснится,
Что казалося темно,
Встрепенется, разгорится
Совесть, спавшая давно.

И когда она укажет
На земное бытие,
Что он скажет, что он скажет
В оправдание свое?

4

С воплем бессилия, с криком печали
Жалок и слаб он явился на свет,
В это мгновенье ему не сказали:
Выбор свободен — живи или нет.
С детства твердили ему ежечасно:
Сколько б ни встретил ты горя, потерь,
Помни, что в мире всё мудро, прекрасно,
Люди все братья,— люби их и верь!
В юную душу с мечтою и думой
Страсти нахлынули мутной волной...
«Надо бороться»,— сказали угрюмо
Те, что царили над юной душой.
Были усилья тревожны и жгучи,
Но не по силам пришлася борьба.
Кто так устроил, что страсти могучи,
Кто так устроил, что воля слаба?
Много любил он, любовь изменяла,
Дружба... увы, изменила и та,—
Зависть к ней тихо подкралась сначала,
С завистью вместе пришла клевета.

Скрылись друзья, отвернулися братья...
Господи, Господи, видел ты сам,
Как шевельнулись впервые проклятья
Счастью былому, вчерашним мечтам;
Как постепенно, в тоске изнывая,
Видя одни лишь неправды земли,
Ожесточилась душа молодая,
Как одинокие слезы текли;
Как наконец, утомяся борьбою,
Возненавидя себя и людей,
Он усомнился скорбящей душою
В мудрости мира и в правде твоей!
Скучной толпой проносилися годы,
Бури стихали, яснел его путь...
Изредка только, как гул непогоды,
Память стучала в разбитую грудь.
Только что тихие дни засияли —
Смерть на пороге... откуда? зачем?
С воплем бессилия, с криком печали
Он повалился недвижен и нем.
Вот он, смотрите, лежит без дыханья...
Боже! к чему он родился и рос?
Эти сомненья, измены, страданья,—
Боже, зачем же он их перенес?
Пусть хоть слеза над усопшим прольется,
Пусть хоть теперь замолчит клевета...
Сердце, горячее сердце не бьется,
Вежды сомкнуты, безмолвны уста.
Скоро нещадное, грозное тленье
Ляжет печатью на нем роковой...
Дай ему, Боже, грехов отпущенье,
Дай ему вечный покой!

5

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет.
Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!..

Конец 1860-х годов

136

О, будь моей звездой, сияй мне тихим светом,
Как эта чистая, далекая звезда!
На землю темную она глядит с приветом,
Чужда ее страстям, свободна и горда.

И только иногда, услыша в отдаленье
Любви безумной стон, отчаянный призыв,
Она вздрогнёт сама — и в жалости, в смятенье
На землю падает, о небе позабыв!

Конец 1860-х годов

137. ЛЕДЯНАЯ ДЕВА

Из норвежских сказок

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла в морозе луна.
Буря то плачет, то злобно шипит,
Снежные тучи над кровлей крутйт.
В хижине тесной над сыном больным
Мать наклонилась и шепчется с ним.

Сын

Матушка, тяжким забылся я сном...
Кто это плачет и стонет кругом?
Матушка, слышишь, как буря шумит?
Адское пламя мне очи слепит.

Мать

Полно, мой сын, то не ада лучи,
Сучья березы пылают в печи.
Что нам за дело, что буря грозна?
В хижину к нам не ворвется она.

Сын

Матушка, слушай, недолго мне жить,
Душу хочу пред тобою открыть:
Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Как заблудился я в чаще лесной?
Долго я шел, утихала метель,
Вижу — поляна, знакомая ель,

Юная дева под елью стоит,
Манит рукою и словно дрожит.
«Юноша,— шепчет она,— подойди,
Душу согрей у меня на груди...»
Я обомлел пред ее красотой,
Я красоты и не видел такой:
Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи куда-то глубоко глядят,
Белые ризы пушистой волной
Падают, ярко блестя под луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью неведомой вспыхнула кровь,—
Всё позабыл я в тот миг роковой,
Даже не вспомнил молитвы святой.
Целую зиму, лишь ночь посветлей,
Я приходил на свидание к ней
И до утра, пока месяц сиял,
Бледные руки ее целовал.
Раз в упоении, полный огня,
Я говорю ей: «Ты любишь меня?»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу.
Я полюбить не хочу, не могу;
Тщетной надеждой себя не губи,
Но, если хочешь, меня полюби».
Жесткое слово кольнуло ножом;
Скоро, безумец, забыл я о нем.
В бурю не раз, весела и грозна,
Странные песни певала она:
Всё о какой-то полярной стране,
Где не мечтают о завтрашнем дне,
Нет ни забот, ни огня, ни воды,—
Вечное счастье и вечные льды.
Чем становилося время теплей,
Тем эта песня звучала грустней.
В день, как растаял на кровле снежок,
Я уж найти моей милой не мог.
Много тебе со мной плакать пришлось!
Лето безжизненным сном пронеслось.
С радостью, вам непонятной, смешной,
Слушал я ветра осеннего вой;
Жадно следил я, как стыла земля,
Рощи желтели, пустели поля,
Как исстрадавшийся лист отпадал,
Как его медленно дождь добивал,

Как наш ручей затянулся во льду...
Раз на поляну я тихо иду,
Смутно надежду в душе затая...
Вижу: стоит дорогая моя,
Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи глубоко, глубоко глядят...
С трепетом я на колени упал,
Всё рассказал: как томился и ждал,
Как моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрела она.
«Что мне в твоих безрассудных мечтах,
В том, что ты бледен, и желт, и зачах?
Жалкий безумец! Со смертью в крови
Всё еще ждешь ты какой-то любви!»
— «Ну,— говорю я с рыданием ей,—
Ну не люби, да хотя пожалей!»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу,
Я ни любить, ни жалеть не могу!»
Преобразились черты ее вмиг:
Холодом смерти повеяло с них.
Бросив мне полный презрения взор,
Скрылась со смехом она... С этих пор
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взор беспощадный, немой,
Жегший меня наяву и во сне,
Мучивший душу в ночной тишине...
Вот и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! Ее очи впились,
В душу вливают смятенье и страх,
Злая усмешка скользит на губах...

Мать

Сын мой, то призрак: не бойся его.
Здесь, в этой хижине, нет никого.
Сядь, как бывало, и слез не таи,
Я уврачую все раны твои.

Сын

Матушка, прежний мой пламень потух:
Сам я стал холоден, сам я стал сух,—
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебе я не в силах отдать.

Мать

Сын мой, я жесткое слово прощу,
Злобным упреком тебя не смущу,
Что мне в объятьях и ласках твоих?
Матери сердце тепло и без них.

Сын

Матушка, смерть уж в окошко стучит...
Душу одно лишь желанье томит
В этот последний и горестный час:
Встретить ее хоть один еще раз,
Чтобы под звук наших песен былых
Таять в объятьях ее ледяных!

Смолкла беседа. Со стоном глухим
Сын повалился. Лежит недвижим,
Тихо дыханье, как будто заснул...
Длинную песню сверчок затянул...
Молится старая, шепчет, не спит...
Буря то плачет, то злобно шипит,
Воет, в замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что в избушке тепло,
Словно досадно ей, ведьме лихой,
Что не кончается долго больной,
Что над постелью, где бедный лежит,
Матери сердце надеждой дрожит!

Конец 1860-х годов

138. ВСТРЕЧА

Тропинкой узкою я шел в ночи немой,
И в черном женщина явилась предо мной.
Остановился я, дрожа, как в лихорадке...
Одежды траурной рассыпанные складки,
Седые волосы на сгорбленных плечах —
Всё в душу скорбную вливало тайный страх.
Хотел я своротить, но места было мало;
Хотел бежать назад, но силы не хватало,
Горела голова, дышала тяжко грудь...
И вздумал я в лицо старухи заглянуть,
Но то, что я прочел в ее недвижном взоре,
Таило новое, неведомое горе.

Сомненья, жалости в нем не было следа,
Не злоба то была, не месть и не вражда,
Но что-то темное, как ночи дуновенье,
Неумолимое, как времени теченье.
Она сказала мне: «Я смерть, иди со мной!»
Уж чуял я ее дыханье над собой,
Вдруг сильная рука, неведомо откуда,
Схватила, и меня, какой-то силой чуда,
Перенесла в мой дом...
Живу я, но с тех пор
Ничей не радует меня волшебный взор,
Не могут уж ничьи приветливые речи
Заставить позабыть слова той страшной встречи.

Конец 1860-х годов

139

Опять в моей душе тревоги и мечты,
И льется скорбный стих, бессонницы отрада...
О, рви их поскорей — последние цветы
Из моего поблекнувшего сада!
Их много сожжено случайною грозой,
Размыто ранними дождями,
А осень близится неслышною стопой
С ночами хмурыми, с бессолнечными днями.
Уж ветер выл холодный по ночам,
Сухими листьями дорожки покрывая;
Уже к далеким, теплым небесам
Промчалась журавлей заботливая стая,
И между липами, из-за нагих ветвей
Сквозит зловещее, чернеющее поле...
Последние цветы сомкнулися тесней...
О, рви же, рви же их скорей,
Дай им хоть день еще прожить в тепле и холе!

Конец 1860-х годов

140. КОРОЛЕВА

Пир шумит. Король Филипп ликует,
И, его веселие деля,
Вместе с ним победу торжествует
Пышный двор Филиппа-короля.

Отчего ж огнями блещет зала?
Чем король обрадовал страну?
У соседа — верного вассала —
Он увез красавицу жену.

И среди рабов своих покорных
Молодецки, весело глядит:
Что ему до толков не придворных?
Муж потерпит, папа разрешит.

Шумен пир. Прелестная Бертрада
Оживляет, веселит гостей,
А внизу, в дверях, в аллеях сада,
Принцы, графы шепчутся о ней.

Что же там мелькнуло белой тенью,
Исчезало в зелени кустов
И опять, подобно привиденью,
Движется без шума и без слов?

«Это Берта, Берта-королева!»—
Пронеслось мгновенно здесь и там,
И, как стая гончих, справа, слева
Принцы, графы кинулись к дверям.

И была ужасная минута:
К ним, шатаясь, подошла она.
Горем — будто бременем — согнута,
Страстью — будто зноем — спалена.

«О, зачем, зачем,— она шептала,—
Вы стоите грозною толпой?
Десять лет я вам повелевала,—
Был ли кто из вас обижен мной?

О Филипп, пускай падут проклятья
На жестокий день, в который ты
В первый раз отверг мои объятья,
Вняв словам бесстыдной клеветы!

Если б ты изгнанник был бездомный,
Я бы шла без устали с тобой
По лесам осенней ночью темной,
По полям в палящий летний зной.

Гнет болезни, голода страданья
И твои упреки без числа —
Я бы всё сносила без роптанья,
Я бы снова счастлива была!

Если б в битве, обагренный кровью,
Ты лежал в предсмертном забытьи,
К твоему склонившись изголовью,
Омывала б раны я твои.

Я бы знала все твои желанья,
Поняла бы гаснущую речь,
Я б сумела каждое дыханье,
Каждый трепет сердца подстеречь.

Если б смерти одолела сила,—
В жгучую печаль погружена,
Я б сама глаза твои закрыла,
Я б с тобой осталася одна...

Старцы, жены, юноши и девы —
Все б пришли, печаль мою деля,
Но никто бы ближе королевы
Не стоял ко гробу короля!

Что со мною? Страсть меня туманит,
Жжет огонь обманутой любви...
Пусть конец твой долго не настанет,
О король мой, царствуй и живи!

За одно приветливое слово,
За один волшебный прежний взор
Я сносить безропотно готова
Годы ссылки, муку и позор.

Я смущать не стану ликованья;
Я спокойна; ровно дышит грудь...
О, пустите, дайте на прощанье
На него хоть раз еще взглянуть!»

Но напрасно робкою мольбою
Засветился королевы взгляд:
Неприступной каменной стеною
Перед ней придворные стоят...

Пир шумит. Прелестная Бертрада
Все сердца пленяет и живит,
А в глуши темнеющего сада
Чей-то смех, безумный смех звучит.

И, тот смех узнав, смеются тоже
Принцы, графы, баловни судьбы,
Пред несчастьем — гордые вельможи,
Пред успехом — подлые рабы.

Конец 1860-х годов

141. БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

В альбом О. А. Козловой

Хоть стих наш устарел, но преклони свой слух
И знай, что их уж нет, когда-то бодро певших,
Их песня замерла, и взор у них потух,
И перья выпали из рук окоченевших!
Но смерть не всё взяла. Средь этих урн и плит
Неизгладимый след минувших дней таится:
Все струны порвались, но звук еще дрожит,
И жертвенник погас, но дым еще струится.

Конец 1860-х годов

142. СТАРАЯ ЦЫГАНКА

Пир в разгаре. Случайно сошлися сюда,
Чтоб вином отвести себе душу
И послушать красавицу Грушу,
Разношерстные всё господа:
Тут помещик расслабленный, старый,
Тут усатый полковник, безусый корнет,
Изучающий нравы поэт
И чиновников юных две пары.
Притворяются гости, что весело им,
И плохое шампанское льется рекою...

Но цыганке одной этот пир нестерпим.
Она села, к стене прислонясь головою,
Вся в морщинах, дырявая шаль на плечах,
И суровое, злое презренье

Загорается часто в потухших глазах:
Не по сердцу ей модное пенье...
«Да, уж песни теперь не услышишь такой,
От которой захочется плакать самой!
Да и люди не те: им до прежних далече...
Вот хоть этот чиновник — плюгавый такой,
Что, Наташу обнявши рукой,
Говорит непристойные речи,—
Он ведь шагу не ступит для ней... В кошельке
Вся душа-то у них... Да, не то, что бывало!»
Так шептала цыганка в бессильной тоске,
И минувшее, сбросив на миг покрывало,
Перед нею росло — воскресало.

Ночь у «Яра». Московская знать
Собралась как для важного дела,
Чтобы Маню — так звали ее — услыхать,
Да и как же в ту ночь она пела!
«Ты почувствуй»,— выводит она, наклонясь,
А сама между тем замечает,
Что высокий, осанистый князь
С нее огненных глаз не спускает.
Полюбила она с того самого дня
Первой страстью горячей, невинной,
Больше братьев родных, «жарче дня и огня»,
Как певалося в песне старинной.
Для него бы снесла она стыд и позор,
Убежала бы с ним безрассудно,
Но такой учредили за нею надзор,
Что и видеться было им трудно.
Раз заснула она среди слез.
«Князь приехал!» — кричат ей... Во сне
аль серьезно
Двадцать тысяч он в табор привез
И умчал ее ночью морозной.
Прожила она с князем пять лет,
Много счастья узнала, но много и бед...
Чего больше? Спросите — она не ответит,
Но от горя исчезнул и след,
Только счастье звездою далекою светит!
Раз всю ночь она князя ждала,
Воротился он бледный от гнева, печали;
В этот день его мать прокляла
И в опеку имение взяли.

И теперь часто видит цыганка во сне,
Как сказал он тогда ей: «Эх, Маша,
Что нам думать о завтрашнем дне?
А теперь хоть минута, да наша!»
Довелось ей спознаться и с «завтрашним днем»:
Серебро продала, с жемчугами рассталась,
В деревянный, заброшенный дом
Из дворца своего перебралась,
И под этою кровлею вновь
Она с бедностью встретилась смело:
Те же песни и та же любовь...
А до прочего что ей за дело?
Это время сияет цыганке вдали,
Но другие картины пред ней пролетели.
Раз — под самый под Троицын день — к ней пришли
И сказали, что князь, мол, убит на дуэли.
Не забыть никогда ей ту страшную ночь,
А пойти туда, нá дом, не смела.
Наконец поутру ей уж стало невмочь:
Она черное платье надела,
Робким шагом вошла она в княжеский дом,
Но как князя-голубчика там увидала
С восковым, неподвижным лицом,
Так на труп его с воплем упала!
Зашептали кругом: «Не сошла бы с ума!
Знать, взаправду цыганка любила...»
Подошла к ней старуха княгиня сама,
Образок ей дала... и простила.
Еще Маня красива была в те года,
Много к ней молодцов подбивалось,—
Но, прожитою долей горда,
Она верною князю осталась;
А как помер сынок ее — славный такой,
На отца был похож до смешного,—
Воротилась цыганка в свой табор родной
И запела для хлеба насущного снова!
И опять забродила по русской земле,
Только Марьей Васильевной стала из Мани...
Пела в Нижнем, в Калуге, в Орле,
Побывала в Крыму и в Казани;
В Курске — помнится — раз, в Коренной,
Губернаторше голос ее полюбился,
Обласкала она ее пуще родной,

И потом ей весь город дивился.
Но теперь уж давно праздной тенью она
Доживает свой век и поет только в.хоре...

А могла бы пропеть и одна
Про ушедшие вдаль времена,
Про бродячее старое горе,
Про веселое с милым житье
Да про жгучие слезы разлуки...
Замечталась цыганка...
Ее забытье
Прерывают нахальные звуки.
Груша, как-то весь стан изогнув,
Подражая кокотке развязной,
Шансонетку поет. «Ньюф, ньюф, ньюф...» —
Раздается припев безобразный.
«Ньюф, ньюф, ньюф,— шепчет старая вслед,—
Что такое? Слова не людские,
В них ни смысла, ни совести нет...
Сгинет табор под песни такие!»
Так обидно ей, горько — хоть плачь!

Пир в разгаре. Хвативши трактирной отравы,
Спит поэт, изучающий нравы,
Пьет довольный собою усач,
Расходился чиновник плюгавый:
Он чужую фуражку надел набекрень
И плясать бы готов, да стыдится.

Неприветливый, пасмурный день
В разноцветные стекла глядится.

Конец 1860-х годов

143. А. С. ДАРГОМЫЖСКОМУ

С отрадой тайною, с горячим нетерпеньем
Мы песни ждем твоей, задумчивый певец!
Как жадно тысячи сердец
Тебе откликнутся могучим упоеньем!
Художники бессмертны: уж давно
Покинул нас поэта светлый гений,
И вот «волшебной силой песнопений»
Ты воскресаешь то, что им погребено.

Пускай всю жизнь его терзал венец терновый,
Пусть и теперь над ним звучит неправый суд,
Поэта песни не умрут:
Где замирает мысль и умолкает слово,
Там с новой силою аккорды потекут...
Певец родной, ты брат поэта нам родного,
Его безмолвна ночь, твой ярко блещет день,—
Так вызови ж скорей, творец «Русалки», снова
Его тоскующую тень!

Конец 1860-х годов

144. À LA POINTE [1]

Недвижно безмолвное море,
По берегу чинно идут
Знакомые лица, и в сборе
Весь праздный, гуляющий люд.

Проходит банкир бородатый,
Гремит офицер палашом,
Попарно снуют дипломаты
С серьезным и кислым лицом.

Как мумии, важны и прямы,
В колясках своих дорогих
Болтают нарядные дамы,
Но речи не клеются их.

«Вы будете завтра у Зины?..»
— «Княгине мой низкий поклон...»
— «Из Бадена пишут кузины,
Что Бисмарк испортил сезон...»

Блондинка с улыбкой небесной
Лепечет, поднявши лорнет:
«Как солнце заходит чудесно!»
А солнца давно уже нет.

Гуманное общество теша,
Несется приятная весть:

[1] На стрелке (фр.).— *Ред.*

Пришла из Берлина депеша —
Убитых не могут и счесть.

Графиня супруга толкает:
«Однако, мой друг, посмотри,
Как весело Рейс выступает,
Как грустен несчастный Флери».

Не слышно веселого звука,
И гордо на всем берегу
Царит величавая скука,
Столь чтимая в светском кругу.

Темнеет. Роса набежала.
Туманом оделся залив.
Разъехались дамы сначала,
Запас новостей истощив.

Наружно смиренны и кроткн,
На промысел выгодный свой
Отправились в город кокотки
Беспечной и хищной гурьбой.

И следом за ними, зевая,
Дивя их своей пустотой,
Ушла молодежь золотая
Оканчивать день трудовой.

Рассеялись всадников кучи,
Коляски исчезли в пыли,
На западе хмурые тучи
Как полог свинцовый легли.

Один я. Опять надо мною
Везде тишина и простор;
В лесу, далеко, за водою,
Как молния вспыхнул костер.

Как рвется душа, изнывая,
На яркое пламя костра!
Кипит здесь беседа живая
И будет кипеть до утра.

От холода, скуки, ненастья
Здесь, верно, надежный приют;
Быть может, нежданное счастье
Свило себе гнездышко тут.

И сердце трепещет невольно...
И знаю я: ехать пора,
Но как-то расстаться мне больно
С далеким мерцаньем костра.

10 августа 1870

145

Приветствую вас, дни труда и вдохновенья!
Опять блестя минувшей красотой,
Являются мне жизни впечатленья
И в ярких образах толпятся предо мной.
Но, суетой вседневною объята,
Моя душа порой глуха на этот зов
И тщетно молит к прежнему возврата,
И вырваться не может из оков...
Так лебедь, занесенный в край безводный
И с жизнью свыкшийся иной,
Порою хочет, гордый и свободный,
Лететь к стране своей родной...
Но взор его потух, отяжелели крылья,
И если удалось ему на миг взлететь,
То только чтоб свое почувствовать бессилье
И песнь последнюю пропеть!

1870, ⟨1886⟩

146. ОГОНЕК

Дрожа от холода, измучившись в пути,
Застигнутый врасплох суровою метелью,
Я думал: лошадям меня не довезти
И будет мне сугроб последнею постелью...

Вдруг яркий огонек блеснул в лесу глухом,
Гостеприимная открылась дверь пред нами,
В уютной комнате, пред светлым камельком,
Сижу обвеянный крылатыми мечтами.

Давно молчавшая опять звучит струна,
Опять трепещет грудь волненьями былыми,
И в сердце ожила старинная весна,
Весна с черемухой и липами родными...

Теперь не страшен мне протяжный бури вой,
Грозящий издали бедою полуночной,
Здесь — пристань мирная, здесь — счастье и покой,
Хоть краток тот покой и счастье то непрочно.

О, что до этого! Пускай мой путь далек,
Пусть завтра вновь меня настигнет буря злая,
Теперь мне хорошо... Свети, мой огонек,
Свети и грей меня, на подвиг ободряя!

1871

147. НЕДОСТРОЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Однажды снилось мне, что площадь русской сцены
Была полна людей; гудели голоса;
Огнями пышными горели окна, стены,
И с треском падали ненужные леса.
И из-за тех лесов, в сиянии великом,
Явилась женщина. С высокого чела
Улыбка светлая на зрителей сошла —
И площадь дрогнула одним могучим криком.
Волненье усмирив движением руки,
Промолвила она, склонив к театру взоры:
«Учитесь у меня, российские актеры,
Я роль свою сыграла мастерски.
Принцессою кочующей и бедной,
Как многие, явилася я к вам —
И так же жизнь моя могла пройти бесследно,
Но было иначе угодно небесам!
На шаткие тогда ступени трона
Ступила я бестрепетной ногой —
И заблистала старая корона
Над новою, вам чуждой головой.
Зато как высоко взлетел орел двуглавый!
Как низко перед ним склонились племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись ваши знамена!

С дворянства моего оковы были сняты;
Без пыток загремел святой глагол суда,
В столицу Грозного сзывались депутаты,
Из недр степей вставали города...
Я женщина была — и много я любила...
Но совесть шепчет мне, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьем подданных не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучив пылом страсти,
Надменно отошел от сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти,
Гигантских замыслов его.
Мой пышный двор блистал на удивленье свету
В стране безлюдья и снегов,
Но не был он похож на стертую монету,
На скопище бесцветное льстецов.
От смелых чудаков не отвращая взоров,
Умела я ценить, что мудро иль остро,—
Зато в дворец мой шли скитальцы, как Дидро,
И чудаки, такие как Суворов.
Зато и я могла свободно говорить
В эпоху диких войн и казней хладнокровных,
Что лучше десять оправдать виновных,
Чем одного невинного казнить.
И не было то слово буквой праздной!
Однажды пасквиль мне решилися подать:
В нем я была — как женщина, как мать —
Поругана со злобой безобразной.
Заныла грудь моя от гнева и тоски;
Уж мне мерещились допросы, приговоры...
Учитесь у меня, российские актеры!
Я роль свою сыграла мастерски,—
Я пасквиль тот взяла — и написала с краю:
«Оставить автора, стыдом его казня.
Что здесь — как женщины — касается меня,
Я—как царица — презираю!»
Да, управлять подчас бывало нелегко!
Но всюду — дома ли, в Варшаве, в Византии —
Я помнила лишь выгоды России —
И знамя то держала высоко.
Хоть не у вас я свет увидела впервые,
Вам громко за меня твердят мои дела:
Я больше русская была,
Чем многие цари, по крови вам родные!

Но время шло, печальные следы
Вокруг себя невольно оставляя...
Качалася на мне корона золотая,
И ржавели в руках державные бразды...
Когда случится вам, питомцы Мельпомены,
Творенье гения со славой разыграть,
И вами созданные сцены
Заставят зрителя смеяться иль рыдать,
Тогда — скажите ради Бога —
Ужель вам не простят правдивые сердца
Неловкость выхода, неровности конца
И даже скуку эпилога?»

Тут гул по площади пошел со всех сторон,
Гремели небеса, людскому хору вторя,—
И был сначала я, как будто ревом моря,
Народным воплем оглушен.
Потом все голоса слилися воедино,
И ясно слышал я из говора того:
«Живи, живи, Екатерина,
В бессмертной памяти народа твоего!»

1871

148

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, что в огородах мещанки Ефимовой найдено мертвое тело.

(Из полицейского рапорта)

В убогом рубище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова.
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил ее в смятенье,
Недуг ли поразил,— еще не знали мы
И уловить в лице старались выраженье.
Но веяло оно покоем неземным;
Народ стоял кругом, как бы дивяся чуду,
И каждый клал свой грош в одну большую груду,
И деньги сыпались к устам ее немым.

Вчера их вымолить она бы не сумела...
Да, эти щедрые и поздние гроши,
Что, может быть, спасли б нуждавшееся тело,
Народ охотнее бросает для души.
Был чудный вешний день. По кочкам зеленели
Побеги свежие рождавшейся травы,
И дети бегали, и жаворонки пели...
Прохладный ветерок, вкруг мертвой головы
Космáми жидкими волос ее играя,
Казалось, лепетал о счастье и весне,
И небо синее в прозрачной вышине
Смеялось над землей, как эпиграмма злая!

1871?
Киев

149

Истомил меня жизни безрадостный сон,
    Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем как в тюрьме заключен
    Под надзором тюремщика злого.

Захочу ли уйти, захочу ли шагнуть —
    Роковая стена не пускает,
Лишь оковы звучат, да сжимается грудь,
    Да бессонная совесть терзает.

Но под взглядом твоим распадается цепь,
    И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
    Как туман, серебримый луною...

⟨1872⟩

150. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Лет двадцать пять назад спала родная сцена,
    И сон ее был тяжек и глубок...
Но вы сказали ей: что ж, «Бедность не порок»,
И с ней произошла благая перемена.
Бесценных перлов ряд театру подаря,
За ним «Доходное» вы утвердили «место»,
    И наша сцена, вам благодаря,
        Уже не «Бедная невеста».

Заслуги ваши гордо вознеслись,
А кто не видит их иль понимает ложно,
Тому сказать с успехом можно:
«Не в свои сани не садись!»

18 февраля 1872

151. ТВОЯ СЛЕЗА

Твоя слеза катилась за слезой,
Твоя душа сжималась молодая,
Внимая речи лживой и чужой...
И я в тот миг не мог упасть, рыдая,
Перед тобой!

Твоя слеза проникла в сердце мне,
И всё, что было горького, больного
Запрятано в сердечной глубине,—
Под этою слезою всплыло снова,
Как в страшном сне!

Не в первый раз сбирается гроза,
И страха перед ней душа не знала!
Теперь дрожу я... Робкие глаза
Глядят куда-то вдаль... куда упала
Твоя слеза!

1872

152. ЛЮБОВЬ

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастие без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской.

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль — и в блеске новом
В душе светилася моей!

Я всё забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть.

1872

153. А. Н. МУРАВЬЕВУ

Уставши на пути, тернистом и далеком,
Приют для отдыха волшебный создал ты.
На всё минувшее давно спокойным оком
Ты смотришь с этой высоты.
Пусть там внизу кругом клокочет жизнь иная
В тупой вражде томящихся людей,—
Сюда лишь изредка доходит, замирая,
Невнятный гул рыданий и страстей.
Здесь сладко отдохнуть. Всё веет тишиною,
И даль безмерно хороша,
И, выше уносясь доверчивой мечтою,
Не видит ничего меж небом и собою
На миг восставшая душа.

Июнь 1873
Киев

154

Черная туча висит над полями,
Шепчутся клены, березы качаются,
Дубы столетние машут ветвями,
Точно со мной говорить собираются.

«Что тебе нужно, пришлец бесприютный?
(Голос их важный с вершины мне чудится.)
Думаешь, отдых вкушая минутный,
Так вот и прошлое всё позабудется?

Нет, ты словами себя не обманешь:
Спета она, твоя песенка скудная!
Новую песню уж ты не затянешь,
Хоть и звучит она, близкая, чудная!

Сердце усталое, сердце больное
Звуков волшебных напрасно искало бы:
Здесь, между нами, ищи ты покоя,
С жизнью простися без стонов и жалобы.

Смерти боишься ты? Страх малодушный!
Всё, что томило игрой бесполезною —
Мысли, и чувства, и стих, им послушный,—
Смерть остановит рукою железною.

Всё, клеветавшее тайно, незримо,
Всё, угнетавшее с дикою силою,
Вмиг разлетится, как облако дыма,
Над неповинною, свежей могилою!

Если же кто-нибудь тишь гробовую
Вздохом нарушит, слезою участия,
О, за слезу бы ты отдал такую
Все свои призраки прошлого счастия!

Тихо, прохладно лежать между нами,
Тень наша шире и шорох приветнее...»
В вечер ненастный, качая ветвями,
Так говорили мне дубы столетние.

30 июля 1873
Рыбница

155. МАРИИ ДМИТРИЕВНЕ ЖЕДРИНСКОЙ

Когда путем несносным и суровым
Мне стала жизнь в родимой стороне,
Оазис я нашел под вашим кровом,
И отдохнуть отрадно было мне.

И старые и новые печали,
Вчерашний бред и думы прошлых дней
В моей душе вы сердцем прочитали
И сгладили улыбкою своей.

И понял я, смущен улыбкой этой,
Что царство зла отсюда далеко,
И понял я, чем всё кругом согрето
И отчего здесь дышится легко.

Но дни летят... С невольным содроганьем
Смотрю на черный, отдаленный путь:
Он страшен мне, и, словно пред изгнаньем,
Пророческой тоской стеснилась грудь.

И тщетно ум теряется в вопросах:
Где встретимся? Когда? И даст ли Бог
Когда-нибудь мой страннический посох
Сложить опять у ваших милых ног?

2 августа 1873
Рыбница

156. МУХИ

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася
другая,—
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах
прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и
больнее...
Эх, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

157. ШВЕЙЦАРКЕ

Целую ночь я в постели метался,
Ветер осенний, сердитый
Выл надо мной;
Словно при мне чей-то сон продолжался,
Некогда здесь позабытый,
Сон, мне чужой.

Снились мне дальней Швейцарии горы...
Скованы вечными льдами
Выси тех гор,
И отдыхают смущенные взоры
В светлых долинах с садами,
В глади озер.

Славно жилось бы. Семья-то большая...
Часто под старую крышу
Входит нужда.
Надо расстаться... «Прощай, дорогая!
Голос твой милый услышу
Вряд ли когда!»

Свет нелюбимого, бледного неба...
Звуки наречья чужого
Дразнят, как шум;
Горькая жизнь для насущного хлеба,
Жизнь воздержанья тупого,
Сдавленных дум.

Если же сердце зашепчет о страсти,
Если с неведомой силой
Вспыхнут мечты —
Прочь их гони, не вверяйся их власти,
Образ забудь этот милый,
Эти черты.

Жизнь пронесется бесцветно-пустая...
В бездну забвенья угрюмо
Канет она...
Так, у подножья скалы отдыхая,
Смоет песчинку без шума
Моря волна.

Вдруг пробудился я. День начинался,
Билося сердце, объято
Странной тоской;
Снова заснул я, и вновь продолжался
Виденный кем-то, когда-то
Сон, мне чужой.

Чья-то улыбка и яркие очи,
Звуки альпийской свирели,
Ропот судьбе —
Всё, что в безмолвные, долгие ночи
В этой забытой постели
Снилось тебе!

1873
Курск

158. О ЦЫГАНАХ

Посвящается А. И. Гончарову

1

Когда в Москве первопрестольной
С тобой сойдемся мы вдвоем,
Уж знаю я, куда невольно
Умчит нас тройка вечерком.

Туда весь день, на прибыль зорки,
Стяжанья жаждою полны,
Толпами лупят с Живодерки
Индейца бедные сыны.

Им чужд их предок безобразный,
И, правду надобно сказать,
На них легла изнанкой грязной
Цивилизации печать.

Им света мало свет наш придал,
Он только шелком их одел;
Корысть — единственный их идол,
И бедность — вечный их удел.

Искусства также там, хоть тресни,
Ты не найдешь — напрасный труд:

Там исказят мотивы песни
И стих поэта переврут.

Но гнаться ль нам за совершенством?
Что нам за дело до того,
Что так назойливо с «блаженством»
У них рифмует «божество»?

В них сила есть пустыни знойной
И ширь свободная степей,
И страсти пламень беспокойный
Порою брызжет из очей.

В них есть какой-то, хоть и детский,
Но обольщающий обман...
Вот почему на раут светский
Не променяем мы цыган.

2

Льется вино. Усачи полукругом,
Черны, небриты, стоят, не моргнут,
Смуглые феи сидят друг за другом:
Саша, Параша и Маша — все тут.
Что же все смолкли? Их ночь утомила,
Вот отдохнут, запоют погодя.
Липочка «Няню» давно пробасила;
В глупом экстазе зрачками водя,
«Утро туманное» Саша пропела...
Ох! да была же она хороша,
Долгий роман она в жизни имела,
Знала цыганка, что значит душа!
Но зажила в ней сердечная рана,
Старые бури забыты давно,
В этом лице не ищите романа:
Сытостью властною дышит оно.
Что ж и мудреного, что процветает
Духом и здравием Саша моя?
С выручки полной она получает,
Шутка ли, три с половиной пая.
Те, что постарше и менее пылки,
Заняты ужином скромным своим;
Всюду сигары, пустые бутылки,
Тучами ходит по комнате дым.

Старая Анна хлопочет за чаем,
«Жубы» болят отчего-то у ней,
Только, никем и ничем не смущаем,
Коля бренчит на гитаре своей;
Голос прелестный раздался... О Боже!
Паша поет, не для ней, вишь, весна...
Не для тебя, так скажи, для кого же?
Ты черноброва, свежа и стройна,
Из-под ресниц твоих солнца светлее
Тянутся вешнего счастья лучи...
«Ну-ка, затягивай „Лен", да живее!»
Грянула песня. Гудят усачи.
Липочка скачет, несется,— куда же?
Где остановишься ты на пути?
Лица горят; Марья Карповна даже,
Кажется, хочет вприсядку пойти...
Кончено... Стой! Неужли́ ж расставаться?
Как-нибудь надо вам сон превозмочь.
«Ну-ка, цыганки, живей, одеваться!
Едем к нам в город доканчивать ночь!»

3

И морозом, и метелью
Охватило нас кругом,
Смотрят брачною постелью
Сани, крытые ковром.

«Паша! к нам — сюда! Доро́гой
Будем петь, садись правей...
Липа здесь! Живее трогай,
Не жалей же лошадей!»

Подхватили лихо кони,
Ветер свищет, словно зверь...
От какой бы мы погони
Не умчалися теперь?

И какая бы кручина
Не забылася легко?
Всюду снежная равнина,
До заставы далеко;

В небе темь и мгла густая,
И не видно ямщика,
И дрожит в руке другая
Чья-то теплая рука!

4

Вот и приехали... «Ну, шевелися,
Чаю скорее, за ромом пошли!»
Мигом по комнатам все разбрелися,
С жадным вниманием дом обошли.
Всё любопытно им: двери, паркеты,
Книги, альбомы, звонок за стеной...
Вот и красавиц московских портреты.
«Кто из них, Паша, сравнится с тобой?»
Вот собрали́ся, уселись за чаем,
Тише признанья, но смех веселей...
Только, ничем и никем не смущаем,
Коля бренчит на гитаре своей.
Длятся часы. Задушевное пенье,
Словно волшебный таинственный сон,
Льет нам минутное жизни забвенье...
Вдруг раздался́ неожиданный звон:
Колокол грянул из церкви соседней...
Знаю, он разом веселье смутит!
«Что это? К ранней звонили обедне?» —
Старая Анна впросонках ворчит.
Вот и прощанье звучит роковое:
«Поздно, до завтра, пора по домам!»
Утро туманное, утро седое,
Знать, и взаправду подкралося к нам.

5

Один я... Город шевелится,
Морозный день глядит в окно;
Я лег в постель, но мне не спится:
В душе и пусто и темно.
И жаль мне ночи беззаботной,
В которой, на один хоть час,
Блеснула гостьей мимолетной
Жизнь, не похожая на нас.

И снова голос полуночный
Звучит при тусклом свете дня:
Весна придет в свой час урочный,
Весна придет... не для меня!

1873

159. ПАМЯТИ Н. Д. КАРПОВА

С тех пор, как помню жизнь, я помню и тебя
С улыбкой слушая младенческий мой лепет
И музу детскую навеки полюбя,
Ты знал мой первый стих и первый сердца трепет

В мятежной юности, кипя избытком сил,
Я гордо в путь пошел с доверчивой душою,
И всюду на пути тебя я находил,
В безоблачный ли день, в ночи ли под грозою.

Как часто, утомясь гонением врагов,
Предавшись горькому, томящему бессилью,
К тебе спасался я, как под родимый кров
Спасается беглец, покрыт дорожной пылью!

Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе,— ты до конца был молод.
Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.

Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой я шел на свете,
Что, вылив из души невольно строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!

1873

160. ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЕ

Бывало, теша ум в мечтаньях суеверных,
Когда ты падала огнистой полосой,
Тебе вверял я рой желаний эфемерных,
Сменявшихся в душе нестройною толпой.
Теперь опять ты шлешь мне кроткое сиянье,
И взором я прильнул к летящему лучу.

В душе горит одно заветное желанье,
Но вверить я его не в силах... и молчу.
Как думы долгие, лишивши их покрова,
В одежду чуждую решуся я облечь?
Как жизнь всю перелить в одно пустое слово?
Как сердце разменять на суетную речь?
О, если можешь ты, сроднясь с моей душою,
Минуту счастия послать ей хоть одну,
Тогда блесну, как ты, огнистой полосою
И радостно в ночи безвестной утону.

1873
Рыбница

161

Как бедный пилигрим, без крова и друзей,
Томится жаждою среди нагих степей,—
Так, одиночеством, усталостью томимый,
Безумно жажду я любви недостижимой.
Не ну́жны страннику ни жемчуг, ни алмаз,
На груды золота он не поднимет глаз,
За чистую струю нежданного потока
Он с радостью отдаст сокровища Востока.
Не нужны мне страстей мятежные огни,
Ни ночи бурные, ни пламенные дни,
Ни пошлой ревности привычные страданья,
Ни речи страстные, ни долгие лобзанья...
Мне б только луч любви!.. Я жду, зову его...
И если он блеснет из сердца твоего
В пожатии руки, в немом сиянье взора,
В небрежном лепете пустого разговора...
О, как я в этот миг душою полюблю,
С какою радостью судьбу благословлю!..
И пусть потом вся жизнь в бессилии угрюмом
Терзает и томит меня нестройным шумом!

1873

162. ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Ни у домашнего, простого камелька,
Ни в шуме светских фраз и суеты салонной
Нам не забыть его, седого старика,
С улыбкой едкою, с душою благосклонной!

Ленивой поступью прошел он жизни путь,
Но мыслью обнял всё, что на пути заметил,
И перед тем, чтоб сном могильным отдохнуть,
Он был, как голубь, чист и, как младенец, светел.

Искусства, знания, событья наших дней —
Всё отклик верный в нем будило неизбежно,
И словом, брошенным на факты и людей,
Он клейма вечные накладывал небрежно...

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались нежданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнию мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!

Между 1873 и 1875

163

М. Д. Жедринской

В уютном уголке сидели мы вдвоем,
В открытое окно впивались наши очи,
И, напрягая слух, в безмолвии ночном
Чего-то ждали мы от этой тихой ночи.

Звон колокольчика нам чудился порой,
Пугал нас лай собак, тревожил листьев шорох...
О, сколько нежности и жалости немой,
Не тратя лишних слов, читали мы во взорах!

И сколько, сколько раз, сквозь сумрак
новых лет,
Светиться будет мне тот уголок уютный,
И ночи тишина, и яркий лампы свет,
И сердца чуткого обман ежеминутный!

24 августа 1874
Рыбница

164. ВЕНЕЦИЯ

1

В развалинах забытого дворца
Водили нас две нищие старухи,
И речи их лилися без конца.
«Синьоры, словно дождь среди засухи,
Нам дорог ваш визит; мы стары, глухи
И не пленим вас нежностью лица,
Но радуйтесь тому, что нас узнали:
Ведь мы с сестрой последние Микьяли.

2

Вы слышите: Микьяли... Как звучит!
Об нас не раз, конечно, вы читали,
Поэт о наших предках говорит,
Историк их занес в свои скрижали,
И вы по всей Италии едва ли
Найдете род, чтоб был так знаменит.
Так не были богаты и могучи
Ни Пезаро́, ни Фо́скари, ни Пучи...

3

Ну, а теперь наш древний блеск угас.
И кто же разорил нас в пух? Ребенок!
Племянник Гаэтано был у нас,
Он поручён нам был почти с пеленок
И вырос он красавцем: строен, тонок...
Как было не прощать его проказ!
А жить он начал уже слишком рано...
Всему виной племянник Гаэтано.

4

Анконские поместья он спустил,
Палаццо продал с статуями вместе,
Картины пропил, вазы перебил,
Брильянты взял, чтоб подарить невесте,
А проиграл их шулерам в Триесте.
А впрочем, он прекрасный малый был,
Характера в нем только было мало...
Мы плакали, когда его не стало.

5

Смотрите, вот висит его портрет
С задумчивой, кудрявой головою;
А вот над ним — тому уж много лет —
С букетами в руках и мы с сестрою.
Тогда мы обе славились красою,
Теперь, увы... давно пропал и след
От прошлого... А думается: всё же
На нас теперь хоть несколько похоже.

6

А вот Франческо... С этим не шути,
В его глазах не сыщешь состраданья:
Он заседал в Совете десяти,
Ловил, казнил, вымучивал признанья,
За то и сам под старость, в наказанье,
Он должен был тяжелый крест нести:
Три сына было у него,— все трое
Убиты в роковом Лепантском бое.

7

Вот в мантии старик с лицом сухим —
Антонио... Мы им гордиться можем:
За доброту он всеми был любим,
Сенатором был долго, после дожем,
Но, ревностью, как демоном, тревожим,
К жене своей он был неумолим!
Вот и она, красавица Тереза:
Портрет ее — работы Веронеза —

8

Так, кажется, и дышит с полотна...
Она была из рода Морозини...
Смотрите, что за плечи, как стройна,
Улыбка ангела, глаза богини,
И хоть молва нещадна,— как святыни,
Терезы не касалася она.
Ей о любви никто б не заикнулся,
Но тут король, к несчастью, подвернулся.

9

Король тот Генрих Третий был. О нем
В семействе нашем памятно преданье,
Его портрет мы свято бережем.
О Франции храня воспоминанье,
Он в Кракове скучал, как бы в изгнанье,
И не хотел быть польским королем.
По смерти брата, чуя трон побольше,
Решился он в Париж бежать из Польши.

10

Доро́гой к нам Господь его привел.
Июльской ночью плыл он меж дворцами,
Народ кричал из тысячи гондол,
Сливался пушек гром с колоколами,
Венеция блистала вся огнями.
В палаццо Фоскарини он вошел...
Все плакали: мужчины, дамы, дети...
Великий государь был Генрих Третий!

11

Республика давала бал гостям...
Король с Терезой встретился на бале.
Что было дальше — неизвестно нам,
Но только мужу что-то насказали,
И он, Терезу утопив в канале,
Венчался снова в церкви Фрари, там,
Где памятник великого Кановы...
Но старику был брак несчастлив новый».

12

И длился об Антонио рассказ,
О бедствиях его второго брака...
Но начало тянуть на воздух нас
Из душных стен, из плесени и мрака...
Старухи были нищие, однако
От денег отказались, и не раз
Нам на прощанье гордо повторяли:
«Да, да,— ведь мы последние Микьяли!»

13

Я бросился в гондолу и велел
Куда-нибудь подальше плыть. Смеркалось...
Канал в лучах заката чуть блестел,
Дул ветерок, и туча надвигалась.
Навстречу к нам гондола приближалась,
Под звук гитары звучный тенор пел,
И громко раздавались над волнами
Заветные слова: dimmi che m'ami [1].

14

Венеция! Кто счастлив и любим,
Чья жизнь лучом сочувствия согрета,
Тот, подойдя к развалинам твоим,
В них не найдет желанного привета.
Ты на призыв не дашь ему ответа,
Ему покой твой слишком недвижим,
Твой долгий сон без жалоб и без шума
Его смутит, как тягостная дума.

15

Но кто устал, кто бурей жизни смят,
Кому стремиться и спешить напрасно,
Кого вопросы дня не шевелят,
Чье сердце спит бессильно и безгласно,
Кто в каждом дне грядущем видит ясно
Один бесцельный повторений ряд,—
Того с тобой обрадует свиданье...
И ты прошла! И ты — воспоминанье!..

16

Когда больная мысль начнет вникать
В твою судьбу былую глубже, шире,
Она не дожа будет представлять,
Плывущего в короне и порфире,
А пытки, казни, мост Dei Sospiri [2] —

---

[1] Скажи мне, что любишь меня (итал.).— *Ред.*
[2] Мост вздохов (итал.).— *Ред.*

Всё, всё, на чем страдания печать...
Какие тайны горя и измены
Хранят безмолвно мраморные стены!..

17

Как был людьми глубоко оскорблен,
Какую должен был понесть потерю,
Кто написал, в темнице заключен
Без окон и дверей, подобно зверю:
«Спаси, Господь, от тех, кому я верю,—
От тех, кому не верю, я спасен!»
Он, может быть, великим был поэтом,—
История твоя в двустишье этом!

18

Страданья чашу выпивши до дна,
Ты снова жить, страдать не захотела,
В объятьях заколдованного сна,
В минувшем блеске ты окаменела:
Твой дож пропал, твой Марк давно без дела,
Твой лев не страшен, площадь не нужна,
В твоих дворцах пустынных дышит тленье...
Везде покой, могила, разрушенье...

19

Могила!.. да! Но отчего ж порой
Ты хороша, пленительна, могила?
Зачем она увядшей красотой
Забытых снов так много воскресила,
Душе напомнив, что́ в ней прежде жило?
Ужель обманчив так ее покой?
Ужели сердцу суждено стремиться,
Пока оно не перестанет биться?..

20

Мы долго плыли... Вот зажглась звезда,
Луна нас обдала потоком света;
От прежней тучи нет теперь следа,
Как ризой, небо звездами одето.
«Джузеппе! Пеппо!» — прозвучало где-то...

Всё замерло: и воздух и вода.
Гондола наша двигалась без шума,
Налево берег Лидо спал угрюмо.

21

О, никогда на родине моей
В года любви и страстного волненья
Не мучили души моей сильней
Тоска по жизни, жажда увлеченья!
Хотелося забыться на мгновенье,
Стряхнуть былое, высказать скорей
Кому-нибудь, что душу наполняло...
Я был один, и всё кругом молчало...

22

А издали, луной озарена,
Венеция, средь темных вод белея,
Вся в серебро и мрамор убрана,
Являлась мне как сказочная фея.
Спускалась ночь, теплом и счастьем вея;
Едва катилась сонная волна,
Дрожало сердце, тайной грустью сжато,
И тенор пел вдали: «O, sol beato» [1]...

1874

165

В темную ночь, непроглядную,
Думы такие несвязные
Бродят в моей голове.
Вижу я степь безотрадную...
Люди и призраки разные
Ходят по желтой траве.

Вижу селение дальнее...
Детской мечтой озаренные,
Годы катились там... но...

---

[1] О, прекрасное солнце (итал.).— *Ред.*

Комнаты смотрят печальнее,
Липы стоят обнаженные,
Песни замолкли давно.

Осень... Большою дорогою
Едут обозы скрипучие,
Ветер шумит по кустам.
Станция... крыша убогая...
Слезы старинные, жгучие
Снова текут по щекам.

Вижу я оргию шумную,
Бальные пары за парою,
Блеск набежавшей весны,—
Всю мою юность безумную,
Все увлечения старые,
Все позабытые сны.

Снится мне счастье прожитое...
Очи, недавно любимые,
Ярко горят в темноте;
Месяц... окошко раскрытое...
Речи, с мечтой уносимые...
Речи так ласковы те!

Помнишь, как с радостью жадною
Слушал я речи те праздные,
Как я поверил тебе!
В темную ночь, непроглядную,
Думы такие несвязные
Бродят в моей голове!

1875

166. «ПРАЗДНИКОМ ПРАЗДНИК»

Торжественный гул не смолкает в Кремле,
Кадила дымятся, проносится стройное пенье...
Как будто на мертвой земле
Свершается вновь воскресенье!
Народные волны ликуют, куда-то спеша...
Зачем в этот час меня горькая мысль одолела?
Под гнетом усталого, слабого тела
Тебе не воскреснуть, разбитая жизнью душа!

Напрасно рвалася ты к свету и жаждала воли —
Конец недалек: ты, как прежде, во тьме и в пыли;
Житейские дрязги тебя искололи,
Тяжелые думы тебя извели.
И вот, утомясь, исстрадавшись без меры,
Позорно сдалась ты гнетущей судьбе...
И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе!

Начало 1870-х годов

167

Исход, глава XIV, стих XX.

Когда Израиля в пустыне враг настиг,
Чтоб путь ему пресечь в обещанные страны,
Тогда Господь столп облачный воздвиг,
Который разделил враждующие станы.
Одних он тьмой объял до утренних лучей,
Другим всю ночь он лил потоки света.

О, как душе тоскующей моей
Близка святая повесть эта!
В пустыне жизненной мы встретились давно,
Друг друга ищем мы и сердцем и очами,
Но сблизиться нам, верь, не суждено:
Столп облачный стоит и между нами.
Тебе он светит яркою звездой,
Как солнца луч тебя он греет,
А мой удел, увы! другой:
Оттуда мне лишь ночью веет,
И безотрадной и глухой!

Начало 1870-х годов

168. С КУРЬЕРСКИМ ПОЕЗДОМ

1

«Ну, как мы встретимся? — невольно думал он,
По снегу рыхлому к вокзалу подъезжая.—
Уж я не юноша и вовсе не влюблен...
Зачем же я дрожу? Ужели страсть былая
Опять как ураган ворвется в грудь мою,

Иль только разожгли меня воспоминанья?»
И опустился он на мерзлую скамью,
Исполнен жгучего, немого ожиданья.
Давно, давно, еще студентом молодым,
Он с нею встретился в глуши деревни дальной.
О том, как он любил и как он был любим
Любовью первою, глубокой, идеальной,
Как планы смелые чертила с ним она,
Идее и любви всем жертвовать умея,
Про то никто не знал, а знала лишь одна
Высоких тополей тенистая аллея.
Пришлось расстаться им, прошел несносный год.
Он курс уже кончал, и новой, лучшей доли
Была близка пора... И вдруг он узнает,
Что замужем она, и вышла против воли.
Чуть не сошел с ума, едва не умер он,
Давал нелепые, безумные обеты,
Потом оправился... С прошедшим примирен,
Писал ей изредка и получал ответы;
Потом в тупой борьбе с лишеньями, с нуждой
Прошли бесцветные, томительные годы;
Он привыкал к цепям, и образ дорогой
Лишь изредка блестел лучом былой свободы,
Потом бледнел, бледнел, потом совсем угас.
И вот, как одержал над сердцем он победу,
Как в тине жизненной по горло он погряз,—
Вдруг весть нежданная: «Муж умер, и я еду».
— «Ну, как мы встретимся?» А поезд опоздал...
Как ожидание бывает нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзал,
Гурьба артельщиков прошла, болтая, мимо,
А поезда всё нет, пора б ему прийти!
Вот раздался свисток, дым по дороге взвился...
И, тяжело дыша, как бы устав в пути,
Железный паровоз пред ним остановился.

2

«Ну, как мы встретимся?» — так думала она,
Пока на всех порах курьерский поезд мчался.
Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался.
Старалась и она заснуть в ночной тиши,
Но сон, упрямый сон бежал всё время мимо:

Со дна глубокого взволнованной души
Воспоминания рвались неудержимо.
Курьерским поездом, спеша Бог весть куда,
Промчалась жизнь ее без смысла и без цели.
Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур,
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою
Был человек один. Тот понял, тот любил...
А чем она ему ответила? Обманом...
Что ж делать? Для борьбы ей не хватило сил,
Да и могла ль она бороться с целым станом?
И вот увидеться им снова суждено...
Как встретятся они? Он находил когда-то
Ее красавицей, но это так давно...
Изменят хоть кого утрата за утратой!
А впрочем... не блестя, как прежде, красотой,
Черты остались те ж и то же выраженье...
И стало весело ей вдруг при мысли той,
Всё оживилося в ее воображенье!
Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего она захохотала.
Но вот проснулись все — теперь уж не заснуть..
Кондуктор отобрал с достоинством билеты;
Вот фабрики пошли, свисток — и кончен путь.
Объятья, возгласы, знакомые приветы...
Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь... О Боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вот этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

3

И встретились они, и поняли без слов,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитых бессмысленно годов
Меж ними бездною лежало роковою.
О, никогда еще потраченные дни
Среди чужих людей, в тоске уединенья,
С такою ясностью не вспомнили они,

Как в это краткое и горькое мгновенье!
Недаром злая жизнь их гнула до земли,
Забрасывая их слоями грязи, пыли...
Заботы на лице морщинами легли,
И думы серебром их головы покрыли!
И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вот, рука в руке и взоры опустив,
Они стоят в толпе, боясь прервать молчанье...
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уже уходит прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Где ждал он поезда в волнении томящем,
Она же думала, тревогу затая:
«Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!»

Начало 1870-х годов
Санкт-Петербург

169

В дверях покинутого храма
С кадил недвижных фимиама
Еще струился синий дым,
Когда за юною четою
Пошли мы пестрою толпою,
Под небом ясным, голубым.

Покровом облаков прозрачных
Оно, казалось, новобрачных
Благословляло с высоты,
И звуки музыки дрожали,
И словно счастье обещали
Благоухавшие цветы.

Людское горе забывая,
Душа смягчалася больная
И оживала в этот час...
И тихим, чистым упоеньем,
Как будто сладким сновиденьем,
Отвсюду веяло на нас.

Начало 1870-х годов
Ораниенбаум

170. ДИЛЕТАНТ

Была пора: что было честно,
Талантливо в родном краю,
Сходилось дружески и тесно
В литературную семью;
Назваться автором решался
Тогда не всякий спекулянт...
И как смешон для всех казался
Уединенный дилетант!

Потом пришла пора иная:
Россия встала ото сна,
Литература молодая
Ей оставалася верна,—
Добру, отчизне, мыслям чистым
Служил писателя талант,
И перед смелым публицистом
Краснел ненужный дилетант!

Но всё непрочно в нашем веке...
С тех пор как в номере любом
Я мог прочесть о Льве Камбеке
И не прочесть о Льве Толстом,
Я перестал седлать Пегаса —
Милей мне скромный Россинант!
Что мне до русского Парнаса?
Я — неизвестный дилетант!

Я родился́ в семье дворянской
(Чем буду мучиться по гроб),
Моя фамилья не Вифанский,
Отец мой не был протопоп...
О хриях, жупеле и пекле
Не испишу я фолиант,
Меня под праздники не се́кли...
Что ж делать мне, я дилетант!

Я нахожу, и в том виновен,
Что Пушкин не был идиот,
Что выше сапогов Бетховен
И что искусство не умрет,
Чту имена (не знаю, кстати ль),
Как, например, Шекспир и Дант...

Ну, так какой же я писатель?
Я дилетант, я дилетант!..

На площадях перед народом
Я в пьяном виде не лежал,
Стрижом, лукошком, бутербродом
Своих противников не звал;
Болезнью, брюхом или носом
Их не корил, как пасквилянт,
И не входил о них с доносом...
Я дилетант, я дилетант!..

В грехе покаюся сугубом
(Хоть не легко сознаться в том):
Знаком я с графом Соллогубом
И с князем Вяземским знаком!..
Не подражая нравам скифов,
Белье меняю, хоть не франт...
Мне не родня Гиероглифов...
Я дилетант, я дилетант!..

Я не ищу похвал текущих
И не гонюсь за славой дня,
И Лонгинов веков грядущих
Пропустит, может быть, меня.
Зато и в списке негодяев
Не поместит меня педант:
Я не Булгарин, не Минаев...
Я, слава Богу, дилетант!..

Начало 1870-х годов

171

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

172. НАКАНУНЕ

Она задумчиво сидела меж гостей,
И в близком будущем мечта ее витала...
Надолго едет муж... О, только б поскорей!
«Я ваша навсегда!» — она на днях писала.
Вот он стоит пред ней — не муж, а тот, другой,—
И смотрит на нее таким победным взглядом...
«Нет,— думает она,— не сладишь ты со мной:
Тебе ль, мечтателю, идти со мною рядом?
Ползти у ног моих судьбой ты обречен,
Я этот гордый ум согну рукою властной;
Как обессиленный, раздавленный Самсон,
Признание свое забудешь в неге страстной!»
Прочел ли юноша ту мысль в ее глазах,—
Но взор по-прежнему сиял победной силой...
«Посмотрим, кто скорей измучится в цепях»,—
Довольное лицо, казалось, говорило.
Кто победит из них? Пускай решит судьба...
Но любят ли они? Что это? Страсть слепая
Иль самолюбия бесцельная борьба?
Бог знает!
Их речам рассеянно внимая,
Сидит поодаль муж с нахмуренным лицом;
Он знает, что его изгнание погубит...
Но что до этого? Кто думает о нем?
Он жертвой должен быть! Его вина: он любит.

1876

173

В житейском холоде дрожа и изнывая,
Я думал, что любви в усталом сердце нет,
И вдруг в меня пахнул теплом и солнцем мая
Нежданный твой привет.

И снова образ твой, задумчивый, и милый,
И неразгаданный, царит в душе моей,
Царит с сознанием могущества и силы,
Но с лаской прежних дней.

Как разгадать тебя? Когда любви томленье
С мольбами и тоской я нес к твоим ногам
И говорил тебе: «Я жизнь, и вдохновенье,
И всё тебе отдам!» —

Твой беспощадный взор сулил мне смерть и муку;
Когда же мертвецом без веры и любви
На землю я упал... ты подаешь мне руку
И говоришь: «Живи!»

⟨1877⟩

174. ПУБЛИКА

(Во время представления Росси)

Артист окончил акт. Недружно и несмело
Рукоплескания раздáлися в рядах.
Однако вышел он... Вдруг что-то заблестело
У капельмейстера в руках.
Что это? Смотрят все в тревоге жадной...
Подарок ценный, вот другой,
А вслед за ними и венок громадный...
Преобразилось всё. Отвсюду крики, вой...
Нет вызовам конца! Платками машут дамы,
И был бы даже вызван автор драмы,
Когда б был жив... Куда ни глянь,
Успех венчается всеобщим приговором.
Кого же чествуют? Кому восторгов дань?
Артисту? Нет: венку с серебряным прибором!

18 марта 1877

175. ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Когда в грязи и лжи возникшему кумиру
Пожертвован везде искусства идеал,
О вечной красоте напоминая миру,
Твой мощный голос прозвучал.

Глубоких струн души твои коснулись руки,
Ты в жизни понял всё и всё простил, поэт!
Ты из нее извлек чарующие звуки,
Ты знал, что в правде грязи нет.

Кто по земле ползет, шипя на всё змеею,
Тот видит сор один... и только для орла,
Парящего легко и вольно над землею,
Вся даль безбрежная светла!

1877
Москва

176. НАД СВЯЗКОЙ ПИСЕМ

Не я один тебя любил
И, жизнь отдав тебе охотно,
В очах задумчивых ловил
Хоть призрак ласки мимолетной;
Не я один в тиши ночей
Припоминал с тревогой тайной
И каждый звук твоих речей,
И взор, мне брошенный случайно.

И не во мне одном душа,
Смущаясь встречею холодной,
Безумной ревностью дыша,
Томилась горько и бесплодно.
Как побежденный властелин,
Забыв всю тяжесть униженья,
Не я один, не я один
Молил простить мои мученья!

О, кто же он, соперник мой?
Его не видел я, не знаю,
Но с непонятною тоской
Я эти жалобы читаю.
Его любовь во мне жива,
И, весь в ее волшебной власти,
Твержу горячие слова
Хотя чужой, но близкой страсти.

1877

177—178. *ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ*

1

БРАТЬЯМ

Светает... Не в силах тоски превозмочь,
Заснуть я не мог в эту бурную ночь.
Чрез реки, и горы, и степи простор
Вас, братья далекие, ищет мой взор.
Что с вами? Дрожите ли вы под дождем
В убогой палатке, прикрывшись плащом,
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену,
Иль пали в бою за родную страну,
И жизнь отлетела от лиц дорогих,
И голос ваш милый навеки затих?..
О Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой,—
О помощи молят Тебя их уста,
Один за Аллаха, другой за Христа.
Без устали, дружно во имя Твое
Работают пушка, и штык, и ружье...
Но, Боже! один Ты, и вера одна,
Кровавая жертва Тебе не нужна.
Яви же борцам негодующий лик,
Скажи им, что мир Твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омраченных враждой, оживи!

1877
Курск. Москва

2

РАВНОДУШНЫЙ

Случайно он забрел в Господний храм,
И всё кругом ему так чуждо было...
Но что ж откликнулось в душе его унылой,
Когда к забытым он прислушался словам?
Уже не смотрит он кругом холодным взглядом.
Насмешки голос в нем затих,
И слезы падают из глаз давно сухих,
И пал на землю он с молящимися рядом.

Какая же молитва потрясла
Все струны в сердце горделивом?
О воинстве христолюбивом
Молитва та была..

1877

179. П. ЧАЙКОВСКОМУ

Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир,
И жизнь для нас была обвеяна мечтами.
Увы, прошли года, и с ужасом в груди
Мы сознаем, что всё уже за нами,
Что холод смерти впереди.
Мечты твои сбылись. Презрев тропой избитой,
Ты новый путь себе настойчиво пробил,
Ты с бою славу взял и жадно пил
Из этой чаши ядовитой.
О, знаю, знаю я, как жестко и давно
Тебе за это мстил какой-то рок суровый
И сколько в твой венец лавровый
Колючих терний вплетено.
Но туча разошлась. Душе твоей послушны,
Воскресли звуки дней былых,
И злобы лепет малодушный
Пред ними замер и затих.
А я, кончая путь «непризнанным» поэтом,
Горжусь, что угадал я искру божества
В тебе, тогда мерцавшую едва,
Горящую теперь таким могучим светом.

Декабрь? 1877

180

Птичкой ты резвой росла,
Клетка твоя золоченая
Стала душна и мала.
Старая няня ученая
Песню твою поняла.

Что́ тебе угол родной,
Матери ласки приветные!
Жизни ты жаждешь иной.
Годы прошли незаметные...
Близится день роковой.

Ярким дивяся лучам,
Крылья расправив несмелые,
Ты улетишь к небесам...
Тучки гуляют там белые,
Воля и солнышко там!

В келье забытой твоей
Жизнь потечет безотрадная...
О, ты тогда пожалей,
Птичка моя ненаглядная,
Тех, кто останется в ней!

1878

181. ДВЕ ВЕТКИ

Верхние ветви зеленого, стройного клена,
В горьком раздумье слежу я за вами с балкона.

Грустно вы смотрите: ваше житье незавидно.
Что на земле нас волнует — того вам не видно.

В синее небо вы взор устремили напрасно:
Небо — безжалостно, небо — так гордо-бесстрастно!

Бури ль вы ждете? Быть может, раскрывши объятья,
Встретитесь вы, как давно разлученные братья?..

Нет, никогда вам не встретиться! Ветер застонет,
Листья крутя, он дрожащую ветку наклонит,

Но, неизменный, суровый закон выполняя,
Тотчас от ветки родной отшатнется другая...

Бедные ветви, утешьтесь! Вы слишком высоки:
Вот отчего вы так грустны и так одиноки!

1878

182

Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет...
В ушах раздавался прощальный привет,
   Дышал он нежданною лаской...
Свинцовое море шумело кругом...
Всё это мне кажется сладостным сном,
   Волшебной, несбыточной сказкой!

О нет, то не сон был! В дали голубой
Две белые чайки неслись над водой,
   И серые тучки летели,—
И всё, что сказать я не мог и не смел,
Кипело в душе... и восток чуть алел,
   И волны шумели, шумели!..

1879
Ревель

183

Снова один я... Опять без значенья
   День убегает за днем,
Сердце испуганно ждет запустенья,
   Словно покинутый дом.

Заперты ставни, забиты вороты,
   Сад догнивает пустой...
Где же ты светишь и греешь кого ты,
   Мой огонек дорогой?

Видишь, мне жизнь без тебя не под силу,
   Прошлое давит мне грудь,
Словно в раскрытую грозно могилу,
   Страшно туда заглянуть.

Тянется жизнь, как постылая сказка,
   Холодом веет от ней...
О, мне нужна твоя тихая ласка,
   Воздуха, солнца нужней!..

1879

184. В. М⟨ЕЩЕРСКО⟩МУ

Мой друг, тебя томит неверная примета,
Бесплодную боязнь рассудком укроти:
Когда твоя душа сочувствием согрета,
Она не может горя принести!
Но, видя ряд могил, о прошлых днях тоскуя,
Дрожишь ты часто за живых,
И, гибель лучших смутно чуя,
С двойною силой любишь их.
Так сердце матери невольно отличает
Того из всех своих детей,
Кому грозит беда, чья радость увядает,
Кто немощней, и жалче, и слабей...
Пусть тем, кого уж нет, не нужно сожалений,
Но мысли не прогнать: зачем они ушли?
Увы! Ни мощный ум, ни сердца жар, ни гений
Не созданы надолго для земли,
И только то живет без горьких опасений,
Что пресмыкается в пыли!

1870-е годы

185. ПАРА ГНЕДЫХ

Перевод из Донаурова

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

1870-е годы

186. БОГИНЯ И ПЕВЕЦ

Из Овидия

Пел богиню влюбленный певец, и тоской его голос звучал...
Вняв той песне, богиня сошла, красотой лучезарной сияя,
И к божественно юному телу певец в упоенье припал,
Задыхаясь от счастья, лобзанием жгучим его покрывая.
Говорила богиня певцу: «Не томися, певец мой, тоской,
Я когда-нибудь снова сойду на твое одинокое ложе —
Оттого что ни в ком на Олимпе не встретить мне страсти такой,
Оттого что безумные ласки твои красоты мне дороже».

1870-е годы

187. ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Я вновь пред тобою
стою очарован...

О, пой, моя милая, пой, не смолкая,
Любимую песню мою
О том, как, тревожно той песне внимая,
Я вновь пред тобою стою!

Та песня напомнит мне время былое,
Которым душа так полна,
И страх, что щемит мое сердце больное,
Быть может, рассеет она.

Боюсь я, что голос мой, скорбный и нежный,
Тебя своей страстью смутит,
Боюсь, что от жизни моей безнадежной
Улыбка твоя отлетит.

Мне жизнь без тебя словно полночь глухая
В чужом и безвестном краю...
О, пой, моя милая, пой, не смолкая,
Любимую песню мою!

1870-е годы

188. ДВА ГОЛОСА

Посвящается С. А. и Е. К. З⟨ыби⟩ным

Два голоса, прелестью тихой полны,
Носились над шумом салонным,
И две уж давно не звучавших струны
Им вторили в сердце смущенном.

И матери голос раздумьем звучал
Про счастье давно прожитое,
Про жизненный путь между мелей и скал,
Про тихую радость покоя.

И дочери голос надеждой звучал
Про силу людского участья,
Про блеск оживленных, сияющих зал,
Про жажду безвестного счастья.

Казалось, что, в небе лазурном горя,
С прекрасной вечерней зарею
Сливается пышная утра заря —
И блещут одной красотою.

1870-е годы

189

Средь смеха праздного, среди пустого гула
Мне душу за тебя томит невольный страх:
Я видел, как слеза украдкою блеснула
В твоих потупленных очах.

Твой беззащитный челн сломила злая буря,
На берег выброшен неопытный пловец.
Откинувши весло и голову понуря,
Ты ждешь: наступит ли конец?

Не унывай, пловец! Как сон, минует горе,
Затихнет бури свист и ропот волн седых,
И покоренное, ликующее море
У ног уляжется твоих.

1870-е годы

190

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
Всё в жертву принести.
Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
Прости меня, прости!

1870-е годы

191

Мне не жаль, что тобою я не был любим,—
Я любви недостоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим,—
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и на́лил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалася ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил,
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

1870-е годы
Санкт-Петербург

192

Когда любовь охватит нас
Своими крепкими когтями,
Когда за взглядом гордых глаз
Следим мы робкими глазами,
Когда не в силах превозмочь
Мы сердца мук и, как на страже,
Повсюду нас и день и ночь
Гнетет всё мысль одна и та же,
Когда в безмолвии, как тать,
К душе подкра́дется измена,—
Мы рвемся, ропщем и бежать
Хотим из тягостного плена.
Мы просим воли у судьбы,
Клянем любовь — приют обмана,
И, как восставшие рабы,
Кричим: «Долой, долой тирана!»

Но если боги, вняв мольбам,
Освободят нас от неволи,
Как пуст покажется он нам,
Спокойный мир без мук и боли.

О, как захочется нам вновь
Цепей, давно проклятых нами,
Ночей с безумными слезами
И слов, сжигающих нам кровь...
Промчатся дни без наслажденья,
Минуют годы без следа,
Пустыней скучной, без волненья
Нам жизнь покажется...
. . . . Тогда,
Как предки наши, мы с гонцами
Пошлем врагам такой привет:
«Обильно сердце в нас мечтами,
Но в нем теперь порядка нет,
Придите княжити над нами...»

1870-е годы

193

Я ее победил, роковую любовь,
Я убил ее, злую змею,
Что без жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободен, спокоен опять —
Но нерадостен этот покой.

Если ночью начну я в мечтах засыпать,
Ты сидишь, как бывало, со мной.
Мне мерещатся снова они —
Эти жаркие летние дни,
Эти долгие ночи бессонные,
Безмятежные моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихим смехом твоим озаренные.
А проснуся я — ночь, как могила, темна,
И подушка моя холодна,
И мне некому сердца излить.
И напрасно молю я волшебного сна,
Чтоб на миг мою жизнь позабыть.
Если ж многие дни без свиданья пройдут,
Я тоскую, не помня измен и обид;
Если песню, что любишь ты, вдруг запоют,
Если имя твое невзначай назовут,—
Мое сердце, как прежде, дрожит!

Укажи же мне путь, назови мне страну,
Где прошедшее я прокляну,
Где бы мог не рыдать я с безумной тоской
В одинокий полуночный час,
Где бы образ твой, некогда мне дорогой,
Побледнел и погас!
Куда скрыться мне? Дай же ответ!..
Но ответа не слышно, страны такой нет,
И, как перлы в загадочной бездне морей,
Как на небе вечернем звезда,
Против воли моей, против воли твоей,
Ты со мною везде и всегда!

1870-е годы

194. А. А. ЖЕДРИНСКОМУ

Не говори о ней! К чему слова пустые?
Но я тебе скажу, что жалкою толпой
Пред ней покажутся красавицы другие,
Как звезды тусклые пред яркою звездой.

Ее не исказил обычай жизни светской,
Свободна и светла она меж нас идет,
Не видно нам огня из-за улыбки детской...
Но счастлив будет тот, кто в ней огонь зажжет!

Не говори о ней цветам, деревьям, тучам...
Но в сердце я твоем привык читать давно:
Я вижу, что любви сиянием могучим,
Как солнечным лучом, оно озарено!

Оно забилось всем, что свято и высоко:
И жалостью к другим, и верою в людей...
О, как свою любовь ни затаи глубоко,
Невольно всё в тебе заговорит о ней!

Конец 1870-х годов?

195. ВОСПОМИНАНИЕ

Как тиха эта ночь! Всё сидел бы без дум,
Да дышал полной грудью, да слушал...
И боишься, чтоб говор какой или шум
Этот чудный покой не нарушил.
Но покоя душе моей нет! Его прочь
Гонит дума печальная...
Мне иная припомнилась ночь —
Роковая, прощальная...

В эту ночь — о, теперь, хоть теперь,
Когда кануло всё без возврата,
Когда всё так далёко, поверь,
Я люблю тебя нежно и свято! —
Мы сидели одни. Бледный день наступал.
Догорали ненужные свечи.
Я речам твоим жадно внимал...
Были сухи и едки те речи.

То сарказмом звучали, иронией злой,
То, как будто ища мне мучения нового,
Замолкали искусно порой,
Чтоб не дать объясненья готового.
В этот миг я бы руки с мольбою простер:
«О, скажи мне хоть слово участья,
Брось, как прежде, хоть ласковый взор,—
Мне иного не надобно счастья!»

Но обида сковала язык,
Головой я бессильно поник.
Всё, что гордостью было, в душе подымалося;
Всё, что нежностью было, беспомощно сжалося,—
А твой голос звучал торжеством
И насмешкой терзал ядовитою
Над моим помертвелым лицом
Да над жизнью моею разбитою...

Конец 1870-х или начало 1880-х годов?
Рыбница

196

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же, одна, роковая,—
Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Всё, что в душе дорогого, святого,—
Всё от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя,—
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
Всё для тебя!

⟨1880⟩

197. ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Зачем в тиши ночной, из сумрака былого,
Ты, роковая ночь, являешься мне снова
И смотришь на меня со страхом и тоской?
...То было уж давно... на станции глухой,
Где ждал я поезда... Я помню, как сначала
Дымился самовар и печь в углу трещала;
Курил и слушал я часов шипевший бой,
Далекий лай собак да сбоку, за стеной,
Храпенье громкое... И вдруг, среди раздумья —
То было ль забытье, иль тяжкий миг безумья —
Замолкло, замерло, потухло всё кругом.
Луна, как мертвый лик, глядела в мертвый дом,
Сигара выпала из рук, и мне казалось,
Что жизнь во мне самом внезапно оборвалась.
Я всё тогда забыл: кто я, зачем я тут?
Казалось, что не я — другие люди ждут
Другого поезда на станции убогой.
Не мог я разобрать, их мало или много,
Мне было всё равно, что медлит поезд тот,
Что опоздает он, что вовсе не придет...

Не знаю, долго ли то длилось испытанье,
Но тяжко и теперь о нем воспоминанье!

С тех пор прошли года. В тиши немых могил
Родных людей и чувств я много схоронил,
Измен, страстей и зла вседневные картины
По сердцу провели глубокие морщины,
И с грузом опыта, с усталою душой
Я вновь сижу один на станции глухой.
Я поезда не жду, увы!.. пройдет он мимо...
Мне нечего желать, и жить мне нестерпимо!

1880

198. НА НОВЫЙ 1881 ГОД

Вся зала ожидания полна,
Партер притих, сейчас начнется пьеса.
Передо мной, безмолвна и грозна,
Волнуется грядущего завеса.

Как я, бывало, взор туда вперял,
Как смутный каждый звук ловил оттуда!
Каких-то новых слов я вечно ждал,
Какого-то неслыханного чуда.

О Новый год! Теперь мне всё равно,
Несешь ли ты мне смерть и разрушенье,
Иль прежних лет мне видеть суждено
Бесцветное, тупое повторенье...

Немного грез — осколки светлых дней —
Как вихрем, он безжалостно развеет,
Еще немного отпадет друзей,
Еще немного сердце зачерствеет.

Декабрь 1880

199—200. *К поэзии*

Посвящается А. В. Панаевой

1

В те дни, когда широкими волнами
Катилась жизнь, спокойна и светла,
Нередко ты являлась между нами,
И речь твоя отрадой нам была.

Над пошлостью житейской ты царила,
Светлели мы в лучах твоей красы,
И ты своим избранникам дарила
Бессонные и сладкие часы.

Те дни прошли. Над родиной любимой,
Над бедною, померкшею страной
Повеял дух вражды неумолимой
И жизнь сковал корою ледяной.

Подземные таинственные силы
Колеблют землю... В ужасе немом
Застыла ты, умолк твой голос милый,
И день за днем уныло мы живем.

2

В эти дни ожиданья тупого,
В эти тяжкие, тусклые дни,
О, явись нам, волшебница, снова
И весною нежданной дохни!

От насилий, измен и коварства,
От кровавых раздоров людских
Уноси в свое светлое царство
Ты глашатаев верных своих!

Позабудь роковые сомненья
И, бессмертной сияя красой,
Нам последнюю песнь утешенья,
Лучезарную песню пропой!

Как напевы чарующей сказки,
Будет песня легка и жива;
Мы услышим в ней матери ласки
И молитвы забытой слова;

Нам припомнятся юности годы,
И пиры золотой старины,
И мечты бескорыстной свободы,
И любви задушевные сны.

Пой с могучей, неслыханной силой,
Воскреси, воскреси еще раз
Всё, что было нам свято и мило,
Всё, чем жизнь улыбалась для нас!

1881

201. ОТРАВЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Зачем загадывать, мечтать о дне грядущем,
Когда день нынешний так светел и хорош?
Зачем твердить всегда в унынии гнетущем,
Что счастье ветрено, что счастья не вернешь?
Пускай мне суждены мучения разлуки
И одиночества томительные дни —
Сегодня я с тобой, твои целую руки,
И ночь тиха, и мы одни.
О, если бы я мог, хоть в эту ночь немую,
Забыться в грезах золотых
И всё прошедшее, как ношу роковую,
Сложить у милых ног твоих.
Но сердце робкое, привыкшее бояться,
Не оживет в роскошном сне,
Не верит счастию, не смеет забываться
И речи скорбные нашептывает мне.
Когда я удалюсь, исполненный смущенья,
И отзвучат шаги мои едва,
Ты вспомнишь, может быть, с улыбкою сомненья
Мои тревожные моленья,
Мои горячие и нежные слова.
Когда враги мои холодною толпою
Начнут меня язвить и их услышишь ты,
Ты равнодушною поникнешь головою
И замолчишь пред наглою враждою,
Пред голосом нелепой клеветы.

Когда в сырой земле я буду спать глубоко,
Бессилен, недвижим и всеми позабыт,—
Моей могилы одинокой
Твоя слеза не оросит.
И, может быть, в минуту злую,
Когда мечты твои в прошедшее уйдут,
Мою любовь, всю жизнь мою былую
Ты призовешь на строгий суд,—
О, в этот страшный час тревоги, заблужденья,
Томившие когда-то эту грудь,
Мои невольные, бессильные паденья
Ты мне прости и позабудь.
Пойми тогда, хоть с поздним сожаленьем,
Что в мире том, где друг твой жил,
Никто тебя с таким самозабвеньем,
С таким страданьем не любил.

1881

202. НА НОВЫЙ ⟨1882⟩ ГОД

Безотрадные ночи! Счастливые дни!
Как стрела, как мечта пронеслися они.
Я не год пережил, а десятки годов,
То страдал и томился под гнетом оков,
То несбыточным счастием был опьянен...
Я не знаю, то правда была или сон.

Мчалась тройка по свежему снегу в глуши,
И была ты со мной, и кругом ни души...
Лишь мелькали деревья в серебряной мгле,
И казалось, что всё в небесах, на земле
Мне шептало: люби, позабудь обо всем...
Я не знаю, что правдою было, что сном!

И теперь меня мысль роковая гнетет:
Что пошлет он мне, новый, неведомый год?
Ждет ли светлое счастье меня впереди,
Иль последнее пламя потухнет в груди,
И опять побреду я живым мертвецом...
Я не знаю, что правдою будет, что сном!

Декабрь 1881

203

Из отроческих лет он выходил едва,
Когда она его безумно полюбила
За кудри детские, за пылкие слова.
Семью и мужа — всё она тогда забыла!

Теперь пред юношей, роскошна и пышна,
Вся жизнь раскинулась,— орел расправил крылья,
И чует в воздухе недоброе она,
И замирает вся от гневного бессилья.

В тревоге и тоске ее блуждает взгляд,
Как будто в нем застыл вопрос и сердце гложет:
«Где он, что с ним, и с кем часы его летят?..»
Всё знать она должна и знать, увы! — не может.

И мечется она, всем слухам и речам
Внимая горячо, то веря, то не веря,
Бесцельной яростью напоминая нам
Предсмертные прыжки израненного зверя.

Март 1882

204. Г. КАРЦОВУ

Настойчиво, прилежно, терпеливо,
Порой таинственно, как тать,
Плоды моей фантазии ленивой
Ты в эту вписывал тетрадь.

Укрой ее от любопытных взоров,
Не отдавай на суд людей,
На смех и гул пристрастных приговоров
Заветный мир души моей!

Когда ж улягусь я на дне могилы
И, покорясь своей судьбе,
Одну лишь память праздного кутилы
Оставлю в мире по себе,—

Пускай тебе тетрадь напомнит эта
Сердечной дружбы нашей дни,
И ты тогда забытого поэта
Хоть добрым словом помяни!

6 октября 1882

205. ПИСЬМО

Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь:
Я не писала Вам давно.
Я думаю, Вам это всё равно.
Там, где живете Вы и, значит, веселитесь,
В роскошной, южной стороне,
Вы, может быть, забыли обо мне.
И я про всё забыть была готова...
Но встреча странная — и вот
С волшебной силою из сумрака былого
Передо мной Ваш образ восстает.

Сегодня, проезжая мимо,
К N. N. случайно я зашла.
С княгиней, Вами некогда любимой,
Я встретилась у чайного стола.
Нас познакомили, двумя-тремя словами
Мы обменялися, но жадными глазами
Впилися мы друг в друга. Взор немой,
Казалось, проникал на дно души другой.
Хотелось мне ей броситься на шею
И долго, долго плакать вместе с нею!

Хотелось мне сказать ей: «Ты близка
Моей душе. У нас одна тоска,
Нас одинаково грызет и мучит совесть,
И, если оттого не станешь ты грустней,
Я расскажу тебе всю повесть
Души истерзанной твоей.
Ты встретила его впервые в вихре бала,
Пленительней его до этих пор
Ты никого еще не знала:
Он был красив, как бог, и нежен, и остер.
Он ездить стал к тебе, почтительный, влюбленный,
Но, покорясь его уму,
Решилась твердо ты остаться непреклонной —
И отдалась безропотно ему.
Дни счастия прошли как сновиденье,
Другие наступили дни...
О, дни ревнивых слез, обманов, охлажденья,
Кому из нас не памятны они?
Когда его встречала ты покорно,
Прощала всё ему, любя,

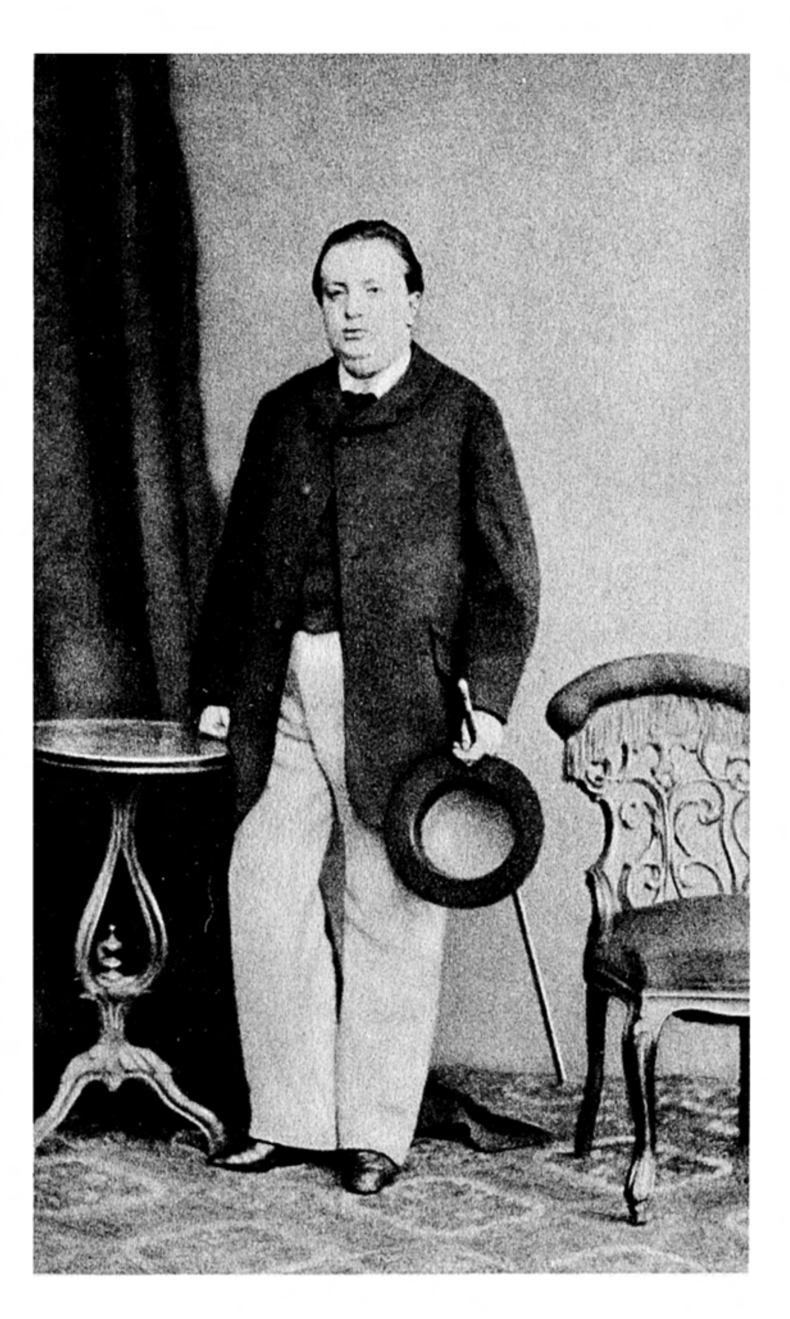
Он называл твою печаль притворной
И комедьянткою тебя.
Когда же приходил условный час свиданья
И в доме наступала тишина,
В томительной тревоге ожиданья
Садилась ты у темного окна.
Понуривши головку молодую
И приподняв тяжелые драпри,
Не шевелясь, сидела до зари,
Вперяя взоры в улицу пустую.
Ты с жадностью ловила каждый звук,
Привыкла различать кареты стук
От стука дрожек издалёка.
Но вот всё ближе, ближе, вот
Остановился кто-то у ворот...
Вскочила ты в одно мгновенье ока,
Бежишь к дверям... напрасный труд:
Обман, опять обман! О, что за наказанье!
И вот опять на несколько минут
Царит немое, мертвое молчанье,
Лишь видно фонарей неровное мерцанье,
И скучные часы убийственно ползут.
И проходила ночь, кипела жизнь дневная...
Тогда ты шла к себе с огнем в крови
И падала в подушки, замирая
От бешенства, и горя, и любви!»

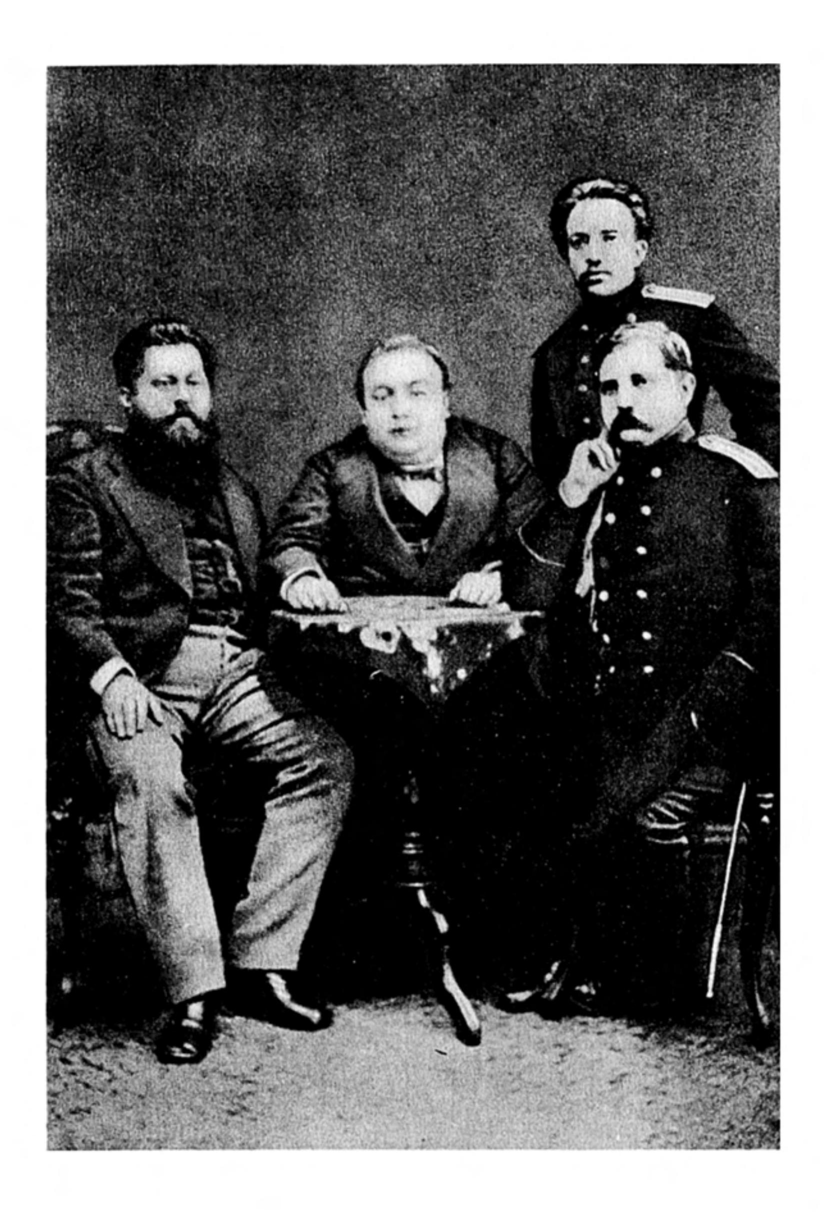
Из этого, конечно, я ни слова
Княгине не сказала. Разговор
У нас лениво шел про разный вздор,
И имени, для нас обеих дорогого,
Мы не решилися назвать.
Настало вдруг неловкое молчанье,
Княгиня встала. На прощанье
Хотелось мне ей крепко руку сжать,
И дружбою у нас окончиться могло бы,
Но в этот миг прочла я столько злобы
В ее измученных глазах,
Что на меня нашел невольный страх,
И молча мы расстались, я — с поклоном,
Она — с кивком небрежным головы...

Я начала свое письмо на *вы*,
Но продолжать не в силах этим тоном.

Мне хочется сказать тебе, что я
Всегда, везде по-прежнему твоя,
Что дорожу я этой тайной,
Что женщина, которую случайно
Любил ты хоть на миг один,
Уж никогда тебя забыть не может,
Что день и ночь ее воспоминанье гложет,
Как злой палач, как милый властелин.
Она не задрожит пред светским приговором:
По первому движенью твоему
Покинет свет, семью, как душную тюрьму,
И будет счастлива одним своим позором!
Она отдаст последний грош,
Чтоб быть твоей рабой, служанкой
Иль верным псом твоим — Дианкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

P. S.

Тревога, ночь,— вот что письмо мне
диктовало...
Теперь, при свете дня, оно
Мне только кажется смешно,
Но изорвать его мне как-то жалко стало!
Пусть к Вам оно летит от берегов Невы,
Хотя бы для того... чтоб рассердились Вы.
Какое дело Вам, что там Вас любят где-то?
Лишь та, что возле Вас, волнует Вашу кровь.
И знайте: я не жду ответа
Ни на письмо, ни на любовь.
Вам чувство каждое всегда казалось рабством,
А отвечать на письма... Боже мой!
На Вашем языке, столь вежливом порой,
Вы это называли «бабством».

Ноябрь 1882

206. БРЕД

Несется четверка могучих коней,
Несется, как вихорь на воле,
Несется под зноем палящих лучей
И топчет бесплодное поле.

То смех раздается, то шепот вдвоем...
Всё грохот колес заглушает,
Но ветер подслушал те речи тайком
И злобно их мне повторяет.

И в грезах недуга, в безмолвье ночей
Я слышу: меня нагоняя,
Несется четверка могучих коней,
Несется нещадная, злая.

И давит мне грудь в непосильной борьбе,
И топчет с неистовой силой
То сердце, что было так верно тебе,
Тебя горячо так любило!

И странно ты смотришь с поникшим челом
На эти бесцельные муки,
И жалость проснулася в сердце твоем:
Ко мне простираешь ты руки...

Но шепот и грохот сильней и грозней...
И, пыль по дороге взметая,
Несется четверка могучих коней,
Безжизненный труп оставляя.

1882

207. СОН

О, что за чудный сон приснился мне нежданно!
В старинном замке я бродил в толпе теней:
Мелькали рыцари в своей одежде бранной,
И пудреных маркиз наряд и говор странный
Смущали тишину подстриженных аллей.

И вдруг замолкли все. С улыбкой благосклонной
К нам подошел король и ласково сказал:
«Приветствую тебя, пришлец неугомонный,
Ты был в своей стране смешон, поэт влюбленный,
У нас достоин ты вниманья и похвал.

У нас не так жилось, как вы теперь живете,
Ваш свет унынием и завистью томим.
Вы притупили ум в бессмысленной работе,

Как жалкие жиды, погрязли вы в расчете
И, сами не живя, гнетете жизнь другим.

Вы сухи, холодны, как севера морозы,
Вы не умеете без горечи любить,
Вы рвете тернии там, где мы рвали розы..
Какие-то для глаз невидимые слезы
Вам даже самый смех успели отравить.

Поэт, я — счастие! Меня во всей вселенной
Теперь уж не найти, ко мне нелегок путь.
Гордиться можешь ты перед толпой надменной,
Что удалось тебе в мой замок сокровенный
Хоть раз один войти и сердцем отдохнуть.

И если, над землей случайно пролетая,
Тебе я брошу миг блаженства и любви,
Лови его, лови — люби не размышляя...
Смотри: вот гаснет день, за рощей утопая...
Не долог этот миг — лови его, лови!..»

Так говорил король, а с неба мне сияли
Прощальные лучи бледнеющего дня,
И чинно предо мной маркизы приседали,
И рыцари меня мечами покрывали,
И дети ласково смотрели на меня!

1882

208. МУЗЕ

Умолкни навсегда. Тоску и сердца жар
Не выставляй врагам для утешенья...
Проклятье вам, минуты вдохновенья,
Проклятие тебе, ненужный песен дар!
Мой голос прозвучит в пустыне одиноко,
Участья не найдет души изнывшей крик...
О смерть, иди теперь! Без жалоб, без упрека
Я встречу твой суровый лик.
Ты все-таки теплей, чем эти люди-братья:
Не жжешь изменой ты, не дышишь клеветой...
Раскрой же мне свои железные объятья,
Пошли мне наконец забвенье и покой!

Февраль 1883
Санкт-Петербург

209. УТЕШЕННАЯ

Дика, молчалива, забав не любя,
От жизни ждала ты чего-то,
И люди безумной назвали тебя,
Несчастную жертву расчета.

Вдали от отчизны чужая страна
С любовью тебя приютила;
По берегу озера, вечно одна,
Ты грустною тенью бродила.

И, словно покорствуя злобной судьбе,
Виденья тебя посещали,
И ангел прекрасный являлся тебе
В часы одинокой печали.

Глаза его жалостью были полны,
Участием кротким, небесным,
И белые крылья при свете луны
Горели алмазом чудесным.

Тебе говорил он: «Не вечно же тут
Судьба тебе жить указала,
Утешься, страдалица, годы пройдут,
А счастия в жизни не мало!»

И годы прошли молодые твои,
Ты вынесла всё терпеливо
И снова в кружок нелюбимой семьи
Вернулась, дика, молчалива.

По рощам знакомым, по тихим полям
Ты грустною тенью блуждала...
Однажды ты юношу встретила там —
И в ужасе вся задрожала.

На бледных устах твоих замер привет;
Он снова стоял пред тобою,
Тот ангел прекрасный исчезнувших лет,
Но жизнью дышал он земною!

Блистали глаза из-под черных бровей,
И белые зубы сверкали,

И жаром неопытных юных страстей
    Румяные щеки пылали.

Не кротость участия взор выражал:
    Царем он казался могучим,
И очи и плечи твои покрывал
    Лобзанием долгим и жгучим.

Сбылось предсказанье, свершились мечты.
    Да, счастия в жизни не мало:
За годы безумья тяжелого ты
    Безумье блаженства узнала.

Февраль 1883
Санкт-Петербург

210. ССОРА

Ночь давно уж царила над миром,
А они, чтоб оканчивать споры,
Всё сидели за дружеским пиром,
Но не дружные шли разговоры.
Понемногу словами пустыми
Раздражались они до мученья,
Словно кто-то сидел между ними
И нашептывал им оскорбленья.
И сверкали тревожные взгляды,
Искаженные лица горели,
Обвиненья росли без пощады
И упреки без смысла и цели.
Всё, что прежде в душе накипело,
Всё, чем жизнь их язвила пустая,
Они вспомнили злобно и смело,
Друг на друге то зло вымещая...

Наступила минута молчанья;
Она вечностью им показалась,
И при виде чужого страданья
К ним невольная жалость подкралась.
Воротить всё, что сказано было,
И слететь уже было готово
Задушевное, теплое слово,
И, быть может, сквозь мрак раздраженья,
Им — измученным гневом и горем —

Уже виделся миг примиренья,
Как маяк лучезарный над морем.

Проходили часы за часами,
А друзья всё смотрели врагами,
Голоса возвышалися снова...
Задушевное, теплое слово,
Что за миг так легко им казалось,
Не припомнилось им, не сказалось,
А слова набегали другие,
Безотрадные, жесткие, злые.
И сверкали тревожные взгляды,
Искаженные лица горели,
Обвиненья росли без пощады
И упреки без смысла и цели...
И уж ночь не царила над миром,
А они неразлучной четою
Всё сидели за дружеским пиром,
Словно тешась безумной враждою!
Вот и утра лучи заблестели...
Новый день не принес примиренья...
Потухавшие свечи тускнели,
Как сердца без любви и прощенья.

Апрель 1883

211

О да, поверил я. Мне верить так отрадно...
Зачем же вновь в полночной тишине
Сомненья злобный червь упрямо, беспощадно
И душу мне грызет, и спать мешает мне?

Зачем... когда ничтожными словами
Мы обменяемся... я чувствую с тоской,
Что тайна, как стена, стоит меж нами,
Что в мире я один, что я тебе чужой.

И вновь участья миг в твоем ловлю я взгляде,
И сердце рвется пополам,
И, как преступнику, с мольбою о пощаде
Мне хочется упасть к твоим ногам.

Что сделал я тебе? Такой безумной муки
Не пожелаешь и врагу...
Он близок, грозный час разлуки,—
И верить нужно мне, и верить не могу!

Май 1883

212

Люби, всегда люби! Пускай в мученьях тайных
Сгорают юные, беспечные года,
Средь пошлостей людских, среди невзгод случайных
Люби, люби всегда!

Пусть жгучая тоска всю ночь тебя терзает,
Минута — от тоски не будет и следа,
И счастие тебя охватит, засияет...
Люби, люби всегда!

Я думы новые в твоем читаю взоре,
И жалость светит в нем, как дальняя звезда,
И понимаешь ты теплей чужое горе...
Люби, люби всегда!

Август 1883

213

О, скажи ей, чтоб страсть роковую мою
Позабыла, простила она,
Что для ней я живу, и дышу, и пою,
Что вся жизнь моя ей отдана!

Что унять не могу я мятежную кровь,
Что над этою страстью больной
Засияла иная — святая любовь,
Так, как небо блестит над землей!

О, сходите ко мне, вдохновенья лучи,
Зажигайтеся ярче, теплей,
Задушевная песня, скорей прозвучи,
Прозвучи для нее и о ней!

12 ноября 1883

214. «ОГЛАШЕНИИ, ИЗЫДИТЕ!»

В пустыне мыкаясь, скиталец бесприютный
Однажды вечером увидел светлый храм.
Огни горели там, курился фимиам,
И пенье слышалось... Надеждою минутной
В нем оживился дух. Давно уж он блуждал,
Иссохло сердце в нем, изныла грудь с дороги,
Колючим тернием истерзанные ноги
И дождь давно не освежал.
Что в долгих странствиях на сердце накипело,
О чем он мыслил, что любил —
Всё странник в жаркую молитву перелил
И в храм вступил походкою несмелой.
Но тут кругом раздался крик:
«Кто этот новый гость? Зачем в обитель Бога
Пришлец незнаемый проник?
Здесь места нет ему, долой его с порога!» —
И был из храма изгнан он,
Проклятьями как громом поражен.
И вот пред ним опять безрадостно и ровно
Дорога стелется... Уж поздно. День погас.
А он? Он всё стоит у паперти церковной,
Чтобы на божий храм взглянуть в последний раз
Не ждет он от него пощады, ни прощенья,
К земле бессильная склонилась голова,
И, весь дрожа под гнетом оскорбленья,
Он слушает, исполненный смущенья,
Его клянущие слова.

1883

215. ПАМЯТИ НЕПТУНА [1]

В часы бессонницы, под тяжким гнетом горя,
Я вспомнил о тебе, возница верный мой,
Нептуном прозванный за сходство с богом моря...
Двенадцать целых лет, в мороз, и в дождь, и в зной,
Ты всё меня возил, усталости не зная,
И ночи целые, покуда жизнь я жег,
Нередко ждал меня, на козлах засыпая...

---

[1] Кучер Василий

Ты думал ли о чем? Про это знает Бог,
Но по чертам твоим не мог я догадаться,
Ты всё молчал, молчал и, помню, только раз
Сквозь зубы проворчал, не поднимая глаз:
«Что убиваетесь? Не нужно убиваться...»
Зачем же в эту ночь, чрез много, много лет,
Мне вспомнился простой, нехитрый твой совет
И снова я ему обрадован, как другу?

Томился часто ты по родине своей,
И «на побывку» ты отправился в Калугу,
Но побыл там, увы! недолго: десять дней.
Лета ли подошли, недугом ли сраженный,
Внучат и сыновей толпою окруженный,
Переселился ты в иной, безвестный свет.
Хоть лучшим миром он зовется безрассудно,
Но в том, по-моему, еще заслуги нет:
Быть лучше нашего ему весьма нетрудно.
Мир праху твоему, покой твоим костям.
Земля толпы людской теплее и приветней.
Но жаль, что, изменив привычке многолетней,
Ты не отвез меня туда, где скрылся сам.

1883

216. ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Мне всё равно, что я лежу больной,
Что чай мой горек, как микстура,
Что голова в огне, что пульс неровен мой,
Что сорок градусов моя температура!
Болезни не страшат меня...
Но признаюсь: меня жестоко
Пугают два несносных дня,
Что проведу от вас далеко.
Я так безумно рад, что я теперь люблю,
Что я дышать могу лишь вами!
Как часто я впиваюсь в вас глазами
И взор ваш каждый раз с волнением ловлю!
Воспоминаньями я полон дорогими,
И хочет отгадать послушная мечта,
Где вы теперь, и с кем, и мыслями какими
Головка ваша занята...
Немая ночь мне не дает ответа,

И только чудится мне в пламенном бреду,
Что с вами об руку иду
Я посреди завистливого света,
Что вы моя, навек моя,
Что я карать могу врагов неправых,
Что страх вселять имею право я
В завистниц ваших глупых, но лукавых...
Когда ж очнуся я средь мертвой тишины —
Как голова горит, как грудь полна страданья!
И хуже всех болезней мне сознанье,
Что те мечты мечтами быть должны.

9 января 1884

217. ПЕВИЦА

С хозяйкой под руку, спокойно, величаво
Она идет к роялю. Всё молчит,
И смотрит на нее с улыбкою лукавой
Девиц и дам завистливый синклит.
Она красавица, по приговору света
Давно ей этот титул дан;
Глубокие глаза ее полны привета,
И строен, и высок ее цветущий стан.
Она запела... как-то тихо, вяло,
И к музыканту обращенный взор
Изобразил немой укор,—
Она не в голосе, всем это ясно стало...
Но вот минута робости прошла,
Вот голос дрогнул от волненья,
И словно буря вдохновенья
Ее на крыльях унесла.
И песня полилась, широкая как море:
То страсть нам слышалась, кипящая в крови,
То робкие мольбы, разбитой жизни горе,
То жгучая тоска отринутой любви...
О, как могла понять так верно сердца муки
Она, красавица, беспечная на взгляд?
Откуда эти тающие звуки,
Что зá душу хватают и щемят?

И вспомнилася мне другая зала,
Большая, темная... Дрожащим огоньком
В углу горел камин, одна свеча мерцала,

И у рояля были мы вдвоем.
Она сидела бледная, больная,
Рассеянно вперя куда-то взор,
По клавишам рукой перебирая...
Невесел был наш разговор:
«Меня не удивят ни злоба, ни измена,—
Она сказала голосом глухим,—
Увы, я так привыкла к ним!»
И, словно вырвавшись из плена,
Две крупные слезы скатились по щекам.
А мне хотелося упасть к ее ногам,
И думал я в тоске глубокой:
Зачем так создан свет, что зло царит одно,
Зачем, зачем страдать осуждено
Всё то, что так прекрасно и высоко?
Мечты мои прервал рукоплесканий гром.
Вскочило всё, заволновалось,
И впечатление глубоким мне казалось!
Мгновение прошло — и вновь звучит кругом,
С обычной пустотой и пошлостью своею,
Речей салонных гул. Спокойна и светла,
Она сидит у чайного стола;
Банальный фимиам мужчины жгут пред нею,
И сладкие ей речи говорит
Девиц и дам сияющий синклит.

Май 1884

218. ПОЗДНЕЕ МЩЕНИЕ

Она не может спать. Назойливая, злая
Тоска ее грызет. Пылает голова,
И душит мрак ее, и давит тишь ночная...
Знакомый голос, ей по сердцу ударяя,
Лепечет страшные, безумные слова:

«Когда, потупив взор, походкою усталой
Сегодня тихо шла за гробом ты моим,
Ты думала, что всё меж нами миновало...
Но в комнату твою вошел я, как бывало,
И снова мы с тобой о прошлом говорим.

Ты помнишь, сколько раз ты верность мне сулила,
А я тебя молил о правде лишь одной?

Но ложью ты мне жизнь как ядом отравила,
Все тайны прошлого сказала мне могила,
И вся душа твоя открыта предо мной.

Я всё тебе прощал: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотел дышать и жить...
Ты предала меня врагам без сожаленья...
И вот теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я си́лен тем, что не могу простить.

Я си́лен потому, что труп не шевельнется,
Не запылает взор от блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, уж не бьется,
Что в мой свинцовый гроб твой голос не ворвется,
Что нет в нем воздуха, которым дыши́шь ты!

Я буду мстить тебе. Когда, вернувшись с бала,
Ты, сбросив свой наряд, останешься одна,
В невольном забытьи задремлешь ты сначала,
Но в комнату твою войду я, как бывало,
И ночь твоя пройдет тревожно и без сна.

И всё, забытое среди дневного гула,
Тогда припомнишь ты: и день тот роковой,
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тот, когда меня так грубо оттолкнула,
И тот, когда так зло смеялась надо мной!

Я мщу тебе за то, что жил я пресмыкаясь,
В безвыходной тоске дары небес губя,
За то, что я погиб, словам твоим вверяясь,
За то, что, чуя смерть и с жизнью расставаясь,
Я проклял эту жизнь, и душу, и тебя!!.»

Июль 1884

219

Письмо у ней в руках. Прелестная головка
Склонилася над ним, одна в ночной тиши,
И мысль меня страшит, что, может быть, неловко
И грустно ей читать тот стон моей души...

О, только б ей прожить счастливой и любимой,
Не даром ввериться пленительным мечтам...
И помыслы мои всю ночь неудержимо,
Как волны Волхова, текут к ее ногам...

21 сентября 1884

220

Два сердца любящих и чающих ответа
Случайно встретились в пустыне черствой света,
Но долго робостью томилися они.
И вечной суетой наполненные дни,
И светской черни суд, без смысла, без пощады,
Им клали на пути тяжелые преграды,
И, словно нехотя, в тиши полей пустых
С рыданьем вырвалась святая тайна их.
С тех пор помчались дни, как сон волшебный,
странный,
Преграды рушились, и близок день желанный,
Когда прекрасный сон не будет больше сном...

И ночи целые я думаю о нем,
Об этом близком дне... В тумане ожиданья
Грядущего еще не ясны очертанья,
И страстно допросить хочу я у судьбы:
Грозят ли им часы сомнений и борьбы,
Иль ждет их долгое, безоблачное счастье?
Душа моя полна тревоги и участья;
Порою злая мысль, подкравшись в тишине,
Змеиным языком нашептывает мне:
«Как ты смешон с твоим участием глубоким!
Умрешь ты, как и жил, скитальцем одиноким,
Ведь это счастие чужое, не твое!»
Горька мне эта мысль, но я гоню ее
И радуюсь тому, что счастие чужое
Мне счастья моего милей, дороже вдвое!

8 декабря 1884

221

О, будьте счастливы! Без жалоб, без упрека,
Без вопля ревности пустой
Я с вами расстаюсь... Пускай один, далеко
Я буду жить с безумною тоской,
С горячими, хоть поздними мольбами
Перед потухшим алтарем.
О, будьте счастливы,— я лишний между вами,
О, будьте счастливы вдвоем!

Но я б хотел — прости мое желанье,—
Чтобы назло слепой судьбе
Порою в светлый миг свиданья
Мой образ виделся тебе;
Чтоб в тихом уголке иль средь тревоги бальной
Смутил тебя мой стих печальный,
Как иногда при блеске фонарей
Смущает поезд погребальный
На свадьбу едущих гостей.

Декабрь 1884

222. ГРАФУ А. В. АДЛЕРБЕРГУ

Когда мы были с ней и песнь ее звучала,
Всё делалось вокруг теплее и светлей,
И с благодарностью шептали мы, бывало:
«Дай Боже счастья ей!»

Когда же злая жизнь бросала тень печали
От милого лица и ласковых очей,
С боязнью и мольбой мы часто повторяли:
«Дай Боже счастья ей!»

И сердце гордое, что билось так спокойно,
Заговорило вдруг сильней и горячей...
О, счастье нужно ей, она его достойна...
«Дай Боже счастья ей!»

Увы! Разлуки час всё ближе подступает,
И мы в смущении покорно говорим:
«Для солнца и любви она нас покидает,
«Дай Боже счастья им!»

Январь 1885

223. ПЕШЕХОД

Без волненья, без тревоги
Он по жизненной дороге
Всё шагает день и ночь,
И тоски, его гнетущей,
Сердце медленно грызущей,
Он не в силах превозмочь.

Те, что знали, что любили,
Спят давно в сырой могиле;
Средь неведомых равнин
Разбрелися остальные —
Жизни спутники былые...
Он один, совсем один.

Равнодушный и бесстрастный,
Он встречает день прекрасный,
Солнце только жжет его;
Злая буря-непогода
Не пугает пешехода,
И не ждет он ничего.

Мимо храма он проходит
И с кладбища глаз не сводит,
Смотрит с жадною тоской...
Там окончится мученье,
Там прощенье, примиренье,
Там забвенье, там покой!

Но, увы! не наступает
Миг желанный... Он шагает
День и ночь, тоской томим...
Даже смерть его забыла,
Даже вовремя могила
Не открылась перед ним!

Февраль 1885

224. 5-е ДЕКАБРЯ 1885

И светел, и грустен наш праздник, друзья!
Спеша в эти стены родные,
Отвсюду стеклась правоведов семья
Поминки свершать дорогие.

Помянем же первого принца Петра —
    Для нас это имя священно:
Он был нам примером, он жил для добра,
    Он другом нам был неизменно.

Помянем наставников наших былых,
    Завет свой исполнивших строго,
Помянем товарищей дней молодых...
    В полвека ушло их так много!

И чудится: в этот торжественный час
    Разверзлась их сень гробовая,
Их милые тени приветствуют нас,
    Незримо над нами витая.

Покой отошедшим, и счастье живым,
    И слава им вечная вместе!
Пусть будет союз наш вовек нерушим
    Во имя отчизны и чести!

Пусть будет училища кров дорогой
    Рассадником правды и света,
Пусть светит он нам путеводной звездой
    На многие, многие лета!

Июль 1885

225. ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь:
        Я никогда Вам не писал,
    Я и теперь не заслужу похвал,
        Но Вы за правду не сердитесь!
Письмо мое — упрек. От берегов Невы
    Один приятель пишет мне, что Вы
    Свое письмо распространили в свете.
Скажите — для чего? Ужели толки эти
        О том, что было так давно
        На дне души погребено,
    Вам кажутся уместны и приличны?
На вечере одном был ужин симпатичный,
        Там неизвестный мне толстяк
    Читал его на память, кое-как...
        И все потешилися вволю
        Над Вашим пламенным письмом!..

Потом обоих нас подвергнули контролю
(Чему способствовал отчасти самый дом).
Две милые, пленительные дамы
Хотели знать, кто я таков, притом
Каким отвечу я письмом
И все подробности интимной нашей драмы.
Прошу Вас довести до сведения их,
Что я — бездушный эгоист, пожалуй,
Но, в сущности, простой и добрый малый,
Что много глупостей наделал я больших
Из одного минутного порыва...
А что касается до нашего разрыва —
Его хотели Вы. Иначе, видит Бог,
Я был бы и теперь у Ваших милых ног.

P. S.

Прости мне тон письма небрежный:
Его я начал в шуме дня.
Теперь всё спит кругом, чарующий и нежный
Твой образ кротко смотрит на меня!
О, брось твой душный свет, забудь былое горе,
Приди, приди ко мне, прими былую власть!
Здесь море ждет тебя, широкое, как страсть,
И страсть, широкая, как море.
Ты здесь найдешь опять всё счастье прежних лет,
И ласки, и любовь, и даже то страданье,
Которое порой гнетет существованье,
Но без которого вся жизнь — бессвязный бред.

8 ноября 1885

226

Как пловец утомленный, без веры, без сил,
Я о береге жадно мечтал и молил.
Но мне берег несносен, тяжел мне покой,
Словно полог свинцовый висит надо мной...
Уноси ж меня снова, безумный мой челн,
В необъятную ширь расходившихся волн!
Не страшат меня тучи, ни буря, ни гром...
Только б изредка всё утихало кругом,
И чуть слышный, приветливый говор волны
Навевал мне на душу волшебные сны,
И в победной красе, выходя из-за туч,
Согревал меня солнца ласкающий луч!

1885

227. СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

О, не гони меня,— твердит она, вздыхая,—
Не проклинай докучный мой приход,
Еще не раз душа твоя больная
Меня, быть может, призовет!
Я только тень... Зачем же против тени
Старинную враждующую рать
Упреков, жалоб и сомнений
С невольной злобой вызывать?
Я только тень, я призрак без названья,
Мой жертвенник упал, огонь на нем погас,
Но есть меж нами связь; та связь — твои страданья:
Они навек соединили нас.
Ты можешь позабыть и ласки, и объятья,
И речи нежные, и тихий блеск очей,
Но не забудешь жгучие проклятья,
Смущавшие покой твоих ночей.
И верь мне: чем сильней росло твое волненье,
Чем больше ты страдал, без пользы жизнь губя,
Тем ближе чуял ты мое прикосновенье,
Тем явственней звучал мой голос для тебя.
Благодари меня за всё: за пыл мечтаний,
За счастье и обман, за солнце и грозу,
За каждый вопль разбитых упований,
За каждую пролитую слезу.
И если, жизнью смят, в томлении недуга,
Меня ты призовешь, к тебе явлюсь я вновь,
Я, лучших дней твоих забытая подруга,
Я, старая и верная любовь!

⟨*1886*⟩

228. ПАМЯТИ ПРОШЛОГО

Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем.
Мысли ясные мглой окутались,
Нити жизни все перепутались,
И не знаю я, кто играет мной,
Кто мне верный друг, кто мне враг лихой.

С злой усмешкою, с речью горькою
Ты приснилась мне перед зорькою...
Не смотри ты так, подожди хоть дня,
Я в гробу лежу, обмани меня...
Ведь умершим лгут, ведь удел живых —
Ряд измен, обид, оскорблений злых...
А едва умрем — на прощание
Нам надгробное шлют рыдание,
Возглашают нам память вечную,
Обещают жизнь... бесконечную!

⟨1886⟩

229. ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Вы говорите, доктор, что исход
Сомнителен? Ну что ж, господня воля!
Уж мне пошел пятидесятый год,
Довольно я жила. Вот только бедный Коля
Меня смущает: слишком пылкий нрав,
Идеям новым предан он так страстно,
Мне трудно спорить с ним — он, может быть,
и прав,—
Боюсь, что жизнь свою загубит он напрасно.
О, если б мне дожить до радостного дня,
Когда он кончит курс и выберет дорогу.
Мне хлороформ не нужно: слава Богу,
Привыкла к мукам я... А около меня
Портреты всех детей поставьте, доктор милый,
Пока могу смотреть, хочу я видеть их.
Поверьте: в лицах дорогих
Я больше почерпну терпения и силы!..
Вы видите: вон там, на той стене,
В дубовой рамке Коля, в черной — Митя...
Вы помните, когда он умер в дифтерите
Здесь, на моих руках, вы всё твердили мне,
Что заражусь я непременно тоже.
Не заразилась я, прошло тринадцать лет...
Что вытерпела я болезней, горя... Боже!
Вы, доктор, знаете... А где же Саша? Нет!
Тут он с своей женой... Бог с нею!
Снимите тот портрет, в мундире, подле вас;
Невольно духом я слабею,
Как только встречу взгляд ее холодных глаз.

Всё Сашу мучит в ней: бесцельное кокетство,
Характер адский, дикая вражда
К семейству нашему... Вы знали Сашу с детства,
Не жаловался он ребенком никогда,
А тут, в последний раз,— но это между нами —
Он начал говорить мне о жене,
Потом вдруг замолчал, упал на грудь ко мне
И плакал детскими, бессильными слезами...
Я людям всё теперь простить должна,
Но каюсь: этих слез я не простила...
А прежде как она любила,
Каким казалась ангелом она!..
Вот Оля с детками. За этих, умирая,
Спокойна я. Наташа, ангел мой!
Уставила в меня глазенки, как живая,
И хочет выскочить из рамки золотой.
Мне больно шевельнуть рукой. Перекрестите
Хоть вы меня... Смешно вам, старый атеист,
Что ж делать, Бог простит! Вот так... Да отворите
Окно. Как воздух свеж и чист!
Как быстро тучки белые несутся
По неразгаданным, далеким небесам...
Да, вот еще: к моим похоронам,
Конечно, дети соберутся.
Скажите им, что, умирая, мать
Благословила их и любит, но ни слова,
Что я так мучилась... Зачем их огорчать!
Ну, доктор, а теперь начните — я готова!..

Июль 1886

230. СТАРОСТЬ

Бредет в глухом лесу усталый пешеход
И слышит: кто-то там, далёко, за кустами,
Неровными и робкими шагами
За ним, как вор подкравшийся, ползет.
Заныло сердце в нем, и он остановился.
«Не враг ли тайный гонится за мной?
Нет, мне почудилось: то, верно, лист сухой,
Цепляяся за ветви, повалился
Иль заяц пробежал...» Кругом не видно зги,
Он продолжает путь знакомою тропою.

Но вот всё явственней он слышит за собою
Всё те же робкие, неровные шаги.
И только рассвело, он видит: близко, рядом
Идет старуха-нищая с клюкой,
Окинула его пытливым взглядом
И говорит: «Скиталец бедный мой!
Ужель своей походкою усталой
Ты от меня надеялся уйти?
На тяжком жизненном пути
Исколесил ты верст немало.
Ведь скоро, гордость затая,
Искать начнешь ты спутника иль крова...
Я старость, я пришла без зова,
Подруга новая твоя!
На прежних ты роптал, ты проклинал измену...
О, я не изменю, щедра я и добра:
Я на глаза очки тебе надену,
В усы и бороду подсыплю серебра;
Смешной румянец щек твоих я смою,
Чело почтенными морщинами покрою,
Всё изменю в тебе: улыбку, поступь, взгляд...
Чтоб не скучал ты в праздности со мною,
К тебе болезней целый ряд
Привью заботливой рукою.
Тебя в ненастные, сомнительные дни
Я шарфом обвяжу, подам тебе калоши...
А зубы, волосы... На что тебе они?
Тебя избавлю я от этой лишней ноши.
Но есть могучий дар, он только мне знаком:
Я опыт дам тебе, в нем истина и знанье!
Всю жизнь ты их искал и сердцем и умом
И воздвигал на них причудливое зданье.
В нем, правда, было много красоты,
Но зданье это так непрочно!
Я объясню тебе, как ошибался ты;
Я докажу умно и точно,
Что дружбою всю жизнь ты называл расчет,
Любовью — крови глупое волненье,
Наукою — бессвязных мыслей сброд,
Свободою — залог порабощенья,
А славой — болтунов изменчивое мненье
И клеветы предательский почет...»
— «Старуха, замолчи, остановись, довольно!
(Несчастный молит пешеход.)

Недаром сердце сжалося так больно,
Когда я издали почуял твой приход!
На что мне опыт твой? Я от твоей науки
Отрекся б с ужасом и в прежние года.
Покончи разом всё: бери лопату в руки,
Могилу вырой мне, столкни меня туда...
Не хочешь? Так уйди! Душа еще богата
Воспоминанием... надеждами полна,
И, если дань тебе нужна,
Пожалуй, уноси с собою без возврата
Здоровье, крепость сил, румянец прежних дней,
Но веру в жизнь оставь, оставь мне увлеченье,
Дай мне пожить хотя еще мгновенье
В святых обманах юности моей!»
Увы, не отогнать докучную старуху!
Без устали она всё движется вперед,
То шепчет и язвит, к его склонившись уху,
То за руку его хватает и ведет.
И привыкает он к старухе понемногу:
Не сердит уж его пустая болтовня,
И, если про давно пройдённую дорогу
Она заговорит, глумяся и дразня,
Он чувствует в душе одну тупую скуку,
Безропотно бредет за спутницей своей
И, вяло слушая поток ее речей,
Сам опирается на немощную руку.

Июль 1886

231. ПОСЛАНИЕ К. Р.

Ваше высочество, ваш благосклонный
Дар получил я вчера.
Он одиночество ночи бессонной
Мне услаждал до утра.

Верьте: не блеск и величие сана
Душу пленяют мою;
Чужды мне льстивые речи обмана,
Громких я од не пою.

В книге, как в зеркале, оком привычным
Вижу я отблески лиц,—
Чем-то сердечным, простым, симпатичным
Веет от этих страниц.

Кажется, будто на миг забывая
Света бездушного шум,
В них приютилася жизнь молодая,
Полная чувства и дум.

Жизнь эта всюду: в Венеции милой,
В грезах любви золотой,
В теплой слезе над солдатской могилой,
В сходках семьи полковой...

Пусть вдохновенная песнь раздается
Чаще, как добрый пример;
В памяти чутких сердец не сотрется
Милая надпись: К. Р.

Трудно мне кончить: слова этикета
Плохо вставляются в стих,
Но как поэт Вы простите поэта,
Если он кончит без них!

16 августа 1886

232. А. Г. РУБИНШТЕЙНУ

По поводу «исторических концертов»

Увенчанный давно всемирной громкой славой,
Ты лавр историка вплетаешь в свой венок,
И с честью занял ты свой скромный уголок
Под сенью новой музы величавой.
В былую жизнь людей душою погружен,
Ты не описывал их пламенных раздоров,
Ни всех нарушенных, хоть «вечных» договоров,
Ни бедствий без числа народов и племен.
Ты в звуках воскресил с могучим вдохновеньем,
Что было дорого отжившим поколеньям,
То, что подобно яркому лучу,
Гнетущий жизни мрак порою разгоняло,
Что жить с любовью равной помогало
И бедняку, и богачу!

1886

233

Проложен жизни путь бесплодными степями,
И глушь, и мрак... ни хаты, ни куста...
Спит сердце; скованы цепями
И разум, и уста,
И даль пред нами
Пуста.

И вдруг покажется не так тяжка дорога,
Захочется и петь, и мыслить вновь.
На небе звезд горит так много,
Так бурно льется кровь...
Мечты, тревога,
Любовь!

О, где же те мечты? Где радости, печали,
Светившие нам ярко столько лет?
От их огней в туманной дали
Чуть виден слабый свет...
И те пропали...
Их нет.

⟨1888⟩

234. К. Д. НИЛОВУ

Ты нас покидаешь, пловец беспокойный,
Для дальней Камчатки, для Африки знойной...

Но нашему ты не завидуй покою:
Увы! над несчастной, померкшей страною

Склонилось так много тревоги и горя,
Что верная пристань — в бушующем море!

Там волны и звезды,— вверяйся их власти...
Здесь бури страшнее: здесь люди и страсти.

1880-е годы

235

О, не сердись за то, что в час тревожной муки
Проклятья, жалобы лепечет мой язык:
То жизнью прошлою навеянные звуки,
То сдавленной души неудержимый крик.

Ты слушаешь меня — и стынет злое горе,
Ты тихо скажешь: «Верь» — и верю я, любя...
Вся жизнь моя в твоем глубоком, кротком взоре,
Я всё могу проклясть, но только не тебя.

Дрожат листы берез от холода ночного...
Но им ли сетовать на яркий солнца луч,
Когда, рассеяв тьму, он с неба голубого
Теплом их обольет, прекрасен и могуч?

1880-е годы

236

«Прощай!» — твержу тебе с невольными слезами,
Ты говоришь: разлука недолга...
Но видишь ли: ручей пробился между нами,
Поток сердит и круты берега.

Прощай. Мой путь уныл. Кругом нависли тучи.
Ручей уже растет и речкой побежит.
Чем дальше я пойду, тем берег будет круче,
И скоро голос мой к тебе не долетит.

Тогда забуду ль я о днях, когда-то милых,
Забуду ль всё, что, верно, помнишь ты,
Иль с горечью пойму, что я забыть не в силах,
И в бездну брошусь с высоты?

1880-е годы

237. СУМАСШЕДШИЙ

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно,

Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты,
Как будто я встречал, имен еще не зная,
Вас где-то там, давно...
Ах, Маша, это ты?
О милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня, как счастлив я, как рад!
И Коля... здравствуй, милый брат!
Вы не поверите, как хорошо мне с вами,
Как мне легко теперь! Но что с тобой, Мари?
Как ты осунулась... страдаешь всё глазами?
Садись ко мне поближе, говори,
Что наша Оля? Всё растет? Здорова?
О господи! Что дал бы я, чтоб снова
Расцеловать ее, прижать к моей груди...
Ты приведешь ее?.. Нет, нет, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнает,
Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чем
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцом
Я стал совсем, и доктор уверяет,
Что это легкий рецидив,
Что скоро всё пройдет, что нужно лишь терпенье..
О да, я терпелив, я очень терпелив,
Но всё-таки... за что? В чем наше преступленье?...
Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства,—
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
Не получить проклятого наследства!..
Так много лет прошло, и жили мы с тобой
Так дружно, хорошо, и всё нам улыбалось...
Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

. . . .

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их сбирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа,— кричит,— василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее нá руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

. . . .

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеете смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но всё же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:

Ты мне жена, а ты — ты брат ее... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но, впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благости пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни — вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперед же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада.

⟨1890⟩

238. 29-е АПРЕЛЯ 1891 г.

Ночь опустилась... Всё тихо: ни криков, ни шума,
Дремлет царевич, гнетет его горькая дума:
«Боже, за что посылаешь мне эти страданья?..
В путь я пустился с горячею жаждою знанья,
Новые страны увидеть и нравы чужие...
О, неужели в поля не вернусь я родные?
В родину милую весть роковая дошла ли?
Бедная мать убивается в жгучей печали,
Выдержит твердо отец, но, под строгой личиной,
Всё его сердце изноет безмолвной кручиной...
Ты мои помыслы видишь, о праведный Боже!
Зла никому я не сделал... За что же, за что же?..»
Вот засыпает царевич в тревоге и горе,
Сон его сладко баюкает темное море...
Снится царевичу: тихо к его изголовью
Ангел склонился и шепчет с любовью:
«Юноша, Богом хранимый в далекой чужбине!
Больше, чем новые страны, увидел ты ныне:
Ты свою душу увидел в минуты невзгоды,
Мощью с судьбой ты померялся в юные годы!
Ты увидал беспричинную злобу людскую...
Спи безмятежно! Я раны твои уврачую.
Всё, что ты в жизни искал дорогого, святого,—
Родину, счастье, семью — возвращу тебе снова.
Жизнь пред тобой расстилается в светлом просторе
Ты поплывешь чрез иное — житейское море;

Много в нем места для подвигов смелых, свободных
Много и мелей опасных, и камней подводных...
Я — твой хранитель, я буду незримо с тобою,
Белыми крыльями черные думы покрою».

Май 1891

239. ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

О, не тоскуй по мне! Я там, где нет страданья.
Забудь былых скорбей мучительные сны...
Пусть будут обо мне твои воспоминанья
Светлей, чем первый день весны.
О, не тоскуй по мне! Меж нами нет разлуки:
Я так же, как и встарь, душе твоей близка,
Меня по-прежнему твои терзают муки,
Меня гнетет твоя тоска.
Живи! Ты должен жить. И если силой чуда
Ты снова здесь найдешь отраду и покой,
То знай, что это я откликнулась оттуда
На зов души твоей больной.

Октябрь 1891

240

Давно ль, ваш город проезжая,
Вошел я в старый, тихий дом
И, словно гость случайный рая,
Душою ожил в доме том!
Давно ли, кажется? А годы
С тех пор подкрались и прошли,
И часто, часто в дни невзгоды
Мне светлым праздником вдали
Являлась милая картина.
Я помню: серенький денек,
По красным угольям камина
Перебегавший огонек,
И ваши пальцы и узоры,
Рояль, рисунки и цветы,
И разговоры, разговоры —
Плоды доверчивой мечты...
И вот опять под вашим кровом
Сижу — случайный пилигрим...

Но — тем живым, горячим словом
Мы обменяться не спешим.
Мы, долго странствуя без цели,
Забыв, куда и как идти,
Сказать не смею: постарели,
Но... утомились на пути.
А где же те, что жили вами,
Кем ваша жизнь была полна?
С улыбкой горькою вы сами
Их перебрали имена:
Тот умер, вышла замуж эта
И умерла — тому уж год,
Тот изменил вам в вихре света,
Та — за границею живет...
Какой-то бурей дикой, жадной
Их уносило беспощадно,
И длинный ряд немых могил
Их милый образ заменил...
А наши думы и стремленья,
Надежды, чувства прежних лет?
Увы! От них пропал и след,
Как от миражей сновиденья...
Одни судьбой в архив сданы
И там гниют под слоем пыли,
Другие горем сожжены,
Те — нам, как люди, изменили...
И мы задумались, молчим...
Но нам — не тягостно молчанье,
И изредка годам былым
Роняем мы воспоминанье,—
Так иногда докучный гость,
Чтоб разговор не замер сонный,
Перед хозяйкой утомленной
Роняет пошлость или злость.
И самый дом глядит построже,
Хоть изменился мало он:
Диваны, кресла — всё в нем то же,
Но заперт наглухо балкон...
Тафтой задернута картина,
И, как живой для нас упрек,
По красным угольям камина
Бежит и блещет огонек...

1891

241. НА БАЛЕ

Ум, красота, благородное сердце и сила,—
Всю свою щедрость судьба на него расточила.

Но отчего же в толпе он глядит так угрюмо?
В светлых очах его спряталась черная дума.

Мог бы расправить орел свои юные крылья,
Счастье, успехи пришли бы к нему без усилья,

Но у колонны один он стоит недвижимо.
Блеск, суета — всё бесследно проносится мимо.

Раннее горе коснулось души его чуткой...
И позабыть невозможно, и вспомнить так жутко!

Годы прошли, но под гнетом былого виденья
Блекнут пред ним мимолетные жизни явленья...

Пусть позолотой мишурною свет его манит,
Жизни, как людям, он верить не хочет, не станет!

1 ноября 1892

242

О, что за облако над Русью пролетело,
Какой тяжелый сон в пустующих полях!
Но жалость мощная проснулася в сердцах
И через черный год проходит нитью белой.
К чему ж уныние? Зачем бесплодный страх?
И хату бедняка и царские палаты
Одним святым узлом связала эта нить:
И труженика дань, и крёза дар богатый,
И тихий звук стиха, и музыки раскаты,
И лепту юношей, едва начавших жить.
Родник любви течет на дне души глубоком,
Как пылью, засорен житейской суетой...
Но туча пронеслась ненастьем и грозой —
Родник бежит ручьем. Он вырвется потоком,
Он смоет сор и пыль широкою волной.

1892

243

Опять пишу тебе, но этих горьких строк
Читать не будешь ты... Нас жизненный поток
Навеки разлучил. Чужие мы отныне,
И скорбный голос мой теряется в пустыне.
Но я тебе пишу затем, что я привык
Всё поверять тебе: что шепчет мой язык
Без цели, нехотя, твои былые речи,
Что я считаю жизнь от нашей первой встречи,
Что милый образ твой мне каждый день милей,
Что нет покоя мне без бурь минувших дней,
Что муки ревности и ссор безумных муки
Мне счастьем кажутся пред ужасом разлуки.

1892

244

Всё, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...
И целый день, с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!
Ты не согреешь этот холод,
Ты не осве́тишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

1892

245

Когда ребенком мне случалось
Услышать песнь: «Христос воскрес!»,
То сонмы ангелов, казалось,
Поют с ликующих небес.

Сегодня ночи жду пасхальной...
Безмолвны ангелов полки,
И не сойдут они в печальный
Приют недуга и тоски.

И светлой вести воскресенья
Ответит здесь, в ночной тиши,
Немая скорбь уничтоженья
Когда-то верившей души.

1893

246

Вот тебе старые песни поэта —
Я их слагал в молодые года,
Долго таил от бездушного света,
И, не найдя в нем живого ответа,
    Смолкли они навсегда.

Зреет в душе моей песня иная...
Как ни гони ее, как ни таи,—
Песня та вырвется, громко рыдая,
Стоном безумной любви заглушая
    Старые песни мои.

1893

247

Перед судом толпы, коварной и кичливой,
С поникшей головой меня увидишь ты
И суетных похвал услышишь лепет лживый,
Пропитанный враждой и ядом клеветы.
Но твой безмолвный взор, доверчивый и милый,
На помощь мне придет с участием живым...

Так гибнущий пловец, уже теряя силы,
Всё смотрит на маяк, горящий перед ним.
Свети же, мой маяк! Пусть буря, завывая,
Качает бедный челн, пусть высится волна,
Пускай вокруг меня и мрак, и ночь глухая...
Ты светишь, мой маяк,— мне гибель не страшна!

1893

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

248. ОРФЕЙ И ПАЯЦ

Слушать предсмертные песни Орфея друзья собралися.
Нагло бранясь и крича, вдруг показался паяц.
Тотчас же шумной толпой убежали друзья за паяцем...
Грустно на камне один песню окончил Орфей.

249. К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Во тьме исчезнувших веков,
В борьбе с безжалостной природой
Ты родилась под звук оков
И в мир повеяла свободой.
Ты людям счастье в дар несла,
Забвенье рабства и печали,—
Богини светлого чела
В тебе безумцы не признали.
Ты им внушала только страх,
Твои советы их томили;
Тебя сжигали на кострах,
Тебя на плаху волочили,—
Но голос твой звучал как медь
Из мрака тюрьм, из груды пепла...
Ты не хотела умереть,
Ты в истязаниях окрепла!
Прошли века... Устав в борьбе,
Тебя кляня и ненавидя,
Враги воздвигли храм тебе,
Твое могущество увидя!
Страдал ли человек с тех пор,
Иль кровь лилася по-пустому,
Тебе всё ставили в укор,
Хоть ты учила их другому!
Ты дожила до наших дней...
Но так ли надо жить богине?
В когтях невежд и палачей
Ты изныываешь и доныне.
Твои неверные жрецы
Тебя бесчестят всенародно,

Со злом бессильные бойцы
Друг с другом борются бесплодно.
Останови же их! Пора
Им протянуть друг другу руки
Во имя чести и добра,
Во имя света и науки...
Но всё напрасно! Голос твой
Уже не слышен в общем гаме,
И гул от брани площадной
Один звучит в пустынном храме,
И так же тупо, как и встарь,
Отжившим вторя поколеньям,
На твой поруганный алтарь
Глядит толпа с недоуменьем.

250

К ней в пустую гостиную голубь влетел
Темно-сизый, махая крылами.
Уже близилась осень, и лес пожелтел
За пустыми, нагими полями.

И казалось, что в день этот, темный, сырой,
Гость нежданный явился с приветом,
Что пахнуло опять позабытой весной
И горячим исчезнувшим летом.

Шумно жить без любви ей досталось в удел.
Сердце пусто, дом полон гостями...
Но в заснувшую душу к ней голубь влетел
Темно-сизый, махая крылами.

Озарится ль в душе то, что было темно,
От нежданного яркого света,
Или вылетит голубь, тоскуя, в окно,
На призыв не дождавшись ответа?

251

Ты говоришь: моя душа — загадка,
Моей тоски причина не ясна;
Ко мне нежданно, словно лихорадка,
По временам является она.

Загадки нет. И счастье, и страданье,
И ночь, и день — всё, всё тобой полно,
И без тебя мое существованье
Мне кажется бесцветно и смешно.

Когда тебе грозит болезнь иль горе,
Когда укор безжалостный и злой
Читаю я в твоем холодном взоре,
Я падаю смущенною душой.

Но скажешь ты мне ласковое слово —
И горе всё куда-то унесло...
Ты — грозный бич, карающий сурово,
Ты — светлый луч, ласкающий тепло.

252

Когда, в объятиях продажных замирая,
Потушишь ты огонь, пылающий в крови,—
Как устыдишься ты невольных слов любви,
    Что ночь тебе подсказывала злая!
И целый день потом ты бродишь сам не свой,
    Тебя гнетет воспоминанье это,
    И жизнь, как день осенний без просвета,
Такою кажется бесцветной и пустой!
Но верь мне: близок час! Неслышными шагами,
Не званная, любовь войдет в твой тихий дом,
Наполнит дни твои блаженством и слезами
И сделает тебя героем и... рабом.
Тебя не устрашат ни гнет судьбы суровой,
Ни цепи тяжкие, ни пошлый суд людей...
И ты отдашь всю жизнь за ласковое слово,
За милый, добрый взгляд задумчивых очей!

253. БЕССОННИЦА

Проходят часы за часами
Несносной, враждебной толпой...
На помощь с тоской и слезами
Зову я твой образ родной!

Я всё, что в душе накипело,
Забуду,— но только взгляни
Доверчиво, ясно и смело,
Как прежде, в счастливые дни!

Твой образ глядит из тумана;
Увы! заслонен он другим —
Тем демоном лжи и обмана,
Мучителем старым моим!

Проходят часы за часами...
Тускнеет и гаснет твой взор,
Шипит и растет между нами
Обидный, безумный раздор...

Вот утра лучи шевельнулись...
Я в том же тупом забытьи...
Совсем от меня отвернулись
Потухшие очи твои.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. ПАРОДИИ. ЭПИГРАММЫ. ЭКСПРОМТЫ

254. ЧУДЕСА

Какие чудеса творятся
У нас по прихоти судьбы:
С сынами Франции мирятся
Угрюмой Англии сыны.
И даже (верх всех удивлений!)
Союз меж ними заключен,
И от бульдожьих уверений
В чаду Луи Наполеон!
Уж не опять ли воедино
Они под знаменем креста
Идут толпами в Палестину,
Чтоб воевать за гроб Христа?
Нет, для народов просвещенных
Теперь уж выгоды в том нет:
Что взять им с греков угнетенных?
Зато не беден Магомет!
И против Руси собирают
Они за то войска свои,
Что к грекам руку простирают
Они в знак мира и любви.
А турок просто в восхищенье!
До этих пор он жил как зверь,
Не зная вовсе просвещенья,
А просвещается теперь!
Уж вместо сабли он иголку
Изделья а́нглийского взял
И на французскую ермолку
Чалму родную променял.
Но европейского покроя
Его одежда не спасла,
И под ермолкой, под чалмою,
Одна у турка голова.

Ведь мы уж были у Синопа,
И просвещенных мусульман
На кораблях купцов Европы
Их просветивших англичан.
И для французиков нахальных
Готов у нас уж пир такой,
Что без своих нарядов бальных
Они воротятся домой.
А если захотят остаться,
От дорогих таких гостей
Не можем, право, отказаться,
Не успокоив их костей.

5 апреля 1854

255. ПЕРО

Несясь дорогою большою,
Перо гусиное в сторонке вижу я,
И вот уж странною мечтою
Душа наполнилась моя.
Скажи, давно ли гусь тобою любовался,
Увидя образ свой в серебряных волнах,
Или когда пред самкой красовался
И чувства выражал ей в пламенных словах?
Потом, когда на кухню гусь попался
И повар там его искусно общипал,
На чью ты долю, друг, достался,
И кто тебя дорогой потерял?
Помещик ли тобой свои расходы
В тетрадку ветхую писал
И вечерком, любуяся природой,
В зубах тобою ковырял?
А может быть, помещик, светских правил,
Сам погружен в важнейшие дела,
Приказчику именье предоставил:
Скажи, всегда ль рука его лгала?
Чиновник ли в порыве вдохновенья
По десяти листов тобою в день марал
И в сладкий миг отдохновенья
Тебя в зубах с достоинством держал?
Но если же плешивая Фемида
Уж до советника дошла,

Ты отдыхал, мой друг: больная Немезида
Тебя только для подписи брала.
В руках Фиглярина ль в сей пасмурной юдоли
Ты лавочку в Гороховой хвалил
И под ярмом хозяйской воли,
Как меч Суворова, ты Гоголя разил?
Твой хвост откушен, друг: как рифм найти, не зная,
Писака ли тебя с досадою изгрыз,
Иль крыса белая, под старость отдыхая,
Не кинула ль тебя на долю черных крыс?
Иль, может быть, душевные беседы
Поэт векам передавал тобой:
Отечества ли пел он громкие победы,
Иль подличал пред старшими порой;
Элегии ль унылые напевы,
Или сонета звук, иль нежный мадригал
Любви прелестной юной девы,
Как дар великий, посвящал;
Иль с чудною могущественной лирой
Он за века минувшие летал;
Или карал людей он едкою сатирой
И колкой эпиграммой обличал?..
И, может быть, людьми гонимый
За обличенье их страстей
И в самом бедствии ничем не победимый,
Он бросил здесь тебя с проклятьем на людей.

26 июля 1854

256. ПАРОДИЯ

Пьяные уланы
Спят перед столом,
Мягкие диваны
Залиты вином.
Лишь не спит влюбленный,
Погружен в мечты,—
Подожди немного,
Захрапишь и ты.

6 августа 1854
Орел

257. ПАРОДИЯ

И скучно и грустно...

И странно, и дико, и целый мне век не понять
Тех толстых уродливых книжек:
Ну как журналистам, по правде, не грех разругать
«Отрывки моих поэтических вспышек»?
Уж я ль не трудился! Пудовые оды писал,
Элегии, драмы, романы,
Сонеты, баллады, эклоги, «Весне» мадригал,
В гекзаметры даже облек «Еруслана»
Для славы одной! (Ну, конечно, и денежки брал —
Без них и поэтам ведь жутко!)
И всё понапрасну!.. Теперь только я распознал,
Что жизнь — препустая и глупая шутка!

7 ноября 1854

258. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЯНИНА

Дайте мне наряд суровый,
Дайте мýрмолку мою,
Пред скамьею стол дубовый,
Деревянную скамью.
Дайте с луком буженины,
Псов ужасных на цепях
Да лубочные картины
На некрашеных стенах.

Дайте мне большую полку
Всевозможных древних книг,
Голубую одноколку,
Челядинцев верховых.
Пусть увижу в доме новом
Золотую старину
Да в кокошнике парчовом
Белобрысую жену.

Чтоб подруга дорогая
Всё сидела бы одна,
Полотенце вышивая
У закрытого окна,

А на пир с лицом смиренным
Выходила бы она
И огромный кубок с пенным
Выпивала бы до дна...

5 июля 1855

259. ИЗ БАЙРОНА

Пародия

Пускай свой путь земной пройду я
Людьми не понят, не любим,—
Но час настанет: не тоскуя,
Я труп безгласный брошу им!
И пусть могилы одинокой
Никто слезой не оросит —
Мне всё равно! Заснув глубоко,
Душа не узрит мрамор плит.

26 августа 1855

260. ПРИЕЗД

Пародия

Осенний дождь волною грязной
Так и мочил,
Когда к клячонке безобразной
Я подходил.

Смотрели грустно так и лужи,
И улиц тьма,
И как-то сжалися от стужи
Кругом дома.

И ванька мой к квартире дальной
Едва плелся́,
И, шапку сняв, глядел печально,
На чай прося.

1 сентября 1855

261. ГЕНИЙ ПОЭТА

П. И. Ч⟨айковско⟩му

Чудный гений! В тьму пучин
Бросил стих свой исполин...
Шею вывернув Пегасу,
Музу вздевши на аркан,
В тропы лбом, пятой к Парнасу,
Мощный скачет великан.

14 ноября 1855

262

1

Видо́к печальный, дух изгнанья,
Коптел над «Северной пчелой»,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой,
Когда он слыл в всеобщем мненье
Учеником Карамзина
И в том не ведала сомненья
Его блаженная душа.
Теперь же ученик унылый
Унижен до рабов его,
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.

2

В литературе он блуждал
Давно без цели и приюта;
Вослед за годом год бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя «Пчелой»,
Он клеветал без наслажденья,
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И врать наскучило ему.

3

И непротертыми глазами
На «Сын Отечества» взирал,
Масальский прозой и стихами
Пред ним, как жемчугом, блистал.
А Кукольник, палач банкротов,
С пивною кружкою в руке,
Ревел — а хищный Брант и Зотов,
За ним следя невдалеке,
Его с почтеньем поддержали.
И Феба пьяные сыны
Среди пустынной тишины
Его в харчевню провожали.
И дик, и грязен был журнал,
Как переполненный подвал...
Но мой Фиглярин облил супом
Творенья друга своего,
И на челе его преглупом
Не отразилось ничего.

4

И вот пред ним иные мненья
В иных обертках зацвели:
То «Библио́теку для чтенья»
Ему от Греча принесли.
Счастливейший журнал земли!
Какие дивные рассказы
Брамбеус по́ свету пустил
И в «Библио́теку» вклеил.
Стихи блестящи, как алмазы,
И не рецензию, а брань
Глаголет всякая гортань.
Но, кроме зависти холодной,
Журнала блеск не возбудил
В душе Фиглярина бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил.
Всего, что пред собой он видел,
Боялся он, всё ненавидел.

1856 или 1857

263. ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Денек веселый! С давних пор
Обычай есть патриархальный
У нас: и лгать, и всякий вздор
Сегодня всем пороть нахально,
Хоть ложь-то, впрочем, привилась
Так хорошо к нам в самом деле,
Что каждый день в году у нас
Отчасти — первое апреля.

Но вот N. N., приятель мой,
Он вечно лжет и мрачен вечно;
Не мудрено: его порой
Бранят за то... Теперь беспечно
Смеется, шутит... Как понять?
А! понимаю: пустомеля
Всем безопасно может врать —
Сегодня первое апреля.

Приносят мне письмо. Его
Я чуть не рву от нетерпенья,—
Оно от друга моего.
Однако что за удивленье!
В нем столько чувства, даже честь
Во всем: и в мыслях и на деле.
Смотрю на надпись: так и есть!
Читаю: первое апреля.

«Откуда вы, друзья мои?
Чайковский?» — «Я сидел у Лего».
— «А ты, Селецкий?» — «У Морни...»
— «А Эртель?» — «У Кобылы пегой...»
— «А Каратаев?» — «Дома был...»
— «А Галкин?» — «Прямо от Бореля...»
— «Как, что за чушь? Ах, я забыл,
Ведь нынче первое апреля».

Знакомых встретите... на вас
Все смотрят с подозреньем тоже.
«Скажите мне, который час?» —
Вдруг спросят как-то злей и строже.
«Такой-то» — «Ах, неправда, нет;
Вы с нами пошутить хотели...»

Что ж, нынче шутит целый свет —
Сегодня первое апреля.

А я теперь, наоборот,
Способен даже больше верить:
Сегодня всякий, правда, лжет,
Зато не нужно лицемерить...
Сегодня можно говорить
Всю правду, метко в друга целя,
Потом всё в шутку обратить:
«Сегодня первое апреля».

Сегодня мне скажите вы,
Что не берут в России взяток,
Что город есть скверней Москвы,
Что в «Пчелке» мало опечаток,
Что в свете мало дураков...
Вполне достигнете вы цели,
Всему поверить я готов,—
Сегодня первое апреля.

5 апреля 1857
Санкт-Петербург

264. П. ЧАЙКОВСКОМУ

Послание

Нет, над письмом твоим напрасно я сижу,
Тебя напрасно проклинаю,
Увы! там адреса нигде не нахожу,
Куда писать тебе, на знаю.
Не посылать же мне «чрез Феба на Парнас»..
Во-первых, имени такого,
Как Феб иль Аполлон, и в святцах нет у нас
(Нельзя ж святым считать Попова),
А во-вторых, Парнас высок, и на него
Кривые ноги почтальона
Пути не обретут, как не обрел его
Наш критик Пухты и Платона...
Что делать? Не пишу. А много б твой «поэт»
Порассказал тебе невольно:
Как потерял он вдруг и деньги и билет,
Попавши в град первопрестольный;

Как из Москвы, трясясь в телеге, он скакал
С певцом любви, певцом Украйны,
Как сей певец ему секретно поверял
Давно известные всем тайны.
Как он, измученный, боялся каждый миг
Внезапной смерти от удара,
Как, наконец, пешком торжественно достиг
Полей роскошных Павлодара;
Как он ничем еще не занялся́ пока
И в мирной лени — слава Богу! —
Энциклопедию, стихи обоих «К» —
Всё забывает понемногу;
Но как друзей своих, наперекор судьбе,
Он помнит вечно и тоскует,
За макаронами мечтает о тебе,
А за «безе» тебя целует,
Как, разорвав вчера тетрадь стихов своих,
Он крикнул, точно Дон Диего:
«Спаси его, Господь, от пакостей таких,
Как ты спасал его от Лего!»
. . . .

5 июля 1857
Павлодар

265. ПАРОДИЯ

Боже, в каком я теперь упоении
С «Вестником русским» в руках!
Что за прелестные стихотворения,
Ах!

Там Данилевский и А. П. таинственный,
Майков — наш флюгер-поэт,
Лучше же всех несравненный, единственный —
Фет.

Много бессмыслиц прочтешь патетических,
Множество фраз посреди,
Много и рифм, а картин поэтических
Жди!

18 февраля 1858

266. РУССКОЙ ГЕТЕРЕ

В изящной Греции гетеры молодые
С толпою мудрецов сидели до зари,
Гипотезы судили мировые
И розами венчали алтари...
Тот век давно прошел... К богам исчезла вера,
Чудесный мир забыт... И ты, моя гетера,
Твой нрав веселый не таков:
К лицу тебе твоя пастушеская шляпа,
И изо всех языческих богов
Ты любишь — одного Приапа.

13 января 1859

267

Для вас так много мы трудились,
И вот в один и тот же час
Мы развелись и помирились
И даже плакали для вас.
Нас слишком строго не судите,
Ведь с вами, право, господа,—
Хотите ль вы иль не хотите —
Мы разведемся навсегда.

18 апреля 1859

268. ОЖИДАНИЕ

Подражание Ламартину

В час тихий вечера, над озером зеркальным,
Я ждал, уединясь в раздумии печальном,
И долго я смотрел при шелесте древес
На ясную лазурь темнеющих небес.
Кругом передо мной широкий дол тянулся;
Так тихо было всё, что лист не шевельнулся;
Носился ветерок над спящею водой,
И небо чистое висело надо мной.
Я ждал, я ждал, я ждал — никто не появлялся,
Один лишь голос мой пустынно раздавался,
И дума грустная запала в ум тогда:
Зачем и для чего я приходил сюда?

Никто не назначал мне тайного свиданья,
Ждать было некого... К чему же ожиданье?
. . . .
Я в мире одинок, и мне волнует кровь
Раздумье тихое скорее, чем любовь.
Но все-таки я ждал... Я ждал, чтоб ночь глухая
На землю спала бы, кругом благоухая,
Чтоб опрокинулся весь этот свод небес
В пучину озера, при шелесте древес.
Потом, припомнив все печали и утраты,
Я тихо арию пропел из «Травиаты»
И шагом медленным понес к себе домой
Измученную грудь, убитую тоской...
. . . .

⟨1860⟩

269. В АЛЬБОМ

Е. Е. А.

Вчера на чудном, светлом бале,
От вальса быстрого устав,
Вы, невзначай и задрожав,
Свою перчатку разорвали.
И я подумал: «О, мой Бог!..
(А на душе так было сладко)
Я был бы счастлив, если б мог
Быть той разорванной перчаткой!»

1860

270. КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

По прочтении ее поэмы «Кадриль»

Я прочитал, я прочитал,
Я перечитывал три раза
И наизусть припоминал
Страницы вашего рассказа.
Какие рифмы, что за стиль!
Восторга слез я лил немало,
И сердце страстно танцевало
Под ваш пленительный кадриль.

Теперь в душе одно желанье:
О, если б где-нибудь в собранье
Или на бале встретить вас,
Всю окруженную цветами,—
И провести в беседе с вами
Хотя один ничтожный час;
О ходе русского прогресса
Тираду длинную сказать...
О Пушкине потолковать...
И после... с вами, поэтесса,
Одну кадриль протанцевать!

1860
Красное Село

271. ЭЛЕГИЯ

Посвящается г. О. Дютшу,
автору оперы «Кроатка, или Соперница»

Я видел, видел их... Исполненный вниманья,
Я слушал юношей, и жен, и стариков,
А вкруг меня неслись свистки, рукоплесканья
И гул несвязных голосов.
Но что ж! Ни Лазарев, то яростный, то нежный,
Ни даже пламенный Серов
Не вызвали б моей элегии мятежной
И гармонических стихов.
Я молча бы прошел пред их гремящей славой...
Но в утро то мой юный ум
Пленял иной художник величавый,
Иной властитель наших дум.
То был великий Дютш, по музыке приятной
Всем гениям возвышенный собрат;
Происхождением — германец, вероятно,
Душою — истинный кроат.
Но Боже, Боже мой! как шатко всё земное!
Как гений глубоко способен упадать!
Он позабыл сердец сочувствие святое,
Он Лазарева стал лукаво порицать.
И вдруг — от ужаса перо мое немеет! —
Маэстро закричал, взглянувши на него:
«„Соперница“ твоя соперниц не имеет,
Уж хуже нету ничего!»

Смутился Дютш. Смутилося собранье,
Услышав эти словеса,
И громче прежнего неслись рукоплесканья
И завывали голоса.

Между декабрем 1860 и апрелем 1861

272. КРАСНОМУ ЯБЛОЧКУ ЧЕРВОТОЧИНКА НЕ В УКОР

ПОСЛОВИЦА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, В СТИХАХ

ПОДРАЖАНИЕ ВЕЛИКОСВЕТСКИМ КОМЕДИЯМ-ПОСЛОВИЦАМ РУССКОГО ТЕАТРА

Граф, 30 л.
Графиня, 20 л.
Князь, 22 л.
Слуга, 40 л.

Театр представляет богато убранную гостиную.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня

(*одна*)

Как скучно быть одной...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и слуга (*входя*).

Слуга

К вам князь.

Графиня

Проси скорее...

ЯВЛЕНИЕ 3

Князь, за ним слуга.

Князь

Войти ли мне иль нет, пленительная фея?
Мне сердце всё твердит: любовь в ее груди,
А опыт говорит: уйди, уйди, уйди!

Слуга уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Графиня и князь.

Графиня

Я не ждала вас, князь...

Князь

А я... я жду ответа!
Для вас я пренебрег родными, мненьем света,
Свободой, деньгами, кредитом у Дюссо...
Для вас, для вас одной я, словом, бросил всё...
Я думаю, всегда для дамы это лестно...

Графиня

Вы попрекаете, и очень неуместно.

Князь

Я попрекаю, я? Пусть вас накажет Бог!
Подумать даже я подобного не мог.
Но слушайте: когда с небес ударят грозы
И землю обольют живительным дождем,
Земля с отчаяньем глотает эти слезы,
И стонет, и дрожит в безмолвии немом.
Но вот умчался гром, и солнце уж над нами
Сияет весело весенними лучами,
Всё радуется здесь, красуется, цветет,
А дождь, вина всему, уж больше не идет!
Мне часто в голову приходит то сравненье:
Любовь есть солнце, да! Она наш верный вождь.
Я — вся земля, я — всё цветущее творенье,
А вы — вы дождь!
К чему же поведет бесплодная гордыня?
Вот что я нынче вам хотел сказать, графиня.

Графиня

Я долго слушала вас, вовсе не сердясь...
Теперь уж ваш черед меня послушать, князь.

Князь

Я превращаюсь в слух... Клянуся Аполлоном,
Я рад бы сделаться на этот миг шпионом.

Графиня
(*небрежно*)

И выгодно б для вас остаться им, я чай?

(*Переменив тон и становясь в позу.*)

Случалось ли когда вам, просто, невзначай,
Остановить на том досужее вниманье:
Какое женщине дается воспитанье?
С пеленок связана, не понята никем,
Она доверчиво в мужчинах зрит эдем,
Когда ж приблизится коварный искуситель,
Ей прямо говорит: «Подальше не хотите ль»,—
И, всеми брошена, палимая стыдом,
Она прощает всё и молится о нем...
Теперь скажите мне по совести признанье:
Какое женщине дается воспитанье?

Князь

Графиня, вы меня заставили краснеть...
Ну, можно ль лучше вас на вещи все смотреть?
На память мне пришел один куплет французской,
Импровизация княгини Чернопузской...

Графиня

Импровизация тогда лишь хороша,
Когда в ней есть и ум, и чувство, и душа.

Князь

А кстати, где ваш муж?

Графиня

Он в клубе.

Князь

Неужели?

(*Целуя руку ей.*)

И он оставил вас для этой мелкой цели?

(*Становясь на колени.*)

Он вас покинул, вас? Ваш муж, ей-богу, глуп!

ЯВЛЕНИЕ 5

Граф
(*показываясь в дверях*)

Я здесь, я слышал всё, я не поехал в клуб!

Князь
(*в сторону*)

Некстати же я стал пред нею на колени!

Графиня
(*в сторону*)

Предвижу много я кровавых объяснений!

Граф
(*язвительно*)

Достойный ловелас! Извольте выйти вон!

Князь
(*спокойно*)

Мое почтенье, граф! Графине мой поклон!

(*Изящно кланяется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Графиня и граф.

Граф

Ну что, довольны вы моей судьбой печальной?
По счастью, я для вас не изверг театральный:
Не стану проклинать, не стану убивать,
А просто вам скажу, что мне на вас плевать!
Не стану выставлять я ваших черных пятен,
И дым отечества мне сладок и приятен,
Но прыгать я готов на сажень от земли,
Когда подумаю, кого вы предпочли...

Графиня

Подумайте ж и вы — скажу вам в оправданье —
Какое женщине дается воспитанье?
С пеленок связана...

Граф

(*подсказывая с иронией*)

Не понята никем...

Графиня

(*не понимая иронии*)

Она доверчиво в мужчинах зрит эдем...

Граф

Довольно! Это я давно на память знаю
И «Сын Отечества» читать предпочитаю!

(*Иронически кланяется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 7

Графиня

(*одна*)

Как скучно быть одной...

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Слуга

(*входя на цыпочках*)

Да, погляжу в окно:
Лизету милую к себе я жду давно...
Однако надо мне подумать в ожиданье:
Какое женщине дается воспитанье?

Задумывается. Занавес медленно опускается. Картина.

⟨1862⟩

273. К ПОРТРЕТУ И. В. ВЕРНАДСКОГО

Приличней похвалы ему нельзя сказать:
Мать дочери велит статьи его читать.

⟨1862⟩

274. К ПОРТРЕТУ А. Н. СЕРОВА

О музыке судя лет сорок вкось и вкривь,
Над Ростиславом он отпраздновал победу.
Сначала выпустил Юдифь,
Потом — Рогнеду.

Из музыканта он вдруг педагогом стал,
Но в педагогии покрылся вечным срамом.
Плохое воспитанье дал
Он этим дамам:

Одна Владимира хотела уморить,
Другая пьяного прельстила Олоферна,
И обе так привыкли выть,
Что даже скверно.

24 августа 1869

275. ФЕЯ МОРЯ

Из Эйхендорфа

Море спит в тиши ночной,
И корабль плывет большой;
Вслед за ним, косой играя,
Фея плещется морская.

Видят бедные пловцы
Разноцветные дворцы;
Песня, полная тоскою,
Раздается над водою...

Солнце встало — и опять
Феи моря не видать,
И не видно меж волнами
Корабля с его пловцами.

23 сентября 1869

276. ПЛАЧ ЮСТИНИАНА

Ночью вчера, задремав очень рано,
В грезах увидел я Юстиниана.
В мантии длинной, обшит соболями,
Так говорил он, сверкая очами:
«Русь дорогая! Тебя ли я вижу?
Что с тобой? Ты не уступишь Парижу!
Есть учрежденья в тебе мировые,
Рельсы на Невском, суды окружные —
Чтоб не отстать от рутины заморской;
Есть в тебе даже надзор прокурорской;
Точно в других образованных странах,
Есть и присяжные... в длинных кафтанах.
В судьи ученых тебе и не надо,
Судьям в лаптях ты, родимая, рада.
Им уж не место в конторе питейной:
Судят и рядят весь мир на Литейной.
Вечно во всем виноваты дворяне,
Это присяжные знают заране,
Свистнуть начальника в рожу полезно,
Это мужицкому сердцу любезно.
«Вот молодец,— говорят они хором,—
Стоит ли думать над этаким вздором?»
Если ж нельзя похвалить его гласно,
«Он сумасшедший»,— решат все согласно,
Но ненадолго ума он лишился,
Треснул — и тотчас опять исцелился!
Публика хлопает,— и в наказанье
Шлют ее вон... под конец заседанья.
Злы у вас судьи, но злей адвокаты:
Редко кто чешется, все демократы!
Как я любуюсь на все эти секты,
Я, написавший когда-то пандекты,
Как бы министры мои удивились,
Знавшие весь corpus juris civilis [1],
Если б из дальней, родной Византии
Ветер занес их на север России!
Там, в Византии, сравненный с Минервой,
Законодатель считался я первый,—
Здесь же остаться мне первым уж трудно:
Здесь сочиняет законы Зарудный!»

---

[1] Свод гражданского права (лат.).— *Ред.*

Смолк император при имени этом,
Словно ужаленный острым ланцетом,
И в подтвержденье великой печали
Слезы из глаз его вдруг побежали.
Чтоб усыпить его силой целебной,
Дал я прочесть ему «Вестник судебный»,
Сам же прочел об Урусовском деле
И, к удивленью, проснулся в постели.
Видно, недаром всё это виденье!
Было ужасно мое пробужденье:
Солнце в глаза уж смеялось мне резко,
От мирового лежала повестка,
И осторожно, как некие воры,
В спальню входили ко мне кредиторы.

14 ноября 1869

277. СОВЕТ МОЛОДОМУ КОМПОЗИТОРУ

По поводу оперы Серова «Не так живи, как хочется»

Чтоб в музыке упрочиться,
О юный неофит,
Не так пиши, как хочется,
А как Серов велит!

29 ноября 1869

278

Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлётами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами,
Не якшайтеся там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами.
А как кончите курс эминентами
И на службу пойдете с патентами —
Не глядите на службе доцентами
И не брезгайте, дети, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
Говорите всегда комплиментами,
У начальников будьте клиентами,

Утешайте их жен инструментами,
Угощайте старух пеперментами —
Воздадут вам за это с процентами:
Обошьют вам мундир позументами,
Грудь украсят звезда́ми и лентами!..
А когда доктора с орнаме́нтами
Назовут вас, увы, пациентами
И уморят вас медикаментами...
Отпоет архиерей вас с регентами,
Хоронить понесут с ассистентами,
Обеспечат детей ваших рентами
(Чтоб им в опере быть абонентами)
И прикроют ваш прах монументами.

1860-е годы

279. ЯПОНСКИЙ РОМАНС

Наша мать Япония,
Словно Македония
Древняя, цветет.
Мужеством, смирением
И долготерпением
Славен наш народ.

В целой Средней Азии
Славятся Аспазии
Нашей стороны...
В Индии и далее,
Даже и в Австралии
Всеми почтены.

Где большой рукав реки
Нила — гордость Африки,—
Наш гремит талант.
И его в Америке
Часто до истерики
Прославляет Грант.

А Европа бедная
Пьет, от страха бледная,
Наш же желтый чай.
Даже мандаринами,
Будто апельсинами,
Лакомится, чай.

Наша мать Япония,
Словно Македония
Древняя, цветет.
Воинство несметное,
С виду незаметное,
Край наш стережет.

До Торжка и Старицы
Славны наши старицы —
Жизнию святой,
Жены — сладострастием,
Вдовы — беспристрастием,
Девы — красотой.

Но не вечно счастие —
В светлый миг ненастия
Надо ожидать:
Весть пришла ужасная,
И страна несчастная
Мается опять.

Дремлющие воины
Вновь обеспокоены,
Морщатся от дел,—
Все пришли в смятение,
Всех без исключения
Ужас одолел:

Всё добро микадино
В сундуки укладено,
И микадо сам
К идолам из олова
Гнет покорно голову,
Курит фимиам.

Что ж все так смутилися,
Переполошилися
В нашей стороне?
— Генерала Сколкова,
Капитана Волкова...
Ждут в Сахалине́.

1860-е годы

280. ЮРЛО́В И КУМЫС

Басня

Один корнет, по имени Юрло́в,
Внезапно заболел горячкою балетной.
Сейчас созвали докторов,—
Те выслали его с поспешностью заметной
По матушке по Волге вниз,
Чтоб пить кумыс.
Юрло́в отправился, лечился, поправлялся,
Но, так как вообще умеренностью он
В питье не отличался
И был на выпивку силен,
Он начал дуть кумыс ведром, и преогромным,
И тут с моим корнетом томным
Случилось страшное несчастье... Вдруг
О, ужас! О, испуг!
Чуть в жеребенка он не превратился:
Охотно ел овес, от женщин сторонился,
Зато готов был падать ниц
Пред всякой сволочью из местных кобылиц.
Завыли маменьки, в слезах тонули жены,
В цене возвысились попоны,
И вид его ужасен был
Для всех кобыл.
Твердили кучера: «Оказия какая!»
И наконец начальник края,
Призвав его, сказал: «Юрло́в,
Взгляни, от пьянства ты каков!
И потому мы целым краем
Тебя уехать умоляем.
Конечно, гражданина долг
Тебе велел бы ехать в полк,
Но так как лошадей у нас в полку не мало,
То, чтоб не сделалось скандала,
Покуда не пройдет волнение в крови,
В Москве немного поживи!»
Юрлов послушался, явился
В Москву — и тотчас же влюбился
В дочь генерала одного,
С которым некогда был дружен дед его.
Всё как по маслу шло сначала:
Его Надина обожала,
И чрез неделю, в мясоед,

Жениться должен был корнет.
Но вот что раз случилось с бедной Надей:
Чтобы участвовать в какой-то кавалькаде,
Она уселася верхом
И гарцевала на дворе своем.
К отъезду было всё готово.
Вдруг раздался́ протяжный свист Юрлова.
Блестя своим pince-nez [1], подкрался он, как тать,
И страстно начал обнимать...
Но не Надину, а кобылу...
Легко понять, что после было.
В испуге вскрикнул генерал:
«Благодарю, не ожидал!»
Невеста в обморок легла среди дороги,
А наш Юрлов давай Бог ноги!
Один фельетонист, в Москве вселявший страх,
Сидевший в этот час у дворника в гостях
И видевший поступок этот странный,
Состряпал фельетон о нем пространный
И в Петербург Кирко́ру отослал.
Конечно, про такой скандал
Узнала бы Европа очень скоро,
Но тут, по счастью, на Кирко́ра
Нахлынула беда со всех сторон.
Во-первых, он
Торжественно на площади столичной
Три плюхи дал себе публично,
А во-вторых, явилася статья,
Где он клялся́, божился всем на свете,
Что про военных ни...
Не станет он писать в своей газете.
Вот почему про тот скандал
Никто в Европе не узнал.

Читатель, если ты смышлен и малый ловкий,
Из этой басни можешь заключить,
Что иногда кумыс возможно пить,
Но с чувством, с толком, с расстановкой.
А если, как Юрлов, начнешь лупить ведром,
Тогда с удобством в отчий дом
Вернешься шут шутом.

Конец 1860-х — начало 1870-х годов?

---

[1] Пенсне (фр.).— *Ред.*

281. В. А. ВИЛЛАМОВУ

Ответ на послание

Напрасно дружеским обухом
Меня ты думаешь поднять...
Ну, можно ли с подобным брюхом
Стихи без устали писать?
Мне жить приятней неизвестным,
Я свой покой ценю как рай...
Не называй меня небесным
И у земли не отнимай!

Апрель 1870

282

Почтенный Оливье, побрив меня, сказал:
«Мне жаль моих французов бедных —
В министры им меня Господь послал
И Трубникова дал наместо труб победных».

1870

283. В. А. ЖЕДРИНСКОМУ

С тобой размеры изучая,
Я думал, каждому из нас
Судьба назначена иная:
Ты ярко блещешь, я угас.

Твои за жизнь напрасны страхи,
Пускайся крепче и бодрей,
То развернись, как амфибрахий,
То вдруг сожмися, как хорей.

Мои же дни темны и тихи.
В своей застрявши скорлупе,
И я плетуся, как пиррихий,
К чужой примазавшись стопе.

1871
Киев

284. КАРЛСБАДСКАЯ МОЛИТВА

О Боже! Ты, который зришь
Нас, прихожан сей церкви светской,
Молитву русскую услышь,
Хотя и в стороне немецкой!
Молитва будет та тепла,
Молю тебя не о Синоде...
Молю, чтоб главный бич в природе —
Холера — далее ушла.
Молю, чтоб судьи мировые,
Забыв обычаи былые
И на свидетеля не злясь
За то, что граф он или князь,
Свой суд по совести творили...
Чтоб даже, спрятав лишний гром,
И генерала не казнили
За то, что чин такой на нем.
Чтоб семинарий нигилисты
И канцелярий коммунисты —
Маратов модная семья —
Скорее дождались отставки,
Чтоб на Руси Феликса Пья
Напоминали разве пьявки...
Чтобы журнальный Оффенбах,
Катков — столь чтимый всей Москвою,
Забывши к немцам прежний страх,
Не трепетал пред колбасою!
Чтобы в течение зимы,
Пленясь победою германской,
В солдаты не попали мы
По силе грамоты дворянской...
К пенатам возвратясь своим,
Чтоб каждый был здоров и статен
И чтоб отечественный дым
Нам был действительно приятен.

Июнь 1871

285. ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНИЯ М. Н. ЛОНГИНОВА УПРАВЛЯЮЩИМ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Ниспослан некий вождь на пишущую братью,
Быв губернатором немного лет в Орле...
Актера я знавал... Он тоже был Варле...
Но управлять ему не довелось печатью.

1871

286. ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ ПЕТРА ПЕРВОГО

Двести лет тому назад
Соизволил царь родиться...
Раз, приехавши в Карлсбад,
Вздумал шпруделя напиться.
Двадцать восемь кружек в ряд
В глотку царственную влились...
Вот как русские лечились
Двести лет тому назад.

Много натворив чудес,
Он процарствовал счастливо..
«Борода не curgemäss [1]»,—
Раз решил за кружкой пива.
С треском бороды летят...
Пытки, казни... Все в смятенье!..
Так вводилось просвещенье
Двести лет тому назад!

А сегодня в храм святой,
Незлопамятны, смиренны,
Валят русские толпой
И, коленопреклоненны,
Все в слезах, благодарят
Вседержителя благого,
Что послал царя такого
Двести лет тому назад.

30 мая 1872
Карлсбад

[1] Не по-придворному (нем.).— *Ред.*

287. ЗЛОПАМЯТНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

Петр Первый не любил попов. Построив Питер,
Он патриарха сократил...
Чрез двести лет ему Кустодиев-пресвитер
Своею речью всё отмстил.

30 мая 1872

288. ПРОПОВЕДНИКУ

По всевышней воле Бога
Был твой спич довольно пуст.
Говорнл хотя ты много,
Всё же ты не Златоуст.

30 мая 1872
Карлсбад

289. С. Я. ВЕРИГИНОЙ

Напрасно молоком лечиться ты желаешь,
Поверь, леченье нелегко:
Покуда ты себе питье приготовляешь,
От взгляда твоего прокиснет молоко...

Май или июнь 1872

290. МОЛИТВА БОЛЬНЫХ

От взора твоего пусть киснет шоколад,
Пусть меркнет день, пусть околеет пудель,
Мы молим об одном — не езди ты в Карлсбад,
Боимся убо мы, чтоб не иссякнул шпрудель.

Май или июнь 1872

291. СПОР

Как-то раз пред сонмом важным
Всех Богемских гор
Был со Шпруделем отважным
У Мюльбрунна спор.

«Не пройдет, смотри, и века,—
Говорит Мюльбрунн,—
Как нам всем от человека
Будет карачун.
Богатея год от году
Нашим же добром,
Немец вылижет всю воду
Пополам с жидом.
Уж и так к нам страху мало
Чувствует народ:
Где орел парил, бывало,
Нынче динстман прет!
Где кипел ты, так прекрасен,
Сядет спекулянт,
Берегися: ох опасен
Этот фатерланд».
— «Ну, бояться я не буду,—
Шпрудель отвечал.—
Посмотри, как разом всюду
Немец измельчал.
Из билетов лотерейных
Сшив себе колпак,
В пререканиях семейных
Дремлет австрияк.
Юн летами, сердцем старец,
Важен и блудлив,
Сном глубоким спит баварец,
Вагнера забыв.
Есть одно у немцев имя,
Имя то — Берлин,—
Надо всеми он над ними
Полный господин;
Но и там в чаду канкана
Бранный клич затих...
Лавры Вёрта и Седана
Усыпляют их.
Пруссаку, хоть он всесилен,
Дальше не пойти:
Может ведь durch Gottes willen [1]
Всё произойти...
А кругом, пылая мщеньем
И казной легки,

[1] Боже мой (нем.).— *Ред*

Бродят вечным привиденьем
Прежние князьки;
Остальные боязливо
Спят, покой ценя...
Нет, не немцу с кружкой пива
Покорить меня!»
— «Не хвались еще заране,—
Возразил Мюльбрунн,—
Там, на севере, в тумане...
Посмотри, хвастун!»
Тайно вестию печальной
Шпрудель был смущен
И, плеснув, на север дальний
Взоры кинул он.
И тогда в недоуменье
Смотрит, полный дум,
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум:
От Саратова от града
По чугунке в ряд
Вплоть до самого Карлсбада
Поезда летят.
Устраняя все препоны,
Быстры, как стрела,
Стройно катятся вагоны,
Коим нет числа.
В каждом по два адъютанта,
Флаги и шатры,
Для служанок «Элефанта»
Ценные дары.
Маркитантки, офицеры
Сели по чинам,
Разных наций кавалеры,
Губернатор сам.
И, зубря устав военный,
Зазубрив мечи,
Из Зубриловки почтенной
Едут усачи...
И, испытанный трудами
Жизни кочевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой...
И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,

Къ моему портрету

„Жизнь пережить — не поле перейти"...
Да, правда: жизнь скучна и каждый день скучнѣе..
Но грустно до того сознанiе дойти,
Что поле перейти все-таки труднѣе!

А. Апухтинъ

31 марта
1887

Шпрудель стал считать угрюмо —
И не счел врагов.
«Может быть, свершится чудо,
Стану высыхать...—
Прошептал он.— А покуда
Дам себя я знать!»
И, кипя в налитой кружке,
Грозен и велик,
Он ганноверской старушке
Обварил язык.

14 июля 1872

292

«Жизнь пережить — не поле перейти!»
Да, правда: жизнь скучна и каждый день скучнее;
Но грустно до того сознания дойти,
Что поле перейти мне все-таки труднее!

1874

293. ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Антракт. В театре тишина,
Ни вызовов, ни гула,
Вся зала в сон погружена,
И часть певцов заснула.
Вот я зачем спешил домой,
Покинув Рим счастливый!
На что тут годен голос мой:
Одни речитативы!
Но петь в отчизне долг велит...
О Шашина родная!
Какое сердце не дрожит,
Тебя воспоминая!

Хвала вам, чада новых лет,
Родной страны Орфеи,
Что мните через менуэт
Распространять идеи!
Кого я вижу? Это ты ль,
О муж великий, Стасов,

Постигший византийский стиль,
Знаток иконостасов?
Ты — музыкальный генерал,
Муж слова и совета,
Но сам отнюдь не сочинял...
Хвала тебе за это!

Ты, Ко́рсаков, в ведомостях
Прославленный маэстро,
Ты впрямь Садко: во всех садках
Начальник ты оркестра! [1]
Ты, Мусоргский, посредством нот
Расскажешь всё на свете:
Как петли шьют, как гриб растет,
Как в детской плачут дети.
Ты Годунова доконал —
И поделом злодею!
Зачем младенца умерщвлял?
Винить тебя не смею!

Но кто сей Цезарь, сей Кюи?
Он стал фельетонистом,
Он мечет грозные статьи
На радость гимназистам.
Он, как Ратклиф, наводит страх,
Ничто ему Бетховен,
И даже престарелый Бах
Бывал пред ним виновен.
И к русским мало в нем любви:
О, сколько им побитых!
Зачем, Эдвардс, твой меч в крови
Сограждан знаменитых?
Ты, Афанасьев, молодец,
И Кашперов наш «грозный...»,
И Фитингоф, Мазепы льстец,—
Вам дань хвалы серьезной!
О Сантис, ты попал впросак:
Здесь опера не чудо,
В страну, где действовал Ермак,
Тебе б уйти не худо!
О Бородин, тебя страна
Внесла в свои скрижали:

[1] Намек на то, что Корсаков был назначен начальником всех морских оркестров.

Недаром день Бородина
Мы тризной поминали!

О Рубинштеин! Ты подчас
Задать способен жару:
Боюсь, твой Демон сгубит нас,
Как уж сгубил Тамару!
Не голос будет наш страдать,
А больше поясница:
Легко ль по воздуху летать? [1]
Ведь баритон не птица!
Но ты века переживешь,
Враги твои — дубины;
Нам это доказал Ларош,
Создатель «Кармозины»!

И ты, Чайковский! Говорят,
Что оперу ты ставишь,
В которой вовсе невпопад
Нас в кузне петь заставишь!
Погибнет в ней певца талант,
Оглохнем мы от гула:
Добро б «кузнечик-музыкант»,
А то — «Кузнец Вакула»!
Не обездоль нас, Петр Ильич,
Ведь нас прогонят взáшей:
Дохода нет у нас «опричь»
Того, что в глотке нашей!

Пока же, други, исполать
Воскликнем дружно снова,
И снова будем мирно спать
Под звуки «Годунова».
Один ты бодрствуешь за всех,
Наш капитан-исправник,
По темпу немец, родом чех,
Душою росс — Направник!
Подвластны все тебе, герой:
Контральто, бас, сопрано,
Смычок, рожок, труба, гобой.
Ура! Опоковано!

1875

---

[1] При постановке «Демона» говорили, что А. Г. Рубинштейн хотел, чтобы Демон всё время летал на воздухе.

294

Стремяся в Рыбницу душою,
Но сомневаясь, там ли Вы,
Я — в Киеве одной ногою,
Другой — хватаю до Москвы.

И в этой позе, столь мне новой,
Не знаю, что мне предпринять:
Свершить набег на Пирожково
Иль пирожки Масью [1] глотать.

О, сжальтесь, сжальтесь надо мною
И напишите, как мне быть:
Когда не только мне душою,
Но телом в Рыбницу прибыть?

Начало 1870-х годов?

295

Твердят, что новь родит сторицей,
Но, видно, стары семена
Иль пересохли за границей:
В романе «НОВЬ» — полынь одна!

1877?

296. М. Д. ЖЕДРИНСКОЙ

Всю ночь над домом, сном объятым,
Свирепо ветер завывал,
Гроза ревела... Я не спал
И грома бешеным раскатам
С ожесточением внимал.

Но гнев разнузданной стихии
Не устрашал души моей:
Вчера познали мы ясней,
Что есть опасности иные,
Что глупость молнии страшней!

---

[1] Кондитер в Киеве.

Покорен благостным законам
И не жесток природы строй...
Что значит бури грозный вой
Перед безмозглым Ларионом
И столь же глупой пристяжной?!

25 июня 1879

297. ЭПИГРАММА

Тимашев мне — ni froid, ni chaud,[1]
Я в ум его не верю слепо:
Он, правда, *лепит* хорошо,
Но министерствует *нелепо*.

1870-е годы

298. ПО СЛУЧАЮ ПАДЕНИЯ КНЯЗЯ СУВОРОВА С ЛОШАДИ В НИЦЦЕ

Как сражены мы этим слухом,
Наш Италийский генерал:
Там, где твой дед не падал духом,
Ты даже с лошади упал...

1870-е годы?

299. К НАЗНАЧЕНИЮ В. К. ПЛЕВЕ

Знать, в господнем гневе
Суждено быть тако:
В Петербурге — Плеве,
А в Москве — Плевако!

Между 1881 и 1884

300. АЛ. В. ПАНАЕВОЙ

Отец ваш объяснял нам тайны мирозданья,
Не мудрено, что с ними он знаком:
Он создал целый мир чудес и обаянья,
Вы этот мир... Что толку нам в другом?

[1] Ни холодно ни жарко (фр.).— *Ред.*

Счастливец! Этот мир без помощи науки
Он наблюдал и видел много раз,
Как под влиянием любви иль тайной муки
Электры сыпались из ваших милых глаз...
Когда же запоете вы, толпами
Стихии отдадут себя в покорный плен,
И даже я воскресну — вами
Одушевленный «барожен»!

10 апреля 1882

301. НАДПИСЬ НА СВОЕМ ПОРТРЕТЕ

Взглянув на этот отощавший профиль,
Ты можешь с гордостью сказать:
«Недаром я водил его гулять
И отнимал за завтраком картофель».

22 марта 1884

302

Поведай нам, счастливый Кони,
Зачем судебные так кони
Тебя наверх выносят быстро —
Один прыжок ведь до министра!
Скажи, ужель в такой карьере
Обязан ты прекрасной «вере»?
Парис таинственной Елены,
Счастливый путь... Российской сцены
Запас чудес велик, как видно,—
Кому смешно, кому обидно,
Но под луной ничто не ново,
И все довольны на Садовой.

Февраль 1885

303. ПОСЛАНИЕ
ГРАФУ А. Н. ГРАББЕ ВО ВРЕМЯ ЕГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ НА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ЯХТЕ «ТАМАРА»

Княжна Тамара, дочь Гудала,
Лишившись рано жениха,
Простой монахинею стала,
Но не спаслася от греха.

К ней по причине неизвестной
Явился демон — враг небес —
И пред грузинкою прелестной
Рассыпался как мелкий бес.
Она боролась, уступая,
И пала, выбившись из сил...
За это ангел двери рая
Пред ней любезно растворил.

Не такова твоя «Тамара»:
С запасом воли и труда
Она вокруг земного шара
Идет бесстрастна и горда;
Живет средь бурь, среди тумана
И, русской чести верный страж,
Несет чрез бездны океана
Свой симпатичный экипаж.
Британский демон злобой черной
Не нанесет ущерба ей
И речью льстивой и притворной
Не усыпит ее очей.
Ей рай отчизны часто снится,
И в этот рай — душой светла —
Она по праву возвратится
И непорочна, и цела.

12 декабря 1890

304. В ПАРИЖЕ БЫЛ СКАНДАЛ ОГРОМНЫЙ...

В Париже был скандал огромный:
В отставку подал Кабинет,
А в Петербурге кризис скромный:
Отставлен только Гюббенет.
Там ждут серьезную развязку,
У нас же — мирный фестивал:
Путейцы дали пышный бал,
И даже экзекутор пляску
Святого Витте проплясал.

1892

305. П. ЧАЙКОВСКОМУ

К отъезду музыканта-друга
Мой стих минорный тон берет,
И нашей старой дружбы фуга,
Всё развиваяся, растет...

Мы увертюру жизни бурной
Сыграли вместе до конца,
Грядущей славы марш бравурный
Нам рано волновал сердца,—

В свои мы верили таланты,
Делились массой чувств, идей...
И был ты вроде доминанты
В аккордах юности моей.

Увы, та песня отзвучала,
Иным я звукам отдался,
Я детонировал немало
И с диссонансами сжился,—

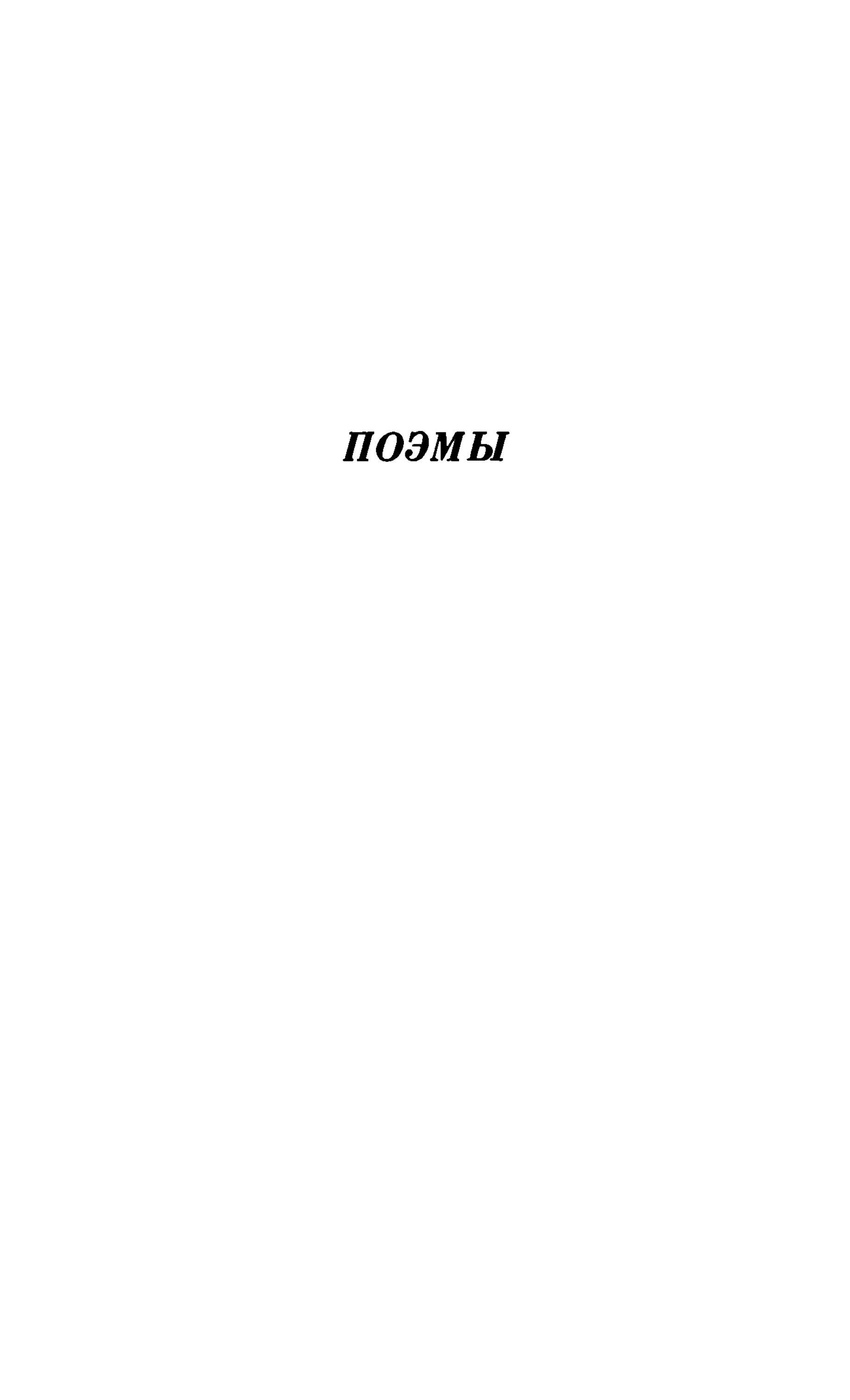
Давно без счастья и без дела
Дары небес я растерял,
Мне жизнь, как гамма, надоела,
И близок, близок мой финал...

Но ты — когда для жизни вечной
Меня зароют под землей,—
Ты в нотах памяти сердечной
Не ставь бекара предо мной.

1893

306

Удивляюсь Андрею Катенину:
По капризу ли женину
Иль душевного ради спасения
Он такого искал помещения?
Хоть устанут на лестнице ноженьки,
А всё как-то поближе им к Боженьке,
А то, может, бедняжечки — нищие?..
Нет, питаются вкусною пищею
И в Орле покупают имение
Тем не менее.

ПОЭМЫ

307. ИЗ ПОЭМЫ «ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК»

1

Малыгин родился́ в глуши степной,
На бледный север вовсе не похожей,
Разнообразной, пестрой и живой.
Отца не знал он, матери он тоже
Лишился рано... но едва-едва,
Как дивный сон, как звук волшебной сказки,
Он помнил чьи-то пламенные ласки
И нежные любимые слова.
Он помнил, что неведомая сила
Его к какой-то женщине влекла,
Что вечером она его крестила,
И голову к нему на грудь клонила,
И долго оторваться не могла;
И что однажды, в тихий вечер мая,
Когда в расцвете нежилась весна,
Она лежала, глаз не открывая,
Как мрамор неподвижна и бледна;
Он помнил, как дьячки псалтырь читали,
Как плакал он и как в тот грозный час
Под окнами цветы благоухали,
Жужжа из окон пчелы вылетали
И чья-то песня громкая неслась.
Потом он жил у старой, строгой тетки,
Пред образом святителя Петра
Молившейся с утра и до утра
И с важностью перебиравшей четки.
И мальчик стал неловок, нелюдим,
Акафисты читал ей ежедневно,

И, чуть запнется, слышит, как над ним
Уж раздается тетки голос гневный:
«Да что ты, Миша, всё глядишь в окно?»
И Миша, точно, глаз отвесть от сада
Не мог. В саду темнело уж давно,
В окно лилась вечерняя прохлада,
Последний луч заката догорал,
За речкою излучистой краснея...
И, кончив чтенье, тотчас убегал
Он из дому. Широкая аллея
Тянулась вдаль. Оттуда старый дом
Еще казался ста́рей и мрачнее,
Там каждый кустик был ему знаком
И длинные ракиты улыбались
Еще с верхушек... Он дохнуть не смел
И, весь дрожа от радости, глядел,
Как в синем небе звезды загорались...
. . . .
. . . .
. . . .

1860

2

CHANSON À BOIRE[1]

Если измена тебя поразила,
Если тоскуешь ты, плача, любя,
Если в борьбе истощается сила,
Если обида терзает тебя,
Сердце ли рвется,
Ноет ли грудь,—
Пей, пока пьется,
Всё позабудь!

Выпьешь, зайскрится сила во взоре,
Бури, нужда и борьба нипочем...
Старые раны, вчерашнее горе —
Всё обойдется, зальется вином.
Жизнь пронесется
Лучше, скорей,
Пей, пока пьется,
Сил не жалей!

---

[1] Застольная песня (фр.).— *Ред.*

Если ж любим ты и счастлив мечтою,
Годы беспечности мигом пройдут,
В темной могиле, под рыхлой землею
Мысли, и чувства, и ласки замрут.
    Жизнь пронесется
    Счастья быстрей...
    Пей, пока пьется,
    Пей веселей!

Что нам все радости, что наслажденья?
Долго на свете им жить не дано...
Дай нам забвенья, о, только забвенья,
Легкой дремóй отумань нас, вино!
    Сердце ль смеется,
    Ноет ли грудь,—
    Пей, пока пьется,
    Всё позабудь!

1858

308. ИЗ ПОЭМЫ «СЕЛО КОЛОТОВКА»

1

На родине моей картины величавой
Искать напрасно будет взор.
Ни пышных городов, покрытых громкой славой,
Ни цепи живописных гор,—
Нет, только хижины, овраги да осины
Среди желтеющей травы...
И стелются кругом унылые равнины,
Необозримы... и мертвы.

На родине моей не светит просвещенье
Лучами мирными нигде,
Коснеют, мучатся и гибнут поколенья
В бессмысленной вражде,—
Все грезы юности, водя сурово бровью,
Поносит старый сибарит,
А сын на труд отца, добытый часто кровью,
С насмешкою глядит.

На родине моей для женщины печально
Проходят лучшие года,
Весь век живет она рабынею опальной
Под гнетом тяжкого труда;
Богата — ну так будь ты куклою пустою,
Бедна — мученьям нет конца...
И рано старятся под жизнью трудовою
Черты прелестного лица.

На родине моей не слышно громких песен,
Ликующих стихов,—

Как древний Вавилон, наш край угрюм и тесен
Для звуков пламенных певцов.
С погостов да из хат несется песня наша,
Нуждою сложена́,
И льется через край наполненная чаша,
Тоскою жгучею полна.

На родине моей невесело живется
С нуждой и горем пополам;
Умрем — и ничего от нас не остается
На пользу будущим векам.
Всю жизнь одни мечты о счастии, о воле
Среди тупых забот...
И бе́дны те мечты, как бедно наше поле,
Как беден наш народ.

2

Огонек в полусгнившей избенке
Посреди потемневших полей,
Да плетень полусгнивший в сторонке,
Да визгливые стоны грачей,—
Что вы мне так нежданно предстали
В этот час одинокий ночной,
Что вы сердце привычное сжали
Безысходною старой тоской?
Еле дышат усталые кони,
Жмет колеса сыпучий песок,
Словно жду я какой-то погони,
Словно путь мой тяжел и далек!
Огонек в полусгнившей избенке,
Ты мне кажешься плачем больным
По родимой моей по сторонке,
По бездольным по братьям моим.
И зачем я так жадно тоскую,
И зачем мне дорога тяжка?
Видно, въелася в землю родную
Ты, родная кручина-тоска!
Тобой вспахана наша землица,
Тобой строены хата и дом,
Тебя с рожью усталая жница
Подрезает тяжелым серпом;
Ты гнетешь богатырскую силу,
Ты всю жизнь на дороге сидишь,

Вместе с заступом роешь могилу,
Из могилы упреком глядишь.
С молоком ты играешь в ребенке,
С поцелуем ты к юноше льнешь...
Огонек в полусгнившей избенке,
Старых ран не буди, не тревожь!

3

За огоньком другой и третий,
И потянулись избы в ряд...
Собаки воют, плачут дети,
Лучины дымные горят.
Ну, трогай шибче! За рекою
Мне церковь старая видна.
Крестов и насыпей толпою
Она кругом обложена.
. . . .
. . . .

4, 5, 6

. . . .
. . . .

7

Отчего в одиноком мечтанье,
В шуме дня и в ночной тишине,
Ты, погибшее рано созданье,
Стало часто являться ко мне?
Вот как дело печальное было:
Вздумал свадьбу состроить сосед,
Целый день накануне варила
Кухня яства на званый обед.
Ровно в полдень сошлись, повенчали,
И невеста была весела.
Только тетки тайком замечали,
Что бледна она что-то была.
Гости все налицо, разодеты.
Время. Свадебный стынет обед...
Да невеста запряталась где-то.
Ищут, кличут,— нигде ее нет.

Вдруг мальчишка-садовник вбегает,
Босоногий, с лопатой в руке,
И, от страха дрожа, объявляет,
Что «утопла невеста в реке».
Суматоха... Кричат во всю глотку:
«Люди, девушки, в реку, спасать!»
Кто про невод кричит, кто про лодку,
И не знают, с чего им начать.
Через час наконец отыскали,
Принесли, положили на стол.
Тут записка нашлась, и в печали
Безысходной хозяин прочел:
«Вот, papá и maman, на прощанье
Вам последнее слово мое:
Я исполнила ваше желанье,
Так исполню ж теперь и свое!»
Изумлялися все чрезвычайно
И причину сыскать не могли.
И доныне та страшная тайна
Спит безмолвная в недрах земли.
Погрустили родные прилично,
И утешился скоро жених,
И, к людскому страданью привычный,
Позабыл бы давно я о них.
Но зачем же в безмолвном мечтанье,
В шуме дня и в ночной тишине,
Ты, погибшее рано созданье,
Так упорно являешься мне?
Ты лежишь на столе как живая...
На лице изумленье и страх,
И улыбка скривилась немая
На твоих побелевших губах.
И сплетаются травы речные
В волосах и в венчальном венке,
И чернеют следы роковые
На холодной, на бледной руке...
. . . .
. . . .

1864

309. ГОД В МОНАСТЫРЕ

Отрывки из дневника

ПОСВЯЩЕНИЕ

О, возврати мне вновь огонь и вдохновенье,
И светлую любовь недавней старины,
И наших первых встреч счастливое волненье,
И красотой твоей навеянные сны!

Останови на мне чарующие взоры,
Когда-то ласково встречавшие мой стих,
Дай мне услышать вновь былые разговоры,
Доверчивый рассказ надежд и дум твоих.

Опять настрою я ослабленную лиру,
Опять я жить начну, не мучась, но любя,
И пусть погибну я — но на прощанье миру
Хочу я бросить песнь, достойную тебя.

15 ноября

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана,
Полуживой, я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!

16 ноября

Игумен призывал меня. Он важен,
Но обходителен; радушно заявил,
Что я к монастырю уж «приукажен»,
И камилавкою меня благословил.
Затем сказал: «Ты будешь в послушанье
У старца Михаила. Он стоит
Как некий столб меж нас, им наш украшен скит
И он у всех в великом почитанье.
Все помыслы ему ты должен открывать
И исполнять безропотно веленья,
Да снизойдет к тебе господня благодать
И да обрящешь путь спасенья!»

Итак, свершилось: я монах!
И в первый раз в своей одежде новой
Ко всенощной пошел. В ребяческих мечтах
Мне так пленительно звучало это слово,
И раем монастырь казался мне тогда.
Потом я в омут жизни окунулся
И веру потерял... Но вот прошли года —
И к детским грезам снова я вернулся

1 декабря

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесен оградою высокой.
Из башни летом вид чудесный, говорят,
На дальние леса, озера и селенья;
Меж кельями разбросанными — сад,
Где множество цветов и редкие растенья
(Цветами монастырь наш славился давно)
Весной в нем рай земной, но ныне
Глубоким снегом всё занесено,
Всё кажется мне белою пустыней,
И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней.
Направо от ворот, вблизи собора,
Из-за дерев едва видна,
Моя ютится келья в два окна.
Приманки мало в ней для суетного взора:

Дощатая кровать, покрытая ковром,
Два стула кожаных, меж окон стол дубовый
И полка книг церковных над столом;
В киоте лик Христа, на нем венец терновый.

Жизнь монастырская без бурь и без страстей
Мне кажется каким-то сном беспечным.
Не слышу светских фраз, затверженных речей
С их вечной ложью и злословьем вечным,
Не вижу пошлых, злобных лиц...
Одно смущает: недостаток веры,
Но Бог поможет мне: Его любви нет меры
И милосердью нет границ!
Проснувшись, каждый день я к старцу Михаилу
Иду на послушанье в скит.
Ему на вид лет сто, он ходит через силу,
Но взор его сверкает и горит
Глубокой, крепкой верой в Бога
И в душу смотрит пристально и строго.
Вчера сказал он с гневом мне,
Что одержим я духом своеволья
И гордости, подобно сатане;
Потом повел меня в подполье
И показал мне гроб, в котором тридцать лет
Спит, как мертвец, он, саваном одет,
Готовясь к жизни бесконечной...
Я с умилением и горестью сердечной
Смотрел на этот одр унынья и борьбы.
Но старец спит в нем только летом;
Теперь в гробу суровом этом
Хранятся овощи, картофель и грибы.

10 декабря

День знаменательный, и как бы я его
Мог описать, когда бы был поэтом!
По приказанью старца моего
Поехал я рубить дрова с рассветом
В сосновый бор. Я помню, в первый раз
Я проезжал его, томим тяжелой думой;
Октябрьский серый вечер гас,
И лес казался мне могилою угрюмой —
Так был тогда он мрачен и уныл!
Теперь блеснул он мне красою небывалой.

В восторге, как ребенок малый,
Я вежды широко раскрыл.
Покрыта парчевы́м блестящим одеяньем,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать ее боялся я дыханьем.
Деревья стройные, как небеса светлы,
Вели, казалось, в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные, пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда.
И долго я стоял без мыслей и без слов...
Когда же топора впервые звук раздался,
Весь лес заговорил, затопал, засмеялся
Как бы от тысячи невидимых шагов.
А щеки мне щипал мороз сердитый,
И я рубил, рубил, один в глуши лесной...
К полудню возвратился я домой
Усталый, инеем покрытый.
О, никогда, мои друзья,
Так не был весел и доволен я
На ваших сходках монотонных
И на цинических пирах,
На ваших раутах игриво-похоронных,
На ваших скучных пикниках!

12 декабря

Неверие мое меня томит и мучит,
Я слепо верить не могу.
Пусть разум веры враг и нас лукаво учит,
Но нехотя внимаю я врагу.
Увы, заблудшая овца я в божьем стаде...
Наш ризничий — известный Варлаам —
Читал сегодня проповедь об аде.
Подробно, радостно, как будто видел сам,
Описывал, что делается там:
И стоны грешников, молящих о пощаде,
И совести, и глаз, и рук, и ног
Разнообразные страданья...
Я заглушить в душе не мог негодованья.
Ужели правосудный Бог
За краткий миг грехопаденья
Нас мукой вечною казнит?

И вечером побрел я в скит,
Чтоб эти мысли и сомненья
Поведать старцу. Старец Михаил
Отчасти только мне сомненья разрешил.
Он мне сказал, что, верно, с колыбели
Во мне все мысли грешные живут,
Что я смердящий пес и дьявольский сосуд...
Да, помыслы мои успеха не имели!

20 декабря

Увы, меня открыли! Пишет брат,
Что всюду о моем побеге говорят,
Что все смеются до упаду,
Что басней города я стал, к стыду друзей,
И просит прекратить скорей
Мою, как говорит он, «ескападу».
Я басня города! Не всё ли мне равно?
В далекой, ранней юности, бывало,
Боялся я того, что может быть смешно,
Но это чувство скоро миновало.
Теперь, когда с людьми все связи порваны,
Как сами мне они и жалки, и смешны!
Мне дела нет до мненья света,
Но мнение одно хотел бы я узнать...
Что говорит *она*? Впервые слово это
Я заношу в заветную тетрадь...
Ее не на́звал я... но что-то
Кольнуло сердце, как ножом.
Ужель ничем, ничем: ни трудною работой,
Ни долгою молитвой, ни постом
Из сердца вырвать не придется
Воспоминаний роковых?
Оно, как прежде, ими бьется,
Они и в снах, и в помыслах моих,
Смешно же лгать перед самим собою...
Но этих помыслов я старцу не открою!

24 декабря

Восторженный канон Дамаскина́
У всенощной сегодня пели,
И умилением душа была полна,
И чудные слова мне душу разогрели.
«Владыка в древности чудесно спас народ,
Он волны осушил морские...»
О, верю, верю, он и в наши дни придет
И чудеса свершит другие.
О Боже! не народ — последний из людей
Зовет Тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.
О, осуши же их своей могучей дланью!
Как солнцем, освети греховных мыслей тьму...
О, снизойди к ничтожному созданью!
О, помоги неверью моему!

31 декабря

На монастырской башне полночь бьет,
И в бездну падает тяжелый, грустный год.
Я с ним простился тихо, хладнокровно,
Один в своем углу: всё спит в монастыре.
У нас и службы нет церковной,
Здесь Новый год встречают в сентябре.
В миру, бывало, я, в гостиной шумной стоя,
Вел тихий разговор с судьбой наедине.
Молил я счастия — теперь молю покоя...
Чего еще желать, к чему стремиться мне?
А год тому назад... Мы были вместе с нею,
Как будущее нам казалося светло,
Как сердце жгла она улыбкою своею,
Как платье белое к ней шло!

11 января

Сегодня сценою печальной
Весь монастырь взволнован был.
Есть по́слушник у нас, по имени Кирилл.
Пришел он из Сибири дальной
Еще весной и все привлек сердца
Своею кротостью и верой без предела.

Он сын единственный богатого купца,
Но верой пламенной душа его горела
От первых детских лет. Таил он мысль свою,
И вот однажды бросил дом, семью,
Оставивши письмо, что на служенье Богу
Уходит он. Отец и мать
Чуть не сошли с ума; потом его искать
Отправились в безвестную дорогу.
Семь месяцев, влача томительные дни,
По всем монастырям скиталися они.
Вчера с надеждою последней
Приехали сюда, не зная ничего,
И нынче вдруг за раннею обедней
Увидели Кирюшу своего...

Вся братия стояла у собора,
Кирилл молчал, не поднимая взора.
Отец — осанистый, седой как лунь старик —
Степенно начал речь, но стольких впечатлений
Не вынесла душа: он головой поник
И стал пред сыном на колени.
Он заклинал его Христом
Вернуться снова в отчий дом,
Он говорил, как жизнь ему постыла...
«На что богатства мне? Кому их передать?
Кирюша, воротись! Возьмет меня могила —
Опять придешь сюда: тебе недолго ждать!»
Игумен отвечал красноречиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горевать отцу напрасно,
Что сын его избрал благую часть,
Что он грехи отцовские замолит,
Что тяжело идти от света в тьму,
Что, впрочем, он его остаться не неволит:
«Пускай решает сам по сердцу своему!»
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрела то на сына, то на храм,
И зарыдала вдруг, припав к его ногам,
И таял белый снег под жгучими слезами.
Кирилл бледнел, бледнел; в душе его опять,
Казалось, перелом какой-то совершался,
Не выдержал и он: обняв отца и мать,
Заплакал горько... но остался.
Так наша жизнь идет: везде борьба, разлад...

Кого ж ты осудил, о правосудный Боже?
И правы старики, и сын не виноват,
И долгу своему игумен верен тоже...
Как разрешить вопрос? Что радость для одних,
Другим — причина для страданья...
Решать я не могу задач таких...
Но только матери рыданья
Сильней всего звучат в ушах моих!

2 февраля

Второе февраля... О, вечер роковой,
В который всё ушло: моя свобода,
И гордость сердца, и покой...
Бог знает почему — тому назад три года —
Забрел я к ней. Она была больна,
Но приняла меня. До этих пор мы в свете
Встречались часто с ней, и встречи эти
Меня порой лишали сна
И жгли тревогою минутной,
Как бы предчувствием далеким... но пока
В душе то чувство жило смутно,
Как подо льдом живет бурливая река.
Она была больна, ее лицо горело,
И в лихорадочном огне
С такой решимостью, с такой отвагой смелой
Глубокий взор ее скользил по мне!
От белой лампы свет ложился так приветно;
Часы летели. Мы вдвоем,
Шутя, смеясь, болтали обо всем,
И тихий вечер канул незаметно.
А в сердце, как девятый вал,
Могучей страсти пыл и рос и поднимался,
Всё поняла *она*, но я не понимал...
Не помню, как я с ней расстался,
Как вышел я в тумане на крыльцо...
Когда ж немая ночь пахнула мне в лицо,
Я понял, что меня влечет неудержимо
К ее ногам... и в сладком забытьи
Вернулся я домой... о, мимо, мимо,
Воспоминания мои!

7 февраля

Зачем былого пыл тревожный
Ворвался вихрем в жизнь мою
И разбудил неосторожно
В груди дремавшую змею?
Она опять вонзила в сердце жало,
По старым ранам вьется и ползет,
И мучит, мучит, как бывало,
И мне молиться не дает.
А завтра пост. Дрожа от страха,
Впервые исповедь монаха
Я должен Богу принести...
Пошли же, Господи, мне силу на пути,
Дай мне источник слез и чистые восторги,
Вручи мне крепкое копье,
Которым, как святой Георгий,
Я б раздавил прошедшее мое!

9 февраля

(Из великого канона)

Помощник, Покровитель мой!
Явился он ко мне, и я от мук избавлен,
Он Бог мой, славно Он прославлен,
И вознесу Его я скорбною душой.

С чего начну свои оплакивать деянья,
Какое положу начало для рыданья
О грешном, пройденном пути?
Но, милосердый, Ты меня прости!

Душа несчастная! Как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?

Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил,
А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?

От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жалкий расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, Спаситель!

Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо;
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся набожный левит...

Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжалься надо мной!— мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, Отец!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

13 февраля

Труды говения я твердо перенес,
Господь послал мне много теплых слез
И покаянья искреннее слово...
Но нынче — в день причастия святого,—
Когда к часам я шел в собор,
Передо мною женщина входила...
Я задрожал как лист, вся кровь во мне застыла,
О, Боже мой! *она*... Упорный, долгий взор
Ее заставил оглянуться.
Нет, обманулся я. Как мог я обмануться?
И сходства не было: ее походка, рост —
И только... Но с тех пор я исповедь и пост —
Всё позабыл, молиться я не смею,
Покинула меня святая благодать,
Я снова полон только ею,
О ней лишь я могу и думать и писать!
Два месяца безоблачного счастья!
Пусть невозвратно канули они,
Но как не вспомянуть в печальный день ненастья
Про теплые, про солнечные дни?
Потом пошли язвительные споры,
Пошел обидный, мелочный разлад,
Обманов горьких длинный ряд,
Ничем не вызванные ссоры...
В угоду ей я стал рабом,
Я поборол в себе и ревность, и желанья;
Безропотно сносил, когда с моим врагом

Она спешила на свиданье.
Но этим я не мог ее смягчить...
С каким рассчитанным стараньем
Умела мне она всю душу истомить
То жестким словом, то молчаньем!
И часто я хотел ей в сердце заглянуть;
В недоуменье молчаливом
Смотрел я на нее, надеясь что-нибудь
Прочесть в лице ее красивом.
Но я не узнавал в безжалостных чертах
Черты, что были мне так дороги и милы,—
Они в меня вселяли только страх...
Два года я терпел и мучился в цепях,
Но наконец терпеть не стало силы...
Я убежал...
Мне монастырь святой
Казался пристанью надёжной,
Расстаться надо мне и с этою мечтой!
Напрасно переплыл я океан безбрежный,
Напрасно мой челнок от грозных спасся волн,—
На камни острые наткнулся он нежданно,
И хлынула вода, и тонет бедный челн
В виду земли обетованной.

10 марта

Как медленно проходит день за днем,
Как в одиночестве моем
Мне ночи кажутся и долги и унылы!
Всю душу рассказать хотелось бы порой,
Но иноки безмолвны, как могилы...
Как будто чувствуют они, что я *чужой*,
И от меня невольно сторонятся...
Игумен, ризничий боятся,
Что я уйду из их монастыря,
И часто мне читают поученья,
О нуждах братии охотно говоря;
Но речи их звучат без убежденья.
А духовник мой, старец Михаил,
На днях в своем гробу навеки опочил.
Готовясь отойти к неведомому миру,
Он долго говорил о вере, о кресте,
И пел чуть слышным голосом стихиру:
«Не осуди меня, Христе!»

Потом, заметя наше огорченье,
Он нам сказал: «Не страшен смертный час!
Чего вы плачете? То глупость плачет в вас,
Не смерть увижу я, но воскресенье!»
Когда ж в последний раз он стал благословлять,
Какой-то радостью чудесной, неземною
Светился взор его. Да, с верою такою
Легко и жить, и умирать!

3 апреля

Христос воскрес! Природа воскресает,
Бегут, шумят весенние ручьи,
И теплый ветерок и нежит и ласкает
Глаза усталые мои.
Сегодня к старцу Михаилу
Пошел я в скит на свежую могилу.
Чудесный вечер был. Из церкви надо мной
Неслось пасхальное, торжественное пенье,
И пахло ладаном, разрытою землей,
И всё так звало жить, сулило воскресенье!
«О Боже! — думал я.— Зачем томлюсь я тут?
Мне тридцать лет, совсем здоров я телом,
И наслаждение, и труд
Могли бы быть еще моим уделом,
А между тем я жалкий труп душой,
Мне места в мире нет. Давно ли
Я полной жизнью жил и гордо жаждал воли,
Надеялся на счастье и покой?
От тех надежд и тени не осталось,
И призрак юности исчез...»
А в церкви громко раздавалось:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

2 мая

«Она была твоя!»— шептал мне вечер мая,
Дразнила долго песня соловья,
Теперь он замолчал, и эта ночь немая
Мне шепчет вновь: «Она была твоя!»
Как листья тополей в сиянье серебристом,
Мерцает прошлое, погибшее давно;
О нем мне говорят и звезды в небе чистом,
И запах резеды, ворвавшийся в окно.

И некуда бежать, и мучит ночь немая,
Рисуя милые, знакомые черты...
О незабвенная, о вечно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мне: где же ты?
Вот видишь: без тебя мне жить невыносимо,
Я изнемог, я выбился из сил;
Обиды, горе, зло — я всё забыл, простил,
Одна любовь во мне горит неугасимо!
Дай подышать с тобой мне воздухом одним,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А там пускай опять хоть годы заточенья
С могильным холодом своим!

4 мая

Две ночи страшные один, в тоске безгласной,
Не зная отдыха, ни сна,
Я просидел у этого окна.
И третья ночь прошла, чуть брезжит день ненастный,
По небу тучи серые ползут.
Сейчас ударит колокол соборный,
По всем дорожкам сада там и тут
Монахи медленно в своей одежде черной,
Как привидения, идут.
И я туда пойду, попробую забыться,
Попробую унять бушующую страсть,
К ногам Спасителя упасть
И долго плакать и молиться!

28 мая

О Ты, который мне и жизнь, и разум дал,
Которого я с детства чтил душою
И милосердым называл!
В немом отчаянье стою я пред Тобою.
Все наши помыслы и чувства от Тебя.
Мы дышим, движемся, Твоей покорны власти...
Зачем же Ты караешь нас за страсти,
Зачем же мы так мучимся, любя?
И если от греха нам убежать случится,
Он гонится за нами по пятам,
В убогой келье грезою гнездится,
Мечтой врывается в Твой храм.

Вот я пришел к Тебе, измученный, усталый,
Всю веру детских лет в душе своей храня...
Но Ты услышал ли призыв мой запоздалый,
Как сына блудного Ты принял ли меня?
О нет! в дыму кадил, при звуках песнопенья,
Молиться я не мог, и образ роковой
Преследовал, томил, смеялся надо мной...
Теперь я не прошу ни счастья, ни забвенья,
Нет у меня ни сил, ни слез...
Пошли мне смерть, пошли мне смерть скорее!
Чтоб мой язык, в безумье цепенея,
Тебе хулы не произнес,
Чтоб дикий стон последней муки
Не заглушил молитвенный псалом,
Чтоб на себя не наложил я руки
Перед Твоим безмолвным алтарем!

25 сентября

Как на старинного, покинутого друга
Смотрю я на тебя, забытая тетрадь!
Четыре месяца в томлении недуга
Не мог тебе я душу поверять.
За дерзкие слова, за ропот мой греховный
Господь достойно покарал меня:
Раз летом иноки на паперти церковной
Меня нашли с восходом дня
И в келью принесли. Я помню, что сначала
Болезнь меня безжалостно терзала.
То гвоздь несносный, муча по ночам,
В моем мозгу пылавшем шевелился,
То мне казалось, что какой-то храм
С колоннами ко мне на грудь валился,
И горем я, и жаждой был томим.
Потом утихла боль, прошли порывы горя,
И я безгласен, недвижим
Лежал на дне неведомого моря.
Среди туманной, вечной мглы
Я видел только волн движенье,
И были волны те так мягки и теплы,
Так нежило меня прикосновенье
Их тонких струй. Особенно одна
Была хорошая, горячая волна.

Я ждал ее. Я часто издалёка
Следил, как шла она высокою стеной,
И разбивалась надо мной,
И в кровь мою вливалася глубоко.
Нередко пробуждался я от сна,
И жутко было мне, и ночь была черна;
Тогда, невольным страхом полный,
Спешил я вновь забыться сном,
И снова я лежал на дне морском,
И снова вкруг меня катились волны, волны...
Однажды я проснулся, и ясней
Во мне явилося сознанье,
Что я еще живу среди людей
И обречен на прежнее страданье.
Какой тоской заныла грудь,
Как показался мне ужасен мир холодный,
И жадным взором я искал чего-нибудь,
Чтоб прекратить мой век бесплодный.
Вдруг образ матери передо мной предстал,
Давно забытый образ. В колыбели
Меня, казалось, чьи-то руки грели,
И чей-то голос тихо напевал:

«Дитя мое, с тех пор как в гробе тесном
Навек меня зарыли под землей,
Моя душа, живя в краю небесном,
Незримая, везде была с тобой.

Слепая ль страсть твой разум омрачала,
Обида ли терзала в тишине,
Я знала всё, я всё тебе прощала,
Я плакала с тобой наедине.

Когда ж к тебе толпой неслися грезы
И мир дремал, в раздумье погружен,
Я с глаз твоих свевала молча слезы
И тихо улыбалася сквозь сон.

И в этот час одна я видеть смела,
Как сердце разрывается твое...
Но я сама любила и терпела,
Сама жила,— терпи, дитя мое!»

И я терплю и вяну. Дни, недели
Гурьбою скучной пролетели.

Умру ли я, иль нет,— мне всё равно.
Желанья тонут в мертвенном покое,
И равнодушие тупое
В груди осталося одно.

20 октября

Сейчас меня игумен посетил
И объявил мне с видом снисхожденья,
Что я болезнью грех свой искупил
И рясофорного достоин постриженья,
Что, если я произнесу обет,
Мне в мир возврата больше нет.
Он дал мне две недели срока,
Чтоб укрепиться телом и умом,
Чтобы молитвой и постом
Очиститься от скверны и порока.
Не зная, что сказать, в тоске потупя взор,
Я молча выслушал нежданный приговор,
И, настоятеля приняв благословенье,
Шатаясь, проводил до сада я его...
В саду всё было пусто и мертво,
Всё было прах и разрушенье.
Лежал везде туман густою пеленой.
Я долго взором, полным муки,
Смотрел на тополь бедный мой.
Как бы молящие, беспомощные руки,
Он к небу ветви голые простер,
И листья желтые всю землю покрывали —
Симвóл забвенья и печали,
Рукою смерти вытканный ковер!

6 ноября

Последний день свободы, колебанья
Уж занялся над тусклою землей,
В последний раз любви воспоминанья
Насмешливо прощаются со мной.

А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества обет.

Я в божий храм, сияющий огнями,
Войду босой и рубищем одет.

И над душой, как в гробе мирно спящей,
Волной неслышной время протечет,
И к смерти той, суровой, настоящей,
Не будет мне заметен переход.

По темной, узкой лестнице шагая,
С трудом спускался я... Но близок день:
Я встрепенусь и, посох свой роняя,
Сойду одну последнюю ступень.

Засни же, сердце! Молодости милой
Не поминай! Окончена борьба...
О Господи, теперь прости, помилуй
Мятежного, безумного раба!

В тот же день вечером

Она меня зовет! Как с неба гром нежданный
Среди холодного и пасмурного дня,
Пять строк ее письма упали на меня...
Что это? Бред иль сон, несбыточный и странный?
Пять строк всего... но сотни умных книг
Сказали б меньше мне. В груди воскресла сила,
И радость страшная, безумная на миг
Всего меня зажгла и охватила!
О да, безумец я! Что ждет меня? Позор!
Не в силах я обдумывать решенья:
Ей жизнь моя нужна, к чему же размышленья?
Когда уйдет вся братия в собор,
Я накануне постриженья
Отсюда убегу, как вор,
Погоню слышащий, дрожащий под ударом...
А завтра иноки начнут меня судить,
И будет важно им игумен говорить:
«Да, вы его чуждалися недаром!
Как хищный волк он вторгся к нам,
В обитель праведную Божью;
Своей кощунственною ложью
Он осквернил господний храм!»
Нет, верьте: не лгала душа моя больная,
Я оставляю здесь правдивый мой дневник,

И, может быть, хотя мой грех велик,
Меня простите вы, его читая.
А там что ждет меня? Собранье палачей,
Ненужные слова, невольные ошибки,
Врагов коварные улыбки
И шутки плоские друзей.
Довольно неудач и прежде рок суровый
Мне сеял на пути: смешон я в их глазах;
Теперь у них предлог насмешки новый:
Я — неудавшийся монах!
А ты, что скажешь ты, родная, дорогая?
Ты засмеешься ли, заплачешь надо мной
Или, по-прежнему терзая,
Окутаешь себя корою ледяной?
Быть может, вспомнишь ты о счастье позабытом,
И жалость робким, трепетным лучом
Проснется в сердце молодом...
Нет, в этом сердце, для меня закрытом,
Не шевельнется ничего...
Но жизнь моя нужна, разгадка в этом слове —
Возьми ж ее с последней каплей крови,
С последним стоном сердца моего!
Как вольный мученик иду я на мученье,
Тернистый путь не здесь, а там:
Там ждет меня иное отреченье,
Там ждет меня иной, бездушный храм!
Прощай же, тихая, смиренная обитель!
По миру странствуя, тоскуя и любя,
Преступный твой беглец, твой мимолетный житель
Не раз благословит, как родину, тебя!
Прощай, убогая, оплаканная келья,
Где год тому назад с надеждою такой
Справлял я праздник новоселья,
Где думал отдохнуть усталою душой!
Хотелось бы сказать еще мне много, много
Того, что душу жгло сомненьем и тревогой,
Что в этот вечно памятный мне год
Обдумал я в тиши уединенья...
Но некогда писать, мне дороги мгновенья:
Скорее в путь! *Она* меня зовет!

Июль 1883
Рыбница

310. ИЗ БУМАГ ПРОКУРОРА

Классически я жизнь окончу тут.
Я номер взял в гостинице, известной
Тем, что она излюбленный приют
Людей, как я, которым в мире тесно;
Слегка поужинал, спросил
Бутылку хересу, бумаги и чернил
И разбудить себя велел часу в девятом.
Следя прилежно за собой,
Я в зеркало взглянул. В лице, слегка помятом
Бессонными ночами и тоской,
Следов не видно лихорадки.
Рево́львер осмотрел я — всё в порядке...
Теперь пора мне приступить к письму.
Так принято: пред смертью на прощанье
Всегда строчат кому-нибудь посланье...
И я писать готов, не знаю лишь кому.

Писать родным... зачем? Нежданное наследство
Утешит скоро их в утрате дорогой.
Писать товарищам, друзьям, любимым с детства..
Да где они? Нас жизненной волной
Судьба давно навеки разделила,
И будет им, как я, чужда моя могила...
Вот если написать кому-нибудь из них —
Из светских болтунов, приятелей моих,—
О Боже мой, какую я услугу
Им оказать бы мог! Приятель с тем письмом
Перебегать начнет из дома в дом
И расточать хвалы исчезнувшему другу...
Про мой конец он выдумает сам
Какой-нибудь роман в игривом роде

И, забавляя им от скуки мрущих дам,
Неделю целую, пожалуй, будет в моде.
Есть у меня знакомый прокурор
С болезненным лицом и умными глазами...
Случайность странная: нередко между нами
Самоубийц касался разговор.
Он этим делом занят специально,—
Чуть где-нибудь случилася беда,
Уж он сейчас бежит туда
С своей улыбкою печальной
И всё исследует: как, что и почему.
С научной целью напишу ему
О собственном конце отчет подробный...
В статистику его пошлю мой вклад загробный!

«Любезный прокурор, вам интересно знать,
Зачем я кончил жизнь так неприлично?
Сказать по правде, я логично
Вам правоту свою не мог бы доказать,
Но снисхождения достоин я. Когда бы
Вы поручились мне, что я умру...
Ну хоть, положим, завтра ввечеру,
От воспаленья или острой жабы,
Я б терпеливо ждал. Но я совсем здоров
И вовсе не смотрю в могилу;
Могу еще прожить я множество годов,
А жизнь переносить мне больше не под силу,
И, как бы я ее ни жег и ни ломал,
Боюсь: не сузится мой пищевой канал
И не расширится аорта...
А потому я смерть избрал иного сорта.

Я жил, как многие, как все почти живут
Из круга нашего,— я жил для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый труд
Мне незнаком был с самого рожденья.
Но с отроческих лет я начал в жизнь вникать,
В людские действия, их цели и причины,
И стерлась детской веры благодать,
Как бледной краски след с неконченной картины.
Когда ж при свете разума и книг
Мне в даль веков пришлося углубиться,
Я человечество столь гордое постиг,
Но не постиг того, чем так ему гордиться.

Близ солнца, на одной из маленьких планет
Живет двуногий зверь некрупного сложенья,
Живет сравнительно еще немного лет
И думает, что он венец творенья,
Что все сокровища еще безвестных стран
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него горят небесные светила,
Что для него ревет в час бури океан.
И борется зверек с судьбой насколько можно,
Хлопочет день и ночь о счастии своем,
С расчетом на века устраивает дом...
Но ветер на него пахнул неосторожно —
И нет его... пропал и след...
И, умирая, он не знает,
Зачем явился он на свет,
К чему он жил, куда он исчезает.
При этой краткости житейского пути,
В таком убожестве неведенья, бессилья
Должны бы спутники соединить усилья
И дружно общий крест нести...
Нет, люди — эти бедные микробы —
Друг с другом борются, полны
Нелепой зависти и злобы.
Им слезы ближнего нужны,
Чтоб жизнью наслаждаться вдвое,
Им больше горя нет, как счастие чужое!
Властители, рабы, народы, племена —
Все дышат лишь враждой, и все стоят на страже...
Куда ни посмотри, везде одна и та же
Упорная, безумная война!
Невыносимо жить!
Я вижу: с нетерпеньем
Послание мое вы прочитали вновь
И прокурорский взор туманится сомненьем...
«Нет, это всё не то, тут, верно, есть любовь...»
Так режиссер в молчанье строгом
За ролью новичка следит из-за кулис...
«Ищите женщину»— ведь это ваш девиз?
Вы правы, вы нашли. А я — клянуся Богом,—
Я не искал ее. Нежданная, она
Явилась предо мной, и так же, как начало,
Негадан был конец... Но вам сознанья мало,
Вам исповедь подробная нужна.
Хотите имя знать? Хотите номер дома,

Иль цвет ее волос? Не всё ли вам равно?
Поверьте мне: она вам незнакома
И наш угрюмый край покинула давно.

О, где теперь она? В какой стране далекой
Красуется ее спокойное чело?
Где ты, мой грозный бич, каравший так жестоко,
Где ты, мой светлый луч, ласкавший так тепло?

Давно потух огонь, давно угасли страсти,
Как сон, пропали дни страданий и тревог...
Но выйти из твоей неотразимой власти,
Но позабыть тебя я все-таки не мог!

И если б ты сюда вошла в мой час последний,
Как прежде гордая, без речи о любви,
И прошептала мне: «Оставь пустые бредни,
Забудем прошлое, я так хочу, живи!»

О, даже и теперь я счастия слезами
Ответил бы на зов души твоей родной
И, как послушный раб, опять, гремя цепями,
Не зная сам куда, побрел бы за тобой...

Но нет, ты не войдешь. Из мрака ледяного
В меня не брызнет свет от взора твоего,
И звуки голоса, когда-то дорогого,
Не вырвут, не спасут, не скажут ничего.

Однако я вдался в лиризм... Некстати!
Смешно элегию писать перед концом...
А впрочем, я пишу не для печати,
И лучше кончить дни стихом,
Чем жизни подводить печальные итоги...
Да, если б вспомнил я обид бесцельных ряд
И тайной клеветы всегда могучий яд,
Все дни, прожитые в мучительной тревоге,
Все ночи, проведенные в слезах,
Все то, чем я обязан людям-братьям,—
Я разразился бы на жизнь таким проклятьем,
Что содрогнуться б мог создатель в небесах!
Но я не так воспитан, уваженье
Привык иметь к предметам я святым
И, не ропща на провиденье,
Почтительно склоняюся пред Ним.

В какую рубрику меня вы поместите?
Кто виноват? Любовь, наука или сплин?
Но если б не нашли разумных вы причин,
То всё же моего поступка не сочтите
За легкомысленный порыв.
Я даже помню день, когда, весь мир забыв,
Читал и жег я строки дорогие
И мысль покончить жизнь явилась мне впервые
Тогда во мне самом всё было сожжено,
Разбито, попрано... И, смутная сначала,
Та мысль в больное сердце, как зерно
На почву благодарную, упала.
Она таилася на самом дне души,
Под грудой тлеющего пепла;
Среди тяжелых дум она в ночной тиши
Сознательно сложилась и окрепла...
О, посмотрите же кругом!
Не я один ищу спасения в покое,—
В эпоху общего унынья мы живем.
Какое-то поветрие больное —
Зараза нравственной чумы —
Над нами носится, и ловит, и тревожит
Порабощенные умы.
И в этой самой комнате, быть может,
Такие же, как я, изгнанники земли
Последние часы раздумья провели.
Их лица бледные, дрожа от смертной муки,
Мелькают предо мной в зловещей тишине,
Окровавлéнные, блуждающие руки
Они из недр земли протягивают мне...
Они преступники. Они без позволенья
Ушли в безвестный путь из пристани земной...
Но обвинять ли их? Винить ли жизни строй,
Бессмысленный и злой, не знающий прощенья?
Как опытный и сведущий юрист,
Все степени вины обсудите вы здраво.
Вот застрелился гимназист,
Не выдержав экзамена... Он, право,
Не меньше виноват. С платформы под вагон
Прыгнýл седой банкир, сыгравший неудачно;
Повесился бедняк затем, что жил невзрачно,
Что жизни благами не пользовался он...
О, эти блага жизни... С наслажденьем
Я б отдал их за жизнь лишений и труда...

Но только б мне забыть прожитые года,
Но только бы я мог смотреть не с отвращеньем,
А с теплой верой детских дней
На лица злобные людей.

Не думайте, чтоб я, судя их строго,
Себя считал умней и лучше много,
Чтоб я несчастный мой конец
Другим хотел поставить в образец.
Я не ряжуся в мантию героя,
И верьте, что мучительно весь век
Я презирал себя. Что я такое?
Я просто жалкий, слабый человек
И, может быть, слегка больной — душевно.
Вам это лучше знать. Вы часто, ежедневно
Субъектов видите таких,—
Сравните, что у вас написано о них,
И, к сведенью приняв науки указанья,
Постановите приговор.
Прощайте же, любезный прокурор...
Жаль, не могу сказать вам: до свиданья».

Письмо окончено, и выпита до дна
Бутылка скверного вина.
Я отворил окно. На улицы пустые
Громадой черною смотрели облака.
Осенний ветер дул, и капли дождевые
Лениво падали, как слезы старика.
Потухли фонари. Казалось, поневоле
Веселый город наш в холодной мгле уснул
И замер вдалеке последних дрожек гул.
Так час прошел, иль два, а может быть, и боле...
Не знаю. Вдруг в безмолвии ночном
Отчетливо, протяжно и тоскливо
Раздался дальний свист локомотива...
О, этот звук давно уж мне знаком!
В часы бессонницы до бешенства, до злости,
Бывало, он терзал меня,
Напоминая близость дня...
Кто с этим поездом к нам едет? Что за гости?
Рабочие, конечно, бедный люд...
Из дальних деревень они сюда везут
Здоровье, бодрость, силы молодые,
И всё оставят здесь...

Поля мои родные!
И я, увы! не в добрый час
Для призраков пустых когда-то бросил вас.
Мне кажется, что там, в далеком старом доме,
Я мог бы жить еще...
Июльский день затих.
Избавившись от всех трудов дневных,
Я вышел в радостной истоме
На покривившийся балкон.
Перед балконом старый клен
Раскинул ветви, ярко зеленея,
И пышных лип широкая аллея
Ведет в заглохший сад. В вечерней тишине
Не шелохнется лист, цветы блестят росою,
И запах сена с песней удалою
Из-за реки доносятся ко мне.
Вот легкий шум шагов. Вдали, платком махая,
Идет ко мне жена... О нет, не та — другая:
Простая, кроткая, и дети жмутся к ней...
Детей побольше, маленьких детей!
За липы спрятался последний луч заката,
Тепла немая ночь. Вот ужин, а потом
Беседа тихая, Бетховена соната,
Прогулка пó саду вдвоем,
И крепкий сон до нового рассвета...
И так, вдали от суетного света,
Летели б дни и годы без числа...
О, Боже мой! Стучат... Ужели ночь прошла?
Да, тусклый, мокрый день сурово
Глядит в окно. Что ж, разве отворить?
Попробовать еще по-новому пожить?
Нет, тяжело! Увидеть снова
Толпу противных лиц со злобою в глазах,
И уши длинные на плоских головах,
И этот наглый взгляд, предательский и лживый...
Услышать снова хор фальшивый
Тупых, затверженных речей...
Нет, ни за что! Опять стучат... Скорей!
Пусть мой последний стих, как я, бобыль ненужный,
Останется без рифмы...

Октябрь 1888
Санкт-Петербург

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

311. КНЯЗЬ ТАВРИЧЕСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь Таврический.
Графиня Браницкая, рожденная Энгельгардт, его племянница.
Бауер, полковник.
Юзевич, секретарь графини Браницкой.

Сцена первая

В Яссах, в квартире князя Таврического
Бауер и Юзевич.

Юзевич

Ну, наконец, вы с нами, пан полковник,
А мы вас ждали, ждали...

Бауер

В Петербурге
Меня князь Зубов задержал.

Юзевич

Без вас
Так было скучно, мы вас все так любим.

Бауер

Спасибо, пан Юзевич. Комплименты
Оставим, времени у нас немного,
Да и застать нас могут.

(Осматривает дверь.)

Вот в чем дело:
Князь Зубов вас велел благодарить
За ваши донесения, он их
Внимательно прочел. Из этих писем
С прискорбием он видит, что светлейший
К нему не так расположён, как прежде,
И, чтобы вновь его приворожить,
Он шлет вам это зелье. Вы его
Когда-нибудь в удобную минуту
Подсыплете светлейшему в питье.
Вы тронуты таким доверьем князя?
Возьмите ж пузырек.

Юзевич

Как, всыпать... мне?
Да где же мне? Клянусь, я не посмею.

Бауер

Чтоб смелости придать вам и уменья,
Князь посылает этот кошелек:
Исполнивши, как следует, приказ,
Получите вы втрое...

Юзевич

Свент [1] Антоний!
За что ко мне так добр ясновельможный?

Бауер

Людей он знает и заслуги ценит.

Юзевич

Так, пан полковник, но еще скажите,
Не будет ли светлейшему вреда
От зелья этого?

Бауер

Вреда не будет.

Юзевич

О, если так, исполню я охотно.

---

[1] Святой (польск.).— *Ред.*

Сцена вторая

Ночь. Глухая степь. Шалаш из дротиков. Рядом с шалашом отпряженный дормез и повозка. Внутри шалаша куча соломы, на которой лежит князь Таврический. Возле него на коленях стоит графиня Браницкая. Поодаль стоят Бауер и Юзевич.

Кн. Таврический

Всё кончено. Пора, давно пора
С усталых плеч наряд негодный сбросить.
Он для меня был ветх уже и тесен...
Ты, Саша, здесь?

Гр. Браницкая

Здесь, дядюшка. Напрасно
Ты мыслями печальными томишься.
За доктором уехал верховой,
И к у́тру ты поправишься.

Кн. Таврический

Нет, поздно...
Я чую смерть, мне холодно и жутко.
Послушай, Саша, сядь ко мне поближе,
Вот так, и руку дай в последний раз.
Всю жизнь ты другом верным мне была,
И от тебя я тайны не имею.
Да, жаль, что не могу я год один
Еще прожить, один лишь год, и — баста!
Всю зиму я готовил бы солдат
Без маршировок, без косичек, пудры,
Без всех нелепых гатчинских затей,—
Я в них вселил бы дух героев древних
И с первою весеннею зарею
Пошел бы с ними прямо на Царьград.
Великое б тогда свершилось дело!
Подумаешь — кружится голова.
Какой триумф, какая колесница!
Султан в плену, враги мои во прахе.
А может быть, и скипетр и корона...

Гр. Браницкая

(с испугом)

Довольно, князь!
(Обращаясь к Бауеру и Юзевичу)

Не слушайте: он бредит

(К князю)

Мы не одни, опомнися, светлейший!

Кн. Таврический

Да, бредил я, и бред тот был мне сладок.
А впрочем, я могу свободно бредить.
Уж я — не князь, я больше не светлейший,
Я — перст, я — прах, я — только человек.
О Господи! Зачем ты дал мне разум?
Ты в душу мне вложил любовь и гордость,
Ты дал мне власть и упоенье властью.
Ты всё мне дал, чтоб разом всё отнять.
Вот я теперь могу дышать, молиться,
И чувствую, и мыслю, и ропщу,
А завтра то, что мыслило, роптало,
Безжизненным, негодным трупом будет!
О Господи! Почто ж мятемся всуе?
Зачем мы жизнь, столь полную невзгод,
Столь краткую и немощную жизнь,
Еще враждой пятнаем безрассудной?
О, сколько крови пролил я невинной!
Из-за чего? Из-за пустого блеска,
Похвал мишурных, славы мимолетной!
Вот, вот они, очаковские тени!
Их раны вновь раскрылися, их лица
Предсмертною тоской искажены!
«Отдай нам жизнь! — кричат они мне в ухо.—
Когда б не ты, мы и теперь бы жили!»
О Господи! Прости мне ропот грешный,
Ты в благости могилу нам послал,
Гоненьям злобы, совести упрекам —
Всему конец в могиле этой темной!
Где Бауер? Здесь ты, зубовский клеврет?

Бауер

Я счастие имею состоять
При вашей светлости.

Кн. Таврический

Да знаю, знаю:
При мне ты состоишь, ему ты служишь.
Из гордости тебя не раздавил я.

Не в этом дело. Милостивец твой,
Узнав, что я в могиле, возликует.
Скажи ему, что радость недолга,
Что близок день — день черный для России:
Бессмертная умрет Екатерина!
Когда в столицу вступит новый царь
И гатчинцы с косичками смешными
Затопчут грязью залы Эрмитажа,
Тогда что́ скажешь, жалкий фаворит?
Как побледнеешь ты в своих чертогах,
Как выпадут из рук твоих румяны,
Каким безумным страхом исказится
Красивое и пошлое лицо,
И как в тот час я буду спать глубоко
Для поздней злобы их недосягаем!

(Минута молчания.)

Мне холодно, покройте ноги шубой...
Еще, еще, кругом... Родная, где ты?
Согрей меня, согрей своим дыханьем,
Как некогда, давно, когда в Смоленске
Баюкала ты Гришу своего!
Что это? Ружей залп? В атаку, братцы!

(Приподнимается.)

Но где же я? Вот Царское Село,
Вот лебеди по озеру плывут,
И ты опять со мной, моя царица!
Но ты в слезах? Тебя гневит Мамонов?
Ах, матушка, да плюнь ты на него!
Долой их всех, ласкателей негодных,
Изнеженных, бездушных фаворитов!
Они тебе изменят, продадут,
Они и полюбить-то не умеют,—
Чины им любы, да кресты, да деньги;
Ты и без них счастливо проживешь.
Ну, сто́ит ли тебя вся эта сволочь —
Душонки девок в золотых мундирах?
А если в сердце есть любви избыток —
Вот пред тобой отечество твое.
Люби его всем пылом женской страсти,
Отдай все помыслы и чувства.
Ты не одна, рука моя с тобою;
Она крепка, не дрогнет, не изменит,

Я за тебя всю кровь свою пролью,
Я окружу престол твой громкой славой,
Такою славой, что в веках позднейших
Тебя потомство чтить не перестанет.
Я покажу...

(Схватывается за грудь и падает.)

Гр. Браницкая

Он в забытьи, не дышит.
Проснись, очнись! Всё кончено! О Боже!

(Бросается с рыданьем на труп.)

Бауер

(в глубокой задумчивости)

Das war ein Mensch! [1]

Юзевич

(с испугом смотря на труп)

О, барзо велький пан! [2]

1870-е годы

---

[1] Это был человек! (нем.) — *Ред.*
[2] О, величайший муж! (польск.) — *Ред.*

ПЕРЕВОДЫ. ПОДРАЖАНИЯ

С немецкого

312. СЕРЕНАДА ШУБЕРТА

Ночь уносит голос страстный,
Блнзок день труда...
О, не медли, друг прекрасный,
О, придн сюда!

Здесь свежо росы дыханье,
Звучен плеск ручья,
Здесь так полны обаянья
Песни соловья!

И так внятны в этом пенье,
В этот час любви,
Все рыданья, все мученья,
Все мольбы мои!

11 сентября 1857

313. ИЗ ШИЛЛЕРА

Чуден был он, точно ангел рая,
Красотою кто б сравнился с ним?
Взор его — как луч от солнца мая,
Отраженный морем голубым.

Поцелуи — сладкие мгновенья!
Как на пламя — пламя набежит,
Как двух арф согласное стремленье,
Полное гармонии, звучит.

Так текли, стремились чувства, пламенея,
Губы, щеки наклоненными
Искрились, дрожали; свет и небо, млея,
Проносились над влюбленными.

Нет его! Напрасно, о, напрасно
Вслед ему звучал пугливый стон...
Нет его — и жизни сон прекрасный
Только в плач ненужный превращен.

15 июля 1858

314. ИЗ ЛЕНАУ

Вечер бурный и дождливый
Гаснет... Всё молчит кругом.
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый...
Слезы жгучие тоски —
Лейтесь, лейтесь... Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечера звезда.

21 ноября 1858

315. ИЗ ГЕЙНЕ

Меня вы терзали, томили,
Измучили сердце тоской,
Одни — своей скучной любовью,
Другие — жестокой враждой.

Вы хлеб отравили мне, ядом
Вы кубок наполнили мой,
Одни — своей скучной любовью,
Другие — жестокой враждой.

Лишь та, что всех больше терзала
И мучила с первого дня,—
Как мало она враждовала,
Как мало любила меня.

29 ноября 1858

316. ИЗ ГЕЙНЕ

Три мудрых царя из полуденных стран
Кричали, шатаясь по свету:
«Скажите, ребята, нам путь в Вифлеем!»—
И шли, не дождавшись ответа.

Дороги в тот город не ведал никто,
Цари не смущалися этим:
Звезда золотая их с неба вела
Назло непонятливым детям.

Над домом Иосифа стала звезда,
Цари туда тихо вступали,
Теленок ревел там, ребенок кричал,
Святые цари подпевали.

13 декабря 1858

317. ИЗ ГЕЙНЕ

Я каждую ночь тебя вижу во сне
В толпе незнакомых видений,
Приветливо ты улыбаешься мне,
Я плачу, упав на колени.

Ты долго и грустно глядишь на меня
И светлой качаешь головкой,
И капают слезы из глаз у меня,
И что-то твержу я неловко.

Ты тихое слово мне шепчешь в ответ,
Ты ветку даешь мне открыто.
Проснулся — и ветки твоей уже нет,
И слово твое позабыто.

22 декабря 1858

С французского

318. МОЛОДАЯ УЗНИЦА

Из А. Шенье

«Неспелый колос ждет, не тронутый косой,
Всё лето виноград питается росой,
Грозящей осени не чуя;
Я так же хороша, я так же молода!
Пусть все полны кругом и страха, и стыда,—
Холодной смерти не хочу я!

Лишь стоик сгорбленный бежит навстречу к ней,
Я плачу, грустная... В окно тюрьмы моей
Приветно смотрит блеск лазури,
За днем безрадостным и радостный придет:
Увы! Кто пил всегда без пресыщенья мед?
Кто видел океан без бури?

Широкая мечта живет в моей груди,
Тюрьма гнетет меня напрасно: впереди
Летит, летит надежда смело...
Так, чудом избежав охотника сетей,
В родные небеса счастливей и смелей
Несется с песней Филомела.

О, мне ли умереть? Упреком не смущен,
Спокойно и легко проносится мой сон
Без дум, без призраков ужасных;
Явлюсь ли утром, все приветствуют меня,
И радость тихую в глазах читаю я
У этих узников несчастных.

Жизнь, как знакомый путь, передо мной светла,
Еще деревьев тех немного я прошла,
Что смотрят на дорогу нашу;
Пир жизни начался, и, кланяясь гостям,
Едва-едва поднесть успела я к губам
Свою наполненную чашу.

Весна моя цветет, я жатвы жду с серпом:
Как солнце, обойдя вселенную кругом,
Я кончить год хочу тяжелый;

Как зреющий цветок, краса своих полей,
Я свет увидела из утренних лучей,—
Я кончить день хочу веселый.

О смерть! Меня твой лик забвеньем не манит.
Ступай утешить тех, кого печаль томит
Иль совесть мучит, негодуя...
А у меня в груди тепло струится кровь,
Мне рощи темные, мне песни, мне любовь...
Холодной смерти не хочу я!»

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я всё позабывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Ее пленительные звуки.

Те песни, чудные свидетели тюрьмы,
Кого-нибудь склонят певицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею...
Был полон прелести аккорд звеневших нот,
И, как она, за дни бояться станет тот,
Кто будет проводить их с нею.

13 декабря 1858

319. КОМЕТА

Из Беранже

Бог шлет на нас ужасную комету,
Мы участи своей не избежим.
Я чувствую, конец подходит свету;
Все компасы исчезнут вместе с ним.
С пирушки прочь вы, пившие без меры,
Не многим был по вкусу этот пир,—
На исповедь скорее, лицемеры!
Довольно с нас: состарелся наш мир.

Да, бедный шар, тебе борьбы отважной
Не выдержать, настал последний час:
Как спущенный с веревки змей бумажный
Ты полетишь, качаясь и крутясь.

Перед тобой безвестная дорога...
Лети туда, в безоблачный эфир...
Погаснет он — светил еще так много!
Довольно с нас: состарелся наш мир...

О, мало ли опошленных стремлений,
Прозваньями украшенных глупцов,
Грабительств, войн, обманов, заблуждений
Рабов-царей и подданных рабов?
О, мало ль мы от будущего ждали,
Лелеяли наш мелочный кумир...
Нет, слишком много желчи и печали.
Довольно с нас: состарелся наш мир.

А молодежь твердит мне: «Всё в движенье,
Всё под шумок гнилые цепи рвет,
И светит газ, и зреет просвещенье,
И по морю летает пароход...
Вот подожди, раз двадцать минет лето —
На мрак ночной повеет дня зефир...»
Я тридцать лет, друзья, всё жду рассвета!
Довольно с нас: состарелся наш мир.

Была пора: во мне любовь кипела,
В груди кипел запас горячих сил...
Не покидать счастливого предела
Тогда я землю пламенно молил!
Но я отцвел,— краса бежит поэта,—
Навек умолк веселых песен клир...
Иди ж скорей, нещадная комета.
Довольно с нас: состарелся наш мир.

2 декабря 1857

320. ОН ТАК МЕНЯ ЛЮБИЛ

Из Дельфины Жирарден

Нет, не любила я! Но странная забота
Теснила грудь мою, когда он приходил;
То вся краснела я, боялася чего-то...
Он так меня любил, он так меня любил!

Чтоб нравиться ему тогда, цветы и те наряды
Я берегла, что он по сердцу находил;
С ним говорила я, его ловила взгляды...
Он так меня любил, он так меня любил!

Но раз он мне сказал: «В ту рощу в час заката
Придешь ли?»—«Да, приду...» Но не хватило сил;
Я в рощу не пошла,— он ждал меня напрасно...
Он так меня любил, он так меня любил!

Тогда уехал он, сердясь на неудачу;
Несчастный, как меня проклясть он должен был!
Я не увижусь с ним, мне тяжело, я плачу...
Он так меня любил, он так меня любил!

⟨1875⟩

321. ОТРЫВОК

Из А. Мюссе

Что так усиленно сердце больное
Бьется, и просит, и жаждет покоя?
Чем я взволнован, испуган в ночи?
Стукнула дверь, застонав и заноя,
Гаснущей лампы блеснули лучи...
Боже мой! Дух мне в груди захватило!
Кто-то зовет меня, шепчет уныло...
Кто-то вошел... Моя келья пуста,
Нет никого, это полночь пробила...
О, одиночество, о, нищета!

2 сентября 1856

322. НИНЕ

Из А. Мюссе

Что, чернокудрая с лазурными глазами,
Что, если я скажу вам, как я вас люблю?
Любовь, вы знаете, есть кара над сердцами,
Я знаю: любящих жалеете вы сами...
Но, может быть, за то я гнев ваш потерплю.

Что, если я скажу, как много мук и боли
Таится у меня в душевной глубине?
Вы, Нина, так умны, что часто против воли
Всё видите насквозь: печаль и даже боле...
«Я знаю»,— может быть, ответите вы мне.

Что, если я скажу, что вечное стремленье
Меня за вами мчит, назло расчетам всем?
Тень недоверия и легкого сомненья
Вам придают еще ума и выраженья...
Вы не поверите мне, может быть, совсем.

Что, если вспомню я все наши разговоры
Вдвоем пред камельком в вечерней тишине?
Вы знаете, что гнев меняет очень скоро
В две ярких молнии приветливые взоры...
Быть может, видеть вас вы запретите мне.

Что, если я скажу, что ночью в час тяжелый
Я плачу и молюсь, забывши целый свет...
Когда смеетесь вы, вы знаете, что пчелы
В ваш ротик, как в цветок, слетят гурьбой веселой...
Вы засмеетеся мне, может быть, в ответ.

Но нет, я не скажу. Без мысли признаваться
Я в вашу комнату иду, как верный страж;
Могу там слушать вас, дыханьем упиваться,
И будете ли вы отгадывать, смеяться —
Мне меньше нравиться не может образ ваш.

Глубоко я в душе таю любовь и муки,
И вечером, когда к роялю вы в мечтах
Присядете, ловлю я пламенные звуки,
А если в вальсе вас мои обхватят руки,
Вы, как живой тростник, сгибаетесь в руках.

Когда ж наступит ночь и дома, за замками
Останусь я один, для миру глух и нем,—
О, всё я вспомню, всё ревнивыми мечтами —
И сердце гордое, наполненное вами,
Раскрою, как скупой, не видимый никем.

Люблю я и храню холодное молчанье,
Люблю и чувств своих не выдам напоказ,

И тайна мне мила, и мило мне страданье,
И мною дан обет любить без упованья,
Но не без счастия: я здесь — я вижу вас.

Нет, мне не суждено быть, умирая, с вами
И жить у ваших ног, сгорая, как в огне...
Но... если бы любовь я высказал словами,
Что, чернокудрая с лазурными глазами,
О что, о что тогда ответили б вы мне?

1865

323. ПЕПИТЕ

Из А. Мюссе

Когда на землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа
И чепчик развязался твой;

Когда кругом всё тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда,—
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;
Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита...
Быть может, ровно ни о чем.

1865

324. РАЗБИТАЯ ВАЗА

Подражание Сюлли-Прюдому

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок, ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
Рукою нежной и любимой,—
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его: оно разбито.

1870-е годы

325. УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

С французского

«Что, умерла, жива? Потише говорите,
Быть может, удалось на время ей заснуть...»
И кто-то предложил: ребенка принесите
И положите ей на грудь!
И вот на месте том, где прежде сердце билось,
Ребенок с плачем скрыл лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась —
Всё кончено, молитесь за нее!

1871

326

С французского

О, смейся надо мной за то, что безучастно
Я в мире не иду пробитою тропой,
За то, что песен дар и жизнь я сжег напрасно,
За то, что гибну я... О, смейся надо мной!

Глумись и хохочи с безжалостным укором —
Толпа почтит твой смех сочувствием живым;
Все будут за тебя, проклятья грянут хором,
И камни полетят послушно за твоим.

И если, совладать с тоскою не умея,
Изнывшая душа застонет, задрожит...
Скорей сдави мне грудь, прерви мой стон скорее,
А то, быть может, Бог услышит и простит.

1872

С английского

327. ИЗ БАЙРОНА

Мечтать в полях, взбегать на выси гор,
Медлительно среди лесов дремучих
Переходить, где никогда топор
Не пролагал следов своих могучих;
Без цели мчаться по полям пустым,
И слушать волн немолчное журчанье,
И всё мечтать — не значит быть одним...
То — разговор с природой и слиянье,
То — девственных красот немое созерцанье!..

Но, посреди забот толпы людской,
Всё видеть, слышать, чувствовать глубоко,
И одному бродить в тоске немой,
И скукою измучиться жестоко...
И никого не встретить из людей,
Кому бы рассказать души мученья,
Кто вспомнил бы по смерти нас теплей,
Чем всё, что лжет, и льстит, и кроет мщенье.
Вот — одиночество... вот, вот — уединенье!

4 декабря 1858

328. AMONG THEM BUT NOT OF THEM [1]

Из Байрона

С душою, для любви открытою широко,
Пришел доверчиво ты к ним.
Зачем же в их толпе стоишь ты одиноко
И думой горькою томим?

Привета теплого душа твоя искала,
Но нет его в сухих сердцах:
Пред золотым тельцом они, жрецы Ваала,
Лежат простертые во прах...

Не сетуй, не ропщи — хоть часто сердцу больно,
Будь горд и тверд в лихой борьбе —
И верь, что недалек тот день, когда невольно
Они поклонятся тебе!

1864

[1] Среди них, но не из их числа (англ.).— *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

329. À LA STATUE DE LA MÉLANCOLIE [1]

Quand l'amour me trahit et le chagrin me tue,
Et que d'indignation je sens battre mon coeur,
Je viens à toi alors, o ma chère statue,
Contempler ton regard et conter mon malheur.

«Sois digne et calme, ami — me dit ton doux visage —
La colère ne va qu'aux coeurs flétris et vieux;
N'écoute pas sa voix, écoute mon langage,
Il te fera chanter, il est celui des dieux.

Je suis ta triste soeur, je suis Mélancolie,
Tu pourrais me briser, mais jamais me plier...
On t'a fait de la peine,— et bien, poète, oublie...
Hélas! pour être heureux il faut bien oublier».

Tu me parles ainsi. En tremblant je t'écoute
Comme un vieux prisonnier, qui tremble dans ses fers,
Quand il entend chanter sous l'implacable voûte...
Et je laisse couler mes larmes et mes vers.

Mais quand par un baiser soudain, irrésistible
Mon coeur est ranimé et mes pleurs sont taris,
Alors je crois à tout, je crois à l'impossible,
Je crois que tu t'en vas, je crois que tu souris.

11 октября ⟨1865⟩

---

[1] К СТАТУЕ МЕЛАНХОЛИИ

Когда меня предает любовь и убивает печаль,
И я чувствую, как от негодования бьется мое сердце,
Я прихожу тогда к тебе, моя дорогая статуя,
Чтобы созерцать твой взгляд и рассказать о моем горе.

330. OÙ EST LE BONHEUR [1]

МИНУТЫ СЧАСТЬЯ

Ami, ne cherchez pas dans les plaisirs frivoles
Le bonheur éternel, que vous rêvez souvent,
Le bruit lui est odieux, il vous quitte et s'envole,
Comme un bouquet fané emporté par le vent.

Mais quand vous passerez une longue soirée
Dans un modeste coin loin du monde banal,
Cherchez dans les regards d'une image adorée,
Ce rêve poursuivi, ce bonheur idéal.

Ne les pressez donc pas ces doux moments d'ivresse,
Buvez avidement le langage chéri,
Parlez à votre tour, parlez, parlez sans cesse
De tout ce qui amuse ou tourmente l'esprit.

Et vous serez heureux, lorsque dans sa prunelle
Attachée sur vous un éclair incertain
Brillera un moment et comme un étincelle
Dans son regard pensif disparaîtra soudain,

«Будь достоин и спокоен, друг,— говорит мне твое милое лицо,—
Гнев идет только к сердцам иссушенным и старым;
Не слушай своего голоса, слушай мою речь,
Она заставит тебя петь — это речь богов.

Я сестра твоей печали, я Меланхолия,
Ты мог бы меня разбить, но (тебе) меня никогда не покорить...
Тебе причинили боль — ну что ж, поэт, забудь...
Увы! Чтобы быть счастливым, нужно (уметь) забывать».

Так ты мне говоришь. Я слушаю тебя, трепеща,
Как старый узник, дрожащий в своих оковах,
Когда он слышит пение под безжалостным сводом...
Я дал волю течь моим слезам и стихам.

Но когда от неожиданного, неотразимого поцелуя
Мое сердце оживает и слезы иссякают,
Тогда я верю всему, верю в невозможное,
Я верю, что ты уходишь, я верю, что ты улыбаешься.

[1] В ЧЕМ СЧАСТЬЕ

Друг, не ищите в суетных удовольствиях
Вечного счастья, о котором вы часто мечтаете,—
Ему постыл шум, оно вас покидает и улетает,
Как увядший букет, унесенный ветром.

Lorsqu'un sublime mot plein de feu et de fièvre,
Le mot d'amour divin méconnu ici-bas
Sortira de votre âme et brûlera vos lèvres,
Et que pourtant, ami, vous ne le direz pas.

14 octobre 1865?

331. À UNE CHARMANTE PERSONNE [1]

Vous êtes charmante en effet
Enfant si chérie et si tendre
Et quand le silence se fait,
J'aime pensif à vous entendre.
De votre sourire enfantin
Un doux souvenir se dégage,
Et un autre adorable image
Dans vos yeux m'apparaît soudain.
Et les baisers, que je vous donne,
(Ceci restera entre nous)
Ils sont pour une autre personne...
Aussi pure, aussi douce et bonne,
Mais bien plus charmante, que vous.

7 décembre 1865?

Но когда вы проведете долгий вечер
В укромном уголке вдали от пошлого света,
Ищите во взглядах обожаемого лица
Преследующую (вас) мечту, идеальное счастье.

Не торопите эти сладостные моменты опьянения,
Впитывайте жадно драгоценную речь,
Говорите, в свою очередь, говорите, говорите беспрестанно
Обо всем, что радует или терзает ум.

И вы будете счастливы, когда в его взгляде,
Обращенном к вам, проблеск смутный
Сверкнет вдруг и, как искра,
В его задумчивом взгляде вдруг исчезнет,

Когда поразительное слово, полное огня и страсти,
Слово божественной любви, неизвестное здесь,
Покинет вашу душу и будет жечь ваши уста,
Но которое, впрочем, друг, вы не выскажете.

[1] ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ ОСОБЕ

Вы действительно прелестны,
Такое любимое и нежное дитя,

332. ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНИЯ КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА КАНЦЛЕРОМ ИМПЕРИИ [1]

Quel éclatant succès et quelle récompense!
Le prince des traités est doublement heureux:
Il devient chancelier, car il a de la chance,
Il n'a plus de vice... car il est vertueux.

1867

II. КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

333. КУМУШКАМ

Иван Иваныч Фандерфлит
Женат на тетке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова.
«Иван Иваныч Фандерфлит
Был только ранен,— я-то знаю».
— «А Воронцов?» — «Тот был убит...
Ах, нет! Не то! Припоминаю:
Ни Воронцов, ни Фандерфлит —
Из них никто не был убит,
Ни даже тетка Воронцова...
Одно известно: люди эти
И вовсе не были на свете,

И когда наступает тишина,
Я люблю задумчиво вас слушать.
От вашей детской улыбки
Возникает приятное воспоминание,
И другой обожаемый образ
Мне чудится в ваших глазах.
И поцелуи, которые я вам дарю
(Пусть это останется между нами),
Они (предназначены) для другой...
Такой же чистой, такой же нежной и доброй,
Но еще более очаровательной, чем вы.

[1] Какой блестящий успех и какова награда!
Князь трактатов счастлив вдвойне:
Он становится канцлером, потому что ему везет,
Он более не вице-.., потому что он добродетелен.

И даже, кажется,— навряд
Была и тетка Воронцова?
Но был действительно отряд,
Да только — вовсе не Слепцова...»
— «Затем пронесся слух таков,
Что вовсе не было отряда,
А был поручик Пирогов...»
— «Да был ли? Справиться бы надо».
И справками, в конце концов,
Одна лишь истина добыта:
Иван Иваныч Воронцов
Женат на тетке Фандерфлита.

1888

334. ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНКИ

«Эка, дни у вас какие!
Жить мне в городе невмочь:
Ночи хмурые, сырые...
Утром встанешь — та же ночь!

Что такое приключилось?
Как мне страх свой побороть?
Или солнце провалилось?
Иль прогневался Господь?

Эка, дни — одно мученье!
Сердце ноет, свет погас...
Верно, светопреставленье
Начинается у нас!»

Паша! Паша! Нам не в диво
И туман и мгла кругом...
Что же делать? Хоть тоскливо
Жить без солнца — а живем!

Но минует время это,
Час последний не настал.
Всё вернется: солнце, лето,
Сенокос и сеновал...

Паша милая, послушай
Ты совета моего:
Спи побольше, чаще кушай
И не бойся ничего!

Начало 1890-х годов

III. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АПУХТИНУ

335. ЗАБЫТЬ ТАК СКОРО

Забыть так скоро, Боже мой,
Всё счастье жизни прожитой,
Все наши встречи, разговоры,
Забыть так скоро, забыть так скоро!

Забыть волненья первых дней,
Свиданья час в тени ветвей,
Очей немые разговоры
Забыть так скоро, забыть так скоро!

Забыть, как полная луна
На нас глядела из окна,
Как колыхалась тихо штора,
Забыть так скоро, забыть так скоро!

Забыть любовь, забыть мечты,
Забыть те клятвы — помнишь ты?—
В ночную пасмурную пору?
Забыть так скоро, так скоро! Боже мой!

1870

336

Есть одиночество в глуши —
Вдали людей, вблизи природы,—
Полно задумчивой свободы,
Оно целебно для души.

В нем утихают сердца бури,
В нем думы, как цветы полей,

Как звезды в тьме ночной лазури,
Сияют чище и светлей.

Есть одиночество иное,—
Его, мой друг, не знаешь ты,—
Кругом холодное, чужое
Бушует море суеты.

Шумит толпа, конца нет бою
Ее слепых безумных волн.
Напрасно к пристани, к покою
Стремится сердца утлый челн.

О, никогда, никто в пустыне
Так не забыт, не одинок,
Как это сердце в злой пучине
Чужих страстей, чужих тревог.

13 августа 1887

337

Средь толпы чужой,
Средь кромешной тьмы,
На стезе земной
Повстречались мы.

И в счастливый час,
Как денницы свет,
Занялся для нас
Лучших дней рассвет.

Не в волшебном сне,
Наяву, мой друг,
Всё, что есть во мне,
Поняла ты вдруг.

И постигнул я,
Просветлев душой,
Что ты вся — моя
И что весь я — твой.

Это всё, поверь,
Нас ждало давно,
И сбылось теперь,
Чему быть должно.

Я любим тобой,
Я люблю тебя —
Расцвели душой
Мы, весь мир любя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая книга А. Н. Апухтина вышла в 1886 г., когда он был уже хорошо известным поэтом, которого охотно печатали ведущие литературные журналы. В 1891 г. издание было повторено, а незадолго до кончины поэта, в 1893 г., дополненное пятью стихотворениями, вышло в третий раз. В этом последнем прижизненном издании Апухтина было всего 90 произведений.

Первые посмертные издания сочинений Апухтина — 1895 г., 1896 г. и 1898 г.— значительно расширили представление о его творческом наследии: в них постепенно были включены еще более 100 стихотворений (в том числе несколько юмористических), драматическая сцена; впервые увидела свет проза поэта; сборники предварялись очерком биографии Апухтина, написанным М. И. Чайковским.

Составители двух первых посмертных сборников придерживались порядка расположения произведений, принятого автором; новые публикации помещались в конце. В издании 1898 г. стихотворения и поэмы впервые были помещены в порядке общей хронологии (выделены только юмористические), появились некоторые поправки в текстах. Все последующие дореволюционные издания — 1900 г., 1905 г., 1907 г. и 1912 г.— по разделу поэзии были перепечаткой издания 1898 г. Так сложилось традиционное собрание сочинений Апухтина, на нем основывались первые советские[1] и зарубежные[2] издания поэта.

Судьба рукописей Апухтина до конца не выяснена: они почти не сохранились; но остались собрания его стихотворений в копиях, сделанных при его жизни близкими ему людьми. Автор имел возможность просматривать, поправлять, делать уточняющие приписки

---

[1] Апухтин А. Н. Стихотворения / Вступ. статья, ред. и примеч. Вс. Рождественского. М.; Л., 1938 (Б-ка поэта, МС); Апухтин А. Н. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. Афонина. Орел, 1959.

[2] Апухтин А. Избранные стихотворения. Нью-Йорк: «Рабочее книгоиздательство», 1919; Апухтин А. Н. Лирика. Берлин: Изд-во «Мысль», 1921; Апухтин А. Н. Соч. Т. 1. Стихотворения. Берлин, 1924; Апухтин А. Н. Соч. / Биогр. очерк М. И. Чайковского. Париж, 1936. Ч. 1—2 (прилож. к «Иллюстрированной России» на 1936 г.). Оба последних изд.— идентичная перепечатка отечественного изд. 1898 г.

в этих копиях — поэтому с полным правом можно считать их авторизованными. В отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома) сохранилось два таких собрания: Е. А. Хвостовой и Г. П. Карцова.

Юный Апухтин в 1850-е гг. был принят в доме Хвостовых. Хозяйка дома Е. А. Хвостова (в девичестве Сушкова, знакомая Лермонтова) имела обыкновение записывать стихотворения подающего надежды поэта. Списки Хвостовой сохранились в двух тетрадях. В одной из них (она находится в фонде поэта П. А. Козлова) записаны в хронологической последовательности 66 датированных стихотворений Апухтина 1857—1859 гг. Другая тетрадь разделена на две части: в первой переписаны самые ранние стихотворения Апухтина (1852—1857 гг.), во второй части полностью воспроизведены записи тетради Хвостовой из фонда Козлова. В конце этой тетради рукой Апухтина вписаны шесть стихотворений 1863 г. Всего в этой тетради — 172 стихотворения.

Две тетради стихотворений Апухтина, которые вел один из ближайших друзей Апухтина Г. П. Карцов, заполнялись в 1880-е гг. Наряду с произведениями этого периода, в них представлены и ранние вещи (из тех, что есть в тетрадях Хвостовой), многие из них не датированы, размещены вне хронологической последовательности, выделен лишь юмористический раздел. Всего в двух тетрадях — 247 стихотворений. На внутренней стороне обложки рукой поэта 6 октября 1882 г. было вписано стихотворение «Г. Карцову». В этих тетрадях, наряду с поправками самого Апухтина, встречаются пометки Карцова, его жены А. В. Панаевой-Карцовой и составителей посмертных изданий Апухтина. Принадлежность поправок тому или иному лицу не всегда можно определить.

Именно эти авторизованные списки — Хвостовой и Карцова — послужили основным источником новых публикаций в посмертных собраниях стихотворений Апухтина. Издатели первых посмертных сборников отнеслись к отбору для печати не известных ранее произведений сдержанно, далеко не исчерпав имевшихся возможностей.

С течением времени имело место несколько неосуществленных попыток подготовить новое восполненное собрание стихотворений Апухтина. В 1910-е гг. этим занимался А. В. Жиркевич. Затем П. В. Быков предпринял в 1918 г. попытку издать Апухтина (в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве сохранились корректурные листы), но ему удалось сделать только несколько журнальных публикаций [1]. И, наконец, к 100-летию поэта в 1940 г. сборник Апухтина для «Библиотеки поэта» готовил Ф. Н. Малинин. Его работа, прерванная войной, а затем смертью составителя, осталась незавершенной [2].

---

[1] Быков П. В. Литературное наследие Апухтина (Юмористические стихотворения, впервые появляющиеся в печати) // «Нива». 1918, № 30. С. 465—469.

[2] Судя по материалам Малинина, которые в 1960-е гг. хранились в архиве «Библиотеки поэта», ему удалось выявить в частных собраниях автографы Апухтина, получить некоторые сведения от людей, еще помнивших поэта. К сожалению, не все данные Малинина удается теперь подтвердить, но в отдельных случаях их приходится учитывать.

Таким образом, ни одно из этих начинаний не было доведено до конца.

Первым достаточно полным, текстологически выверенным изданием поэзии Апухтина был сборник, выпущенный в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1961 г.[1] В него вошло 263 произведения, 65 из них публиковались впервые. Помимо тетрадей Хвостовой и Карцова, источниками новых публикаций послужили находки в архивохранилищах и музеях Москвы, Ленинграда, Клина. В изд. 1961 г. были помещены также стихотворения из числа забытых, разбросанных в периодических изданиях, напечатанных в сатирических журналах 1860-х гг. под разными псевдонимами [2]. Это издание было принято за основу и для сборников стихотворений Апухтина, выпущенных в СССР в последующие годы [3].

Настоящее собрание поэзии Апухтина, подготовленное для 3-го издания Большой серии «Библиотеки поэта», в значительной степени опирается на опыт текстологической подготовки и архивных изысканий, выполненных для Изд. 1961, и является продолжением ранее начатой работы по изучению творческого наследия поэта. По сравнению с Изд. 1961 оно существенно расширено: в него вошло все, что было напечатано при жизни и посмертно в сборниках поэта, коллективных и периодических изданиях. Таким образом, в настоящий том включено еще 76 произведений, из них 35 появляются в печати впервые. Несколько малозначительных текстов приведены в примечаниях.

Тексты стихотворений, опубликованных при жизни автора, даны по последней печатной редакции, исключая те случаи, когда есть более поздние списки, исправленные автором. Посмертные публикации сверены, где это возможно, по автографам и авторизованным спискам. При наличии нескольких списков предпочтение отдается более позднему. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

В композиции настоящего издания, в отличие от Изд. 1961, принят более дифференцированный порядок расположения материала по разделам.

Основной корпус сборника составляют стихотворения Апухтина с 1853 по 1893 г. Он замыкается разделом «Юмористические стихотворения. Пародии. Эпиграммы. Экспромты», который в настоящем издании заметно расширен. Этот пласт произведений позволяет видоизменить традиционное представление о творческом наследии Апухтина. Стихотворения, включенные в раздел, предназначались для узкого дружеского круга, некоторые из них распространялись среди современников в списках, передавались изустно, но при жизни автора не печатались. В тетрадях Карцова они отделены от других, что под-

---

[1] Апухтин А. Н. Стихотворения / Вступ. статья и сост. Н. А. Коварского. Подг. текста и примеч. Р. А. Шацевой. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).

[2] О псевдонимах Апухтина в сатирической журналистике 1860-х гг. см.: Изд. 1961. С. 323.

[3] Толстой А. К., Полонский Я. П., Апухтин А. Н. Избранное / Предисл., подг. текста, сост. Н. П. Колосовой. М., 1962. Апухтин А. Н. Соч. Стихотворения. Проза / Сост. и подг. текстов А. Ф. Захаркина. Вступ. статья М. В. Отрадина. Примеч. Р. А. Шацевой. М., 1985. Апухтин А. Н. Песни моей отчизны. Стихи. Проза / Предисл., послесл. Р. В. Иезуитовой. Тула, 1985.

черкивает нежелание поэта включать их в основной состав стихотворений.

В самостоятельную рубрику выделены «Поэмы и отрывки из поэм». При известной размытости жанровых признаков ряда произведений поэта, когда некоторые из них можно рассматривать либо как большое стихотворение, либо как поэму,— две вещи, «Год в монастыре» и «Из бумаг прокурора», выделены из общего ряда стихотворений с полным основанием: сам автор всегда называл их поэмами.

Драматическая сцена «Князь Таврический» — единственное произведение в драматическом жанре (если не считать пародийного «Красному яблочку червоточина не в укор»).

Следующий раздел — «Переводы и подражания». Надо заметить, что ряд стихотворений («Ниобея», «Ледяная дева», «Богиня и певец» и др.), хотя и сопровождаются соответствующими подзаголовками, ни переводами, ни подражаниями не являются — это лишь поэтические импровизации на тему оригинала. Они включены в основной раздел книги.

В разделе «Приложения» напечатаны, во-первых, стихотворения на французском языке; во-вторых, произведения коллективного творчества при участии Апухтина; в-третьих, стихотворения, которые традиция стойко приписывает Апухтину, хотя есть данные, ставящие его авторство под сомнение.

В пределах каждого раздела произведения расположены в хронологической последовательности.

В датировании ряда произведений Апухтина есть определенные затруднения, связанные с тем, что в прижизненных изданиях даты отсутствовали. В первых посмертных сборниках с датами были напечатаны только ранние стихотворения, где источниками послужили надежные в этом отношении списки Хвостовой. С введением хронологического порядка расположения материала большинство стихотворений было датировано, но нередко весьма приблизительно, без учета публикаций в периодических изданиях, упоминаний в письмах и других данных, позволяющих более точно определить время написания стихотворения. Тем не менее, в тех случаях, когда дополнительных данных, уточняющих дату, нет, приходится придерживаться датировки 3-го посмертного издания 1898 г.

В настоящем издании там, где это возможно, произведения датированы по источнику текста, в иных случаях обоснование даты дается в примечании. Даты в угловых скобках обозначают год, не позднее которого написано стихотворение, в том числе год первой публикации. Двойная дата свидетельствует о наличии двух редакций стихотворения. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

В примечаниях указывается первая публикация и далее (после точки и двойного дефиса) те издания, в которых текст подвергался изменению и окончательно установился. В тех случаях, когда указано несколько публикаций, последняя из названных является источником текста в настоящем издании. Формула «Печ. по...» употребляется тогда, когда текст произведения публикуется по рукописному источнику. Таким же источником текста служит первая публикация, если в примечании нет сведений о других. После этих ссылок в примечаниях даются сведения об автографах и месте их хранения; ссылки на авторизованные списки приводятся в случае, когда они служат источником текста или даты, если в них есть авторская правка или существенные расхождения с печатным текстом.

Сведения о музыкальных переложениях стнхов Апухтина по сравнению с Изд. 1961 уточнены и дополнены (хотя и не претендуют на нсчерпывающую полноту). За некоторым исключением они приведены без ссылок на жанр произведення (романс, хор, мелодекламация и т. п.). Данные об отдельных музыкальных переложеннях установлены по рукописям нот, хранящимся в архнвах и, возможно, не напечатанным, что ие нсключает вероятности исполнения этих произведений. Следует заметить, что в нотных изданиях поэтическне тексты нередко печатаются сокращенно и с другими заглавнямн. Текстологнческий анализ нотных изданий в задачу комментатора не входил.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях

Б-ка ПД — Бнблиотека Института русской литературы (Пушкннского Дома) АН СССР.
ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки нм. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ДМЧ — Отдел рукописей Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.
ИВ — журнал «Историческнй вестник».
Изд. 1886 — Апухтин А. Н. Стихотворення, Спб., 1886.
Изд. 1893 — Апухтин А. Н. Стихотворения: Изд. 3-е. Спб., 1893.
Изд. 1895 — Апухтнн А. Н. Сочинения: Изд. 4-е, дополн., в двух томах. Спб., 1895. Т. 1.
Изд. 1896 — Апухтин А. Н. Сочинения: 2-е посмертное, дополн. изд. Спб., 1896.
Изд. 1898 — Апухтин А. Н. Сочинения: 3-е посмертное, дополн. изд. Спб., 1898.
Изд. 1961 — Апухтин А. Н. Стихотворения / Вступ. статья и сост. Н. А. Коварского. Подг. текста и примеч. Р. А. Шацевой. Л., 1961 (Б-ка поэта, БС).
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
ПСС — Полное собрание сочинений.
РС — журнал «Русское слово».
С — журнал «Современник».
СпК — список в тетради Г. П. Карцова, хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук СССР; цифра обозначает номер тетради.
СпСО — список из *собрания Ольденбургских* «Recueil de Poésies», хранящегося в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрнна в Ленинграде.
СпХ — список в *тетради Е. А. Хвостовой*, хранящейся в Рукописиом отделе Института русской литературы Академии наук СССР.
СпХК — список в тетрадн Е. А. Хвостовой из архива П. А. Козлова, хранящейся там же.
СпЧ — список М. И. Чайковского в его дневнике 1868—1869 гг., хранящемся в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину.
ст. — стих.
ст-ние — стихотворение.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Изд. 1895.- -Печ. с исправлением ошибки в ст. 6 по Изд. 1898 и СпХ: «печально» вместо ошибочного «печалью». Написано по приезде на первые каникулы в родное село Павлодар. Самое раннее из напечатанных ст-ний Апухтина. «Мне было девять лет,— рассказывал о себе молодой поэт,— когда я написал первое стихотворение, которое теперь затеряно, но содержанием которого служила, сколько мне кажется, религиозная молитва. В других стихотворениях, написанных мною дома, я воспевал то гения, то луну, то добродетель. Из этих заглавий уже видно, что я не обращал никакого внимания на собственные впечатления, а повторял с чужого голоса старые избитые мысли... Одиннадцати лет я поступил в Училище. Целый год не мог я привыкнуть к новой жизни, в которую судьба меня забросила, и поэтому все, написанное мною в это время, носит на себе отпечаток грусти, жестокой безотрадной тоски» (письмо к П. А. Валуеву от 14 февр. 1856 г.// ПД. Собр. П. Я. Дашкова).

2. Изд. 1895.- -Печ. с исправлением в ст. 2 по СпХ: «мне» вместо ошибочного «мне». Положено на музыку И. А. Бородиным, Д. К. Сартинским-Беем.

3. Печ. впервые по СпХ. В ст-нии различимы отзвуки поэзии А. В. Кольцова.

4. «Вестник литературы». 1919, № 12, с ссылкой на СпХ публикация П. В. Быкова с небольшими погрешностями.- -Изд. 1961.

5. Изд. 1961, по СпХ. Возможно, навеяно лирическим отступлением в начале 7-й гл. 1-й ч. «Мертвых душ» (1842) Гоголя.

6. Изд. 1961, по СпХ. По-видимому, написано под впечатлением поездки по старой Калужской дороге, заброшенной после постройки Московского тракта.

7. Изд. 1895, под загл. «Дума матери».- -Печ. по СпХ.

8. «Вестник литературы». 1919, № 12, с ссылкой на СпХ, публикация П. В. Быкова с небольшими погрешностями.- -Печ. по СпХ.

9. Изд. 1895. *Приличьем скрашенный разврат.* Отзвук строки Лермонтова: «Приличьем скрашенный порок» («Журналист, читатель и писатель», 1840). *Питомец Феба* (т. е. Аполлона) — здесь: поэт античного мира.

10. Печ. впервые по СпХ, где в строфах 2 и 3 отсутствуют последние строки, восстанавливаемые по аналогии с первой строфой. *Стогна* (церк.-слав.) — площадь.

11. Изд. 1961, по СпХ. Очевидно, написано под влиянием ст-ния Пушкина: «Зима! Что делать нам в деревне? Я встречаю...» (1829).

12. «Русский инвалид». 1854, 6 нояб., подпись: «А. Апухтин. Воспитанник Императорского училища правоведения 5 класса, 14 лет». Экземпляр изд. на отд. листе без даты — собр. Н. К. Пиксанова — ПД; СпХ, с подзаг. «На смерть адмирала Корнилова»; список (или автограф?) в собр. П. Я. Дашкова (ПД), с разночтениями, под загл. «На смерть Корнилова, Эпаминоид». Датируется по СпХ. Первое печатное произведение Апухтина, помещенное в газете при содействии директора Училища правоведения А. П. Языкова. «Война,— рассказывал Апухтин полтора года спустя в письме к П. А. Валуеву от 14 февр. (см. ссылку в примеч. 1),— дала новую пищу перу моему, и стихотворения, посвященные прославлению успехов русского оружия, обратили на меня внимание начальства Училища» (ПД). Под впечатлением событий Крымской войны 1853—1856 гг. Апухтин написал ряд ст-ний («Молитва русских», «Чудеса», «Мысли в домике Петра Великого» и др.). *Эпаминонд* — древнегреческий (фиванский) полководец; в сражении при *Мантинее* (362 г. до н. э.), во время которого фиванцы ценою больших потерь одержали победу над спартанцами, был смертельно ранен. *Корнилов* Владимир Алексеевич (1806—1854) — адмирал, герой Севастопольской обороны, 5 окт. был смертельно ранен при обходе позиций на Малаховом кургане. *Наварин* — морское сражение 8 окт. 1827 г. в Наваринской бухте полуострова Пелопонес во время греческой освободительной войны, окончившееся поражением турецкого флота. Корнилов участвовал в этом бою на судне «Азов», особо отличившемся среди кораблей русской эскадры.

13. Изд. 1961, по СпХ.

14. «Русский инвалид». 1855, 2 апр., подпись: «Воспитанник Императорского училища правоведения 5 класса А. Апухтин, 14 лет». Датируется по СпХ, где есть разночтения. В ст-нии различимы отзвуки поэзии Жуковского («Песнь араба над могилой коня», 1810), Пушкина («Подражание Корану», 1824), Лермонтова («Три пальмы», 1839). *Гяур* — иноверец у магометан. *Синай* — полуостров и гора в Аравии. *Абушер* — Бушир, город и порт на берегу Персидского залива. *Море святое* — Мертвое море.

15. Изд. 1895. В основу ст-ния положена евангельская легенда о распятии Христа и зарождении христианского вероучения.

16. Изд. 1895.--Печ. по Изд. 1898, с исправлением по СпХ в ст. 4: «жалуясь» вместо ошибочного «жалует». *В лазарете встретил я.* В годы учения болезненный Апухтин часто лежал в училищном лазарете. *Ванька* — извозчик.

17. Печ. впервые по СпХ.

18. Изд. 1961, по СпХ. *Нереиды* (греч. миф.) — нимфы моря.

19. Изд. 1961, по СпХ. А. П. *Апухтина* — двоюродная сестра поэта.

20. Изд. 1895. *Вдали виднеются рассыпанные хаты* — видоизмененная строка Пушкина: «Вдали рассыпанные хаты...» («Деревня», 1819). Положено на музыку И. А. Бородиным, Е. О. Гунстом, Г. Л. Катуаром, А. Н. Мыновым, А. А. Петровым.

21. Изд. 1961, по СпХ. *Барышников* Николай Петрович — двоюродный брат матери Апухтина.

22. Изд. 1895. Положено на музыку А. М. Миклашевским.

23. Изд. 1961, по СпХ. Написано в связи с отъездом из деревни в Петербург после летнего отдыха. Автопародию на это ст-ние под загл. «Приезд» см. № 260.

24. Изд. 1895.- - Печ. по Изд. 1898, с исправлением по СпХ в последней строфе: «гнушаться» вместо ошибочного «глумиться».

25. Изд. 1961, по СпХ.

26. Изд. 1961, по СпХ. В ст-нии слышны отзвуки ст-ния Лермонтова «Умирающий гладиатор» (1834). *Мирт* — вечнозеленое эфироносное дерево. *Померанец* — вечнозеленое плодовое дерево; его плоды сходны с апельсином.

27. Изд. 1961, по СпХ.

28. Изд. 1961, по СпХ. *О чем шумите вы, квасные патриоты?* — парафраз строки Пушкина: «О чем шумите вы, народные витии?» («Клеветникам России», 1831). *Явился белый царь...* Имеется в виду царствование Ивана IV Грозного (1547—1584). *В Думе поп воссел.* Речь идет о священнике Сильвестре (ум. ок. 1566), приближенном лице Ивана Грозного.

29. Изд. 1961, по СпХ. В ст-нии заметно влияние пушкинского «Зимнего вечера» (1825).

30. Изд. 1895. К. П. *Апухтина* — двоюродная сестра поэта. *Песня туманная, песня далекая* — отзвук строки И. С. Тургенева «Утро туманное, утро седое...» («В дороге», 1843). Положено на музыку В. А. Березовским.

31. Изд. 1961, по СпХ. Посвящено матери поэта Марии Андреевне *Апухтиной* (см. о ней примеч. 103). Старший и любимый сын Алексей (в семье росло пятеро сыновей) был очень привязан к матери (см. вступ. статью с. 7).

.32. Печ. впервые по СпХ. *Есипова* Ольга Петровна (ум. 1888) — генеральша, петербургская знакомая Апухтина, Чайковских.

33. Изд. 1961, по СпХ.

34. Изд. 1961, по СпХ. Обращено к Петру Ильичу *Чайковскому* (1840—1893), товарищу Апухтина по Училищу правоведения.

35. Изд. 1961, по СпХ. О Н. Д. *Карпове* см. ст-ние «Памяти Н. Д. Карпова» (№ 159) и примеч. к нему.

36. Печ. впервые по СпХ.

37. Изд. 1961, по СпХ.

38. Печ. впервые по СпХ, с исправлением описки в строфе 2, ст. 6: «жаждя» вместо ошибочного «жажда». Обращено к товарищам по Училищу правоведения, участникам рукописного журнала «Училищный вестник», который они выпускали в 1855—1856 гг. Среди них были П. И. Чайковский, М. В. Эртель, Ф. И. Маслов, В. Н. Герард. По свидетельству последнего, «направление и интересы курса были очень серьезные, литература увлекала всех» (Герард В. Н. Чайковский в Училище правоведения // Воспоминания о П. И. Чайковском. Л., 1980. С. 28). Как утверждает биограф поэта М. И. Чайковский, экземпляры журнала долгое время хранились у Апухтина. *Придет желанная пора* — строка из ст-ния Пушкина «Во глубине сибирских руд» (1827), долгое время распространявшегося в списках и впервые напечатанного в 1856 г. в Лондоне в альм. Герцена «Полярная звезда», № 2.

39. Изд. 1961, по СпХ.

40. Изд. 1895.- - Печ. с исправлением ошибки в ст. 3 по СпХ: «очернить» вместо ошибочного «очертить». Положено на музыку Г. Э. Конюсом.

41. Изд. 1961, по СпХ. *Юферов* Владимир Николаевич (1839—?) — товарищ Апухтина по Училищу правоведения.

42. Изд. 1961, по СпХ.

43. Изд. 1895.

44. Изд. 1961, по СпХ.

45. Изд. 1961, по СпХ, где есть приписка: «Училище, вечером 22 марта». В Изд. 1961 посвящение «Н. И. М—ву» прокомментировано: «Мартынову, товарищу Апухтина по Училищу». Однако правоведа с такой фамилией среди учившихся одновременно с Апухтиным не было.

46. РС. 1860, № 4. Первое ст-ние в составе цикла из шести ст-ний под общим загл. «Весенние песни». В Изд. 1886 в цикл «Из весенних песен» не вошло (см. примеч. 62—64). Датируется по СпХ, где загл.: «Первая весенняя песнь».

47. РС. 1860, № 4. Второе ст-ние в составе цикла «Весенние песни» (см. примеч. 62—64). Датируется по СпХ, где загл.: «Вторая весенняя песнь». Положено на музыку Л. Вахтель, Н. Р. Кочетовым.

48. «Московский вестник». 1860, 20 мая.- -Изд. 1886. Датируется по СпХ. Написано в духе римских любовных элегий.

49. «Библиотека для чтения». 1862, № 1. Датируется по СпХ.

50. Изд. 1961, по СпХ.

51. Изд. 1961, по СпХ.

52. Изд. 1895, без строфы 3.- - Изд. 1961, где текст исправлен и восстановлен по СпХ.

53. Изд. 1895.- -Печ. с уточнениями по СпХ.

54. Изд. 1961, по СпХ. Ст-ние можно рассматривать как ранний вариант ст-ния «Актеры» (см. № 106).

55. Изд. 1961, по СпХ.

56. Изд. 1895, под загл. «К утерянным письмам».- - Изд. 1961, по СпХК, правленному Апухтиным.

57. Изд. 1895.- - Изд. 1961. В СпХ ст. 12 взят в кавычки и в сноске к нему сказано: «Любовь мертвеца». Ст-ние опубликовано с этим примеч., хотя такой строки в ст-нии Лермонтова «Любовь мертвеца» нет. *Хвостова* Екатерина Александровна (1812—1868), урожденная Сушкова — в юности близкая знакомая Лермонтова, посвятившего ей несколько ст-ний. Еще воспитанником Училища правоведения Апухтин был принят в доме Хвостовых. Тетр. Хвостовой с записями ст-ний Апухтина (подробно см. о них с. 372, а также Изд. 1961, с. 322) послужили одним из основных источников посмертных публикаций произведений поэта. *Иной поэт* — Лермонтов.

58. Изд. 1895. Навеяно ст-нием Лермонтова «Дума» (1838). Положено на музыку И. А. Бородиным, П. П. Дервизом.

59. Изд. 1895. Положено на музыку А. А. Олениным.

60. Печ. впервые по СпХ. В ст. 20-м настоящего изд. сделана конъектура: слово «беспечно» исправлено на «бесплодно». Ст-ние, как и предыдущее, написано во время поездки в родное село Павлодар.

61. Изд. 1895. Написано в духе древнегреческой лирики. Положено на музыку М. М. Ивановым, Г. Э. Конюсом, Е. Д. Эспозито.

62—64. РС. 1860, № 4. Цикл в составе 6 ст-ний под общим загл. «Весенние песни», с общей датой: 1859.- -Изд. 1886. В цикл под загл. «Из весенних песен» вошли только 3 ст-ния: одно из цикла в РС, 2-е из цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75) и 3-е из журн. «Время». В посмертных изд., наряду с циклом Изд. 1886, печатались еще 2 ст-ния под загл. «Весенние песни» (см. № 46, 47 и примеч. к ним) и отдельно «Голос весны» (см. № 94 и примеч. к нему).

1. РС. 1860, № 4.- - Изд. 1886. Датируется по СпХ. Положено на музыку Е. О. Гунстом, И. А. Добровейном, С. В. Егоровым, Г. Л. Катуаром, А. И. Манном, А. А. Олениным.

2. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки».- - Изд. 1886. Датируется по СпХ. Положено на музыку С. Грековым, И. А. Добровейном, С. Лаппо-Данилевским.

3. «Время». 1862, № 6, под загл. «Весна», текст из семи строф.- -

Изд. 1886. Датируется по СпК1, правленному Апухтиным. Во «Времени» между строфами 1 и 2 еще 2 строфы:

Но грустно мне! От городского шума
Напрасно я спастись бежал сюда:
И здесь меня гнетет всё та же дума,
И здесь мне злая чудится беда.
Засну ли я — в тиши мне снятся грозы,
В немой тоске томлюсь я наяву...
И падают из глаз усталых слезы
На свежую, немятую траву...

И кажется, чего б еще мне надо?
Здесь люди добры, день мой без трудов,
А вечером из дремлющего сада
Ко мне доходит запах от цветов;
А ночью звезды с высоты бездонной
Хранят безмолвно мирный сон полей,
И, не боясь насмешки фельетонной,
Один поет до утра соловей.

Положено на музыку Г. Л. Катуаром.

65. РС. 1860, № 4, в составе цикла «Весенние песни» (см. примеч. 62—64). Датируется по СпХ.

66. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75), без строфы 4, изъятой цензурой. - Печ. по С, с восстановлением строфы 4 по СпХ. Датируется по СпХ. Н. А. Добролюбов, сообщая в письме к И. И. Бордюгову от 20 сент. 1859 г. о вмешательстве цензуры и приводя вымаранные строфы этого, а также ст-ния «Селенье» (см. № 76), назвал автора «молодым правоведом, подающим надежды» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. М., 1964. Т. 9. С. 385—386).

67. Печ. впервые по СпК2. В СпХ текст под загл: «Воспоминание» с незначительными разночтениями. Датируется по СпХ.

68. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). СпК2, под загл. «Сосед (В. Е. Спичков)».

69. Печ. впервые по СпК2. В СпХ загл. «Последнее прощанье». Датируется по СпХ.

70. Изд. 1961, по СпХ.

71. Изд. 1895.

72. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). СпХ, под загл. «Первой розе». Датируется по СпХ.

73. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). Датируется по СпХ.

74. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по СпХК. Ст-ние представляет собой извинение за пародию «Боже, в каком я теперь упое-

нии...», задевшую Фета (см. № 265). Брат поэта В. Н. Апухтин в письме к А. В. Жиркевичу в 1906 г. вспоминал, что ст-ние было написано в связи с посещением Тургеневым и Фетом усадьбы Апухтиных. «Фет, встретив нас, младших детей, обратился со словами: „Где ваш старший брат? Я приехал надрать ему уши!" И долго не могли разыскать Алекс⟨ея⟩ Николаевича, пока не нашли со стихами» (ГМТ, арх. А. В. Жиркевича).

75. С. 1859, № 9, в составе цикла из 10 ст-ний «Деревенские очерки», с общей датой: 1859. Впоследствии цикл был расформирован. В Изд. 1886 вошло из него всего 2 ст-ния: «Вчера у окна мы сидели в молчанье...» (см. № 63 и примеч. к нему) и «Проселок». Текст последнего претерпел изменения. Черты некоторой социальной направленности ст-ния, написанного накануне реформы 1861 г., в поздней редакции были сглажены. Из текста первой публикации были исключены строки:

Между ст. 16 и 17:

Вот и деревенька, барский дом повыше...
Покосились набок сломанные крыши.

Между ст. 20 и 21:

Уж с серпами в поле шумно йдут жницы,
Между лип немолчно распевают птицы.

Ст. 21 в С.:

За клячонкой жалкой мужичок шагает.

Ст. 25—27 в С.:

Там скрипят обозы, там стоят ракиты,
Из краев заморских к нам тропой пробитой
Там идет крикливо всякая новинка...

Датируется по СпХ. Положено на музыку И. М. Кузьминых-Ланиным.

76. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). В ст-нии два последних ст. строфы 5 и строфа 7 были изъяты цензурой (см. примеч. 66).- - Печ. по СпХ, с восстановлением цензурных изъятий.

77. Изд. 1895. Датируется по СпХ. По свидетельству Е. К. Остен-Сакен (в одном из недатированных писем к А. В. Жиркевичу — ГМТ), поэт любил декламировать это ст-ние под музыкальное сопровождение А. А. Жедринского (ГМТ, арх. Жиркевича). Положено на музыку И. А. Горяиновой-Чегодаевой, Е. Н. Греве-Соболевской, В. С. Муромцевским, П. Перацким.

78. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). Датируется по СпХ.

79. С. 1859, № 11.- -Изд. 1895, по СпК2, правленному Апухтиным. СпХ и СпХК с небольшими расхождениями. Датируется по СпХ.

80. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по СпХК, где есть приписка: «Перед балом (скверный день)». См. след. примеч.

81. С. 1859, № 11. В СпХК и СпК2 ст. 14: «Я слышу смех толпы, я вижу труп кровавый»; в СпХ, правленном Апухтиным: «Ликующая

знать хоронит труп кровавый»; есть и другие мелкие разночтения. Датируется по СпХ. Написано в день годовщины Царскосельского лицея, во время бала, на который, в числе правоведов-выпускников, был приглашен и Апухтин.

82. Печ. впервые по СпХ. *Бал* 5-го дек.— традиционный бал в Училище правоведения в день его основания.

83. Изд. 1895. *Вольнис* Леонтина (1811—1876) — французская актриса, в 1850—1860-е гг. играла в Петербурге в Михайловском театре. В ст-нии говорится об исполнении ею роли Луизы, женщины, которую разлучили с ее ребенком, в пьесе Фредерика Сулье «Хуторок дроков» и роли служанки Николь в комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве».

84. «Русская старина». 1906, № 12, в тексте «Очерков моих воспоминаний» известной в свое время певицы Надежды Алексеевны Неведомской, по сцене Динар (1833—1905). Мемуаристка рассказывает о встречах с Апухтиным: «Он часто у нас бывал и, слушая меня, написал в мой альбом ... стихи» (Там же. С. 668). Альбом с автографом Апухтина — ЦГАЛИ.

85. Печ. впервые по СпХ.

86. «Время». 1861, № 3. В СпХ ст. 19: «Но идолами великими толпы». Датируется по СпХ. *Щербина* Николай Федорович (1821—1869) — поэт школы «чистого искусства», автор ст-ний на темы и в манере античной лирики. *Сикомора* — тутовое дерево. *Оракул* — в античном мире жрец, ответы которого на вопросы молящихся в храме исходили якобы от божества. *Хиосский слепец* — Гомер. *Гетера* — см. примеч. 266. *Где царь пред статуей любовью пламенел.* Царь Кипра скульптор Пигмалион (греч. миф.) влюбился в созданную им статую Галатеи. *Леда* (греч. миф.) — дочь царя Этолии; Зевс, плененный ее красотой, явился к ней в образе лебедя. *Аспазия* (V в. до н. э.) — жена греческого государственного деятеля Перикла, славившаяся умом и красотой. *Ганимед* (греч. миф.) — юноша, за красоту похищенный богами на Олимп, любимец и виночерпий Зевса.

87. Изд. 1886. Автограф в альбоме М. Д. Жедринской — ЦГАЛИ. Датируется по СпХ. А. В. Жиркевич вспоминал о незабываемом чтении этого ст-ния автором («Поэт милостию божией» // ИВ. 1906, № 11. С. 506). Перевод ст-ния на французский язык В. В. Барятинского — «Денница. Альманах 1900 года». Спб., 1900. С. 116. Положено на музыку А. В. Балашевым, П. П. Дервизом, М. Ф. Зориной, С. А. Зыбиной, М. Г. Китанным, Н. Р. Кочетовым, С. Ляпиным, А. И. Манном, В. С. Муромцевским, А. Рессером, А. Ю. Симоном, И. Н. Соколовым, Н. И. Сорохтиным; мелодекламация ст-ния аранжирована Е. П. Мельгуновой под музыку Э. Грига.

88. Изд. 1961, по СпХ.

89. Изд. 1895. Положено на музыку В. С. Муромцевским.

90. РС. 1860, № 4, в составе цикла «Весенние песни» (см. примеч. 62—64). Датируется по СпХ, где загл. «Ночная греза»; в СпК2 под загл. «Notturno».

91. Изд. 1961, по СпХ. Написано на следующий день после участия Апухтина в любительском спектакле «Что имеем, не храним, потерявши — плачем» (водевиль С. П. Соловьева, 1843). По окончании представления Апухтин сочинил экспромт «Для вас так много мы трудились...» (см. № 267). В 1859 г. поэт часто выступал на литературных вечерах, играл в спектаклях в пользу Литературного фонда. Современники (А. Ф. Кони, А. А. Стахович, Е. К. Остен-Сакен и др.) отмечали артистические способности Апухтина. Стахович, вспоминая о превосходном исполнении поэтом роли Фамусова, пишет, что он «прошел многие ступени ролей в „Горе от ума"» (Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 122). О своем исполнении роли Молчалина Апухтин писал в 1863 г. в письме к П. П. Мещерскому (ГПБ).

92. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по СпХК, где загл. «Н. П. К.» зачеркнуто. *Мы на сцене играли с тобой.* См. предыдущее примеч.

93. Изд. 1961, по СпК2, правленному автором. Написано в связи с получением известия о кончине 23 апр. 1859 г. матери поэта Марии Андреевны (см. о ней ст-ния 95, 97, 98, 103 и примеч. 103).

94. РС. 1860, № 4, в цикле «Весенние песни» (см. примеч. 62—64). СпК2, под загл. «Голос весны». Датируется по СпХ. Положено на музыку Г. Я. Фистулари.

95. Изд. 1886. СпХ, СпЧ и СпК2 под загл. «Матери», с разночтениями, после ст. 25 следуют 4 ст., отсутствующие в печатных изд.:

Ослабели забитые силы,
Тяжело утомленным ногам...
Добреду ли я с ним до могилы
Или с жизнью стряхну его сам...

Датируется по СпХ.

96. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898.

97. Изд. 1895. СпХ, под загл. «На могиле». Датируется по СпХ. На кладбище села Александровского Болховского уезда Орловской губ. похоронена М. А. Апухтина. Положено на музыку Ф. Ю. Бенуа, И. А. Бородиным, А. А. Борхманом, А. Б. Вилинским, С. Л. Волковым-Давыдовым, А. И. Гуровичем, Е. М. Еремеевым, М. Л. Пресманом, М. И. Якобсоном.

98. Изд. 1886. Автограф ст. 1—16 в собр. И. В. Помяловского (ГПБ). СпК2, с правкой автора. Датируется по СпХ, где загл. «В летний вечер». Положено на музыку Н. А. Айрамом, Н. Н. Амани, А. Е. Де-Буром, Ф. П. Ивановым, Г. Э. Конюсом, С. Лаппо-Данилевским, Н. А. Миклашевским, Д. Р. Кайгородовым, А. А. Петровым, П. Н. Речицким.

99. Изд. 1961, по СпК2. СпХ, под загл. «Сон» и посвящением Е. В. С-ф-ч — Елизавете Валериановне Сафонович (в замужестве Лазаревской), дочери В. И. Сафоновича, в 1854—1861 гг. орловского губернатора.

100. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). Датируется по СпХ, где загл. вписано автором.

101. Изд. 1886. Датируется по СпХ, под загл. «Ей же», т. е. Е. В. Сафонович (см. примеч. 99). Положено на музыку К. Захаровым, Л. Н. Клевенским, А. Н. Шефером.

102. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по СпХ, где загл.: «Ал. Ил. Чайковской». Александра Ильинична Чайковская (в замужестве Давыдова) (1842—1891) — сестра П. И. Чайковского. Лето 1859 г. семья Чайковских проводила на даче Голова на петергофской дороге под Петербургом, где часто гостил Апухтин.

103. С. 1859, № 9, в составе цикла «Деревенские очерки» (см. примеч. 75). Датируется по СпХ. Посвящено памяти матери — Марии Андреевны Апухтиной (1821—1859); ее смерть поэт тяжело переживал. Несколько ранее он писал о ней: «Мать моя — урожденная Желябужская — женщина ума замечательного, одаренная теплым симпатичным сердцем и самым тонким изящным вкусом. Ей, сколько мне кажется, обязан я этими порывами сердца высказывать свои ощущения» (письмо к П. А. Валуеву от 14 февр. 1856 г. // Собр. П. Я. Дашкова в ПД; адресат установлен на основании ответного письма Валуева Апухтину от 21 февр. 1856 г.// ЦГАЛИ, фонд Апухтина). Положено на музыку П. Г. Татариновым.

104. «Русский мир». 1860, 21 сент., с примеч.: «В этом стихотворении автор представляет себе покойного Мартынова в двух ролях: одной — комической, в комедии „Жених из долгового отделения“ и другой — трагической, в драме „Гроза“». Дата определяется днем смерти Мартынова (16 авг.) и публикацией ст-ния. *Мартынов* Александр Евстафьевич (1816—1860) — драматический актер, один из основоположников русской школы сценического реализма, мастер перевоплощения, создавший свыше 600 ролей, в т. ч. в пьесах Гоголя, Тургенева, Островского. В комедии И. Е. Чернышева «Жених из долгового отделения» (1858) играл роль Ладыжкина; роль Тихона в «Грозе» (1859) Островского — одна из вершин его творчества — исполнялась им как глубоко трагическая. Умер от чахотки во время гастролей в Харькове. Похороны его в Петербурге прошли при огромном стечении народа. Об увлечении Апухтина талантом Мартынова рассказывает П. В. Быков (Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 211).

105. Памятная книжка правоведов XX выпуска 1859 года / Составитель В. П. Мордвинов. Спб., 1894. Ч. 2. Написано к 25-летию Училища правоведения. В отчете о праздновании юбилея (Воспоминание о 5-м и 7-м декабря 1860 года. Спб., ценз. разр. 20 дек. 1860), где приведены все тосты и речи, ст-ние Апухтина не напечатано и о его произнесении не упоминается.

106. «Время». 1861, № 12, с посвящением А. Мосолову.- -Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Посвящение в журн. «Время», по-видимому, относится к Мосолову Александру Николаевичу (1844—1904), который, наряду со служебной деятельностью по министерству внутренних дел, выступал как литератор, драматург. По воспоминаниям современников (М. И. Чайковского, А. Ф. Кони), Апухтин был великолепным исполнителем своих произведений. Кони писал, что на вечерах Литфонда в начале 1860-х гг. поэт любил читать ст-ние «Актеры» (Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 305).

107. «Время». 1862, № 2, с вар. ст. 1—2: «Посреди безмолвных и послушных, Посреди доверчивых глупцов».- - Изд. 1961, по СпК1, с правкой автора. П. В. Быков вспоминает, что поэт «очень дорожил этим стихотворением, пояснив, что оно написано в один из самых горьких моментов его юношества, моментов, близких к отчаянию» (Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 118). В фельетоне «Дневник темного человека» («Русское слово». 1862, № 3. С. 6) Д. Д. Минаев поместил пародию на это ст-ние: «Посреди журнальных погремушек...».

108. Изд. 1961, по автографу в тетр. Хвостовой.

109. Изд. 1961, по автографу в тетр. Хвостовой.

110. Изд. 1961, по СпК2. Более ранний текст — в автографе тетр. Хвостовой, с вар. ст. 37—44:

А я? Я целый день с тоскою выжидала
Условную звезду,
Я обманула всех, я матери сказала,
Что спать к себе иду;
Я деньги раздала привратницам и слугам...
Почти обнажена,
В безмолвной полночи, чтоб повидаться с другом,
Бежала я одна.

Ахунд — почтенное, уважаемое лицо, подобие священного титула у магометан.

111. Изд. 1886, без строфы 4.- -Изд. 1961, где строфа 4 восстановлена по автографу в тетр. Хвостовой и СпЧ, в котором есть также посвящение П. И. Чайковскому. В СпК1 строфа 4 вычеркнута неизв. рукой. Датируется по СпЧ. Основная тема 5-й симфонии Бетховена — борьба с судьбой. *Судьба, как грозный часовой* — отзвук ст-ния Пушкина «Анчар» (1828): «Анчар, как грозный часовой». Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

112. Печ. впервые по автографу в тетр. Хвостовой. Датируется предположительно по расположению в тетр. среди ст-ний 1863 г. *Песня Дездемоны.* Незадолго до кончины героиня трагедии Шекспира поет грустную песню про иву.

113. Изд. 1961, по автографу в тетр. Хвостовой. Датируется предположительно (см. предыдущ. примеч.).

114. Изд. 1886. Черн. автограф — ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Датируется по СпК1. Автоперевод на французский язык «Où est le bonheur» (см. № 330). Положено на музыку А. С. Аренским, И. Р. Баженовым, П. П. Дервизом, Г. Л. Катуаром, В. С. Косенко, С. Лялиным, И. М. Офросимовым, С. Сорокиным, Я. С. Степовым, А. С. Танеевым, С. И. Танеевым, А. К. Тарновским, Н. И. Харито, А. Н. Шефером. Исполнялось как цыганский романс на музыку И. А. Бородина.

115. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898.

116. Изд. 1886. В СпК2 другой — зачеркнутый — вар. строфы 2:

Если вы любите небо родное,
Если к чему-нибудь вы прикасалися,—
Горько за вас мне и жалко вас вдвое...
Лучше б вовек вы с любовью не зналися!

Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку С. М. Блуменфельдом, Н. Н. Броневским, В. И. Вердеревским, Е. Б. Вильбушевичем, А. А. Давидовым, А. К. Дрейером, С. Лялиным, Н. А. Миклашевским, П. М. Овчинниковым, Е. Покорской, В. И. Ребниковым, К. Регамэ, Н. А. Соколовым, Э. В. Соломирским, М. Л. Толстым.

117. Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. В дневнике А. В. Никитенко есть запись о чтении этого ст-ния Апухтиным (см. примеч. 130). В оглавлении экз. Изд. 1898, принадлежавшего А. А. Блоку (б-ка ПД), загл. ст-ния подчеркнуто. Положено на музыку А. П. Васильевым.

118. «Русская мысль». 1885, № 3, в числе шести ст-ний под общим загл. «Песни былых годов».- -Изд. 1886. Датируется по СпК1. После успеха «Года в монастыре» редакция «Русской мысли» обратилась к Апухтину с просьбой дать стихи для журнала. «Наконец я решил так,— писал Апухтин Г. П. Карцову 10 февр. 1885 г., сообщая об этих переговорах.— Будет общее название „Песни былых годов". В мартовской книжке в эту рубрику войдут: „Моление о чаше", „Дорожная дума", „Любовь", „В убогом рубище...", „Когда Израиля..." и собственно для Александры Валерьяновны, как она всегда требовала pour la bonne bouche ⟨на закуску (фр.) — Ред.⟩ — „Я ее победил"» (фонд Панаевой-Карцовой — ЦГАЛИ). По замыслу автора, цикл должен был быть дополнен еще шестью ст-ниями. Печатание «Песен былых годов» поэт предполагал продолжить. Во 2-й тетр. Карцова рукой Апухтина под таким же общим загл. с нумерацией 7—12 выписаны загл. ст-ний: «В темную ночь, непроглядную...», «Нине», «День ли царит...», «Накануне», «Странствующая мысль», «Памятная ночь». Из-за разрыва с «Русской мыслью» (см. примеч. 148) план не был осуществлен. Александра Валерьяновна — Панаева (см. о ней примеч. 199—200). Положено на музыку А. Далматовым.

119. «Русская мысль». 1885, № 2.- - Изд. 1886. Датируется на основании данных о пребывании Апухтина летом 1867 г. в Тверской губ. По сведениям Ф. Н. Малинина, которые не представляется возможным проверить, в экземпляре «Метаморфоз» Овидия в переводе Фета, принадлежавшем Апухтину, а впоследствии А. В. Жиркевичу, на странице, где напечатано сказание о Ниобее, была вложена записка Апухтина следующего содержания: «Пожалуй, моя Ниобея, написанная по памяти, без подлинника, тотчас после оживленного спора о скандинавских сагах, русском былинном эпосе, греко-римской мифологии, германских нибелунгах и пр. с пассажирами на пароходе из Ржева в Тверь, все же лучше, чем этот фетовский подстрочник». По поводу публикации «Ниобеи» в «Русской мысли» поэт писал Г. П. Карцову 22 февр. 1885 г.: «В оглавлении сказано: заимствовано из „Метаморфоз" Овидия. Это необходимая предосторожность. Если бы не было ничего сказано, меня обвинили бы в том, что я украл у Овидия; если бы было сказано: из Овидия, меня обвинили бы в том, что я неточно перевел» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Содержанием ст-ния послужил древнегреческий миф о *Ниобее*, известный в поэти-

ческой обработке римского поэта *Овидия* Публия Назона (43 до н. э.— 17 н. э.) в его книге *«Метаморфозы»*. Ниобея, жена царя *Фив Амфиона,* мать семи сыновей (*Исмена, Сипила, Тантала, Файдима, Дамасихтона, Алфенора, Илионея*) и семи дочерей, оскорбила жену Зевса *Латону*, мать близнецов *Аполлона* (Феба) и *Артемиды*, укорив ее в том, что у нее всего двое детей. За это Ниобея была наказана богами гибелью всех ее детей и превращена в скалу, источающую слезы.

120. Изд. 1896. По данным Ф. Н. Малинина (см. о нем с. 372), было написано как романс для Анны Захаровны Шишкиной, солистки цыганского хора Соколова; впоследствии вошло в сб. цыганских романсов. Положено на музыку А. С. Аренским, В. Е. Бюцовым, Г. П. Базилевским, А. А. Балабановым, К. К. Бахом, Н. Н. Броневским, Г. А. Гольденбергом, Е. Н. Греве-Соболевской, Е. О. Гунстом, П. П. Дервизом, А. Княжевичем, Г. Э. Конюсом, А. Н. Корещенко, В. С. Косенко, С. В. Кузнецовым, В. С. Муромцевским, А. А. Олениным, Д. Д. Привано, Н. В. Сизовой, Н. И. Сорохтиным, Г. Я. Фистулари, А. А. Шварцем, М. О. Штейнбергом.

121. Album de madam Olga Kozlow. М., 1883, под загл. «Романс», дата записи: 12 нояб. 1869 г.- -Изд. 1886. Датируется по СпК1. Положено на музыку П. И. Чайковским, а также Е. Ф. Аленевым, Ф. Ф. Багрецовым, Н. Н. Броневским, С. Г. Горстгофом, В. А. Данилевской, С. И. Донауровым, С. А. Зыбиной, С. В. Кузнецовым, С. Ляпиным, А. М. Миклашевским, Н. В. Пиликиным, З. А. Рейснер-Куманиной. Переведено на немецкий язык и положено на музыку Ю. И. Иогансоном.

122. Изд. 1896. Датируется по Изд. 1898.

123. «Русская мысль». 1885, № 3, под рубрикой «Песни былых годов», последний ст.: «Враждебные сонмы народа».- - Изд. 1886. Автограф в Отделе рукописей Гос. б-ки им. Ленина. СпК1, с правкой автора. Датируется по изд. 1898. В основу ст-ния положен евангельский рассказ о молитве Христа Богу-отцу в Гефсиманском саду накануне осуждения на казнь. В поэтическом переложении приведены выражения из Евангелия от Матфея, гл. 26: *«Когда-то возможно...»* и т. д.— ст. 39; *«Как не могли вы...»* и т. д.— ст. 40—41; *«Но если не может меня миновать...»* и т. д.— ст. 42. *Побдети* — от старослав. „бдѣть“ — бодрствовать, не спать.

124. «Гражданин». 1873, 1 янв., подпись: Б.- - Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Датируется по изд. 1898. *Монплезир* (от франц. mon plaisir, т. е. мое удовольствие) — летний дворец Петра I на берегу Финского залива в Петергофском парке.

125. «Гражданин». 1872, 17 янв., подпись: А. СпК1, с правкой автора. Написано в имении князей Шаховских под Москвой — селе Покровском, где поэт гостил осенью 1868 г.

126. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по предыдущему ст-нию.

127. «Северный вестник». 1886, № 1. Датируется по СпК1.

128. Изд. 1896. *Пигмалион, Галатея* — см. примеч. 86.

129. «Гражданин». 1872, 14 февр., подпись: А.- - Изд. 1961, по автографу в альбоме Г. П. Данилевского (ГПБ), с датой записи: 14 окт. 1869 г. Написано под впечатлением французской оперетты «Маленький Фауст» (музыка Ф. Эрве, либретто Кремье; в русском переводе В. С. Курочкина шла под назв. «Фауст наизнанку»), поставленной в Петербурге летом 1869 г. *Гретхен* (Маргарита) в «Маленьком Фаусте» была изображена кокоткой. Оперетта была воспринята Апухтиным как грубая профанация «Фауста» Гете.

130. Изд. 1886. Датируется по СпЧ, где загл.: «Введение к песням о Севастополе» наводит на мысль, что был задуман или существовал цикл подобных песен. В «Дневнике» А. В. Никитенко 14 янв. 1871 г. записано, что накануне он слышал в чтении Апухтина ст-ния «Севастополь» и «Гадальщица»: «Я вообще мало доверяю стихам нынешних поэтов, но настоящие, к моему удовольствию, оказались прекрасными, особенно „Севастополь"» (Дневник. Л., 1956. Т. 3. С. 193). *Что певали отцы в Бородинском бою* и т. д. Этими строками автор, возможно, имел намерение подчеркнуть преемственную связь ст-ния с такими произведениями, как «Бородино» (1837) Лермонтова, «Осень во время осады Очакова» (1788) Державина. *Очаков.* Речь идет об осаде турецкой крепости Очаков русскими войсками во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Осада длилась около полугода и завершилась кровопролитным штурмом и взятием крепости 6 дек. 1788 г. *Как сходили враги без числа с кораблей* и т. д. Во время Крымской кампании 1853—1856 гг. России противостояла коалиция Англии, Франции, Турции и Сардинии. *И одиннадцать месяцев длилась резня* и т. д. Героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся с сент. 1854 г. по авг. 1855 г., сковала главные силы противника.

131. Изд. 1886 (в Изд. 1893 в ст. 5 опечатка: «образцы» вместо «образы»). СпЧ, с незначительными разночтениями, под загл. «Валуеву». Датируется по СпК1 и СпЧ. *Валуев* Алексей Алексеевич (1849—1904) — правовед, однокурсник М. И. Чайковского, приятель Апухтина.

132. «Северный вестник». 1886, № 1. СпК1, с правкой автора. В СпЧ ранняя ред., с зачеркнутым загл. «Валуеву» и поправками рукой Апухтина. Ст. 9 и далее до конца:

По-прежнему везде неотразимо
Вопрос меня тревожит роковой:
Что нá сердце твоем? Царит ли в нем покой
Или тоской оно томимо,
И где-то ты теперь, и кто теперь с тобой?
По-прежнему тот день я ненавижу,
Когда не выскажу тебе моей тоски,
Твоей приветливой улыбки не увижу
И не пожму твоей руки.

Датируется по СпЧ и Изд. 1898.

133. Изд. 1886. Датируется по СпК1. Ст-ние проникнуто мыслью о покойной матери (см. примеч. 103).

134. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898.

135. Изд. 1886. СпК1 и СпЧ (где текст неполный), с правкой автора; 4-я ч. как самостоятельное ст-ние, в др. ред. с 1-й строкой: «В ночь непроглядную с криком печали...» — альбом М. Д. Жединской (ЦГАЛИ). Датируется по Изд. 1898. Эпиграфы — из заупокойного католического богослужения-реквиема. 1-я, 2-я и 5-я ч. ст-ния представляют собой поэтическое переложение отдельных мест реквиема. В ответ на предложение Константина Романова (поэта «К. Р.» — см. о нем примеч. 231) — сочинить музыку на текст «Реквиема» П. И. Чайковский писал: «...многое в этом стихотворении Апухтина, хоть и высказано прекрасными стихами, музыки не требует, даже скорее противоречит сущности ее. Например, такие стихи, как „В это мгновенье ему не сказали: Выбор свободен — живи или нет. С детства твердили ему ежечасно..." и т. д. Вся эта тирада, проникнутая пессимистическим отношением к жизни, эти вопросы: „К чему он родился и рос?" и т. п., все, что отлично выражает бессилие человеческого ума перед неразрешимыми вопросами бытия, не будучи прямым отражением чувства, а скорее формулированием чисто рассудочных процессов,— трудно поддается музыке» (письмо к К. К. Романову от 26 сент. 1893 г.// Чайковский П. И. ПСС. М., 1981. Т. 17. С. 193). Ст-ние отмечено Блоком в его экз. Изд. 1898 (б-ка ПД).

136. Изд. 1886. Автограф — ДМЧ. Ст-ние, очевидно, было послано П. И. Чайковскому как текст для романса, но композитор музыки не написал. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку Е. Ф. Аленевым, И. А. Бородиным, Н. Н. Броневским, Ганике, А. Е. Де-Буром, Н. И. Зубусовым, Н. Р. Кочетовым, С. Лаппо-Данилевским, Н. К. Ленцем, П. Ф. Мейендорфом, А. Н. Мыновым, В. М. Орловым, М. Н. Офросимовым, Б. Ситкиным, В. П. Степановым, Н. А. Тутковским, О. Ф. Чигирь, П. П. Шенком.

137. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Скорее всего ст-ние навеяно литературными реминисценциями (баллада «Лесной царь» Гёте в переводе Жуковского, сказка Андерсена «Снежная королева» и др.). В скандинавском фольклоре трудно выявить сюжет, который мог быть положен в основу ст-ния. Не исключено, что подзаг.— *из норвежских сказок* — в данном случае литературная мистификация.

138. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898.

139. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку В. С. Косенко.

140. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898.

141. Album de madam Olga Kozlow (Autographes). M., 1883 (с датой записи 25 янв. 1875 г.).- - Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. *Козлова* Ольга Александровна — жена поэта и переводчика П. А. Козлова. Ее альбом с автографами известных русских и иностранных писателей был издан в 1883 г. (40 экз.) и в 1889 г. (10 экз.). *Все струны порвались, но звук еще дрожит* и т. д. Ср. четверостишие С. Я. Надсона (1886):

Не говорите мне: «Он умер».— Он живет!
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает!..

142. «Новь». 1886, № 10, март. СпК1, с разночтениями и припиской Карцова: «Диктовано мне А. Н. Апухтиным 9-го марта 1882 г. у рыцарей» («Рыцари» — комната с изображением рыцарей на обоях в ресторане Чеснокова на Б. Конюшенной в Петербурге, где часто бывал Апухтин). Датируется по Изд. 1898. Из-за неточностей, допущенных в публикации ст-ний «Разбитая ваза» и «Мухи» (см. примеч. 324, 156), Апухтин порвал отношения с редактором-издателем «Нови» М. О. Вольфом, однако последний, по выражению поэта, „держал в плену“ «Старую цыганку». Не исключено, что ст-ние появилось в «Нови» вопреки желанию автора. П. Столпянский в статье «Кое-что о цыганах» утверждает, что фабула «Старой цыганки» не была выдумана поэтом, и «осанистый князь» и «красавица-цыганка Маша» были живыми лицами; этот рассказ весь полон реальными подробностями...» («Столица и усадьба». 1915, № 34. С. 16). *Яр* — ресторан в Москве, славившийся цыганскими хорами. «*Жарче дня и огня*» — строка из ст-ния А. В. Кольцова «Русская песня» («Я любила его...»), положенного на музыку А. Е. Варламовым и др. композиторами и ставшего русской народной песней. *Коренная* — Коренная пу́стынь, монастырь под Курском, известный ежегодными ярмарками.

143. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. *Даргомыжский* Александр Сергеевич (1813—1869) — композитор; многие его музыкальные сочинения написаны по произведениям Пушкина. *Мы песни ждем твоей.* Очевидно, имеется в виду работа Даргомыжского в 1860-е гг. над оперой «Каменный гость» (на текст трагедии Пушкина). «*Волшебной силой песнопений*» — несколько измененная строка из эпилога поэмы Пушкина «Цыганы» («Волшебной силой песнопенья»). *Венец терновый, неправый суд* — намеки на ст-ние Лермонтова «Смерть поэта» (1837), бывшее долгое время под запретом. «*Русалка*» — опера Даргомыжского на сюжет одноименной драмы в стихах Пушкина, поставленная в Петербурге в 1856 г. По свидетельству биографа Апухтина М. И. Чайковского, поэт восторженно относился к «Русалке», «не пропускал ни одного представления» (Изд. 1895. С. XXV). «*Его тоскующую тень*» — контаминация пушкинских строк: «Его тоскующую лень» («Евгений Онегин», гл. I) и «Его развенчанную тень» («Наполеон»).

144. «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии». Спб., 1874. - - Изд. 1886. Автограф в собр. П. Я. Дашкова (ПД) совпадает с текстом «Складчины». Список в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ) с др. вар. строфы 11:

И, доблесть отцов забывая,
На оргию этой гурьбы
Ушла молодежь золотая
Позорить родные гербы.

Датируется по автографу. В ст-нии изображено традиционное великосветское гулянье на стрелке Елагина острова в Петербурге, происходящее вскоре после объявления Франко-прусской войны (1870—1871). *Баден*-Баден — немецкий курорт. *Бисмарк* Отто (1815—1898) — в то время министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. *Как весело Рейс выступает, как грустен*

несчастный Флери. Намек на немецкое (Рейс) и французское (Флери) происхождение фамилий.

145. «Гражданин». 1873, 15 янв., под загл.: «Посвящается М. В.», подпись: Б. - - Изд. 1886. В «Гражданине» ст. 1—4:

Ты прав — бывают дни, когда мой старый гений
Опять меня зовет приветлнвой рукой,
И тает грудь моя от сладких песнопений,
И ярко образы толпятся предо мной.

В СпК1 и СпЧ ред. «Гражданина», под загл. «В. Мещерскому» н «Кн. Мещерскому». После разрыва отношений с В. П. Мещерским Апухтин снял загл. н изменил начало ст-ния. Время написания определяется датой в «Гражданине» —14 мая 1870 г.— и окончательиой ред. Мещерский Владимнр Петрович (1839—1914) — правовед, впоследствии реакционный журналист, редактор-издатель газеты «Граждаиин». Одно время Апухтин был блнзок с Мещерским, потом они разошлнсь. «Когда-то, осыпая меня преувеличенными похвалами,— писал Апухтин М. И. Чайковскому в 1885 г.,— Мещерский уговорил меня участвовать в «Гражданине», что ие принесло мне ничего, кроме неприятностей. Потом без моего ведома и вопреки моему желанию поместил в своем сборнике несколько неизданных монх стихотворений, поступок беспримерный» (ДМЧ). *Приветствую вас, дни труда и вдохновенья* — отзвук ст-ння Пушкина «Деревня» (1819): «Приветствую тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов н вдохновенья...»

146. Изд. 1896. Датируется по Изд. 1898.

147. «Гражданин». 1872, 3 янв., с подзаг. «Русский сон в летнюю ночь», подпись А. - - Изд. 1886. Список на бумаге с вензелем Апухтина, правленный автором (?) — ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Датируется на основании пнсьма Апухтина к М. И. Чайковскому от 1 дек. 1871 г.: «В первом № „Граждаиина“ появнтся „Недостроенный памятник“» (ДМЧ). По распоряжению С. Петерб. цензурного комнтета в 1887 г. ст-ние было изъято нз кн. «Литературный чтец: Сборник стнхотворений для чтення на лнтературных вечерах, драматнческих курсах, в концертах и театральных днвертисментах», составленный Ив. Щегловым (ЦГИАЛ, фонд 777). Биограф Апухтнна М. И. Чайковский, говоря о взглядах поэта на нсторию, подчеркивал, что: «наиболее пленял н захватывал его интерес — век Екатерины» (Изд. 1895. С. XXIII). Корреспондентка А. В. Жиркевнча Е. К. Остен-Сакен вспоминала, что на любительскнх вечерах Апухтину особенно удавалась «роль» памятника Екатерине II (ГМТ, архив А. В. Жиркевича). *Недостроенный памятник* — памятник Екатерине II, сооружавшийся в 1862—1873 гг. по проекту М. О. Микешина и Д. И. Гримма на площади перед зданием Александринского театра в Петербурге. *Принцессою кочующей и бедной.* Екатерина II происходила из рода немецких князей Анхальт-Цербстских, в 1744 г. прнехала в Россию, в 1745 г. стала женой наследника престола, с 1761 г. императора Петра III, в 1762 г., совершив дворцовый переворот,— взошла на русский престол (1762—1796). *Как высоко взлетел орел двуглавый* и т. д. В царствование Екатерины II в результате актнвной внешней политики (победы в войнах с Турцией, разделы Польши — к Россин были присоединены Крым, Правобережные Украина и Белоруссня,

Курляндия) вырос международный престиж страны. *С дворянства моего оковы были сняты.* «Жалованная грамота дворянству» (1785), как и ранее принятые законодательные акты (1762, 1775), закрепляла за дворянством сословные привилегии; оно освобождалось от рекрутской повинности, телесных наказаний, были утверждены представительные губернские судебные учреждения. *В столицу Грозного сзывались депутаты.* В 1767 г. в Москву собрались депутаты от дворянства в Комиссию по уложению для обсуждения «Наказа» Екатерины II. *Из недр степей вставали города.* На осваиваемых южных землях при Екатерине II создавались новые города: Екатеринославль, Херсон, Николаев, Севастополь. *Тавриды князь* — Потемкин (см. о нем примеч. 311). *Дидро* Дени (1713—1784) — французский философ-материалист и писатель, преследовался правительством за распространение революционных идей, состоял в переписке с Екатериной II, в 1773 г. посетил Россию. *Однажды пасквиль мне решилися подать.* По-видимому, речь идет о книге аббата д'Отроша «Voyage en Sibérie fait en 1876» 〈«Путешествие в Сибирь, совершенное в 1768 г.»〉, в которой страна и ее правительница изображались в негативных тонах. Ответом на книгу явилось анонимное сочинение «Antidote» 〈«Противоядие»〉. Амстердам, 1771, автором которого считают Екатерину II. *Качалася на мне корона золотая.* Имеется в виду крестьянская война 1772—1774 гг. под водительством Е. Пугачева. Общий взгляд на деятельность Екатерины II, данный в ст-нии, соотносится с ее оценкой историком В. О. Ключевским: «В каком бы обществе ни вращалась Екатерина, что бы она ни делала, она всегда чувствовала себя как бы на сцене...» (Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 33).

148. «Русская мысль». 1885, № 3, под общ. загл. «Песни былых годов». — Изд. 1886. СпК1, под загл. «Скерцо» и с посвящением В. А. Жедринскому. СпК2, с правкой автора и его припиской: «Киев». Очевидно, ст-ние написано в 1871 г., когда Апухтин был в Киеве и встречался там с В. А. Жедринским (см. о нем примеч. 283). Опечатка в журнальном тексте («недвижима» вместо «недвижна») рассердила Апухтина: «Это привело меня в страшное бешенство,— писал он Г. П. Карцову 17 марта 1885 г.— Теперь, конечно, обвинят меня во всех газетах в незнании стихосложения... Очень рад поводу порвать сношения с „Русской мыслью"...» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой).

149. «Гражданин». 1872, 14 февр., подпись: А. Автограф — в недатированном письме к виолончелисту и композитору Карлу Юльевичу Давыдову (Отдел рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина). В этом письме Апухтин выразил неудовольствие по поводу переделки какого-то из его неопубликованных ст-ний для романса и, желая загладить недоразумение, предложил Давыдову новое: «Мне может быть только лестно, если такой художник, как Вы, черпаете вдохновение в моих стихах». Положено на музыку А. И. Бернардом, Ю. И. Блейхманом, А. А. Олениным, Г. Я. Фистулари.

150. «Гражданин». 1872, 21 февр., в редакционной статье «Двадцатипятилетний юбилей А. Н. Островского и его „Дмитрий Самозванец" на петербургской сцене», где ст-ние приведено как «экспромт, которым на днях на скромном обеде в честь А. Н. Островского один из гостей А. Н. А〈пухтин〉 приветствовал почтенного

драматурга». СпК1, с подзаг. «На обеде 18 февраля». Список в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ) под загл. «Экспромт, сказанный А. Н. Апухтиным за обедом в день празднования 25-летиего юбилея А. Н. Островского». В ст-нии упомииаются названия пьес Островского.

151. Изд. 1886 (в Изд. 1893 в ст. 2 опечатка: «слеза» вместо «душа»). В СпК1 загл. «Слеза (романс)» исправлено автором на «Твоя слеза». Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку Ф. Ю. Бенуа, С. М. Волконским, С. Г. Грастгофом, С. П. Дягнлевым, С. А. Зыбиной, Б. Л. Левнизоном, Л. А. Осиповым, В. Б. Поллаком, Н. Р. Романовой.

152. «Русская мысль». 1885, № 3. - - Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Положено иа музыку И. Р. Баженовым, К. В. Верховским, Д. А. Добкиным, У. Ульштейн, С. В. Юферовым; известно как цыганский романс на музыку Алексея Шишкниа.

153. М. О. Семенов. Воспомнпание об А. Н. Муравьеве. Киев, 1875. - - Изд. 1895. Семенов пишет: «В июне 1873 г., проездом через Киев, знакомый А. Н. Муравьева Апухтин оставил на память стихи, посвященные А. Н.» (С. 134). *Муравьев* Андрей Николаевич (1806—1874) — писатель, автор книг по истории религии и церкви, жил в Киеве неподалеку от Андреевской церкви, на холме, откуда открывался прекрасный вид на город.

154. Изд. 1886. Датируется по спнску Жедринских (ЦГАЛИ, фоид Апухтниа), где есть разночтения. О своем настроении, созвучном тому, что выражено в ст-нии, поэт 25 июля 1873 г. поведал в письме к П. И. Чайковскому из Рыбницы: «Особенно люблю — просто до сумасшествия — шум деревьев; мне кажется, что они благосклонно и нежио охватывают меня своим говором, точно говорят: „Слушай нас, слушай, слушай: мы к тебе не переменимся, мы тебя не обидим, не будем язвить тебя, и без того тебе много горя...“» (ДМЧ). Положено на музыку А. А. Кошиц.

155. Изд. 1898. - - Изд. 1961, по датированному автографу в альбоме М. Д. Жедринской — ЦГАЛИ. СпК1, с припиской: «Рыбницк⟨ий⟩ вестник». *Жедринская* Мария Дмитриевна — жена А. Н. Жедринского, бывшего в 1866—1881 гг. курским губернатором. Апухтин сблизился с семьей Жедринских, особенно с их сыновьями Владимиром и Александром. После смерти своих родителей и раздела имущества с братьями поэт перестал бывать в родном селе Павлодар и в конце 1870-х — начале 1880-х гг. часто проводил лето в имении Жедринских Рыбница, Орловской губ. Судя по приписке в СпК1, в Рыбнице существовал рукописный сборник или журнал, в котором помещались ст-ния Апухтина.

156. «Новь». 1885, № 7.- - Изд. 1886. Черн. автограф начала ст-ния без загл.— в собр. П. Я. Дашкова (ПД). СпК1, с правкой автора. Датируется на основании письма Апухтина к П. И. Чайковскому от 25 июля 1873 г., в котором поэт обещает прислать в след. письме ст-ние «Мухи» (ДМЧ). «В „Нови“ появились „Мухи“,— писал Апухтин 22 февр. 1885 г. Г. П. Карцову.— На этот раз Вольф прислал мне корректуру, на которой я усмотрел, что вместо „сильнее и

больнее“ напечатано: „сильней и сильнее“. Я поправил, а они напечатали по-своему» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Это обстоятельство послужило поводом для разрыва поэта с редактором-издателем «Нови» М. О. Вольфом (см. примеч. 142). Положено на музыку Е. Безродной, В. В. Варгиным, Е. Н. Греве-Соболевской, В. А. Икскюль, Н. Ф. Киршбаумом, Н. Л. Сасс-Тисовским, А. В. Щербачевым, И. Эбелем. Ин. Анненский посвятил памяти Апухтина ст-ние «Мухи, как мысли» (1904).

157. Изд. 1886. Датируется по СпК1. Обращено к молодой француженке, родом из Швейцарии, гувернантке дочери Жедринских; в ее комнате в доме губернатора в Курске Апухтин останавливался проездом.

158. Изд. 1895, только часть 1.- - Изд. 1961, по СпК1, с правкой автора. Поэт очень увлекался цыганской музыкой и пением. «Когда Таня поет: „Расставаясь, она говорила: не забудь ты меня на чужбине“, я реву во всю глотку...» — писал он П. И. Чайковскому в 1880 г. (ДМЧ). *Гончаров* Александр Иванович — друг Апухтина, любитель цыганского пения. *Живодерка* — рынок в старой Москве. *Индейца бедные сыны.* Полагают, что цыгане по происхождению связаны с кочевниками северной Индии. *«Лен»* — русская народная песня «Лен ты мой, лен...», получившая распространение в цыганском исполнении. *«Утро туманное»* — романс А. М. Абазы на текст ст-ния И. С. Тургенева «В дороге» (1843). *Паша поет, не для ней, вишь, весна.* Имеется в виду цыганский романс Н. А. Шишкина «Не для меня придет весна...».

159. Изд. 1896. *Карпов* Николай Дмитриевич (1823—1873) — близкий друг семьи Апухтиных, знавший поэта с детства и имевший, по словам брата поэта Владимира, «большое влияние на его жизнь» (Письмо к А. В. Жиркевичу от 1 мая 1908 г. // ГМТ, архив А. В. Жиркевича).

160. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898.

161. Изд. 1896. Список (или автограф?) с незначительными разночтениями на отд. листе вложен в альбом Е. И. и Л. А. Боратынских (ЦГАЛИ).

162. «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Спб., 1876, с незначительными разночтениями, с вар. ст. 18: «Язвительно смеясь над раболепным веком».- - Изд. 1886. Два автографа: в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ), с текстом «Братской помочи» и в письме по-французски к неизвестной даме (ЦГАЛИ, фонд Апухтина), с текстом, близким к Изд. 1886. Датируется годом смерти Тютчева (1873) и письмом Гербеля к Апухтину 21 дек. 1875 г. с просьбой дать ст-ние «Памяти Ф. И. Тютчева» для сб. «Братская помочь» (ПД). По свидетельству А. В. Жиркевича в его статье «Поэт милостию Божией», «Апухтин восторгался Тютчевым, которого хорошо знал лично и которого читал вслух как-то особенно, точно священнодействуя...» (ИВ. 1906, № 11. С. 499).

163. Изд. 1886. Датируется по СпК1, в нем посвящения нет. О М. Д. *Жедринской* см. примеч. 155. Положено на музыку А. П. Ва-

сильевым, К. В. Верховским, А. Б. Вилинским, В. П. Калафатти, Н. Р. Кочетовым, А. Г. Лембой, А. А. Олениным, Г. Д. Привано, А. Рессером, Н. А. Тутковским, А. В. Щербачевым.

164. Изд. 1886. СпК, с правкой автора, строфа 9 вписана его рукой. Поэт посетил Венецию в 1874 г., был очарован ею. «О ней можно писать целые томы»,— признавался он в письме к П. П. Мещерскому от 21 мая 1874 г. (ГПБ). *Микьяли, Пезаро, Фоскари, Пучи* — старинные знатные венецианские роды; дворцы их служат украшением города. *Анконские поместья* — владения на берегах Адриатического моря в провинции Анкона. *Палаццо* — от итальянского palazzo — дворец. *Триест* — город на северо-востоке Италии. *Совет десяти* — орган правления Венецианской республики, созданный в 1310 г., выполнявший также судейские функции. *Роковой Лепантский бой.* Греческий город Лепанто, принадлежавший Венеции, в 1499 г. был захвачен Оттоманской империей. В 1571 г. в морском сражении вблизи Лепанто испано-итальянский флот ценой больших потерь одержал победу над турками, однако из-за расхождения в лагере союзников Венеции не удалось вернуть Лепанто. *Дож* — правитель Венецианской республики. *Веронезе* Паоло (1528—1588) — художник венецианской школы. *Генрих Третий* (1551—1588) — сын французского короля Генриха II, получивший польский престол; после смерти брата, французского короля Карла IX, тайно покинул Польшу, через Италию возвратился во Францию и стал королем. *Церковь Фрари* — венецианская церковь, памятник архитектуры XIII—XIV вв. *Канова* Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, его гробница находится в церкви Фрари. *Пытки, казни* и т. д. История Венецианской республики отмечена междоусобной борьбой аристократических родов за власть. *Мост Dei Sospiri* — Мост вздохов, крытая галерея, соединяющая дворец дожей с тюрьмой. *Марк* — собор Святого Марка; вместе с прилегающей к нему площадью образует архитектурный ансамбль — центр Венеции. *Твой лев* — геральдическое изображение льва, эмблемы Венеции, на мраморной колонне возле дворца дожей.

165. «Северный вестник». 1886, № 1. СпСО, с разночтениями. Датируется по Изд. 1898. *В темную ночь непроглядную* — строка из цыганского романса, начинающегося этими словами.

166. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Написано под впечатлением пасхальной заутрени в Московском Кремле. *«Праздником праздник»* — праздник из праздников, название Пасхи в одном из пасхальных песнопений.

167. «Русская мысль». 1885, № 3. Датируется по Изд. 1898. Начало ст-ния представляет собой изложение библейского стиха, обозначенного в эпиграфе. *Исход* — одна из книг Библии, повествующая об уходе евреев из Египта. Положено на музыку П. Г. Чесноковым.

168. XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Спб., 1884.- - Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898.

169. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку П. П. Дервизом.

170. Изд. 1896, с другим расположением строф.- - Изд. 1961, по СпК2, с правкой автора. Датируется на основании упоминания о М. Н. Лонгинове; его цензорская деятельность относится к 1871—1878 гг. Ст-ние представляет собой перепев ст-ния Пушкина «Моя родословная» (1821). Ст-ние Апухтина направлено против демократической литературы и журналистики 1860-х гг. *Россия встала ото сна* — отзвук пушкинской строки из ст-ния «К Чаадаеву» (1818): «Россия вспрянет ото сна». *Камбек* Лев Логинович — журналист, редактор-издатель еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862), известный своим обличительством мелких нелепостей общественной жизни. *Вифанский, Гиероглифов.* Апухтин подчеркивает недворянский, типичный для разночинца из духовной среды характер этих фамилий. П. Н. Вифанский — беллетрист, сотрудник «Современника»; Александр Степанович Гиероглифов (1824—1900) — журналист, редактор еженедельника «Русский мир». *Хрия* — семинарская риторическая речь. *Что Пушкин был не идиот* и т. д. Автор вульгаризирует и высмеивает эстетические взгляды представителей демократической критики, в первую очередь Д. И. Писарева. *Стрижом, лукошком, бутербродом* — намек на журнальную полемику 1860-х гг. «Стрижами» М. Е. Салтыков-Щедрин прозвал Ф. М. Достоевского и сотрудников его журнала «Эпоха»; «лукошко» и «бутерброд» — слова, взятые из полемического словаря критика «Современника» М. А. Антоновича в его спорах с «Русским словом». *Соллогуб* Владимир Александрович (1813—1882) — писатель, *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик; приводя эти фамилии, автор имеет в виду их принадлежиость к родовитому дворянству. В 1860-е гг. Соллогуб и Вяземский стояли на позициях, враждебных демократической литературе и журналистике. *Лонгинов* — см. примеч. 285. *Минаев* Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт, сотрудник демократических изданий 1860-х гг.: «Современника», «Искры», «Гудка» и др. *Булгарин* — см. примеч. 262.

171. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку П. И. Чайковским (1886), а также Е. М. Балкашиной, Е. Б. Вильбушевичем, П. П. Дервизом, С. И. Донауровым, Ю. И. Иогансоном (в переводе на немецкий яз.), М. Н. Офросимовым, А. В. Сологубом; известно как популярный цыганский романс в музыкальной обработке П. П. Веймарна, С. В. Зарембы, А. А. Спиро. Б. А. Лазаревский вспоминал, как однажды слышал исполнение этого романса дочерьми Л. Н. Толстого: «Когда кончилось пение, Лев Николаевич поднял голову и сказал: „Как хорошо, как хорошо!“» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 312).

172. Изд. 1886. СпК2, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. *Самсон* — библейский герой, обладавший необыкновенной силой, был предан своей возлюбленной Далилой врагам — филистимлянам.

173. Изд. 1895. Автограф в письме к П. И. Чайковскому от 25 окт. 1877 г.: «Посылаю тебе маленькое стихотворение. Если найдешь возможным, напиши музыку и перешли мне. Оно написано в счастливую минуту, и я страстно желаю п е т ь его. Пробовал сам написать романс — не удается» (ДМЧ). Положено на музыку В. С. Муромцевским.

174. Изд. 1886. В СпК1, с правкой автора, в подзаг. «Во время

представлення Макбета» (последнее слово исправлено на «Росси»), зачеркнут эпиграф: «Поклонник всякого успеха, авторитета жалкий раб. Веневитинов». Датируется по СпК1. *Росси* Эрнесто (1827—1896) — итальянский актер-трагик, в 1877 г. впервые гастролировал в России.

175. Изд. 1895. Датируется по СпК1. Апухтин познакомился с Толстым, как он рассказывал А. В. Жиркевичу, у И. С. Тургенева (по-видимому, в 1850-е гг.). Его отношение к Толстому, выраженное в этом ст-нии, так же как и в письме к П. И. Чайковскому в мае 1866 г. («Для меня в современой русской литературе есть только одно дорогое имя: Л. Толстой» — ДМЧ), изменилось в 1880-е гг. в связи с переломом в мировоззрении Толстого. Об этом поэт писал Жиркевичу в янв. 1891 г. (ИВ. 1906, № 11. С. 484). 31 окт. 1891 г. Апухтин обратился к Толстому с письмом (опублик. в «Лит. наследстве». № 37/38. М., 1939. С. 441), где, в частности, писал: «Давно уж я смотрю на Ваше превращение из художника в проповедника, как на свое личное горе...». Письмо осталось без ответа. По утверждению А. В. Жиркевича, Толстой не дочитал его до конца. В беседе с Жиркевичем «Толстой бранил Апухтина и как человека, и как поэта» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 16).

176. Изд. 1886. Датируется по СпК2, с правкой автора.

177—178. Изд. 1886, три ст-ния: «Братьям», «Равнодушный», «К поэзии», под общим загл. «Во время войны». - - Изд. 1898, под общим загл. «Во время войны», первые два ст-ния; они написаны под впечатлением событий Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Присоединение к ним в Изд. 1886 г. ст-ния «К поэзии», не имеющего отношения к войне, написанного в 1881 г. по другому поводу (см. №№ 199—200 и примеч. к ним), носит случайный характер. В СпК1 оно входит в др. цикл. Первое ст-ние датируется по СпК1, второе — по СпК2. Положено на музыку Е. Н. Греве-Соболевской.

179. Изд. 1895. Автограф в письме к П. И. Чайковскому от дек. 1877 г. (ДМЧ). 21 дек. 1877 г. композитор сообщил брату Анатолию: «Получил сегодня письмо от Лёли с чудным стихотворением, заставившим меня пролить много слез» (Чайковский П. И. ПСС. М., 1961. Т. 6. С. 321—322). Лёлей Чайковский называл Апухтина. В ст-нии поэт вспоминает годы ученья, проведенные вместе с П. И. Чайковским в Училище правоведения. *Музыкальная* — комната в Училище для занятий музыкой.

180. «Русский вестник». 1891, № 2. СпК2, с правкой автора из 3-х строф (нет строфы 1), с другим началом:

Долго с любовью, с тоской
Слушал я песни заветные
Птички моей дорогой.
Годы прошли незаметные...

Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку Г. Л. Катуаром.

181. Изд. 1896, под загл. «Две ветви». - - Изд. 1961, по СпК2. Датируется по Изд. 1898.

182. Изд. 1886. СпК1, с зачеркнутым загл. «Две чайки» и припиской Карцова: « Говорилось всегда под музыку А. А. Жедринского». Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку К. К. Бахом, П. А. Богдановым, С. И. Величковской-Бартеневой, Ю. В. Герхен, Р. М. Глиэром, С. Г. Голицыным, С. А. Зыбиной, М. М. Ивановым, И. М. Кузьминых-Ланиным, В. М. Корсунским, Н. Р. Кочетовым, А. Э. Мейснером, Б. В. Подгорецким, В. Б. Поллак, С. С. Прокофьевым, Г. Я. Черешневым, В. Э. Шольцем, А. В. Щербачевым, Е. Юнкельсоном.

183. Изд. 1896. СпК1, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку И. А. Бородиным, Г. В. Глинкой, Э. Гранелли, В. С. Муромцевским, К. Регамэ, А. И. Юрасовским.

184. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. О *Мещерском* см. примеч. 145.

185. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Переделка и перевод французского романса: «Pauvres chevaux» Сергея Ивановича *Донаурова* (1839—1897) — поэта, переводчика и композитора-дилетанта. Источник строфы 5, напечатанной в нотном изд. П. Юргенсона («Цыгане: Собрание цыганских романсов и песен. Спб., 1898), неизвестен. В СпК2 — четыре строфы. Существует также музыкальное переложение Я. Ф. Пригожего.

186. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Написано по мотивам элегии Овидия (см. о нем примеч. 119) из его книги «Фасты». Положено на музыку Е. Н. Греве-Соболевской.

187. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Написано по мотивам известного цыганского романса на слова В. И. Красова; видоизмененная 1-я строка его взята в качестве эпиграфа. Ст-ние Апухтина положено на музыку К. В. Верховским, С. М. Волконским, Е. Н. Греве-Соболевской, Г. П. Злобиным, Г. Л. Катуаром, Н. А. Маныкиным-Невструевым, В. Пантелеймоновым, Н. Н. Соколовым, К. Тидеманом.

188. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1898. Посвящено *Зыбиным* Софье Александровне и ее дочери Екатерине Кирилловне, в замужестве Остен-Сакен (1845—1923). Позднее она вспоминала, как на одном из музыкальных вечеров у С. Я. Веригиной «Апухтин, заслушавшись Зыбиных, экспромтом написал стихотворение «Два голоса», посвященное им и впоследствии без малейшей поправки вошедшее в его сборник» (письмо к А. В. Жиркевичу от 14 янв. 1907 г.// ГМТ, арх. Жиркевича). Положено на музыку Д. Зерновым.

189. Изд. 1896. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку Г. А. Гольденбергом, П. П. Дервизом, В. С. Муромцевским, М. Л. Толстым, М. Д. Шишкиным.

190. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Написано по мотивам старинного цыганского романса П. С. Федорова на слова А. И. Булгакова «Прости меня, прости, прелестное созданье...», известного в обработке М. И. Глинки. Ст-ние Апухтина положено на музыку В. С. Муромцевским, А. А. Олениным, И. А. Шишкиным.

191. Изд. 1886. В СпК1 строфа 2 в др. ред.:

Мне не жаль, что бесплодные слезы текли
В одинокий полуденный час,
Что упреки мне нá душу камнем легли,
Что проклятья душили не раз...

Строфа 2 текста переписана отдельно под загл. «2-й куплет к „Мне не жаль"». Датируется по СпК1. Положено на музыку А. Березинским, Б. Ю. Варламовым, Г. М. Гроссе, О. Донауровой, А. А. Егоровым, Н. Ф. Киршбаумом, И. М. Кузьминых-Ланиным, Д. Н. Николаевым, Д. К. Сартинским-Беем, Н. Н. Снельманом, К. Тидеманом, А. Н. Шефером, А. В. Щербачевым, И. Эбелем.

192. Изд. 1895. СпК2, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. *Как предки наши, мы с гонцами* и т. д. Имеется в виду просьба, с которой русские послы, согласно легенде, обратились к варяжским князьям: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; идите княжить и владеть нами».

193. «Русская мысль». 1885, № 3, под общим загл. «Песни былых годов». СпК1, с правкой автора, с эпиграфом из Псалтири (псалом 138): «Камо пойду от духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу?». Черн. автограф — в собр. П. Я. Дашкова (ПД). СпСО и список в альбоме Е. И. и Л. А. Боратынских (ЦГАЛИ), с разночтениями. Датируется по СпК1. Дата записи в альбоме Боратынских — 21 нояб. 1879 г. Положено на музыку К. Ю. Давыдовым, З. А. Рейснер-Куманиной, В. Э. Дэн.

194. Печ. впервые по СпК2. Датируется предположительно по содержанию. *Жедринский* Александр Александрович (1859—1919) — юрист, один из ближайших друзей Апухтина, сын М. Д. Жедринской (см. примеч. 155).

195. Изд. 1961, по СпК2. Датируется предположительно по времени посещения Апухтиным имения Рыбница (см. примеч. 155).

196. Изд. 1886. Список в альбоме Е. И. и Л. А. Боратынских с подписью Апухтина и датой записи: 5 янв. 1884 г. Ст-ние «было получено Чайковским от Апухтина весной 1880 г. в Петербурге после генеральной репетиции концерта из произведений Чайковского... Апухтин посвятил ст-ние участнице концерта певице А. В. Панаевой» (Чайковский П. И. ПСС. М., 1965. Т. 9. С. 144, примеч.). Положено на музыку П. И. Чайковским в числе 6-ти романсов, посвященных А. В. Панаевой летом 1880 г. Музыку к ст-нию написали также Г. М. Базилевский, Ф. Ю. Бенуа, А. И. Красноставский, М. И. Левитский, П. А. Пабст, Н. Яницкий; в переводе на немецкий яз.— Ю. И. Иогансон. О Панаевой см. примеч. 199—200.

197. Изд. 1896. Датируется по СпК1.

198. Изд. 1895. Датируется по содержанию.

199—200. Изд. 1898, цикл из 2-х ст-ний, с посвящением А. В. Панаевой. То же в СпК1. Второе ст-ние цикла по неясным причинам в Изд. 1886 печаталось в цикле из трех ст-ний, под общим загл. «Во

время войны» (см. примеч. 177—178). Содержание ст-ний и дата — 1881,— проставленная в СпК1 между загл. и текстом, дают основание считать, что цикл написан под впечатлением убийства царя Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. Цикл посвящен известной в свое время певице Александре Валерьяновне *Панаевой*, по мужу Карцовой (1853—1942). По свидетельству современницы, «чародейка-певица А. В. Панаева... и как артистка, и как лучезарная красавица» поработила весь Петербург в 1870-х гг. (письмо Е. К. Остен-Сакен к А. В. Жиркевичу 14 янв. 1907 г.// ГМТ, арх. Жиркевича). В кругу ближайших друзей Апухтина (Г. П. Карцов, братья В. А. и А. А. Жедринские) царил своего рода культ Панаевой. Она была предметом многолетней неразделенной любви поэта. Он посвятил ей поэму «Год в монастыре», к ней обращены ст-ния «Птичкой ты резвой росла...», «Я ее победил, роковую любовь...», «День ли царит, тишина ли ночная...», «Певица» и др. В распоряжении Панаевой-Карцовой были автографы, письма Апухтина. Часть ее архива — в ЦГАЛИ, другая, по-видимому, погибла в 1942 г. в Ленинграде.

1. Изд. 1898. *Повеял дух вражды* и т. д. Намек на террористическую деятельность «Народной воли».

2. Изд. 1886 (см. примеч. 177—178). *От насилий, измен и коварства* и т. д. Отзвук известных строк поэмы Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862):

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Положено на музыку Н. С. Терещенко. Ст-ние отмечено в экз. Изд. 1898, принадлежавшем Блоку (б-ка ПД).

201. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1896. Положено на музыку Г. Я. Фистулари.

202. Изд. 1886. СпК2, с правкой автора. В Изд. 1896 под загл.: «1882». Датируется по содержанию.

203. Изд. 1896. Датируется по СпК1.

204. Изд. 1895. Датированный автограф (на внутренней стороне обложки в 1-й тетр. Карцова) факсимильно воспроизведен во всех посмертных дореволюционных изд. Апухтина. *Карцов* Георгий Павлович (1862—1930) — гвардейский офицер, двоюродный племянник П. И. Чайковского, один из ближайших друзей Апухтина, с 1885 г. муж А. В. Панаевой; вел тетради с записями ст-ний поэта (см. о них с. 372).

205. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1896. СпСО подписан Апухтиным. Позднее был написан «Ответ на письмо» (см. № 225). Ст-ние получило широкое распространение, входило в эстрадный репертуар известных артистов. Со слов «Я начала свое письмо на вы...» положено на музыку П. В. Запольским.

206. Изд. 1961, по СпК2.

207. Изд. 1896. - - Печ. с исправлением ст. 12 по СпК2: «свет» вместо ошибочного «мир». По свидетельству современника, ст-ние возникло как импровизация, которую он слышал в исполнении поэта в ресторанчике Чеснокова «Медведь» на Б. Конюшенной. Поводом для нее послужил рисунок на обоях. На них был изображен «парк, дворец, какие-то господа в латах, придворные дамы и центральная фигура, которую можно было принять за хозяина праздника или короля. Среди других разговоров... несколько раз возвращались к этим обоям... . Апухтин молчал... . Но неожиданно он как бы очнулся и, показывая на обои, сказал: „Слушайте! О, что за чудный сон приснился мне недавно..."» (Столыпин А. Устрицы и стихи в кабинете // «Столица и усадьба». 1914, № 10. С. 8).

208. Изд. 1895. Датируется по СпК2.

209. Печ. впервые по СпК2.

210. Изд. 1886. СпК2, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898.

211. Изд. 1896. - - Изд. 1961, по СпК2. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку В. С. Муромцевским.

212. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку К. А. Банковичем, А. Ф. Беншем, С. Х. Векслером, Г. А. Гольденбергом, А. А. Егоровым, В. А. Золотаревым, В. С. Муромцевским, Я. Ф. Пригожим, Н. Н. Соколовским, А. И. Тиме.

213. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1896. Отрывок из не дошедшего до нас письма Апухтина Г. П. Карцову. Положено на музыку С. М. Блуменфельдом, Ф. А. Занкиным, Н. Р. Кочетовым, С. В. Кузнецовым, Н. К. Ленцем, А. Ю. Симоном, А. В. Таскиным.

214. Изд. 1886. СпК1, с правкой автора. Датируется по Изд. 1898. *«Оглашенни, изыдите!»* — возглас во время литургии, обязывающий нехристиан покинуть храм.

215. Изд. 1895, без ст. 13—24.- - Изд. 1961, по СпК2. Датируется по Изд. 1898.

216. Изд. 1895, без ст. 21—24.- - Изд. 1961, по СпК2.

217. Изд. 1886. Черн. автограф, с незначительными разночтениями (ЦГАЛИ, фонд Апухтина). Датируется по Изд. 1898. Написано под впечатлением пения А. В. Панаевой (см. примеч. 199—200).

218. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1896. Положено на музыку С. Д. Волковым-Давыдовым.

219. Изд. 1961, по автографу ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Ст-ние было послано в письме к А. В. Панаевой, когда она отдыхала на берегу Волхова в Новгородской губ.

220. Изд. 1961, по СпК2. Написано незадолго до свадьбы А. В. Панаевой и Г. П. Карцова (см. о них примеч. 199—200 и 204).

221. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Адресовано им же. Положено на музыку С. В. Кузнецовым, В. С. Муромцевским.

222. Печ. впервые по СпК2. Написано к отъезду Карцовых после свадьбы за границу. *Адлерберг* Александр Владнмирович (1818—1888) — министр двора и уделов при дворе Александра II; в салоне Адлербергов певица А. В. Панаева пользовалась большим успехом.

223. Изд. 1961, по автографу в письме Апухтина к Г. П. Карцову от 24 февр. 1885 г.— ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой).

224. Экземпляр изд. на отд. листе — т. н. акцидентное изд. (ценз. разр. 5 дек. 1885 г.), без загл., сохранился в арх. В. П. Мордвинова — ПД; в собр. Ольденбургских — ГПБ. - - «Гражданин». 1885, 8 дек., в «Дневнике редактора» за 5 дек. - - Изд. 1886. Автограф с разночтениями в письме Апухтина к П. И. Чайковскому от 4 июля 1885 г.: «...чтобы отделаться от разных приставаний, я настрочил стихи для хора... Я вовсе не имел в виду написать хорошее стихотворение, а только текст для твоей музыки...» (ДМЧ). Речь идет о подготовке к 50-летнему юбилею Училища правоведения. Музыку для хора Чайковский написал на другой текст. Ст-ние Апухтина было прочитано на празднике однокурсником поэта В. Н. Герардом. *Принц Петр* — Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), основатель и попечитель Училища правоведения.

225. Изд. 1896.- - Изд. 1961, по автографу ПД в арх. И. Н. Жданова. Написано в форме ответа на ст-ние «Письмо» (№ 205). При жизни автора получило распространение в списках. В ответ на просьбу Л. Б. Бертенсона прислать ему текст ст-ния, заинтересовавшего актрису М. В. Ильинскую, Апухтин ответил уклончиво, утверждая, что написал «Ответ» по просьбе Е. М. Ольденбургской «в шутку» и не может его припомнить (Письмо Апухтина к Л. Б. Бертенсону б. д.— ПД). *И страсть, широкая как море* — отзвук ст-ния А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...». (1858): «Мою любовь, широкую, как море...» В оглавлении экз. Изд. 1898, принадлежавшем Блоку, загл. ст-ния подчеркнуто. Отрывок со слов «Прости мне тон письма небрежный...» положен на музыку В. И. Буюкли, Л. И. Клевенским, А.Княжевичем, А. Рессером; со слов «Всё спит кругом...» — Г. Э. Конюсом.

226. Изд. 1886. Датируется по Изд. 1896.

227. Изд. 1886. Положено на музыку П. М. Овчинниковым.

228. Изд. 1886. Положено на музыку Г. Э. Конюсом.

229. ИВ. 1894, № 4.- - Изд. 1961, по автографу ПД из арх. И. Н. Жданова. Датируется по СпСО (рукой Карцова). Публикация ИВ сопровождена заметкой Д. Д. Оболенского о том, что ст-ние было получено от Апухтина в 1891 г. для предполагавшегося сб. в пользу голодающих.

230. «Русское обозрение». 1891, № 1. - - Изд. 1893. Датируется по СпСО.

231. «Лукоморье». 1915, № 25, без загл., опублик. по неизвестному источнику. - - Печ. по СпСО. Датируется по списку в ПД (Р. I. Оп. I. № 48). Написано в ответ на получение от автора сб. «Стихотворения К. Р.». Спб., 1886. По утверждению А. В. Жиркевича, Апухтин не раз указывал поэту К. Р. «на крупные недостатки его произведений, когда они присылались ему с просьбою высказаться о них откровенно. Этой правдивостью критики объяснял себе Апухтин некоторое охлаждение, которое будто бы появилось к нему в последнее время со стороны высокопоставленного писателя» (ИВ. 1906, № 11. С. 493) *К. Р.* — криптоним поэта Константина Константиновича Романова, великого князя (1858—1915). *Жизнь эта всюду: в Венеции милой* и т. д. Имеются в виду ст-ния К. Р.: «В Венеции» («Помнишь, порою ночною...», 1882), «Умер» («Умер, бедняга! В больнице военной...», 1885), собранные потом в цикл «Из полковой жизни».

232. Изд. 1886. Автограф — альбом автографов, подаренный А. Г. Рубинштейну в 1886 г. — ГПБ (фонд Рубинштейна). СпК2, с правкой автора. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор, пианист, дирижер; в 1885—1886 гг. исполнял в России и европейских странах цикл *«исторических концертов»*, в которых давал картину развития мировой фортепьянной музыки от ее истоков до творчества современных ему композиторов.

233. «Русский вестник». 1891, № 2. Два автографа: в собр. Ольденбургских (ГПБ) и в альбоме автографов и рисунков (№ 1) А. В. Жиркевича (ГМТ) с его припиской: «Стихотворение, посвященное в 1888 г. моей жене, в память знакомства ее с А. Н. Апухтиным» (арх. А. В. Жиркевича). Положено на музыку Ф. Ю. Бенуа, В. Ю. Виллуаном, А. И. Манном, А. А. Олениным, А. А. Петровым, А. И. Юрасовским.

234. Изд. 1898. *Нилов* Константин Дмитриевич (1856— ?) — морской офицер, во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. служил в Дунайской флотилии, совершил ряд дальних морских плаваний, в том числе кругосветных: в 1882 г. на фрегате «Герцог Эдинбургский», в 1886—1889 гг. на корвете «Рында»; впоследствии адмирал, принадлежал к ближайшему окружению Николая II. *Здесь люди и страсти* — отзвук загл. драмы Лермонтова («Люди и страсти», 1830).

235. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку В. С. Муромцевским.

236. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1898. *Мой путь уныл.* Отзвук ст-ния Пушкина «Элегия» («Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе...», 1830). Положено на музыку Г. Л. Катуаром, В. С. Муромцевским.

237. «Вестник Европы». 1890, № 12. - - Изд. 1893. Ст-ние было очень популярным в эстрадном и любительском декламационном репертуаре многих исполнителей; с большим успехом его декламировал известный артист П. Н. Орленев. «Сумасшедшего» любил читать молодой Блок (в оглавлении экз. Изд. 1898 из его б-ки загл. ст-ния подчеркнуто). В письме к А. В. Гиппиусу 25 июля 1901 г. Блок писал: «Придется играть... сумасшедшего — в костюме и с Машей» (Собр. соч. М., 1963. Т. 8. С. 17). Отрывок со слов: «Да, васильки,

васильки...» с некоторыми искажениями получил широкое распространение как городской романс. Часть ст-ния положена на музыку для мелодекламации Н. В. Киршбаумом.

238. Изд. 1896. Поводом для написания ст-ния послужило известие о нападении в г. Отсу (Япония) на наследника русского престола (будущего императора Николая II) во время его путешествия по странам Востока.

239. Изд. 1895. СпК2, без загл., с зачеркнутым посвящением: «После кончины вел⟨икой⟩ кн⟨ягини⟩ Александры Геор⟨гиевны⟩». А. Г. Романова (1870—1891) — греческая принцесса, жена великого князя Павла Александровича Романова. Положено на музыку С. В. Рахманиновым, а также А. В. Бесселем, С. М. Блуменфельдом, Ф. А. Заикиным, Г. Э. Конюсом, В. С. Муромцевским, А. А. Олениным, С. М. Майкапаром, В. Н. Ребиковым, Н. О. Рейхардом, А. М. Элухен.

240. Изд. 1896.

241. Изд. 1961, по датированному автографу ПД (Р. I. Оп. I, № 48).

242. Изд. 1896. Написано в связи с голодом, охватившим в 1892 г. ряд губ. По-видимому, ст-ние предполагалось для одного из сб. в пользу голодающих. *Крез* — царь малоазиатского государства Лидия (ок. 560—546 до н. э.) — один из богатейших людей древности, здесь: богач.

243. Изд. 1896. Обращено к А. В. Панаевой (см. примеч. 199—200).

244. Изд. 1896. Автограф — в собр. Ольденбургских (ГПБ). В списке неустановленного лица — ЦГАЛИ (фонд Апухтина) загл.: «Твои слова». Положено на музыку Г. Э. Конюсом, Г. Я. Фистулари.

245. Печ. впервые по автографу ПД в недатированном письме Апухтина к С. С. Татищеву (Р. I. Оп. 1. № 47). Датируется на основании упоминания в одном из писем того же периода о смерти В. Д. Заики, последовавшей в 1893 г.

246. Изд. 1961, по автографу ПД в письме к С. С. Татищеву (см. предыдущ. примеч.). Видимо, было отправлено автором адресату вместе с последним сб. своих ст-ний (Изд. 1893).

247. Изд. 1896. По данным Ф. Н. Малинина (см. с. 372) со слов А. В. Панаевой (см. о ней примеч. 199—200) ст-ние было получено ею вслед за последним посещением смертельно больного поэта. В ее альбоме к ст-нию была приписка: «После посещения А. Н. на Миллионной — он был уже плох». Дата «1892» в Изд. 1896 г. неверна: на Миллионную ул. Апухтин переехал незадолго до кончины в 1893 г. Положено на музыку С. Д. Волковым-Давыдовым.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

248. Изд. 1961, по СпК1.

249. Изд. 1961, по СпК1 с правкой автора.

250, 251. Изд. 1961, по СпК2.

252. Изд. 1961, по автографу — ПД. Вероятно, обращено к С. С. Татищеву (см. о нем примеч. 334).

253. Изд. 1961, по СпК2.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПАРОДИИ. ЭПИГРАММЫ. ЭКСПРОМТЫ

254. Печ. впервые по СпХ. Написано под впечатлением событий Крымской войны 1853—1856 гг. *С сынами Франции мирятся* и т. д. В марте 1854 г. Англия и Франция вступили в войну на стороне Турции, с окт. 1853 г. находившейся в состоянии войны с Россией. *Луи Наполеон* — французский император (1852—1870). *Идут толпами в Палестину* и т. д. Одним из поводов войны была обострившаяся распря католической и православной церквей о праве владения христианскими ценностями в Палестине. *К грекам руку простирают.* Россия добивалась права покровительствовать православным подданным, находившимся под турецким владычеством. *Ведь мы уж были у Синопа.* Русская эскадра в Синопском сражении 18 нояб. 1853 г. разбила турецкий флот.

255. Изд. 1961, по СпХ. *Фемида* (греч. миф.) — богиия правосудия. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия. *Фиглярин* — презрительная кличка, данная Пушкиным реакционному журналисту, агенту III Отделения Ф. В. Булгарину (см. о нем примеч. 262). *Юдоль* — жизнь с ее заботами и печалями; жребий, участь. *Лавочка в Гороховой.* На Гороховой улице в Петербурге находился Дом градоначальника. *Ты Гоголя разил.* Реакционная критика во главе с Булгариным враждебно встретила выход первого тома «Мертвых душ» Гоголя, обвинив писателя в безнравственности, «грязных» подробностях и т. п.

256. Изд. 1895. «Перепев» ст-ния Лермонтова «Из Гёте» («Горные вершины...»).

257. Печ. впервые по СпХ. «Перепев» ст-ния Лермонтова «И скучно и грустно», из него взят эпиграф, а из двух его заключительных строк составлена последняя строка пародии. *Еруслан* — исстари известная на Руси сказка о Еруслане Лазаревиче, бытовавшая в устной, а с XVIII в. в лубочной традиции и литературной обработке. В ст-нии дан обобщенный портрет журнального графомана.

258. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова «Литературное наследие Апухтина (Юмористические стихотворения, впервые появляющиеся в печати)», по СпХ. «Перепев» ст-ния Лермонтова «Желанье» (1832). В ст-нии содержатся сатирические выпады против славянофильской идеализации русской старины. *Мурмолка* — мехо-

вая или бархатная шапка с плоской тульей, которую носили некоторые славянофилы в знак верности русской старине.

259. Печ. впервые по СпХ; в оглавлении тетр. Хвостовой подзаг.: пародия. Скорее всего пародируются характерные мотивы лирики Байрона; не исключено, что имеется в виду ст-ние «A Fragment» (1803). К тому же типу ст-ний принадлежит след. апухтинская пародия:

ИЗ ГЕЙНЕ

Пародия

Вечер длится тих и ясен,
Колокольчик дребезжит,
А барон Рожер фон Классен
В замок Мозельбург спешит.

Люди спят, восток прекрасен,
Солнце всходит за горой,
А барон Рожер фон Классен
Возвращается домой.

Впервые напечатана П. В. Быковым в его статье «Литературное наследие Апухтина» («Нива». 1918, № 30). В СпХ дата: «31 июля 1855». По данным Быкова, пародия была сочинена в учебном классе в ответ на предложение преподавателя перевести что-нибудь из Гейне.

260. Изд. 1961, по СпХ, в примеч. к ст-нию «Отъезд». Автопародия на ст-ние «Отъезд» (см. № 23). *Ванька* — извозчик.

261. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова по СпХ. Дружеский отклик на стихотворные опыты товарища по Училищу П. И. Чайковского.

262. Печ. впервые по СпХ, где ст-ние помещено в разделе «Прибавления. Непризнанные стихотворения». Датируется предположительно по содержанию. Сатира Апухтина, в которой пародически используются строфы поэмы Лермонтова «Демон», направлена против реакционных журналистов 1850-х гг.: редактора газеты *«Северная пчела» Булгарина* Фаддея Венедиктовича (1789—1859); его прозвища: *Видок, Фиглярин,* свою литературную деятельность в 1820-е гг. начинал как писатель с либеральным уклоном; сподвижника и соредактора Булгарина *Греча* Николая Ивановича (1787—1867) и редактора *«Библиотеки для чтения»* Сенковского Осипа Ивановича (1800—1858), известного под псевдонимом *Барон Брамбеус. Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк, сторонник либеральных реформ. *Масальский* Константин Петрович (1802—1861) в 1847—1852 гг. был редактором консервативного журнала «Сын Отечества». *Кукольник* Нестор Васильевич (1809—1868) — плодовитый драматург, литератор, издатель. *Брант* Леопольд Васильевич — романист, журналист, сотрудник «Северной пчелы». *Зотов* Владимир Рафаилович (1821—1896) — писатель, журналист, сотрудник «Северной пчелы», «Сына Отечества». *Феб* — см. примеч. 9.

263. Изд. 1895, без строфы 4. - Изд. 1961, по СпХ. В строфе 4 упоминаются товарищи Апухтина по Училищу правоведения, а также петербургские кондитерские и рестораны. *«Пчелка»* — раздел газеты «Северная пчела» (см. предыдущ. примеч.).

264. Изд. 1961, по СпХ. *Святцы* — список православных Святых и праздников в календарном порядке. *Попов* Аполлон Андреевич (ум. 1885) — воспитатель и преподаватель истории в Училище правоведения. *Наш критик Пухты и Платона.* Пухта Георг Фридрих (1798—1846) — немецкий юрист, автор учебников по правоведению. Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Певец любви, певец Украйны.* По-видимому, речь идет о писателе Г. П. Данилевском (см. примеч. 265). *Стихи обоих «К».* Имеются в виду соученики Апухтина, писавшие стихи (один из них — Б. Н. Каратаев, другой — не установлен). *Лего* — кондитерская в Петербурге.

265. «Иллюстрация». 1858, № 12, в журнальном обзоре, анонимно, вероятно, без ведома автора. - Изд. 1895. - Изд. 1961, с восстановлением полностью фамилии Майкова по СпХК, где есть дата и приписка: «в лазарете». Пародия на ст-ние А. А. Фета «Лесом мы шли по тропичке единственной...», напечатанное в «Русском вестнике». 1858, № 2. Там же были помещены ст-ния Григория Петровича *Данилевского* (1829—1890), Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893), подписанные *А. П—в* и Аполлона Николаевича *Майкова* (1821—1897), известного неустойчивостью своих политических взглядов (*флюгер-поэт*). Пародия Апухтина быстро распространилась в литературных кругах. Ее приводит в своем дневнике Т. Г. Шевченко (Дневник. М., 1954. С. 259). Е. А. Колбасин сообщал И. С. Тургеневу в письме от 17 марта 1858 г.: «Апухтин написал великолепную пародию на стихотворение Фета, напечатанное в «Рус⟨ском⟩ вестн⟨ике⟩» (И. С. Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 354). Впоследствии Апухтин написал «Извинение» за пародию, см. ст-ние «А. А. Фету» (№ 74) и примеч. к нему.

266. «Искра». 1860, № 38, подпись: Сысой Сысоев. Датируется по СпХК, где есть приписка к загл.: «Е. М. А—ой». *Гетера* — в Древней Греции женщина свободного образа жизни, отличавшаяся артистическими способностями и образованием. *Приап* (греч. миф.) — бог плодородия и сладострастия.

267. Изд. 1961 (в примеч.), по СпХ, где есть приписка: «Куплет, сказанный экспромтом по окончании пьесы „Что имеем, не храним, потерявши — плачем“ 18 апреля 1859 г.» (см. ст-ние «Мне было весело вчера на сцене шумной...», № 91 и примеч. к нему). Перу Апухтина принадлежат также след. экспромты, из которых первый написан в пору его пребывания в Училище правоведения:

Сидим мы тесною семьей,
Еще тесней стоят бутылки...
Не поредеет ли наш строй,
Когда к полу́ прильнут затылки?

*

Что слава нам? Любовь артиста,
Иль орден Белого Орла,
Или поклоны лиценста
Чуть не из каждого угла?!

Первый экспромт напечатан П. В. Быковым в его статье «Литературное наследие Апухтина» («Нива». 1918, № 30, по СпХ), второй — А. В. Жиркевичем в его статье «Поэт милостию божией» (ИВ. 1906, № 11), с объясненнем, что публикуемый экспромт относится к человеку, равнодушному к наградам и связанному с Лицеем. Адресат эпиграммы раскрыт в дневнике А. В. Жиркевича (ГМТ), свидетеля встречи поэта с адвокатом, членом Государственного совета Н. Н. Герардом. Последний пожаловался поэту на лицеистов, докучавших ему, члену попечительского совета, своими приветствиями. Собеседники заговорили также о предстоящих возможных награждениях. Все это и дало повод Апухтину тут же сочинить эпиграмму (сообщено внучкой А. В. Жиркевича Н. Г. Жиркевич-Подлесских). Третий экспромт напечатан П. В. Быковым (в СпХ дата: «10 марта 1857» и помета «Ч—му», т. е. «Чайковскому»):

ЭКСПРОМТ

Не пиши в воде чернилом,
Мух безменом не лови,
Не толкуй пред другом милым
Об участье и любви,—
В воду только грязь забьется,
Муха дальше отлетит;
Друг, как муха, отвернется,
Как чернило, загрязнит.

268. «Искра». 1860, № 20, подпись: Сысой Сысоев. *Ламартин* Альфонс (1790—1869) — французский поэт. Ст-ние является пародией на русских подражателей Ламартину. *Над озером зеркальным.* У Ламартина есть ст-ние «Озеро» («Le lac»). *«Травиата»* — опера итальянского композитора Джузеппе Верди.

269. «Искра». 1860, № 29, подпись: Сысой Сысоев, в рубрике «Великосветские стихотворения». *Е. Е. А.*— по всей вероятности, Евдокия Евграфовна Апухтина, жена дяди поэта — Петра Федоровича Апухтина.

270. Там же. *Павлова* Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса и переводчица; ее поэма *«Кадриль»* была напечатана в «Русском вестнике» (1859, янв.-февр.).

271. «Искра». 1861, № 13, подпись: С. Сысоев. *Дютш* Оттон Иванович (1825—1863) — композитор и дирижер, его опера «Кроатка, или Соперница», поставленная в Петербурге 9 дек. 1860 г., после семи представлений сошла со сцены. *Лазарев* Александр Васильевич (р. 1819) — бездарный композитор, автор нелепых «ораторий». *Серов* — см. о нем примеч. 274. *Иной властитель наших дум* — неточная цитата из ст-ния Пушкина «К морю» (1824). *Кроат* — хорват.

272. «Искра». 1862, № 49, подпись: Сысой Сысоев. В журнале в списке действующих лиц были названы фамилии исполнителей: граф — г. Башкиров, графиня — г-жа Орлова, князь — г. Сосницкий, слуга — восп. Снхра. *Дюссо* — ресторан в Петербурге. *И дым отечества мне сладок и приятен* и *Когда подумаю, кого вы предпочли* — цитаты из «Горя от ума» Грибоедова, первая слегка изменена. *«Сын Отечества»* — официозный журнал, с 1862 г.— газета; издание пользовалось популярностью в обывательской среде.

273. «Гудок». 1862, № 5, подпись: Сысой Сысоев. Парафраз двустишия И. И. Дмитриева «К портрету М. Н. Муравьева» (1803):

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать.

Вернадский Иван Васильевич (1821—1884) — экономист, профессор Петербургского университета, редактор журнала «Экономический указатель». Перу Апухтина принадлежит еще несколько эпиграмм:

ЭПИТАФИЯ

Се Снарский погребен: земля не имать срама.
Глядел он косо в мир, а в дуралеи — прямо.

ПЕРЕВОДЧИКУ «ПАРИЗИНЫ»

О, что б сказал творец бессмертной «Паризины»,
Увидев образ свой у этой образины?

СЕНАТОРУ КАСТОРУ ЛЕБЕДЕВУ

Ты весь свой век служил, отечество любя,
Но, если и теперь любовь та не погасла,
Дозволь России выжать из тебя
Хоть рюмочку касторового масла.

Все три эпиграммы опубликованы П. В. Быковым в его статье «Литературное наследие Апухтина» («Нива». 1918, № 30). Загл. даются по спискам тетради Хвостовой, где они помещены в разделе «Непризнанные стихотворения». Снарский — товарищ поэта по Училищу правоведения, отличался косоглазием. Адресат второй эпиграммы — поэт А. А. Григорьев (1822—1864), переводчик поэмы Байрона «Паризина», изданной в 1858 г. Адресат третьей эпиграммы — сенатор Кастор Никифорович Лебедев (1812—1876), автор «Записок».

274. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. Датируется по СпК1. *Серов* Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик, с 1867 г. издавал журн. «Музыка и театр», выступал по вопросам музыкальной педагогики. *Ростислав* — псевдоним Феофила Матвеевича Толстого (1807—1881), писателя и музыкального критика, идейного противника Серова. В ст-нии упоминаются оперы Серова «Юдифь» (1863) и «Рогнеда» (1865). Героиня первой оперы, написанной на библейский сюжет, *Юдифь*, во имя спасения своего народа проникла во вражеский стан и, притворившись влюбленной в предводителя ассирийцев *Олоферна*, убила его.

Героиня другой оперы, написанной по мотивам древнерусского предания, *Рогнеда* покушалась на убийство мужа, киевского князя *Владимира*.

275. Печ. впервые по СпК1. Пародия на ст-ние немецкого поэта-романтика Йозефа фон Эйхендорфа (1788—1857) «Verloren» из раздела «Romanzen».

276. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. Списки — ЦГАЛИ (фонд Апухтина) и ГПБ (собр. А. Е. Бурцева). Датируется по СпК1. Ст-ние представляет собой сатиру на судебную реформу 1864 г. По новому судебному уставу была отменена узкосословная система судопроизводства, формально признано равенство всех перед законом, введены суд присяжных, частичная выборность судебных органов, несменяемость судей, гласность суда и др. *Юстиниан I* (482—565) — византийский император, известный изданием свода римского гражданского права («Corpus juris civilis»). *Судят... на Литейной.* Петербургский окружной суд находился на Литейной ул. *Пандекты* — свод извлечений из сочинений римских юристов, изданный Юстинианом I. *Минерва* (римск. миф.) — богиня, покровительница наук; здесь: мудрость. *Зарудный* Сергей Иванович (1821—1887) — сенатор, деятель крестьянской и судебной реформы. *«Вестник судебный»* — газета министерства юстиции «Судебный вестник» (1866—1877). *Урусовское дело.* В 1867 г. адвокат Урусов Александр Иванович (1843—1900) приобрел известность после того как выступил в защиту крестьянки Волоховой и выиграл дело. *От мирового лежала повестка.* Избранные по новой реформе мировые судьи рассматривали мелкие гражданские иски и уголовные преступления.

277. Изд. 1896. *Серов* — см. примеч. 274. *«Не так живи, как хочется»* — опера Серова, написанная на сюжет одноименной пьесы А. Н. Островского (впоследствии опера получила название «Вражья сила»).

278. «Гражданин». 1873, 1 окт., анонимно. - - Изд. 1896. СпК2, с правкой автора и список в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ) с небольшими разночтениями. Датируется по Изд. 1898. Ст-ние представляет собой обработку студенческой песни, известной в Московском университете еще в 1840 —1850-х гг. Н. Чаев в заметке, посвященной 100-летию университета, приводит ее начало: «А как будете, дети, студентами...», прибавляя, что после каждой строки пели: «Слава!» («Русское обозрение». 1896, № 1. С. 421). Это же подтверждает А. А. Давыдов. В его автографе (датированном: «до 1861 г.») текст «Когда будете, дети, студентами...» с припевом «Слава!» сопровожден припиской: «Песня, сложенная 12 января (день основания Московского университета) одним из почтительнейших питомцев Москов. университета» — ГПБ (Собрание отдельных поступлений. Ф. 1000, оп. 2, № 413). *Гамлет, Лир, Кент* — герои трагедий Шекспира «Гамлет» и «Король Лир». *Эминент* — от лат. eminentia — превосходство, здесь: высокое звание. *Пеперменты* — мятные таблетки от кашля.

279. Изд. 1961, по СпК2. Датируется по содержанию. Ст-ние является откликом на русско-японские отношения 1860-х гг. Усиление

колонизации Сахалина русским правительством вызвало беспокойство со стороны Японии. *Аспазия* — см. примеч. 86. *Грант* Улисс Симпсон (1822—1885) — американский генерал и государственный деятель, командовавший войсками северных штатов во время Гражданской войны в США. *Торжок, Старица* — города Тверской губ. *Сколков* Иван Григорьевич (1814—1879) — генерал, в 1866 г. возглавил так наз. сибирскую экспедицию по расследованию положения политических ссыльных.

280. Печ. впервые по СпК1. Датируется предположительно (по данным о журналистской деятельности Киркора). *Мясоед* — в православном церковном уставе период от Рождества до Великого поста, когда разрешалась мясная пища; обычное время свадеб. *Тать* — вор. *«Благодарю, не ожидал»*; *«С чувством, с толком, с расстановкой»* — цитаты из «Горя от ума» Грибоедова. *Киркор* Адам Карлович (1812—1886) — историк, археолог Западного края, был редактором журнала «Виленский вестник» (1860—1866), газеты «Новое время» (1867—1872).

281. Изд. 1895. *Вилламов* Владимир Александрович (1837—1889) — поэт, писавший под псевдонимом Сулковский. *Не называй меня небесным* и т. д.— видоизмененные строки известного романса М. И. Глинки на слова Н. Ф. Павлова: «Не называй ее небесной...».

282. Печ. впервые по СпК1. Четверостишие построено на совпадении фамилий петербургского парикмахера и французского политического деятеля *Оливье* Эмиля (1825—1913), назначенного в 1870-х гг. премьер-министром. *Трубников* Константин Васильевич (1829—?) — журналист, издавал «Биржевые ведомости» (1860—1875), «Вечернюю газету» (1865—1875), «Телеграммы русского телеграфного агентства» (1867—1871).

283. Изд. 1961, по СпК2. *Жедринский* Владимир Александрович (1851—1892) — товарищ прокурора Петербургского окружного суда, сын М. Д. Жедринской (см. примеч. 155), один из ближайших друзей Апухтина, записывал его стихи. Тетради В. А. Жедринского не найдены. *Амфибрахий* — в русском стихосложении трехсложная стопа с ударением на среднем слоге, *хорей* — двусложная с ударением на первом слоге, *пиррихий* — стопа из двух безударных слогов.

284. Печ. впервые по СпК1. *Молю, чтоб судьи мировые* и т. д. Имеется в виду судебная реформа 1864 г. (см. примеч. 276). *Марат* Жан Поль (1743—1793) — один из наиболее радикальных вождей революционной демократии периода Великой Французской революции. *Пья* — Пиа Феликс (1810—1889) — французский писатель, журналист и общественный деятель, его творчество складывалось под воздействием революций 1830 и 1848 гг. Представления его знаменитой пьесы «Парижский тряпичник» (1847) часто переходили в политическую демонстрацию. *Оффенбах* Жак (1819—1880) — французский композитор, автор известных оперетт и комических опер. *Катков* Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный журналист, редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости»; в области внешней политики отличался неустойчивостью взглядов. *Пленясь победою германской.* Речь идет о Франко-прусской войне 1870—1871 гг. *По силе грамоты дворянской.* Согласно

манифесту Петра III «О вольности дворянской» (1762) дворянство освобождалось от рекрутской повинности. Позднее эта привилегия была закреплена «Жалованной грамотой дворянству» (1775) Екатерины II. *Отечественный дым* и т. д.— обыгрывается цитата из «Горя от ума» Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен».

285. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. Датируется по содержанию. *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк литературы; в 1867—1871 гг. губернатор в Орле, в ноябре 1871 г. назначен начальником Главного управления по делам печати. *Варле* Габриэль (1810—1867) — французский актер, в 1845 г. был приглашен в труппу Михайловского театра в Петербурге.

286. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. Датируется по СпК1. Написано в связи с празднованием 30 мая 1872 г. двухсотлетия со дня рождения Петра I (1672—1725). В мае — июне 1872 г. Апухтин лечился на курорте в Карлсбаде, где обычно бывало много русских. *Раз, приехавши в Карлсбад* и т. д. Петр I лечился на водах в Карлсбаде в 1711 и 1712 гг. *Шпрудель* — главный минеральный источник в Карлсбаде. *С треском бороды летят.* Петр I ввел обязательную стрижку бород у придворных. В бумагах А. В. Жиркевича (ГМТ) к списку этого ст-ния есть приписка: «Апухтин, сенатор, за взяточн⟨ичество⟩ при П⟨етре⟩ был бит батогами».

287. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. Датируется по связи с предыдущим ст-нием. *Он патриарха сократил.* В 1721 г. Петр I взамен патриаршества учредил Святейший Синод, подчинив церковь царю. *Кустодиев* Константин Лукич — священник православной церкви в Карлсбаде; в день празднования двухсотлетнего юбилея Петра I произнес длинную проповедь.

288. Изд. 1895. См. примеч. 287. *Златоуст* — имеется в виду христианский святой Иоанн Златоуст.

289. Изд. 1895. *Веригина* Софья Яковлевна (1807—1891) — петербургская светская дама, генеральша, известная меломанка, прозванная Апухтиным «Мендельсоничкой». Молочное лечение практиковалось как средство от полноты.

290. Изд. 1961, по СпК1, с припиской: «Ей же», т. е. Веригиной (см. примеч. 289). *Шпрудель* — см. примеч. 286.

291. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. СпК1, с подзаг.: «Прощальный привет князю А. Ф. Голицыну-Прозоровскому с сохранением многих стихов Лермонтова». В шуточном послании (с пародическим использованием ст-ния Лермонтова «Спор», 1841) содержатся иронические намеки на внутренние и внешнеполитические конфликты Германии, связанные с процессом ее объединения, усилившимся после ее победы во Франко-прусской войне 1870—1871 гг.; в частности, имеется в виду соперничество Пруссии и Австро-Венгрии, в состав которой входила тогда Чехия. *Шпрудель* — см. примеч. 286. *Мюльбрунн* — минеральный источник в Карлсбаде. *Карачун* (просторечн.) — внезапная смерть. *Динстман* (нем.) — служащий, слуга. *Фатерланд* (нем.) — отечество; здесь: Германия. *Вагнер* Вильгельм Рихард (1813—1883) — немецкий композитор. *Лавры Вёрта и Седана.*

Речь идет о победе немецких войск над французами у местечка Вёрт (в Нижнем Эльзасе) 6 авг. 1870 г. и о взятии французской крепости Седан 1 сент. 1870 г., которое завершилось сдачей французской армии и пленением Наполеона III. *Карлсбад* — см. примеч. 286. *Маркитантка* — мелкая торговка, сопровождающая войска в походе.

292. Изд. 1895, под загл. «Из записок ипохондрика». - Изд. 1961, по автографу в альбоме В. Б. Бертенсона, с датой записи 29 июня 1890 г. (ГПБ). Автографы с небольшими разночтениями: в альбоме О. П. Козловой, под загл. «К моему портрету», с датой записи 31 марта 1887 г.— ПД (арх. П. А. Козлова) и в письме к П. П. Мещерскому от 21 мая 1874 г. (ГПБ); СпК2, под загл. «Из записок ипохондрика (В. В. Ж.)». Датируется на основании письма к П. П. Мещерскому; в нем Апухтин сопровождает ст-ние следующими словами: «Вот всё, что я мог сказать о себе, когда меня просили сделать надпись к моему портрету. «Et pourtant il y avait quelque chose là» (<«Однако в этом что-то есть»>), могу я повторить, глядя в зеркало на толстую бесполезную тушу, может быть, я рожден был для чего-нибудь иного, чем для жалкого клубного существования без пользы, без славы — и без удовольствия» (ГПБ. Отдельные поступления 1944 г., № 191).

293. Изд. 1895. СпК2, с правкой и подстрочными примеч. автора. Датируется по Изд. 1898. Пародическое использование ст-ния В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812) имело литературную традицию, начало которой было положено пародией К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе славянороссов» (1813). В ст-нии Апухтина имеются в виду споры, которые велись в прессе 1860—1870-х гг. вокруг новой русской музыкальной школы, известной под именем «Могучей кучки». Споры шли, в частности, о путях развития русской оперы. В пародии они освещены в какой-то мере с позиций друга поэта, композитора П. И. Чайковского, расхождения которого с «кучкистами» особенно выявились к 1870-м гг. *Одни речитативы.* Речитатив широко использовался в творчестве «кучкистов». Вопрос о речитативе и мелодии в опере был одним из предметов дискуссии. *Шашина* Елизавета Сергеевна — композитор, автор популярных романсов. *Стасов* Владимир Васильевич (1824—1906) — критик, теоретик и пропагандист «Могучей кучки». *Корсаков, в ведомостях прославленный маэстро.* Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908) был инспектором морских хоров (а не начальником морских оркестров, как ошибочно указал Апухтин), написал симфоническую картину *«Садко»*. «Кучкист» Цезарь Антонович *Кюи* (1835—1918) в газете «С.-Петербургские ведомости» вел музыкальное обозрение, выступал, в частности, в поддержку Римского-Корсакова. *Мусоргский* Модест Петрович (1839—1881) в своих вокальных и фортепьянных циклах стремился к реалистической образности музыки (скерцино «Швея», песня «По грибы», камерно-вокальный цикл «Детская» и др.). *Годунов.* Имеется в виду опера Мусоргского «Борис Годунов» на текст трагедии Пушкина. *Ратклиф* — герой оперы Кюи «Вильям Ратклиф», написанной на сюжет одноименной трагедии Г. Гейне. *Бах бывал пред ним виновен.* Ц. Кюи критически относился к творчеству Иоганна Себастьяна Баха (1685—1750). *Зачем, Эдвардс, твой меч в крови* — перефразированные слова из старинной шотландской баллады; в опере «Вильям Ратклиф» ее поет старая ключница Маргарета. *Афанасьев* Николай Яковлевич (1820—1898) —

скрипач и композитор. *Кашперов* Владимир Николаевич (1827—1894) — композитор, автор оперы «Гроза». *Фитингоф-Шелль* Борис Александрович (1829—1901) — композитор, автор оперы *«Мазепа»*. *Сантис* Михаил Людвигович (1826—1879) — композитор, его опера *«Ермак»* успеха не имела. *Бородин* Александр Порфирьевич (1833—1887) — композитор-«кучкист». В ст-нии обыгрывается сходство его фамилии и названия сражения Отечественной войны 1812 г. *Рубинштейн* (см. о нем ст-ние № 232 и примеч. к нему) написал оперу *«Демон»* на сюжет одноименной поэмы Лермонтова. *Ларош* Герман Августович (1845—1904) — музыкальный критик и композитор, автор оперы *«Кармозина»*. *«Кузнечик-музыкант»* — поэма Я. П. Полонского, автора либретто оперы П. И. Чайковского на гоголевский сюжет *«Кузнец Вакула»* (во 2-й ред.— «Черевички»). *Исполать* — хвала, слава. *Направник* Эдуард Францевич (1839—1916) — композитор и дирижер, капельмейстер Мариинского театра в Петербурге, руководил первыми постановками опер Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского. *Опоковано* — по-видимому, искаженное чешское opakovat — бис.

294. Печ. впервые по СпК2, с примеч. в тексте рукой автора. Датируется предположительно (по данным о пребывании поэта в Киеве). Ст-ние обращено к владелице имения *Рыбница* М. Д. Жедринской (см. о ней примеч. 155). *Пирожково* — возможно, имение Хвостовых.

295. ИВ. 1892, № 1, анонимно в воспоминаниях А. Д. Галахова о Тургеневе «Сороковые годы».- - Печ. по черн. автографу ПД (собр. П. Я. Дашкова). Датируется по содержанию. В 1877 г. был напечатан написанный за границей роман Тургенева *«Новь»*.

296. Печ. впервые по СпК2, с примеч. рукой Г. П. Карцова: «А. Н. Апухтин имел несчастие вылететь из коляски накануне». О М. Д. *Жедринской* см. примеч. 155. *Ларион* — имя кучера.

297. Изд. 1898, где фамилия Тимашева обозначена: Т — в. *Тимашев* Александр Егорович (1818—1893) — министр внутренних дел (1868—1878), на досуге занимался скульптурой.

298. «Нива». 1918, № 30, публикация П. В. Быкова. СпСО, СпК1 — не датированы. Датируется предположительно (на основании биографических сведений о А. А. Суворове). *Суворов* Александр Аркадьевич (1804—1882) — генерал, государственный деятель, внук полководца, унаследовавший его титул: граф Рымникский, князь *Италийский*; в ст-нии имеется в виду швейцарский поход А. В. Суворова в 1799 г.

299. «Русский архив». 1908, № 11, без ссылки на источник публикации. *Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904) — реакционный государственный деятель, с 1881 г.— директор департамента полиции, с 1884 г.— товарищ министра внутренних дел. *Плевако* Федор Никифорович (1843—1908) — адвокат, славившийся ораторским искусством.

300. Печ. впервые по СпК1, где имеется приписка: «Писано 10 апреля 1882 г. в ресторане Чеснокова, в комнате рыцарей». Список Панаевой — ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой), с датой:

1 апреля 1882 г., с припиской: «В. А. Панаев читал доклад о работе философа Берона» и сноской к слову *«барожен»* — «тяжесть». *Панаев* Валериан Александрович (1824—1899) — инженер-путеец, строитель и владелец доходного дома с театральным залом на Адмиралтейской набережной в Петербурге. Зал, известный как Панаевский театр, арендовали частные труппы. *Панаева Ал. В.*— см. примеч. 199—200.

301. Изд. 1895. Автограф под загл. «Жоржу» на обратной стороне фотографии поэта, подаренной им Г. П. Карцову (см. о нем примеч. 204) — ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой).

302. «Гражданин». 1885, 10 февр., в «Дневнике» редактора-издателя за 8 февр., анонимно (по-видимому, без ведома автора). На принадлежность эпиграммы Апухтину в 1940 г. указал Ф. Н. Малинин, ссылавшийся на автограф в коллекции В. А. Мазуркевича,— данные, которые в настоящее время не представляется возможным проверить. Авторство Апухтина подтверждается также совпадением оценок деятельности известного юриста Анатолия Федоровича *Кони* (1844—1927) в ст-нии и в письме поэта Г. П. Карцову от 16 февр. 1885 г.— ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой). Сообщая о том, как Кони представлялся царю в связи с назначением его обер-прокурором кассационного департамента, Апухтин отметил холодный прием, оказанный Кони во дворце, что объяснялось «известным процессом». Речь идет о деле революционерки *Веры* Засулич (1849—1919), в 1878 г. оправданной судом присяжных под председательством Кони. *И все довольны на Садовой.* На Малой Садовой, д. 2, находилось Министерство юстиции.

303. Изд. 1895. Датируется по Изд. 1896. *Княжна Тамара, дочь Гудала* — персонажи поэмы Лермонтова «Демон». *Граббе* Александр Николаевич — сотник казачьего полка, в качестве адъютанта сопровождал великих князей Александра и Сергея Михайловичей во время их морского путешествия в 1890—1891 гг. по Индийскому океану с заходом на Цейлон, в Индию и др. страны.

304. Печ. впервые по черн. автографу в ПД (собр. П. Я. Дашкова). *В Париже был скандал огромный.* Речь идет о так наз. «панамском скандале», афере, связанной со строительством Панамского канала, в которой были замешаны многие государственные деятели Франции. *Гюббенет* Адольф Яковлевич (1830—1901) — министр путей сообщения (1889—1892). *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель, в 1892 г. был назначен министром путей сообщения. *Пляску святого Витте проплясал.* Игра слов: пляской святого Витта называют нервное заболевание, характерным симптомом которого является судорожное расстройство движений.

305. «Нувеллист». 1893, № 8, декабрь, и «Московские ведомости», 1893, 8 дек. - - Изд. 1895. Написано к отъезду Чайковского в Англию в 1893 г. Опубликовано в связи с кончиной композитора 25 окт. 1893 г. *Фуга* — одна из основных форм многоголосного стиля в музыке, построенная на принципе повторения разными голосами одной темы. *Диссонанс* — негармоничное сочетание музыкальных звуков. *Бекар* — нотный знак, отменяющий повышение (диез) или понижение (бемоль) звука.

306. Печ. впервые по СпК2.

ПОЭМЫ

307. Изд. 1886. Датируется по СпК1. Других частей поэмы или сведений о ее замысле не обнаружено. *Акафист* — род хвалебного песнопения. Chanson à boire положена на музыку В. Артановским, С. И. Донауровым, М. Данилевским, М. А. Крымовым, Н. И. Сорохтиным, Е. П. Тарновской, А. К. Тарновским, Н. А. Шишкиным; она широко бытовала также как цыганский романс и, по свидетельству Гранитова (псевд. Н. В. Туркина), стала «настоящим гимном цыган» («Русское слово». 1903, 17 авг.).

308. Изд. 1961, по СпК1. Других частей или упоминаний о замысле поэмы не обнаружено. Написано под впечатлением пребывания в родных местах во время службы в Орле в 1863—1864 гг. *Как древний Вавилон.* Согласно библейскому сказанию, еврейские племена, находясь в плену в древнем Вавилоне, пребывали в состоянии уныния и скорби. Здесь Вавилон — символ угнетения и рабства.

309. «Русская мысль». 1885, № 1, без посвящения. - - Печ. по «Русской мысли», с добавлением посвящения по списку А. А. Жединского (ЦГАЛИ, фонд Апухтина) — впервые этот текст в Изд. 1961 (в примеч.). Черн. автограф поэмы, в последнем слое близкий к печ. вар.— ЦГАЛИ, фонд Апухтина. СпК2, с незначительными разночтениями. Датируется по Изд. 1898. Во всех печ. источниках, в рукописях или списках поэмы посвящение, адресованное А. В. Панаевой (см. о ней примеч. 199—200), опущено, по-видимому, по этическим соображениям.

Наиболее существенные вар. черн. автографа:

I декабря

ст. 26:

Российских умников с акцентом иностранным

II января

вместо ст. 8—10:

И с детства, как во мне, в нем крепко мысль засела
Монахом быть. Он всё перечитал,
Что о монашестве написано от века,
И в образец себе избрал
Он Алексея, божья человека.
Лелея в тайне мысль свою,
Однажды он покинул дом, семью.

А. В. Жиркевич, со слов поэта, рассказывает, как создавалась поэма: «Апухтин ... не писал ее систематически по определенному, заранее продуманному плану, а, задавшись темой, набрасывал поэму отдельными местами, пряча исписанные листки, без всякого порядка, в особый ящик. Затем, когда таких листков набралось достаточно, рассортировал он весь этот случайный материал, привел его в известную последовательность, систему, причем кое-что поневоле должен был отбросить» («Поэт милостию божией» // ИВ. 1906, № 11. С. 500). В основу некоторых эпизодов поэмы положены жизненные наблюдения. Так, во время поездки летом 1866 г. с П. И. Чайковским на остров Валаам поэт был свидетелем события, изображенного в истории послушника Кирилла. По словам биографа поэта М. И. Чайковского, в поэме отразились детские воспоминания Апухтина о поездках с матерью в Оптину пу́стынь. Основная работа над «Годом в мона-

стыре» была закончена летом 1883 г. в имении Жедринских Рыбница. В течение осени — зимы автор неоднократно читал поэму в кругу друзей и лиц, мнением которых дорожил. «В скольких руках пребывала эта рукопись и скольким лицам она читалась, начиная с первого чтения на твоем новоселье на Кирочной!» — писал он 2 марта 1885 г. Г. П. Карцову — ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой). Только в марте 1884 г. Апухтин решил опубликовать поэму. По-видимому, в этом решении сыграли роль денежные обстоятельства. Во всяком случае, Апухтин сам так объяснял, и тогда и впоследствии, свое намерение печататься после более чем десятилетнего перерыва. Сначала он предложил «Год в монастыре» «Русскому вестнику». Сотрудник журнала Б. В. Маркевич сообщал 15 марта 1884 г. М. Н. Каткову из Петербурга, что у него был Апухтин и заявил о своем желании сотрудничать в «Русском вестнике». «Он предлагает Вам ... для начала поэму свою „Год в монастыре", о которой Вы слышали в бытность Вашу здесь и которую автор читал с огромным успехом во многих здешних гостиных. Вещь действительно прекрасная» (ПД). Сговориться с «Русским вестником» Апухтину не удалось, и поэма появилась в «Русской мысли». «А наша поэма напечатана хорошо,— писал Апухтин Г. П. Карцову 23 янв. 1885 г.— Есть всего одна опечатка, и то неважная...» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). «Год в монастыре» имел успех, «подписка на „Русскую мысль" вследствие этого усилилась» (письмо Г. П. Карцову от 3 февр. 1885 г. // Там же). В периодической печати появились сразу же критические отзывы (В. П. Мещерского в «Гражданине». 1885, 27 янв.; В. П. Буренина в «Новом времени». 1885, 8 февр.; П. Л. Вакселя в «Jurnal de St-Petersbourg». 1885, 27 янв.). Апухтин внимательно следит за ними и отмечает их в письмах к Г. П. Карцову. Позднее, в майском приложении к «Гражданину», было напечатано прозаическое произведение «Монастырская жизнь (Отрывки из дневника)» за подписью: Свящ. И. Кр-ов, которое воспринималось современниками как пародия на «Год в монастыре». Скорее всего эта публикация и послужила поводом для резкой отповеди поэта в адрес В. П. Мещерского в письме к М. И. Чайковскому (см. примеч. 145). «Год в монастыре» был любимым произведением поэта, им открывались три его прижизненных сборника. «Ты не можешь себе представить,— делился он с Г. П. Карцовым (письмо от 2 марта 1885 г. // Там же),— с каким особенным чувством начал перелистывать рукопись этой квазипоэмы, которую я не могу разлюбить, несмотря на то, что она обесчещена типографским станком. Не только каждая глава ее пережита мною, но и писание каждой главы имеет свою историю». В экз. Изд. 1898, принадлежавшем Блоку, загл. поэмы подчеркнуто. Отрывок со слов «Она была твоя...» (2 мая) в переводе на французский язык В. В. Барятинского — альм. «Денница». Спб., 1900. С. 160. *Приукажен* — приписан указом к определенному месту жительства. *Канон Дамаскина* — торжественное рождественское песнопение на слова византийского богослова Иоанна Дамаскина (ум. ок. 754). *Здесь Новый год встречают в сентябре.* По церковному (допетровскому) календарю Новый год начинался в сент. *Великий канон* — покаянное великопостное богослужение. Отрывок в тексте представляет собой поэтический пересказ фрагментов канона. *Левит* — священнослужитель у древних евреев. *Стихира* — церковное песнопение на библейские мотивы. *Рясофорное пострижение* — первая степень пострижения в монахи с одеванием рясы. Отрывок со слов «Зачем былого пыл тревожный...» положен на музыку М. Г. Китаиным; со слов «Она

была твоя...» — А. М. Алфераки, А. В. Анохиным, А. С. Аренским, А. М. Архангельским, Г. М. Базилевским, С. Д. Волковым-Давыдовым, Г. А. Гольденбергом, А. Т. Гречаниновым, Б. В. Гродзским, М. И. Ивановым, Д. Р. Кайгородовым, М. А. Кузминым, Ц. А. Кюи, С. Лялиным, В. С. Муромцевским, З. А. Рейснер-Куманиной, В. Ф. Самецким, Д. К. Сартиским-Беем, А. Ю. Силлным, А. А. Спиро, А. В. Таскиным, М. Ф. Унгерн-Штернбергом, И. Эбель, Е. Д. Эспозито; со слов «О ты, который мне и жизнь и разум дал...» — С. Д. Волковым-Давыдовым; со слов «Однажды я проснулся...» — Е. Д. Эспозито. М. А. Данилевской написана симфоническая оратория «Год в монастыре» и опера «Призрак» на сюжет поэмы, поставленная на сцене Мариинского театра в Петербурге в сезон 1911—1912 гг.

310. «Вестник Европы». 1889, № 4. -- Изд. 1893. Автограф, подаренный Апухтиным А. Ф. Кони,— ПД (архив А. Ф. Кони), под загл. «Последняя ночь», с авторскими поправками и двумя вставками на отдельных листах. Датируется по СпК2, где текст и загл. автографа. Подзаг. «поэма» произведение не имеет, но в письмах автор всюду называл его поэмой. История ее создания изложена отчасти в воспоминаниях об Апухтине А. Ф. Кони (Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 307) и вырисовывается из переписки Апухтина с Г. П. Карцовым, А. Ф. Кони и А. В. Жиркевичем. Как сообщает Кони, Апухтин заинтересовался «статистическими данными о содержании предсмертных писем самоубийц» и впоследствии сообщил Кони, что работает над поэмой, которая «косвенно будет касаться и Вас». Очевидно, это было в 1886—1887 гг. 9 сент. 1888 г. поэт писал Карцову: «„Последняя ночь"... почти готова, и я пользуюсь твоим отсутствием, чтобы сокращать и уничтожать, ибо, вопреки твоему мнению, нахожу, что для поэзии „в многоглаголании несть спасения"» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Спустя некоторое время Апухтин сообщил Кони, что вещь окончена, но он не считает себя вправе «пускать ее в обращение», не прочитав ему. (Кони ошибается, относя это письмо к 1885—1886 гг., так как оно отправлено с Кирочной ул., д. 23, где поэт жил с лета 1888 г.). Кони, как писал Апухтин 9 апр. 1889 г. Жиркевичу, «нашел поэму совсем верной в психологическом смысле» и настаивал на включении двух отрывков, по поводу которых Апухтин сомневался (письмо частично опубл. в ИВ. 1906, № 11. С. 498). После выхода поэмы в «Вестнике Европы», где она получила новое название, поэт интересовался впечатлением, произведенным ею на читателей, и просил Жиркевича сообщать ему «свои и чужие замечания». Не соглашаясь с Жиркевичем, приписавшим поэме автобиографический смысл, Апухтин подчеркнул, что он главным образом хотел обратить внимание на «эпидемический характер болезни». «Раз самоубийство сделалось почти ежедневным явлением жизни, оно может служить предметом для поэзии». И далее: «Вы очень метко указали на ее главный недостаток, т. е. на то, что самоубийство недостаточно мотивировано. Я сам это чувствовал, но изменить не мог. Если бы была какая-нибудь ясно-определенная причина, то совершенно устранился бы э п и д е м и ч е с к и й характер болезни, на который я хотел обратить внимание» (Там же).

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

311. Апухтин А. Н. Соч. Изд. 4-е доп., в 2-х томах. Спб., 1895. Т. 2. Датируется по Изд. 1898. *Князь Таврический* — Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), государственный деятель, дипломат, фельдмаршал, фаворит Екатерины II, при ее правлении имел решающее влияние на государственные дела. Умер от малярии в дороге, неподалеку от Ясс, в период мирных переговоров с Турцией. *Браницкая* Александра Васильевна (1754—1838) — племянница Потемкина, находившаяся при нем во время его смертельной болезни.

Сцена первая. *Зубов* Платон Александрович (1767—1822) — с 1789 г. последний фаворит Екатерины II. После смерти Потемкина занимал некоторые должности, которые ранее занимал Потемкин: был генерал-губернатором Новороссии, командовал Черноморским флотом; проявил себя как интриган, бездарный администратор. *Он шлет вам это зелье.* Версия об отравлении Потемкина его соперниками подтверждения не находит.

Сцена вторая. *Всю зиму я готовил бы солдат.* В 1780-х гг. Потемкин провел ряд мероприятий по реорганизации армии. *Без всех нелепых гатчинских затей.* Наследник престола, будущий царь Павел I, удаленный от правительственных дел, жил преимущественно в петербургском пригороде Гатчина, где отдавал много времени муштровке небольшого подчиненного ему военного гарнизона («гатчинская гвардия»), экипированного по отличному от армии России образцу. *Пошел бы с ними прямо на Царьград.* В замыслы внешней политики царствования Екатерины II входило «взятие Константинополя, освобождение христианских народностей Балканского полуострова, разрушение Турции, восстановление Византийской империи» (Ключевский В. О. Собр. соч. М., 1958. Т. 5. Ч. 5. С. 341). *Очаковские тени.* Многомесячная осада и штурм турецкой крепости Очаков (1788) под командованием Потемкина стоили русской армии больших потерь. *В Смоленске.* Потемкин был родом из дворян Смоленской губ. *Мамонов* — Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758—1803), адъютант Потемкина, в 1786—1789 гг. фаворит Екатерины II.

ПЕРЕВОДЫ. ПОДРАЖАНИЯ

С немецкого

312. Изд. 1895. Перевод ст-ния Людвига Рельштаба (1799—1860) «Leise flehen meine Lieder durch die Nacht zu dir...», положенного на музыку Францем Шубертом (1797—1828). Апухтину не понравился известный русский текст в переводе Н. П. Огарева под загл. «Serenade» («Песнь моя летит с мольбою...»), он написал свой вариант. Ст-ние отмечено в экз. Изд. 1898 из б-ки Блока (ПД). Датируется по СпХ. Слова Апухтина положены на музыку М. В. Анцевым, И. А. Бородиным, Г. Гартвольдом, Я. Данзасом, Н. П. Кошельницким, Б. Л. Левинзоном, А. И. Манном, Н. И. Миклашевским, К. В. Шрейдером, В. И. Яшневым.

313. Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. М., 1966, публикация Р. А. Шацевой, по СпХ. Перевод ст-ния «Amalia», являющегося вариантом «Песни Амалии» из 3-го действия драмы Ф. Шиллера «Разбойники». Датируется по СпХ.

314. «Современник». 1859, № 11. Перевод ст-ния «Schilf-Lieder» из цикла «Lotte» австрийского поэта-романтика Ленау (псевдоним Николауса Нимбша фон Штреленау) (1802—1850). Датируется по СпХ.

315. Изд. 1895. Перевод ст-ния «Sie haben mich gequälet...» из цикла «Lyrisches Intermezzo» («Buch der Lieder»). Датируется по СпХ, где есть незначительные разночтения.

316. Изд. 1961, по СпХ, с правкой автора. Перевод ст-ния «Die heil'gen drei Kön'ge aus Morgenland» из цикла «Die Heimkehr» («Buch der Lieder»). Датируется по СпХ. *Вифлеем* — город в Палестине, где, по преданию, родился Христос. *Звезда золотая их с неба вела* и т. д. Согласно евангельской легенде, волхвы с востока пришли поклониться младенцу Христу; путь в Вифлеем им указывала плывшая по небу звезда. *Иосиф* — муж Марии, матери младенца Христа.

317. Изд. 1961, по СпХ. Перевод ст-ния «Allnächtlich im Trame seh'ich dich» из цикла «Lyrisches Intermezzo» («Buch der Lieder»). Датируется по СпХ.

С французского

318. Изд. 1886. Перевод ст-ния Андре Шенье (1762—1794) «La jeune Captive». СпХ и СпХК, с разночтениями. Датируется по Изд. 1898. *Филомела* (греч. миф.) — царевна, превращенная в соловья; здесь: соловей.

319. Изд. 1895.- - Изд. 1898. Перевод ст-ния Пьера Жана Беранже (1780—1857) «La comète de 1832». В оригинале имеется примеч. автора: «Не следует забывать предсказания немецких астрономов, сделанные несколько лет тому назад, извещавшие о столкновении кометы с землей и гибель этой последней в 1832 г. Ученые из Парижской обсерватории нашли нужным противопоставить свои расчеты немецким собратьям» (Беранже П. Ж. Полн. собр. песен. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 762). *Клир* — духовенство какой-либо церкви; здесь: объединение, собрание.

320. Чайковский П. И. Избранные романсы. Изд. П. Юргенсона. М., 1875. Перевод ст-ния «Il m'aimait tant. Romance» французской писательницы и поэтессы Дельфины *Жирарден* (1804—1855). Ни в одном из изд. Апухтина, ни в авторизованных списках этого ст-ния нет. Однако в нотных изд. романсов Чайковского (в том числе с текстом, переведенным на французский и немецкий языки) слова романса более ста лет приписывались Апухтину (на основании рукописи Чайковского). Впервые — в изд. романсов Чайковского в 3-х тт. М., 1978. Т. 2. С. 19, автором французского оригинала названа Жирарден.

321. Изд. 1886. Перевод отрывка из поэмы «La nuit de mai» Альфреда *Мюссе* (1810—1857). СпК1, с правкой переводчика. Датируется по СпХ. Положено на музыку С. В. Рахманиновым, а также К. Абисовым, В. П. Калафати, А. Г. Лембой, В. И. Ребиковым, С. А. Халатовым, Н. И. Харито.

322. Изд. 1886. Перевод ст-ния А. Мюссе «À Ninon» из кн.

«Poésies nouvelles». СпК1, с правкой переводчика. Датируется по Изд. 1896. Положено на музыку Н. В. Зубовым, Ф. П. Ивановым, Е. Д. Эспозито.

323. Изд. 1886. Перевод ст-ния А. Мюссе «À Pépa» из кн. «Premieres Poésies». СпК1, с правкой переводчика. Датируется по Изд. 1896.

324. Album de madame Olga Kozlow. Autographes. М., 1883, с датой записи 19 окт. 1882 г.- - «Новь». 1884, № 4, дек., без подзаг.- - Изд. 1886. Подражание ст-нию «La vase brisé» *Сюлли-Прюдома* (псевдоним Рене-Франсуа-Армана Прюдома) (1839—1907). Автограф ст-ния Сюлли-Прюдома — в альб. Козловой (ПД). В СпК1 подзаг.: «Из Сюлли-Прюдома» исправлен Апухтиным на «Подражание Сюлли-Прюдому»; здесь же приписка Г. П. Карцова: «Списано мною с рукописи А. Н.». Датируется по Изд. 1898. После публикации ст-ния в «Нови» в «Петербургской газете» (1884, 18 дек.) в заметке «К сведению г. Апухтина» поэт обвинялся в том, что выдал ст-ние Прюдома за свое. Несмотря на опровержение редактора «Нови» Вольфа (там же, 20 дек.), отношения Апухтина с журналом были испорчены (см. примеч. 142, 156). Положено на музыку А. С. Аренским. А. М. Брандорфом, А. А. Оппель, М. Н. Офросимовым.

325. Изд. 1886. Французский источник не установлен. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку С. М. Блуменфельдом, Н. Ф. Киршбаумом.

326. Изд. 1886. Французский источник не установлен. Черн. автограф без подзаг.— ЦГАЛИ, фонд Апухтина. Датируется по Изд. 1898. Положено на музыку П. Л. Гранд-Мезоном, Н. Ф. Киршбаумом, Г. Э. Конюсом, С. А. Соколовым.

С английского

Английским языком Апухтин не владел. Его переводы (или подражания) из Байрона выполнены, видимо, с французских переводов.

327. Изд. 1896. Перевод строф XXV и XXVI из 2-й песни поэмы «Childe Harolds Pilgrimage» («Паломничество Чайльд Гарольда») Джорджа Гордона Байрона (1788—1824). СпК2, с правкой переводчика. Датируется по СпХ.

328. Изд. 1895. Ст-ния с таким загл. у Байрона нет; возможно, это отрывок из произведения, название которого не установлено, или подражание байроновским мотивам. Датируется по СпК2. *Поклонники Ваала* — здесь: люди, преклоняющиеся перед властью денег и материальными ценностями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

329. Печ. впервые по СпК2, где дата без обозначення года: год определен предположительно по косвенным данным.

330. Изд. 1895. Вольный автоперевод ст-ння «Минуты счастья» (см. № 114), сделанный, вндимо, специально по заказу, возможно, Е. М. Ольденбургской. Дата в СпК2 без обозначения года, он установлен предположнтельно в соответствнн с годом написання ст-ния «Минуты счастья».

331. Печ. впервые по СпК2. О датнровке см. предыдущее прнмеч.

332. Печ. впервые по СпК2. Датнруется по содержанню. *Горчаков* Александр Михайлович (1798—1883) — дипломат, с 1856 г. мннистр иностранных дел, с 1867 г. государственный канцлер. Эпиграмма построена на игре слов: chancelier (канцлер) — chance (успех, удача) и на двойном значении слова vice (порок н вице, т. е. приставка, обозначающая заместителя должностного лица).

II. КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

333. Изд. 1896. В ЦГАЛИ (фоид Апухтина) есть несколько списков разных лнц с мелкими разночтениями и загл. «По поводу исторических сведений „Русской старнны“», один с датой: 23 февр. 1888 г. С 1896 г. ст-ние печаталось во всех дореволюцнонных сб. Апухтина. В тетради Карцова его нет. Существует, однако, версия, что ст-ние — плод коллективиого творчества, в котором значительная доля принадлежала А. А. Голенищеву-Кутузову, Апухтин же «прибавнл лншь конечные 4 строчки стихотворения» (У—ц С. Из литературного прошлого нашей столицы // «Наша старниа». 1915, № 6. С. 518). С. Глуховцев в статье «Смех и грех» пишет: «Это прелестное стихотворение, начатое составляться экспромтом, как-то раз вечером в большой компании у ныне покойиого Юрия Николаевича Милютина, под впечатлением какой-то невероятной петроградской „утки“, было продолжено и закончено графом Кутузовым» («Наша старина». 1915, № 11. С. 1017). Положено на музыку (фуга для хора) Ю. Л. Карнович.

334. Печ. впервые по автографу ПД (Р. I, оп. 1, № 48), подписаииому: А. А., С. Т. Соавтор Апухтина — очевидио, Сергей Сергеевнч Татищев (1870—1915). Ст-ние хранится в ПД вместе с пнсьмами Апухтииа к нему начала 1890-х гг. В период переписки с поэтом С. С. Татищев служил офицером Преображенского полка, поздиее — с 1906 г.— саратовский губернатор, с 1912 г.— начальник Главного управления по делам печати. Судя по письмам к нему Апухтнна, они находились в приятельских отношениях. Среди писем также автографы ст-ний «Когда ребенком мне случалось...» (см. № 245), «Вот тебе старые песни поэта...» (см. № 246).

III. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АПУХТИНУ

335. Чайковский П. Забыть так скоро: Романсы и песни. М., Изд. Юргенсона, 1873. Слова Апухтина. Вплоть до последних изданий романсов П. Чайковского (Полн. собр.: В 3-х тт. М., 1978. Т. I. С. 42), а также в ПСС П. И. Чайковского. М., 1959. Т. 5. С. 239 (примеч.) автором текста назван Апухтин. То же относительно романса «Забыть так скоро» (как и романса «Он так меня любил» — см. ст-ние № 320 и примеч. к нему) утверждается в статье В. В. Яковлева «Чайковский и Апухтин» (Яковлев В. В. Избранные труды о музыке. М., 1964. Т. I. С. 376.). Однако ни в тетрадях Карцова, ни в каких-либо других источниках такого ст-ния нет. Ф. Н. Малинин в неопубликованной статье «Апухтин и Чайковский» (ДМЧ), ссылаясь на рассказ А. В. Панаевой-Карцовой, полагал, что текст ст-ния для романса был значительно изменен композитором, вследствие чего между друзьями возникла размолвка. Версия Малинина приводится в сб. «Музыкальное наследие Чайковского: Из истории его произведений». М., 1958. С. 435.

336. Печ. впервые по черн. автографу ПД (собр. П. А. Дашкова). Автограф карандашом на отдельном листе с датой и приписной: «у Чес⟨нокова⟩ за обедом». Настроение, выраженное в ст-нии, характерно для некоторых произведений Апухтина не только в его стихах («Из Байрона» — № 327, «Минуты счастья» — № 114), но и в прозе («Дневник Павлика Дольского», 1891). Содержание ст-ния, а также склонность поэта к сочинению во время застолий, в частности, в ресторане Чеснокова, где он часто бывал (см. примеч. к ст-ниям «Сон» № 207, «Ал. В. Панаевой» № 300), дают основание атрибутировать ст-ние Апухтину. Настораживает, однако, то обстоятельство, что в собр. Дашкова среди автографов Апухтина есть списки рукой Апухтина ст-ний М. Ю. Лермонтова и А. К. Толстого.

337. Печ. впервые по черн. автографу ПД (собр. П. Я. Дашкова). Автограф карандашом на отдельном листе среди других автографов Апухтина, а также переписанных его рукой ст-ний М. Ю. Лермонтова и А. К. Толстого. Исчерпывающих оснований для окончательной атрибуции ст-ния Апухтину пока нет. Время написания ст-ния неизвестно.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. С фотографии С. Левицкого. 1880-е гг.

Между с. 224 и 225.
На вклейках 1—3, 5, 7 воспроизведены фотографии А. Н. Апухтина, хранящиеся в Музее Института русской литературы АН СССР.

4. На фотографии изображены (слева — направо): Н. Д. Карпов, поэт А. Н. Апухтин, братья В. Н. и Н. Н. Апухтины.

6. Фотография певицы А. В. Панаевой (по мужу Карцовой). 1870-е гг. См. о ней примеч. 199—200.

8. Памятник на могиле Апухтина (Александро-Невская лавра, Никольское кладбище в Петербурге). На памятнике (в 1950-е гг. перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища) высечена надпись из «Реквиема» поэта:

Дай ему, Боже, грехов отпущенье,
Дай ему вечный покой!
Вечный покой отстрадавшему много томительных лет.
Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!

С. 122. Фрагмент текста ст-ния «О Боже, как хорош прохладный вечер лета...» (1859) — копия Г. П. Карцова с авторской правкой ПД.

С. 271. Неизвестный художник. Шарж на Апухтина. Музей Института русской литературы АН СССР.

С. 294. Автограф ст-ния «К моему портрету» (1887) // Альбом О. П. Козловой. ПД.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. ПАРОДИИ. ЭПИГРАММЫ. ЭКСПРОМТЫ

ПОЭМЫ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ПЕРЕВОДЫ. ПОДРАЖАНИЯ

С немецкого

С французского

С английского

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

II. КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

III. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ АПУХТИНУ

Апухтин А. Н.

А78 Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., М. В. Отрадина, сост., подгот. текста и примеч. Р. А. Шацевой.— Л.: Сов. писатель, 1991.— 448 с., 9 ил. (Б-ка поэта, Большая серия).
ISBN 5-265-02100-0

Стихотворное наследие А. Н. Апухтина (1840—1893) представлено в настоящем издании с наибольшей полнотой. Издание обновлено за счет 35 неизвестных стихотворений Апухтина. Книга построена из следующих разделов: «Стихотворения», «Поэмы», «Драматическая сцена», «Юмористические стихотворения», «Переводы и подражания», «Приложения» (в состав которого входят французские и приписываемые поэту стихотворения).

А $\frac{4702010102-071}{083(02)-91}$ 402—91 **ББК 84.Р1**

Алексей Николаевич Апухтин

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *Г. Г. Семенов*
Техн. редактор *Г. В. Мисюль*
Корректоры *Н. А. Корнетова, О. Э. Карпеева*

ИБ № 7843

Сдано в набор 25.01.91. Подписано к печати 29.10.91. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,94. Уч.-изд. л. 23,89. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1038.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36.

«Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, П-110, Чкаловский пр., 15

Вышли из печати:

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ТРАГЕДИИ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ XVIII – НАЧАЛА XX в.

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ